

КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В.И. ВЕРНАДСКОГО
ЧЕРНОМОРСКИЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ СЕРБСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИШТИНА-ЛЕПОСАВИЧ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ МАХАТМЫ ГАНДИ
СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО
«ШКОЛА МОЛОДОГО ПОЛИТОЛОГА»

**«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
И СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ:
ПРАВО СИЛЫ VS СИЛА ПРАВА»**

**Сборник научных трудов XI Международного
Харакского форума**

(Ялта, 5-7 ноября 2022 г.)

Под общей редакцией Т.А. Сеньошкиной

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2023

УДК 32 (31)
ББК 74.00
П 50

*Сборник зарегистрирован в системе
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)*

Главный редактор:

Т.А. Сеньюшкина, доктор политических наук, профессор.

Научный редактор:

Е.А. Сеньюшкин, кандидат политических наук, доцент.

Рецензенты:

Драган Танчич, доктор политических наук, профессор;

Раджив Кумар, доктор политических наук, профессор;

Миодраг Гордич, доктор политических наук, профессор.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

П 50 **Политическое пространство и социальное время: право силы vs сила права.** Сборник научных трудов XL Международного Харакского форума 5–7 ноября 2022 г., г. Ялта / Под общ. ред. Т.А. Сеньюшкиной; [науч.ред.: Е.А.Сеньюшкин]. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2023. – 384 с.
ISBN 978-5-907656-69-7

В сборнике размещены материалы XL Международного Харакского форума «Политическое пространство и социальное время: право силы vs сила права», состоявшегося в г. Ялта 5-7 ноября 2022 г. Раскрываются актуальные проблемы, связанные с ролью права в современном политическом пространстве и социальном времени. Книга будет полезна исследователям, занимающимся междисциплинарными исследованиями на стыке политологии, философии, правоведения, социологии и международных отношений.

**УДК 32 (31)
ББК 74.00**

ISBN 978-5-907656-69-7

© Сеньюшкина Т.А., 2023

© ИТ «АРИАЛ», макет, оформление, 2023

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В 2022 ГОДУ**

Андрив И.И.

*Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет политологии, кафедра политических институтов
и прикладных политических исследований,
студент 2 курса магистратуры
E-mail: andriiv99@mail.ru*

Пузанова А.Д.

*Санкт-петербургский государственный университет,
факультет политологии, кафедра политических институтов
и прикладных политических исследований,
студент 2 курса магистратуры
E-mail: anna.puzanova.901@mail.ru*

Аннотация. Данная работа нацелена на выявление трендов изменения содержания политических ценностей современной российской молодежи, определение их структуры и характера в российском и общемировом социокультурном контексте, анализ их влияния на политическое поведение российской молодежи в целом. Теоретико-методологической основой исследования является социокультурный подход, в соответствии с которым политические ценности рассматриваются как смысловые доминанты политического доверия и политического поведения. Эмпирическая часть исследования опирается на экспертный опрос с участием представителей политически активной молодежи, органов власти, связанных с реализацией молодежной политики, и учеными (серия экспертных глубинных нестандартизованных интервью), проведенный в октябре 2022 года.

Ключевые слова: молодежь, политические ценности, безопасность, справедливость, свобода, стабильность, политическое доверие, политическая культура.

TRANSFORMATION OF THE SYSTEM OF POLITICAL VALUES OF RUSSIAN YOUTH IN 2022

Andriiv I.I.

*Saint Petersburg State University,
Department of Political Institutions and Applied Political Studies,
2nd year Master's student
E-mail: andriiv99@mail.ru*

Puzanova A.D.

*Saint Petersburg State University,
Department of Political Institutions and Applied Political Studies,
2nd year Master's student
E-mail: anna.puzanova.901@mail.ru*

Abstract. *This work is aimed at identifying trends in changing the content of modern Russian youth political values, determining their structure and character in the Russian and global socio-cultural context. And also an analysis of these trends impacting on the confidence of young people in political authorities and political behavior in general. The theoretical and methodological basis of the research is a socio-cultural approach, according to which political values are considered as semantic dominants of political trust and political behavior. The empirical part of the study is based on an expert survey with representatives of politically active youth, authorities associated with the implementation of youth policy and scientists (a series of expert in-depth non-standardized interviews) conducted in October 2022.*

Key words: *youth, political values, security, justice, freedom, stability, political trust, political culture.*

Система политических ценностей российской молодежи и механизмы ее формирования неоднократно являлись предметом исследований и научных дискуссий. Вопросы ценностных приоритетов молодежи обсуждаются на всех уровнях — федеральном, региональном, локальном, поскольку они напрямую связаны с интеграцией новых поколений российского общества в социальную, экономическую и политическую жизнь страны, с обеспечением территориальной целостности российского государства, с решением задачи поступательного развития нашего общества в исключительно сложный для страны период турбулентности.

Предшествующими исследователями доказано, что жизненные ориентиры и ценности молодого поколения оказывают значительное влияние на социальный и политический климат в любой стране [1]. Современная российская молодежь формирует свою систему ценностей в условиях кардинальных изменений общественного сознания. Формирование личности у молодого поколения происходит под влиянием очень разных, но одинаково значимых и беспрецедентных факторов. Только за последние 2-3 года российское общество столкнулось с колоссальным количеством принципиально новых для себя событий. Это и пандемия коронавируса, повлекшая за собой перемещение многих аспектов жизни в онлайн-пространство, и резкое ограничение мобильности. И волны различных протестных акций, прокатившиеся по всей стране в 2020-2021 гг, связанные с появлением несистемной оппозиции. Также следует отметить и эскалацию российско-украинского конфликта и, как следствие, кризис дипломатических отношений с большинством европейских стран, что привело к вынужденной изоляции России. Старшее поколение, являющееся одним из основных трансляторов жизненных установок для молодежи, тем не менее оказалось в ситуации отсутствия достаточной моральной подготовленности и соответствующего опыта проживания и осмысления событий, эквивалентных пандемии или специальной военной операции.

Основной целью данной работы стало выявление трендов изменения содержания политических ценностей современной российской молодежи, определение их структуры и характера в российском и общемировом социокультурном контексте. Теоретико-методологической основой исследования является социокультурный подход, в соответствии с которым политические ценности рассматриваются как смысловые доминанты политического поведения. Эмпирическая часть исследования опирается на экспертный опрос представителей политически активной молодежи, органов власти, связанных с реализацией молодежной политики и ученых (серия экспертных глубинных нестандартизованных интервью), проведенный в октябре 2022 года. К участию в опросе было привлечено более 30 экспертов из разных регионов РФ.

Важно отметить, что несмотря на то, что возрастные границы молодежи сейчас определяются очень широко — от 14 до 35 лет, под молодежью в данной работе мы понимаем категорию людей, в силу возраста имеющую в политическом, идеологическом и смысло-жизненном отношении такую систему ценностей, которая отличается переменчивостью и подвижностью наполняющих ее

сущностных компонентов [2, с. 107]. Однако особое внимание в исследовании отводится так называемой «студенческой молодежи», потому как в годы студенчества ценностные ориентиры личности подвержены трансформации в наибольшей степени [3]. Такое замечание представляется значимым ввиду специфики анализируемых в работе эмпирических данных, так как подавляющее количество опрошенных экспертов либо сами являются представителями молодого студенческого актива, либо имеют опыт тесного взаимодействия (в случае с представителями власти, преподавателями и исследователями) именно со студенческой молодежью.

Экспертные оценки актуальной на сегодняшний день системы ценностей российской молодежи различны. Однако большинство экспертов отметило общую тенденцию: молодежь сегодня переживает буквально «состояние шока» от стремительно изменившейся действительности. Привычная устоявшаяся картина мира меняется крайне быстро, следствием чего становится состояние «потерянности». Тем не менее, эксперты схожи во мнении, что в ядро политических ценностей, т. е. совокупность ключевых категорий, через которые раскрывается содержание ценностных понятий политического, все так же входят категории «безопасность», «справедливость», «свобода». Аналогичный набор основополагающих ценностей был выявлен и более ранними, «доковидными» исследованиями [4, с. 107]. Дополняет перечень ключевых ценностных категорий понятие «стабильность». Как практически единогласно отмечают эксперты, на сегодняшний день запрос на стабильность наблюдается на всех уровнях от общегосударственного до бытового.

Но несмотря на сохранение основного перечня ценностных ориентаций, внутреннее содержание понятий претерпело ряд существенных трансформаций. Прежде всего, понятие «безопасность» становится более персонализированным, приобретая значение именно личного благополучия (финансового, политического). Собственная безопасность и безопасность семьи (ближайшего окружения) перестала быть синонимом безопасности исключительно для государства и стала, по сути, приматом формирования жизненной стратегии для большинства молодежи. Кроме того, в подавляющем большинстве случаев кардинальные изменения претерпел вектор субъектного восприятия безопасности. Если ранее государство, выступающее в качестве субъекта безопасности, воспринималось молодежью, преимущественно, как основной институт, обеспечивающий и гарантирующий её для граждан, то сегодня под

безопасностью значительная часть молодежи понимает защищенность от действий самого государства.

Понятие «безопасность» неразрывно связано с понятием «стабильности». Под «стабильностью» сегодняшней молодежи мыслится «уверенность в завтрашнем дне и понимание того, как им в этот завтрашний день прийти». В соответствии с экспертным мнением, утрата стабильности воспринимается остро и болезненно: «молодежь сейчас во всех направлениях потеряна. Она во многом не видит целей, не видит завтрашнего дня». Это обусловлено отсутствием четкого понимания ближайшего будущего, отсутствием представления о грядущих в недалекой перспективе событиях. Состояние перманентной неопределенности увеличивает общественный запрос на стабильность, возводя её в один ряд с основополагающими ценностными ориентациями.

Ценность справедливости остается актуальной для российской молодежи сквозь года [1]. Любопытен компонент, «связанный с пониманием справедливости как правды, и честности, и искренности, как установки на получение этой правды». Однако рядом экспертов отмечено, что понятие «справедливость» в современных условиях приобрело двойственное значение. С одной стороны, справедливость потеряла значение «всеобщего блага». Для представителя молодежи России сейчас крайне важно, чтобы государство и общество справедливо относилось именно к нему и его близкому окружению, а «остальное не так уж и важно, если не касается меня напрямую». Речь в данном случае идет конкретно о политической активности и политическом участии, уровень которых крайне низок в случае несправедливости к отдельным гражданам. С другой стороны, для отдельных групп современной молодежи характерно напротив «обостренное чувство справедливости», предполагающее недовольство и возмущение малейшим проявлением несправедливых действий со стороны государства в отношении граждан, и отнюдь не обязательно, людей из близкого окружения.

«Свобода» также является ценностной категорией, которую эксперты отметили наиболее актуальной на сегодняшний день для российской молодежи. Понятие «свободы» как ценности, в свою очередь, также претерпело изменения. Сегодня свобода может быть интерпретирована как в политическом, так и в общем, бытовом смысле. Молодежь особенно остро ощущает любые проявления ограничения свободы, на фоне чего происходит слияние некоторых изменений. Свобода в политическом смысле предполагает отсутствие жестких ограничений и санкций на выражение мнения, возможность

совершать определенные легальные действия с целью выражения гражданской позиции и право на конструктивную критику власти. Свобода в общем смысле предполагает свободу индивидуального выбора (стиль одежды, брендовость, поп-культура, путешествия). Как отмечали представители молодежного актива: “Для молодежи очень важна, к примеру, поп-культура и брендовость - очевидно, не для всех, но для ряда представителей молодежи это актуально. И с уходом, к примеру, импортных брендов у них формируется тоже негативное отношение [к власти]...”. То есть мы наблюдаем, как свобода в выборе брендов, культурных ценностей, передвижения для части молодежи перемещается из спектра сугубо личных ценностей в разряд ценностей политических.

Стоит также отметить, что ряд экспертов упомянули возрастающую в политической системе координат молодежи роль экономических ценностей (заработка, уровня и качества жизни, материальных благ, комфорта). От них стали напрямую зависеть и ценности политические. Причины такой трансформации называют разные: от пагубного влияния на молодежь “западных ценностей” и “западной пропаганды” до целенаправленной госполитики РФ.

Среди ценностей, значение которых существенно возросло, отмечается также патриотизм. На фоне проведения специальной военной операции в условиях активной государственной политики патриотизма вместе с ростом оппозиционных настроений значительно выросло число молодежи, разделяющей патриотические взгляды. Однако же и смысловое наполнение “патриотизма” претерпело изменения: по мнению экспертов, нынешний патриотизм сводится к политическому “согласию”, к разделению позиции действующей власти, и в значительно меньшей степени олицетворяет собой активные действия, направленные на благополучие Родины.

Подводя итог вышесказанному, представляется возможным дать собирательную характеристику ключевых политических ценностей российской молодежи, а также выделить основные тенденции трансформации системы её политических ценностей с учетом изменений в постковидный период турбулентности. Ядро политических ценностей молодежи в общем виде, несмотря на внутри- и внешнеполитические изменения, не подверглось существенной деформации. Так, структурообразующими элементами по-прежнему являются такие ценностные категории как “безопасность”, “справедливость”, “свобода”. Новым компонентом, дополняющим этот перечень и также входящим в число структурообразующих, является “стабильность”.

При этом внутреннее содержание и смысловое наполнение обозначенных категорий претерпело изменения. Прежде всего, персонализация и отход от национального и общегосударственного понимания и восприятия ценностных категорий. Ценности, ранее воспринимавшиеся как коллективные, перешли в разряд индивидуальных.

Другая форма трансформации - взаимная “ассимиляция” смысложизненных и политических ценностей. В современных реалиях значение политики в жизни всего населения страны значительно возросло. Итогом данного процесса становится стирание границ между смысложизненными и политическими ценностями: первые политизируются, вторые начинают играть определяющую роль в формировании жизненных ориентаций и стратегий.

Список литературы

1. Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования: монография (под общ. ред. С.В. Чуева). М.: ИД ГУУ, 2017. 131 с.
2. Ежов Д.А. К проблеме формирования системы политических ценностей российской молодежи // Власть. 2018. №8. С. 107-110. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-formirovaniya-sistemy-politicheskikh-tsennostey-rossiyskoy-molodezhi> (дата обращения: 08.10.2022).
3. Тырнова Н.А. Особенности формирования политических ценностей и ориентаций молодежи / Н.А. Тырнова, Л.И. Зулкорнеева, А.С. Исагалиева. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2014. № 3 (62). С. 757-760. URL: <https://moluch.ru/archive/62/9529/> (дата обращения: 19.10.2022).
4. Селезнева А.В. Политические ценности российской молодежи: социокультурные особенности и идентификационный потенциал // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11. № 3. С. 20-32. DOI: 10.18721/JHSS.11302
5. Чуев С.В., Тимохович А.Н., Гришаева С.А. Политические ценности российской молодежи: материалы исследования // Власть. 2017. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-tsennosti-rossiyskoy-molodezhi-materialy-issledovaniya> (дата обращения: 10.10.2022).

6. Салин П.Б., Петросянц Д.В. Региональные особенности социально-политической ориентации и активности российской молодежи // РППЭ. 2018. №11 (97). URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-osobennosti-sotsialno-politicheskoy-orientatsii-i-aktivnosti-rossiyskoy-molodezhi> (дата обращения: 20.10.2022).
7. Новиченко О.В. Основные тенденции трансформации политических ценностей молодежи современной России // Теория и практика общественного развития. 2013. №9. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-tendentsii-transformatsii-politicheskikh-tsennostey-molodezhi-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 22.10.2022).
8. Иванова С.Ю. Гражданская идентичность и политические ценности молодежи России // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. №2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-identichnost-i-politicheskie-tsennosti-molodezhi-rossii> (дата обращения: 22.10.2022).
9. Селезнева А.В. Молодежь в современной России: политические ценности и предпочтения. М.: Аргмак-Медиа, 2014. 276 с.

НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Оля Арсениевич

*доктор управленческих наук, профессор,
Институт сербской культуры Приштина / Лепосавич, Республика
Сербия
E-mail: arsenijevicolja@gmail.com*

Ненад Перич

*доктор управленческих наук, профессор,
Институт сербской культуры Приштина / Лепосавич, Республика
Сербия
E-mail: nesaperis@hotmail.com*

***Аннотация.** Глобализация не является чем-то новым. Она была у нас всегда, и сейчас кажется, что она длится слишком долго, или, что еще печальнее, что ей нет конца... Сегодня она находит отражение в борьбе за глобальное единство и реализацию величайшей*

радости экономической глобализации — как можно больше одинаковых и одинакового (начальник только что сменил военную форму на итальянский костюм и мобильный телефон Ericsson...).

Единственная определенность в глобализации - это идея о том, что кто-то другой заботится о вашей судьбе вместо вас, и, конечно, под всегда приемлемым лозунгом «Дайте человеку одну рыбу, и он получит пропитание на день, научите его ловить рыбу, и он получит пропитание на всю жизнь», и так, по принципу обучения на протяжении всей жизни, мы постоянно получаем «уроки рыбалки». Помимо применимых и функциональных знаний на семинарах по труду и правам человека, мы потеряли основной принцип гражданского общества, в соответствии с которым люди должны управлять сами собой. Мы жители нового брендированного мира, над товарами и продуктами стоит логотип производства, фирменный стиль, который завоевывает и действует на общественное и индивидуальное пространство, на школьные учреждения, личность молодежи. Сегодня бренды стали лучшим и крупнейшим образовательным инструментом в мире. Где здесь творческие, предприимчивые и оригинальные личности? Может быть, они будут немного похожи на Тесея, следующего за своей нитью, когда он входит в Лабиринт Минотавра, но это единственный способ остаться самим собой, не соглашаться с кодексами международной арены потребительства, сохранить что-то личное, что-то выше глобального гражданства, глобального закона, глобальной ответственности. Могут ли они способствовать сопротивлению новому типу корпоративно-медийного рабства, могут ли они разоблачить последствия глобалистской экономики, прояснить все те, казалось бы, незаметные изменения, которые составляют суть и обратные стороны глобальных мировых тенденций?

***Ключевые слова:** интернет, дети, молодежь, влияние, последствия глобализации, образование, воспитание.*

NEOLIBERAL CHANGE IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Olja Arsenijević

*PhD, Full professor
Institut of Serbian Culture Pristina – Leposavic, Serbia
E-mail: arsenijevicolja@gmail.com*

Nenad Perić

PhD, Full professor

Abstract. *Globalization is not something new. We have always had it, now it seems that it lasts too long, or even sadder, that it has no end ... Today, it is reflected in the struggle for global unity and the achievement of the greatest happiness of economic globalization - the more of the same (the boss has just replaced a military uniform with the Italian suit and Ericsson mobile phone ...). The only thing certain in globalization is the idea that someone else takes care about your destiny for you, of course, hidden behind everlasting acceptable slogan 'If you give a fish to a person, you will feed him only for a day. If you teach him to catch fish, you feed him forever'. Accordingly, the principle of the lifelong learning continuously gives us "the fishing lessons". In addition to the applicable and functional knowledge in seminars on labor and human rights, we have lost the basic principle of the civil society: that people themselves should rule themselves. We are residents of the brand-new world, where the product logo is more worthy than goods and products, and where the brand identity spreads and acts on public and individual space, influencing the institution of school and the identity of young people. Brands today have become the best and the biggest educational device in the world. Where are talented and entrepreneurial individuals here? It may look a bit like Theseus who follows his thread while entering the Minotaur maze, but that is the only way to be on one's own, not to accept codes of the international arena of consumerism, and keep something personal, something beyond the global citizen, global rights, and global responsibility. Can they encourage resistance against a new type of the corporate-media slavery? Can they reveal consequences of the global economy, and clarify all those apparently unnoticeable changes which make the core and the reverse side of the global world trends?*

Key words: *globalisation, consumerism, neoliberalism, education.*

Введение. Глобализация, особенно после падения Восточного блока, пропагандирует серьезные изменения в форме новой экономической идеологии, которая одновременно считает себя подходящей духовной основой для общих социальных, экономических, культурных и образовательных изменений. Однако кажется, что глобализация достигла своего апогея во время мирового банковского краха, начавшегося в 2007 году.

«Волна радикального рыночного мышления, захлестнувшая за последнюю четверть века все континенты, в значительной степени

разрушившая старый порядок, потихоньку исчезает. Она исчезает в Южной Америке, Европе и отчасти даже в Северной Америке. Результатом является нестабильный финансовый рынок, который уничтожил многое из того, что было предусмотрено в нашем национальном бюджете. Обещания, предлагаемые идеологией радикального рынка, остаются невыполненными, люди ищут альтернативу. Если рынок не умнее политики, то, где политика, которая была бы умнее рынка?» [4].

Когда Эрхард Эпплер писал эти слова в апреле 2008 года, он и не подозревал, что кризис обернется глобальным финансовым крахом. Чем дело закончится, пока неизвестно. Несомненно только то, что *неолиберальная* идеология оставила глубокий след на социальном, образовательном и политическом уровне, чего многие современники, возможно, еще не заметили, поскольку такое понимание мира успешно пропагандировалось и навязывалось как единственно разумное на протяжении десятилетий.

Радикальные перемены и потрясения происходили незаметно, и эти перемены сначала отражались как *неолиберальное мировоззрение*, как новый дух времени, проникший вплоть до государственных институтов. Новое «неолиберальное» понимание опирается на доминирование *деловых и экономических* предположений, которые ни в коем случае не были «доказаны» эмпирически. Эти изменения больше основаны на догмах, согласно которым следует испытывать доверие к «самооздоровлению» рынка и конкуренции.

Освобождение рынка, перевод всей социальной деятельности на рынок, дерегулирование всех государственных ограничений и контроля - являются лейтмотивами радикального рыночного общества с тенденцией к глобальной экспансии. Все это укладывается в «четыре свободы» Европейского Союза, а именно *свободное движение товаров, свободное движение лиц, свободное движение капитала и свободное движение услуг. Эта рыночная логика подавляет логику других социальных сфер, экономики, политики, права, социологии, философии, образования.*

«Политика спроса требует, чтобы государство перестало стимулировать экономический спрос и перестало помогать социально незащищенным и безработным, используя имеющиеся в его распоряжении налоговые средства, а вместо этого вкладывало эти средства в оздоровление компаний, их инвестиционные решения, в потенциал инноваций, в их конкурентоспособности на мировом рынке; государство должно устранить остатки социалистической политики регулирования рынка труда, снизить налоги на компании...

отменить все установленные им рыночные ограничения и рыночную конкуренцию и снизить налоги на граждан» [3, с.12].

Несмотря на то, что слово «неолиберальный», которым обозначают этот поворот, исторически неверно, оно сумело найти свое место в публичном дискурсе, хотя его употребление и вызвало противоречивые мнения. Начиная с 30-х годов прошлого века интернациональная группа интеллектуалов - экономистов, социологов, философов, искала как политическое, так и экономическое третье решение в дополнение к существующему лэссэ фэр либерализму XIX века, утратившему авторитет из-за мирового экономического кризиса 1929 года, и социалистических идей плановой экономики.

«Новизна неолиберализма заключалась в политическом осмыслении связи государства и рынка, которое сопровождалось принятием расширения функции государства. Неолибералы считали, что основной задачей государства, в отличие от доктрины лэссэ фэр либерализма, является обеспечение как капиталистической рыночной экономики, так и индивидуальной свободы и возможности изменить свое социальное положение. Это вызвало государственное вмешательство, которое отнюдь не было маргинальным» [12, с. 26].

Однако государство не должно вмешиваться в экономические вопросы.

Коммерциализация как политический дискурс

К кругу «неолибералов» относились и такие экономисты как Людвиг Эрхард и Вильгельм Репке, теоретически обосновавшие и экономически и политически реализовавшие «социальную рыночную экономику» послевоенной эпохи. Они отстаивали идею баланса между экономическими интересами и всеми остальными социальными отраслями, с одной стороны, но и общим благом, с другой. «Рыночная экономика — это еще не все. Она должна быть интегрирована в более высокий порядок, основанный не только на спросе и предложении, рыночных ценах и конкуренции».

Если сравнить с нынешней ситуацией, то становится ясно, что современная, глобализованная, экономическая система не имеет много общего с послевоенной экономической системой, поэтому называть ее «социальной рыночной экономикой» неправильно. Сегодняшней практики отделения реальной экономики от финансовой раньше не существовало. Поскольку международная финансовая экономика существует независимо от национальных экономик, она вряд ли приносит пользу общему благу. Похожая ситуация и с международными концернами. Диктатура ценностей для акционеров

устанавливает экономические правила, по крайней мере, когда речь идет о компаниях, зависящих от биржи. Старая концепция представляла нечто совершенно иное. «По мнению классических неолибералов, мерой является человек, а не прибыль. Функция экономики состоит в том, чтобы приносить пользу человеку» [цит. по: 9, с. 106]. Социальная рыночная экономика основывалась на сочетании «ордолиберализма» (согласно которому перед государством стояла задача подчинить экономику общему благу) и принципов социальной науки.

После краха международной финансовой системы в 2008 году «новая» неолиберальная система стала предметом экономических и, следовательно, политических дискуссий, исход которых пока неизвестен. Создается впечатление, что она несет ответственность за разделение общества на все большее число бедных и уменьшающееся количество богатых, как в Европе, так и в глобальном мире, а все более напряженные дебаты вызывают сомнения в том, что именно в этом и заключается суть этой экономической системы. Капитализм, провозглашающий капиталистические интересы и рыночную конкуренцию принципом человеческой жизни, безнравственен, предосудителен и неприемлем. Единственной целью капитализма является прибыль, в отличие от нее, рыночная экономика имеет более широкие перспективы: учитывает различных участников рынка, сам рынок и влияющие на него факторы, но не являющиеся его неотъемлемой частью. По мнению некоторых аналитиков, капитализм можно было бы привести в порядок путем проведения реформ, но тогда это был бы не капитализм, а социальная рыночная экономика, рамки которой гарантировало бы демократическое государство.

«Капитализм соблазняет ложными обещаниями. Он гласит: Следуйте моим правилам, рискуйте, и вы будете хорошо вознаграждены. Хотя мы пренебрегаем старыми добрыми ценностями, разрушение также является актом созидания, и в конце концов процветание неизбежно. [...] Не нужно быть марксистом, чтобы понять, что обещания капитализма больше не работают. [...] Еще вчера экономические элиты хотели унижить государство и превратить его в слугу в казино под названием капитализм. Сегодня они с позором звонят и просят ее спасительной руки, чтобы заплатить их гильдии. [...] До недавнего времени действовала золотая валюта: выше прибыль — больше рабочих мест, и после короткой ночи застоя наступит солнечное утро как признак экономического возрождения. Именно с такими словами красно-зеленая политическая повестка и их советники обращались к избирателям в ходе предвыборных кампаний. Если мы

экономим, экономика восстановится, что в конечном итоге пойдет на пользу всем нам. [...] Ситуация прямо противоположная: вместе с увеличением доходов увеличивается и количество представителей низшего класса. Новое исследование Немецкого института экономических исследований подтверждает, что средний класс, который считался стабильным, сокращается значительными темпами» [1].

Этот факт не удивляет, если обратить внимание на работу Джозефа Стиглица, лауреата Нобелевской премии по экономическим наукам, который говорит, что Международный валютный фонд (МВФ) из-за своей ограниченности и идеологически сложных условий предоставления финансовой помощи несет ответственность за крах многих экономик, в том числе и ельцинской России [14].

«Основная проблема заключается в мощности пенсионных и инвестиционных фондов. [...] Управляющие фондами хотят видеть высокие и желательно растущие доходы каждые три месяца. По этой причине они требуют, чтобы прибыль доставалась исключительно владельцам акций. Хотя этот личный интерес можно понять, он не совпадает с интересом компаний. Акционеру нужна соответствующая процентная ставка. Однако большую часть прибыли необходимо reinvestировать в инновации, исследования и новые машины. Окупятся ли эти вложения, будет видно только через несколько лет. Именно по этой причине спекулянты не заинтересованы в этом виде инвестиций. Они создают политику, основанную на акционерной стоимости, которая ставит фирму на службу краткосрочным прибыльным интересам. Если также доходы совета директоров зависят от движения акций на бирже, то они переходят в другой лагерь. Когда дело доходит до прибыли, они решают уже не в пользу компании, а в пользу фондов» [6].

В апреле 2008 года бывший президент Центрального банка США Пол Волкер сказал, что финансовая экономика принесла огромную прибыль, но нет никаких доказательств того, что она помогла национальной экономике и обществу. По его словам, рост и производительность в Соединенных Штатах Америки соответствуют цифрам 1950-х и 1960-х годов, только тогда богатство распределялось лучше. «Проще говоря: новая финансовая система со всеми ее блестящими участниками и высокими комиссиями не прошла рыночного теста» [11].

На протяжении десятилетий неолиберальная пропаганда через средства массовой информации и заявления ведущих заинтересованных групп создавала впечатление, что изменения,

охватываемые термином «глобализация», являются неизбежным естественным явлением. На самом деле экономическая и финансовая система, которую мы подразумеваем под этим термином, была создана с политическим замыслом, и именно благодаря этому она может быть изменена и модифицирована политически.

Начиная с 70-х годов прошлого века, Маргарет Тэтчер в Великобритании и Рональд Рейган в Америке начали реализовывать сегодняшнюю глобализацию на экономическом и политическом уровнях и расширили ее путем заключения международных договоров, в частности путем принятия Вашингтонского консенсуса, который был принят в 1990 г. в сотрудничестве между политиками, финансовыми учреждениями и экспертными комиссиями. Вашингтонский консенсус основан на таких неолиберальных идеях, как, например, снижение роли государства и либерализация рынка как основных условий экономического роста. Глобализация стала в первую очередь *политическим*, и только потом *экономическим* явлением. Иными словами, без политической воли и защиты, согласованных в международных рамках, капитал, стремящийся к постоянному увеличению, не смог бы выжить. Даже минимальный налог на каждое перемещение капитала изменил бы необходимые для этого условия. Особенно Великобритания и США предотвратили принятие более ограничительного политического регулирования финансовой системы. Становится все более очевидным, что основные недостатки этой системы носят структурный характер и не связаны с отсутствием корпоративной или менеджерской морали. Часто можно услышать мнение, что причиной провала является «жадность» «некоторых» участников, которые, разумеется, не являются хорошими представителями этой отрасли.

Остается выяснить, что думать об экономической системе, которая уже годами вознаграждает такое отношение. Если политики апеллируют к нравственному сознанию вместо того, чтобы определять политико-экономические рамки, необходимые для экономических действий, направленных на общее благо, то, похоже, они действительно некомпетентны. Именно политики несут ответственность, потому что с точки зрения гражданина основное различие между политикой и экономикой как раз и состоит в том, что политиков, в отличие от предприятий, можно избирать или заменять. Так *Шнигел* пишет на тему финансового скандала о «серьезном преступлении, совершенном банкирами и терпимом политиками» и о «величайшей краже всех времен» (2008). Насколько необходима социальная и экономическая идеология, присущая

«глобализированной» системе, показывает знаменитое высказывание Маргарет Тэтчер: «Такой вещи, как общество, не существует. Есть отдельные мужчины, отдельные женщины, и есть семьи».

В настоящее время трудно предсказать последствия краха международной финансовой системы. Однако политическая экономия не является предметом данной статьи, а рассматривается лишь как ее рамка. Здесь в первую очередь речь идет о *последствиях*, которые необходимо рассматривать с нескольких сторон. Есть обоснованное сомнение, что социальные и гуманитарные науки в отношении их целей, форм организации, образования с хозяйственно-экономической, прибыльной точки зрения *коммерциализируются*. Поскольку эта форма экономизации видна, ее относительно легко подвергнуть критике и сделать предметом общественного обсуждения и политического дискурса.

Как и в случае с другими образовательными и политическими вопросами, и здесь речь идет о главной *роли государства*.

Согласно господствующему неолиберальному пониманию, государство должно приватизировать все сферы, которые частный сектор якобы будет регулировать лучше и эффективнее. Поэтому государство не должно стоять на пути частного капитала даже в сфере образования. Тем временем появилось сопротивление приватизации, которое носит не исключительно принципиальный характер (из-за продажи национального имущества), а является результатом предыдущего опыта приватизации компаний. Приватизация не является экономическим лекарством от всех проблем, особенно не по вопросам общего интереса, а когда дело касается образования, есть и другие важные детали, на которые стоит обратить внимание.

Только государство, а не рынок, может направить свои действия на общее благо, только демократическое государство способно реализовать волю всех избирателей, только оно может помочь незащищенным гражданам и финансировать, и реализовывать экономически невыгодные проекты, но значимые с политической точки зрения.

К сожалению, именно в развитых странах мы наблюдаем влияние антигосударственных движений 68-ого (хотя и возникающих по совершенно иным мотивам), слившихся с современными экономико-либеральными. Если бы были замечены какие-либо признаки явных или скрытых авторитарных, если не сказать «фашистских» тенденций, сразу бы появились попытки ослабить влияние государства, не допуская его вмешательства в радикализацию рынка. Государство больше не считается местом, где все подчинено

общему благу, а граждане должны быть только потребителями. К клиенту требований нет, по крайней мере, не столь очевидных.

Сегодня отчетливо обнажаются последствия глобалистской экономики, начавшейся в 90-х годах прошлого века, транспарентны все, казалось бы, незаметные изменения, произошедшие после взрыва маркетинговых стратегий мультинациональных корпораций. Культурологические анализы и проблемы в новых условиях информатизации, то есть способ, при помощи которого сегодня функционирует корпоративная Америка, напоминает о темной и безрассудной стороне капитализма. Если сослаться на слова индонезийского писателя Ю.Б. Мангунвиджая (16.07.1998) «*Возможно, это еще не видно на поверхности, но уже кипит внутри*», мы должны спросить себя: вступили ли мы в новый тип корпоративного и медийного рабства?

Мы уже видим признаки другого типа глобальной деревни, где экономический разрыв расширяется, а культурный выбор сужается. Это деревня, где мультинациональные корпорации вместо улучшения своей глобальной деятельности с возможностью трудоустройства и новых технологий для всех в равной степени, эксплуатируют беднейшие страны для собственной выгоды. Это деревня, в которой живет Билл Гейтс с накопленным богатством, принесенным ему рабочей силой, классифицируемой как временные работники... Это деревня, где мы действительно связаны друг с другом сетью брендов — IBM утверждает, что их технологии охватывают весь земной шар, но под этой сетью скрывается дешевая рабочая сила из стран третьего мира (часто пятнадцатилетние девочки), производящая чипы и батареи для компьютеров, которыми, кстати, они не умеют пользоваться.

Приватизация, развитие торговли способствуют дезинтеграции общества и ослаблению лояльности. Везде одинаково, общество становится потребительской деревней, онемевшей и находящейся под постоянным наблюдением. Желание пообщаться находит удовлетворение в другом месте, через спектакль, продающийся нам в виде симуляции; «улицы» и «кварталы» из телесериалов имитируют пространство, которое глобализация разрушает на наших глазах, в реальности.

Астрономический рост богатства и культурного влияния транснациональных корпораций можем документально проследить на примере одной (на первый взгляд) безобидной идеи, разработанной теоретиками менеджмента в середине восьмидесятых: успешные корпорации должны в первую очередь производить *бренды*,

идентичность, а не продукты. Хотя в корпоративном мире понимали, что поддержка торговой марки важна, до тех пор основной заботой любого солидного производителя было производство товаров. С наступлением восьмидесятых годов, под давлением многолетней рецессии (возможно, именно потому, что индустриальная экономика утратила важность производства товаров), некоторые из сильнейших производителей в мире начинают давать сбои. Преобладающее мнение состояло в том, что корпорации громоздки: они владеют слишком большим количеством товаров, нанимают слишком много рабочих и обременены слишком большим количеством товаров. Именно тогда начал зарождаться новый тип корпораций и конкурировать на рынке с традиционными американскими производителями: это были Найк, Майкрософт, Интел...

Эти пионеры остроумно пришли к выводу, что производство товаров было лишь второстепенной частью их деятельности и что благодаря победе либерализации торговли и реформы трудового законодательства они могли производить свою продукцию на заводе по контракту, чаще всего в зарубежных странах. То, что производили эти компании, в основном были не вещи и товары, а *имидж их торговых марок*. Их настоящая работа заключалась в маркетинге, а не в производстве. Излишне говорить, что эта формула оказалась чрезвычайно прибыльной, ее успех заставил компании конкурировать в гонке за бестелесным: тот, кто владеет меньшим, кто имеет самый короткий список выплат и производит самый мощный символ и концепцию в качестве противовеса продукту, является победителем гонки. Происходит своего рода парадокс: кажется, что гиганты объединенных сил становятся все больше и больше. Реальный ключ к пониманию этих изменений заключается в понимании того, как в нескольких важных отношениях — но не с точки зрения прибыли — эти объединенные компании на самом деле уменьшаются и «сокращаются». Их кажущийся размер был лишь самым эффективным путем к их настоящей цели: *лишить мир продуктов*.

Поскольку многие новые производители уже не производят товары и не рекламируют их, а покупают товары и маркируют их, эти компании постоянно ищут новые творческие способы создания и укрепления имиджа своих брендов. Для производства товаров требуются заводы, машины, печи, молоты и тому подобное, но для создания *бренда* требуется совершенно другой набор инструментов и материалов; для этого требуется парад расширения бренда, постоянное обновление маркетинговых идей и, прежде всего, новые рынки для распространения идеи самого бренда.

Почти каждый город испытал те или иные вариации трехмерной оккупации и размещения брендов на зданиях, автобусах, автобусных остановках, такси. Где-то по пути мера была потеряна, так что баланс между небрендовым и брендированным миром возобладал, благодаря средствам массовой информации, на эту, другую сторону — особенно с взрывом брендов в журналистике, журналах, веб-сайтах, телевизионных программах. Брендирование музыки быстро распространялось: знаменитые рок-звезды пели в рекламах для пива, Найк брендировала мир спорта и превратила спортсменов в мировых суперзвезд.

Мощная рыночная сила, *подростковое потребление*, функционирующее по принципу «если тебе удастся продать одному ребенку - ты продашь всем в его классе и школе», корпоративный сектор испытал всплеск творческой энергии на молодежном рынке — классном, альтернативном, модном — как бы вы это ни называли, это был идеальный образ для производственных компаний, стремящихся стать доминирующими брендами.

Эта корпоративная манипуляция идентичностью бренда коварно и открыто влияет как на общественное, так и на индивидуальное пространство, на общественные учреждения, такие как школы, на идентичность молодых людей, на концепцию национального и на возможности безбрендового пространства. Вопрос «Крутой ли я?» стал вездесущим — не только в школах, классах и коридорах, но и в деятельности могущественных корпораций.

Брендированный мир и образовательное пространство

Сила нового брендированного мира не обошла стороной и образовательное пространство.

Бренды окружают нас повсюду — на молодежных концертах, в их комнатах, на сцене, где живут их любимцы, в онлайн-чатах, на баскетбольных площадках — и, конечно же, в местах, где молодежь собирается, разговаривает, тайком курит, где формируют мнения, отношения, где проводят часы и часы свободного времени. Это место — школа, и, конечно же, бренды проникли там и стали образцом подросткового нарушения запретов.

Молодежный рынок, как неиссякаемый источник новых доходов, стал новой областью маркетингового анализа. Конечно, бренды стали пионерами в своем подходе к молодежи, потому что они вошли в систему образования, присоединившись к электронной эпохе, и начали общаться со студентами и учениками таким образом, который

они понимают и который их свяжет. Это просто означает, что корпоративный подход к школам равен подходу к современным технологиям и самому будущему, и в этом суть успеха брендов, всего за одно десятилетие сломавших барьер между рекламой и образованием. Именно развитие технологий вызвало проблемы с хронической нехваткой школьных финансовых фондов. В то время как школы столкнулись с постоянно растущим сокращением бюджета, расходы на содержание современной образовательной системы также росли, что вынуждало многие учебные заведения искать альтернативные источники финансирования. С развитием компьютерных технологий перед школами, которые не могли позволить себе даже современные учебники, вдруг встали задачи по оснащению классов и аудиторий аудиовизуальной техникой, видеокамерами, компьютерами, ноутбуками, новым учебным программным обеспечением, доступом в Интернет, а где-нибудь и с оборудованием для видеоконференций.

Если ценой модернизации является открытие школ брендами и рекламами, родители и учителя должны будут терпеть это с улыбкой. Крупные корпорации борются за то, чтобы их бренды стали не только субъектом обучения, не только факультативной, но и основной образовательной программой.

Конечно, в развитых странах это гораздо большая проблема — крупные компании таким образом ломают школьные двери и ничего не имея против образования. Ученики, безусловно, должны учиться, но почему бы не читать, писать, исследовать, рисовать что-то, связанное с определенной компанией и ее рекламной кампанией... обучать учеников и повышать осведомленность о бренде... формировать лучшие образцы школьного брендинга. Сегодня наши дети также соревнуются и побеждают в рисовании логотипов (разноцветных коров) для продуктов крупных компаний.

Не все пожелания учеников о марках встречают с одинаковым энтузиазмом. Ученики могут заметить, что война брендов также ведется через популярные автоматы по продаже напитков, установленные в школьных коридорах. Продвижение брендов можно встретить на факультетах — в коридорах, на заборах, в библиотеках студентов засыпают предложениями о кредитовании их образования и рекламными материалами.

Для корпораций группы учеников являются не только хорошими потребителями, но и носителями — представителями своей демографической группы. В глазах менеджера каждая столовая и каждый класс — целевая группа, ожидающая, чтобы ее заметили, а

успех в школах — это гораздо больше, чем просто «внедрение продукта».

Когда звездные бренды вошли в школы и кампусы, они принесли с собой свои ценности, внедряя новые концепции в учебные заведения, такие как корпоративный контроль имиджа, видимость логотипа, возможности расширения бренда и жесткая защита коммерческой тайны.

Однако есть еще один, более глубоко укоренившийся культурологический фактор, который помог брендам проникнуть в школы, и он связан с эффективностью самого брендинга. Многие родители и учителя считали, что сопротивлением ничего не добиться; детей сегодня все равно осыпают брендами, поэтому кажется, что защита образовательного пространства от коммерциализации менее важна, чем быстрый поиск нового дохода. А хакерам школьной рекламы совершенно не было стыдно играть на этом ощущении беспомощности родителей и учителей. Молодые люди подвергаются воздействию рекламы во многих аспектах своей жизни. Можем ли мы верить, что ученики достаточно мудры, чтобы отличить образовательные содержания от маркетингового материала? Это дало многим родителям, учителям, профессорам возможность рационализировать свою неудавшуюся попытку защитить это когда-то общественное пространство, утешая себя, что дети, ученики, студенты, всю эту рекламу, которую не увидели бы в школе и кампусе, они непременно увидят в Интернете, по телевидению, по дороге из школы домой. Какая разница в жизни этих переоцененных и недооцененных детишек если они увидят еще одну рекламу? Или две?

Помимо школ, еще более спорным является процесс проникновения брендов в университетские городки и кампусы, молчание профессоров и пассивное наблюдение за попранием принципов исследований, обсуждений и дискуссий, которые были основой академической жизни. И переполненность наших кампусов радикальными неудобными спрашивающими? Профессора гуманитарных наук, озабоченные своими постмодернистскими познаниями о том, что сама истина подлежит разным толкованиям, т.е. что она относительна, и так много профессоров считают, что спорить об относительной истине нецелесообразно — и тогда кто может сказать, что диалоги Платона более «авторитетны», чем Анастасия Фокса?

Помимо прозрачных примеров корпоративного спонсорства, которые могут изменить некоторые фундаментальные ценности образовательных учреждений, вероломные и скрытые эффекты одинаково тревожны. Многие профессора говорят о медленном

распространении «покупательного менталитета», утверждая, что чем более открыто кампусы выглядят и воспринимаются как торговые центры, тем больше студенты ведут себя как потребители. В некоторых развитых странах говорят о том, как студенты заполняют оценочные листы качества проведения лекции с самодовольством и самосправедливостью туриста, заполняющего анкету об уровне удовлетворенности услугами крупной гостиничной сети. Профессора из Университета Вирджинии и Йоркского университета говорят, что больше всего их беспокоит подход холодной потребительской экспертизы, который пронизывает ответы студентов, и их особенно беспокоит серьезное убеждение студентов в том, что роль профессоров — и, что более важно, Фрейда и Шекспира — состоит в том, чтобы развлекать, веселить и заинтересовывать их. Далее, студенты врываются в аудитории, потягивая напитки, болтают на задних рядах, прогуливают уроки и делают покупки, без всяких обязательств. И в аудиториях Нови-Садского университета появились надписи «Запрещается приносить на лекции холодные напитки, закуски, попкорн...».

Распространенное в настоящее время понимание того, что экономические критерии и формы организации должны распространяться в первую очередь на прогрессивные учреждения и что в качестве таковых они должны быть перенесены на все общественные учреждения, в том числе на школы и университеты, зиждется на недопустимом расширении специфического, а не универсального опыта. Вот почему следует быть осторожным, перенимая деловую и экономическую терминологию и применяя ее к педагогическим учреждениям, таким как школы и университеты. Несмотря на то, что они предоставляют определенные услуги, университеты и школы не могут рассматриваться в качестве поставщиков услуг. Ученики, студенты, то есть их родители не являются покупателями, потому что купить в школе нечего (мы согласились, что знания не являются товаром), и именно поэтому государство не управляет школой как компанией. Если возобладает идея конкурентоспособности, что ни в коем случае не является панацеей от всех социальных проблем, это может привести к относительно низкому уровню качества. Должны ли университеты участвовать в гонке за лучших студентов? Во многом это зависит от того, как они финансируются.

Следует иметь в виду, что между компанией и школой существуют огромные структурные различия, которые нельзя игнорировать. А именно они существенно определяют тип

социального действия. Даже если бы образование было полностью коммерциализировано, то, что дает школа, не могло бы быть продано на рынке. Хотя ученики и студенты выходят на рынок труда после окончания учебы и в зависимости от диплома, личных качеств, харизмы и положения, на рынке имеют более или менее высокие шансы на трудоустройство, они все же не являются «товаром», конкурирующим с другими товарами. Для «товара», т.е. за образовательный уровень учащихся школа не обязана и не может нести ответственности; как рассчитать эту «стоимость», если она не имеет рыночной цены?

«Беда в том, что дебаты об образовании не в состоянии оценить школу как школу и университет как университет» [8].

Школа якобы должна научить нас «работе в команде», потому что эта способность является ключевой компетенцией для работы в любой компании. Однако школа не может донести до нас смысл и цель командной работы, воспитанной в компании, потому что не стремится к прибыли, а значит, отсутствует ключевой критерий успеха. Формы работы, оптимальные для институционального обучения, отличаются от форм работы в компании. Если упустить из виду этот факт, то умение работать в команде ставится в ранг одного из основных достоинств, как будто представляет собой нечто большее, чем связанную с данной ситуацией стратегию поведения, которая была бы неуместна в другой. Работа на уроке происходит по своим правилам и по своей логике. Плановое обучение имеет совершенно иную внутреннюю структуру, чем рыночное производство. Даже если бы в школе существовал предмет «рыночное производство», преподавание этого предмета не было бы похоже на само производство. Те, кто в прошлом пытался интегрировать рабочую организацию в преподавание, должны были испытать это на себе. Одним из хорошо известных примеров является политехническое образование («обучение на производственном предприятии»), где учащихся заставляли координировать обучение в школе и обучение на производстве. Любой, кто покидает свое рабочее место с целью продолжить свое образование, быстро заметит эту разницу.

Термин «ключевая компетенция» — дидактическое волшебное слово, часто употребляемое в экономических кругах, появился в 1980-х годах в рамках проекта реформы, связанной с образованием по дуальной системе. Именно здесь прежняя практика деления сферы образования на сотни отдельных профессий оказалась несостоятельной и крайне бесперспективной. Исторически, эта система развивалась из вынужденного решения, потому что, как уже

говорилось, система должна была учитывать относительно низкий уровень общего образования учащихся, полученного в начальной школе. Именно тогда начались поиски общих основ, которые послужили бы базой для образования разнородных профессий.

Эти попытки закончились безуспешно, потому что, то, что кажется простым в теории, трудно осуществить на практике. Любой, кто изучил ремесло, может очень быстро освоить другие связанные с ним ремесла. Если бы мы попытались построить всю систему образования на этом принципе, мы создали бы абстрактные конструкции, которые были бы настолько общими, что их можно было бы применить как к академическим профессиям, так и к ремесленникам, и как таковые они были бы неприменимы на практике. «Компетенции», которые были бы приняты без всякой логической структуры и содержания, были бы непригодны сами по себе, поскольку как таковые они чисто формальные и не могут быть приняты. «Когнитивную компетенцию», например, невозможно приобрести как таковую, поскольку она тесно связана с содержанием обучения. Именно по этой причине многие ученики терпят неудачи, когда дело доходит до, казалось бы, легкого овладения компетенциями. Сегодня никто не говорит об организации с целью обучения на протяжении всей жизни, какой должна была стать школа, потому что сама концепция исходит из слишком большого количества нереалистичных предпосылок.

Ограниченность делового и экономического понимания заметна даже внутри самих компаний. Многие компании недавно уволили именно тех специалистов, в которых они нуждаются сегодня. Из-за такой практики студенты избегают определенных специальностей. То, что может быть невыгодным с экономической точки зрения, с точки зрения отдельных компаний может быть очень полезным — и наоборот. Кроме того, создается впечатление, что бизнес-экономическое понимание и основанные на нем решения не очень рациональны, особенно если учесть «психологию» рынка или враждебное поглощение компаний, ставящее перед нами проблемы, которых раньше не было. В любом случае, похоже, не существует какого-либо хозяйственно-экономического закона, согласно которому такие поглощения необходимы для положения на мировом рынке. В настоящий момент в восстановление банковской системы вкладываются гигантские суммы, чтобы банки вернули взаимное доверие и снова выдавали друг другу займы. Создается впечатление, что вся финансовая экономика сведена к понятию «доверие», более

характерному для теологии или психологии (хотя и не в смысле «прибыли», как в случае с экономикой).

Оценка того, что нужно рынку, а что нет, частично и временно следует тенденциям, по которым невозможно определить, кто именно их навязал. Вероятно, большую роль играют компании, предоставляющие услуги, экономические и финансовые советники или консультанты, которые, в конечном итоге, живут за счет распространения ожидаемых прогнозов и оптимальных стратегий экономического успеха.

«Ключевая компетенция» — это современное название стратегии компании и стратегии слияния и поглощения, что и является причиной раздробленности концерна. ... В 1970-е годы среди руководителей компаний было модно основывать огромные концерны смешанных товаров. Их девиз был: чем больше ассортимент компании, тем она более независима от экономического развития отдельных отраслей. Размер концерна также играет роль в защите от враждебных поглощений. Сегодня смешанные концерны считаются убыточными и непривлекательными на фондовом рынке. О «Lean-management» и «Down Sizing», которые еще недавно были спасением для многочисленных концернов, сегодня уже не говорят» [7].

Трудно поверить, что деловое и экономическое понимание опираются на достаточную дозу рациональности, которая рекомендует трансфер в другие социальные сферы, такие как образовательная политика или образование. Вероятно, самая большая опасность экономизации состоит в том, что «ментальный капитализм» [5], ведущий к селективной интерпретации реальности, преодолел гуманные формы мышления и действия. Даже сама экономизация языка выражает определенное отношение, к которому образование не может оставаться равнодушным, хотя оно и относится прежде всего «только» к социальной политике. Социальная концепция индивидуализации, зародившаяся в модерне, положенная в основу идеи всеобщего человеческого достоинства и классического воспитания и образования, принесшая многие общественные и личные свободы, а также ответственность за созидание собственной жизни, грозит свестись лишь к свободе доступа к рынку труда и потребительскому рынку.

«Гуманный капитал», которым располагает компания, состоит из множества сложных процессов обучения, приобретенных в течение жизни и вне институционального образования. Хотя эти процессы влились в экономически измеримые человеческие и материальные ресурсы, их стоимость впоследствии не может быть определена с

абсолютной точностью. В рамках устойчивых социальных отношений человеческий капитал необходимо возвращать, поощрять, обнимать, утешать, любить и поддерживать в хорошем настроении, начиная с рождения, на протяжении всей трудовой жизни, до самой смерти (или, по крайней мере, до выхода на пенсию), потому что иначе его будет невозможно монетизировать. Но если все это не продается на рынке труда, то это следует добавить к расчету. В какой мере стабильная семейная жизнь или сельский футбольный клуб, как добровольные помощники, способствующие социальной интеграции и формированию личности молодежи, ответственны за человеческий капитал, который только тогда становится экономически доступным и осязаемым? Даже если бы такой расчет был возможен, остался бы целый ряд факторов, которые не могут быть охвачены таким расчетом. А что происходит, то есть что должно происходить с теми, чей человеческий капитал недостаточен для рынка труда или с теми, кто с него «выброшен»? В любом случае человек, который монетизируется в процессе работы, стоит гораздо больше, чем показывает приведенный выше расчет.

Вопреки всему, до сих пор не зафиксировано ни одной крупной акции, которая объединила бы родителей и учителей в борьбе против такого рода экономизации и коммерциализации школы и образования. Движение за одобрение коммерциализации образовательного пространства (например, рекламирование в школах), никогда не было в виде одного комплексного решения, а десятков мелких, которые принимались ad-hoc, на школьном уровне, без анализа и обсуждения, незаметно, без общего опроса общественного мнения, решением некоторых директоров и школьных советов.

Имеются неоспоримые доказательства тенденции к коммерциализации школ и университетов. Особенно это касается так называемой университетской реформы в рамках «Болонского процесса» [10]. Здесь речь идет об огромных экономических интересах, особенно если говорить о составлении и использовании результатов исследований, включая доступ к патентам, вытекающим из них.

В 2004-м году на конференции ректоров университетов было издано так называемое «Руководство по Болонскому процессу», согласно которому Болонский процесс касается «маркетинговых стратегий», «конкурентоспособности и набора профессоров по всей Европе»; «факультетского менеджмента», «создания экономического пространства, основанного на знаниях»; «гарантии качества», «эффективности и концепции обучения»; «синергии и потенциала для

инноваций и социально-экономического развития». Здесь нигде не упоминается дух [...] Нигде не упоминается, что знание, сознание и интеллект – это ценности, к которым следует стремиться и которые следует любить. [...] Весь текст проникнут духом простого материализма и утилитаризма. Учеба — это профессиональная подготовка, у обучения есть цель, за знания нужно платить, а все остальное — просто ерунда: это философия, можно даже сказать, догма, которая управляет сегодняшними университетами» [13].

Для многих стран эти глобальные изменения, затронувшие всю Европу, также означают прощание с национальной университетской традицией, и в то же время эти изменения не были внесены в повестку дня ни одной ассамблеи и не были осуществлены посредством демократических процессов. Оплачиваемые университетами аккредитационные комиссии, задачей которых является утверждение новых учебных программ, показали, что они не являются особенно легитимными.

Подозрение, что экономизация проистекает прежде всего из экономических интересов, не совсем оправдано, как это часто отмечают критики. Если присмотреться повнимательнее, то кажется, что все происходит в своем темпе и может быть объяснено педагогически-политической некомпетентностью, а не продуктом какого-то долгосрочного планирования - если исключить тот факт, что политика недостаточно финансирует школы и университеты.

Две ключевые проблемы современной экономизации — это, с одной стороны, идеологическое отравление общественного, а значит, и педагогического сознания, а с другой — вписывание государства в роль, навязанную ему неолиберальной идеологией в последние десятилетия. Таким образом, не только был создан благоприятный климат, но и было найдено оправдание для экономизации общественного мнения об общественных, а значит, и о педагогических и образовательно-политических вопросах.

Деловое и экономическое неолиберальное понимание нашло место для распространения в школах и образовательной политике. Критика экономизации, не учитывающая этого, не является всеобъемлющей. Здесь не подавляется что-то «хорошее», как, например, некая высокая педагогическая цель вроде классического образования. Здесь не было ничего, что можно было бы подавить. Так называемые «реформы», проводившиеся десятилетиями как на педагогическом, так и на воспитательном и образовательно-политическом уровне, и которые незавершенными выстраивались одна за другой, становясь все более и более абстрактными, уступали

место экономизации. Таким образом, экономические категории пока остаются вне конкуренции и, кажется, вновь придают смысл педагогическому призванию. На первый взгляд, для учащихся, их родителей, администрации, учителей и даже политиков, нуждающихся в предоставлении финансовых средств, логично, что педагогика в первую очередь заботится о будущих возможностях на рынке труда. Остается только наблюдать, останется ли это обещание, как и многие другие, невыполненным.

Можно многое сказать в пользу того, что изменение в форме экономизации не будет долговечным и что вызываемая им эйфория скоро закончится, потому что она не может выполнить обещание, связанное с деловой ориентацией. Учебные программы бакалавриата в «реформированных» университетах вскоре может постигнуть та же участь, что и дуальную систему, в рамках которой существовали сотни узко определенных профессий. Если такие сужения перенесутся на академические уровни, особенно в профессиях, связанных с гуманитарными науками, это могло бы привести к перекавалификации, да и необходимости в таких профессиях больше может не быть. Специализированные звания, которые приобретаются после завершения новых учебных программ, сами по себе несут огромный риск. Таким образом, гибкость, которую все так подчеркивают, точно не будет достигнута; «экономика», на которую любят ссылаться изобретатели, скептически относятся к приобретенным званиям. Ориентация политиков на те профессии, которые будут востребованы в будущем, кажется вынужденным решением, ибо какая еще причина могла быть для введения бакалавриата, если идея образования давно считается устаревшей и, если количество обучающихся в магистратуре должно быть ограничено по финансовым причинам, а тем, кто бросил университет, выдать какой-то диплом? Скоро будет видно, насколько непродуманна эта «реформа».

Как отреагирует политика? Наверное, так же, как это делалось десятилетиями: реформу отменят и заменят ее какой-то другой, потому что во времена бессмысленных квантификаций реформы не являются целью, а средством, и не только в образовательной политике, но и в политике в целом.

«Реформа...[...] втянулась в царивший режим безумной гонки. [...] Абстрактное признание реформы стало всеобъемлющей политической идеологией нашего времени. [...] Дух реформ заменяет все другие политические программы, концепции и идеи; он заменяет даже мораль. [...] В принципе всегда и везде есть потребность в

реформах, [...] потребность в реформах растет с каждой новой реформой. Потому что все проблемы, которые несут с собой реформы, могут быть решены только новыми реформами» [10].

Возможно также, что в результате мирового финансового краха и последовавшего за ним общего экономического спада от неолиберальной идеологии придется на время отказаться. В таком случае вскоре может оказаться, что сегодняшняя образовательная политика и относящийся к ней педагогический мейнстрим являются, прежде всего, идеологическими ответвлениями или модификациями этого общего мирозерцания. Если все это окажется правдой, тогда те, кто несет за это ответственность, могут потерять доверие граждан. Тогда дискуссии снова станут неизбежны, и роли снова будут разделены.

«Гумбольдтовское понимание образования современнее, чем когда-либо. Все, что когда-то давало нам чувство безопасности, теряет свое значение — семья, брак, гендерные роли, класс, партии, церкви и даже государство всеобщего благосостояния. И вишенкой на торте являются еще три вещи: образование, образование и еще раз образование!» [2].

Предпосылкой педагогических стратегий, ориентированных на этот лейтмотив, по-прежнему остается школа, то есть факультет, способный достичь дистанцированности от государства и рынка. Все попытки квалифицировать требуемую рабочую силу непосредственно, а не окольными путями (через как можно более широкое общее образование) приведут к провалу, потому что именно общее образование устраняет разрыв между нынешним школьным образованием и будущим, пока неизвестным, бизнес-профилем. Именно поэтому тенденция учитывать только экономические критерии в сфере образования находит свои пределы. Но откуда это может знать «экономика», когда даже педагоги и политики, занимающиеся образованием, этого не знают или не хотят признавать? Кроме того, образование должно окупаться даже для тех людей, которые по каким-то причинам полностью или временно исключены из рынка труда.

Единственная определенная вещь в глобализации — это идея о том, что о Вашей судьбе заботится кто-то другой, а не Вы сами. Может быть, кому-нибудь покажется, что кто-то постоянно, упрямо и неблагодарно отвергает все доброжелательные усилия, исходящие из Вашингтона, Торонто, Лондона. Но право сесть и вести переговоры — даже если вы не можете прийти к идеальному соглашению — является основным правом, по крайней мере, когда речь идет о

самоопределении. Старый известный афоризм объясняет разницу: ««Дайте человеку одну рыбу, и он получит пропитание на день, научите его ловить рыбу, и он получит пропитание на всю жизнь» и так, по принципу обучения на протяжении всей жизни, мы постоянно получаем «уроки рыбалки». Различные семинары начинаются один за другим, процесс идет уже давно, и вопрос состоит в том, все ли происходит так, как надо.

Корпорации принимают коллективные кодексы о труде и правах человека вместо нас, тем самым теряя самый основной принцип гражданского общества: *человек должен управлять собой*. Найк, Шелл, Майкрософт, Макдональдс стали метафорой разрушения мировой экономической системы, в отличие от скрытых действий НАФТА, ГАТТ, АТЭС, ВТО, МАІ, ЕС, G-8, ОЭСР, методы и цели этих компаний вполне ясны: их хорошо понимают и работники, и сторонние наблюдатели. Они стали лучшим и величайшим средством обучения в мире, внося столь необходимую ясность в глобальный рыночный лабиринт аббревиатур и централизованных, секретных сделок и соглашений.

Помимо применимых и функциональных знаний на семинарах по труду и правам человека, мы потеряли основной принцип гражданского общества: люди должны управлять собой. Мы жители нового брендированного мира, над товарами и продуктами стоит логотип производства, фирменный стиль, который завоевывает и действует на общественное и индивидуальное пространство, на школьные учреждения, личность молодежи. Сегодня бренды стали лучшим и крупнейшим образовательным инструментом в мире.

Этот почти нигилистический взгляд на мир соответствует взглядам идеального участника рынка труда: Он никогда не может знать заранее, как будет выглядеть рынок завтра, поэтому ему приходится находиться в режиме ожидания - лишенном собственных стремлений и социальных связей. Следует ли преподавать что-то подобное в наших школах?

Заключение. Клаустрофобное чувство безысходности, сопровождающее тенденции глобализации — колонизация общественного пространства, потеря гарантий занятости, мониторинг корпоративных кодексов и силы бренда — пытаются компенсировать подчеркиванием *возможности подлинно глобального общества*, в которое вошли бы не только экономика и капитал, но и глобальные граждане, глобальные права, глобальные обязанности. Многим из нас потребовалось бы много времени, чтобы найти свой путь на этой новой глобальной международной арене, но в этом смысле крупные

корпорации (бренды) провели ускоренные курсы и тренинги, так что мы теперь ближе к этим усилиям чем когда-либо раньше.

Первым шагом стала удивительно успешная сеть популярных образовательных проектов. Международный форум по глобализации провел свой первый глобальный класс в Нью-Йорке, в котором приняли участие ведущие ученые, активисты и исследователи, чтобы изучить влияние единого свободного мирового рынка на демократию, права человека и окружающую среду. Были проведены семинары на тему Всемирного банка, МВФ, НАФТА, Структурной перестройки Севера и всех других глобальных органов, которые принадлежат к торговому соглашению, которое окружающая среда никогда не понимала и боялась что-либо спрашивать на эту тему. На Нью-Йоркской конференции было несколько сотен человек, а уже на вторую, проходившую в Беркли, штат Калифорния, приехало 2000 человек, хотя конференция не привлекла внимания СМИ. Конференция, состоявшаяся через несколько месяцев в Торонто, привлекла еще больше людей, и подобные встречи проводились в университетах по всему миру.

Сегодня мировые лидеры не могут вместе пообедать без того, чтобы кто-то не организовал одновременно контр-саммит — собрав всех, от рабочих, недовольных ситуацией на фабриках, до учителей и профессоров, не желающих корпоративной оккупации образования. Иногда трудно сказать, являются ли эти тенденции началом чего-то совершенно нового или последними проявлениями чего-то очень старого, найдено ли «лобовое стекло» или заложен «краеугольный камень» какой-то еще невообразимой свободной конструкции?

Тот факт, что глобализация, корпоративная политика, неолиберальная экономика, рыночные преобразования, неуклюжая политика, бренды втянули нас в эту неразбериху, не означает, что мы должны ждать, пока они вытащат нас из нее. Даже если это будет не просто и не быстро, предприимчивые и творческие личности - менеджеры (!) должны найти выход сами. Может быть, они будут немного похожи на Тесея, следующего за своей нитью, когда он входит в Лабиринт Минотавра, но это единственный способ остаться самим собой, не соглашаться с кодексами международной арены потребительства, сохранить что-то личное, что-то выше глобального гражданства, глобального закона, глобальной ответственности. Могут ли они способствовать сопротивлению новому типу корпоративно-медийного рабства, могут ли они разоблачить последствия глобалистской экономики, прояснить все те, казалось бы, незаметные

изменения, которые составляют суть и оборотные стороны глобальных мировых тенденций?

Политические решения, основанные на одаренных, творческих и предприимчивых, поддерживаемых их избранными представителями, заслуживают еще одного шанса, прежде чем мы сдадимся и согласимся с корпоративными кодексами и приватизацией наших прав как автономных граждан. Могут ли те, кто интеллектуально сильнее и предприимчивее, представлять собой образ сопротивления, которое потенциально может перерасти в широкое движение?

Вопрос, есть ли потребность в дополнительных структурах - оправдан, но он открывает другие, более сложные вопросы: какой должна быть эта структура? Идет ли речь о какой-то международной политической организации, которая «заставит» мировое правительство демократизироваться? Должно ли быть создано множество национальных организаций? Или начать с каждого местного региона в отдельности, в котором демократия участия будет целенаправленно внедряться? Создавать ли организованно противовес государству...? Или что делать ...?

Список литературы

1. ssheuer T. Der große Ausverkauf. U: Die Zeit. 2008. №14, 27.03. S. 49. A
2. eck U. Vorwärts zu „Humbolt 2“. Als nationale Institution ist die Universität am Ende. U: Die Zeit, Nr 47/11. Nov 2004. B
3. ahme H.J. Krise der öffentlichen Kassen und des Sozialstaats. U: Auz, 2008. № 12-13. S. 10-16. D
4. ppler E. Kleine verzichten und Große kassieren. In: Die Zeit, 2008. Nr. 17. 17.04. E
5. ranck G. Mentaler Kapitalismus. Eine politische Ökonomie des Geistes. München, 2005. F
6. eißler H. Frankfurter Rundschau. 2005. 28.04. G
7. erz W. Variabel wie die Rocklähge. Politiker, Manager und Wissenschaftler unterwerfen sich wechselnden Moden – oft zum Schaden ihrer Sache. U: Die Zeit. 2005. Nr. 11/4. 3.05. S. 28. H

8. aube J. Bestanden? Wir haben doch gar nichts gelernt! U: FAZ. 2009.2.01. K
9. rautz J. Ware Bildung. Schule und Universität unter dem Diktat Ökonomie. München, 2007. K
10. iessmann K.P. Theorie der Unbildung. Wien, 2006. L
11. eck G., v. Petersdorff W. Sehnsucht nach Greisen. U: FAZ. 2009. Net 25. Januar. M
12. lehwe, D. Quellen des Neoliberalismus. U: WZB-Mitteilungen, 2005. Heft 110. December. S.25-27. P
13. eiser M. Warum ich meinen Lehrstuhl räume. U: Faz.Net. 2009.14. 01. R
14. tiglitz J. Die Schatten der Globalisierung. München, 2004. S

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕХАНИЗМОВ ДИПЛОМАТИИ В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Афонина А. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Институт «Таврическая академия»,
Философский факультет, кафедра политических наук и
международных отношений, студент
E-mail: afonina0603@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции механизмов дипломатии в сложившихся геополитических условиях. Данная тема приобретает особую актуальность в свете динамично меняющейся геополитической картины мира. Особое внимание уделяется роли дипломатии в условиях глобальной политической турбулентности. Представляется, что в свете информационной войны огромное значение приобрела цифровая дипломатия как инструмент международной коммуникации и продвижения ценностей посредством социальных сетей как внутри страны, так и

по всему миру; происходит осмысление цифровой дипломатии в концепции «острой силы». Кроме того, в ходе исследования было установлено, что для своего влияния Запад использует вовсе не дипломатические формы взаимодействия, поэтому для противодействия давлению со стороны США необходимо выстраивать торговые и экономические связи без участия западных инструментов. В этом смысле подчеркивается исключительная роль БРИКС для реализации многосторонней дипломатии.

Ключевые слова: дипломатия, международные отношения, внешняя политика, Россия, БРИКС, цифровая дипломатия, публичная дипломатия.

TRENDS AND PROSPECTS OF DIPLOMACY MECHANISMS IN MODERN GEOPOLITICAL CONDITIONS

Afonina A. A.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Institute «Taurida Academy», Student
E-mail: afonina0603@mail.ru

Abstract. *The article discusses the main trends of the mechanisms of diplomacy in the current geopolitical conditions. This topic is particularly relevant in the light of the dynamically changing geopolitical picture of the world. Special attention is paid to the role of diplomacy in the context of global political turbulence. It seems that in the light of the information war, digital diplomacy has become of great importance as an instrument of international communication and the promotion of values through social networks both within the country and around the world; there is a comprehension of digital diplomacy in the concept of "acute force". In addition, the study found that the West uses non-diplomatic forms of interaction for its influence, therefore, in order to counteract pressure from the United States, it is necessary to build trade and economic ties without the participation of Western instruments. In this sense, the exceptional role of BRICS for the implementation of multilateral diplomacy is emphasized.*

Keywords: *diplomacy, International Relations, foreign policy, Russia, BRICS, digital diplomacy, public diplomacy.*

В контексте кардинальных изменений в геополитической картине мира и продолжающейся эскалации конфликта России и Украины, повлекшей за собой исключение России из числа стран-участниц ряда международных форумов и введение ограничительных мер в торговом и инвестиционном сотрудничестве, можно говорить о новых тенденциях и механизмах дипломатии. Актуальность заявленного исследования определяется возможностью выявления новых инструментов дипломатической деятельности, которые меняются под влиянием внешних и внутренних факторов. Мировой порядок претерпевает значительные изменения, связанные с формированием полицентричности, что, в свою очередь, оказывает влияние на инструменты дипломатии. Стоит отметить, что в условиях глобальной политической турбулентности роль дипломатии как средства внешней политики, как правило, резко возрастает. Вместе с тем изменяется характер дипломатии.

В настоящий момент в зарубежных СМИ принято говорить о кризисе российской дипломатии, которая, по мнению западных политологов, жидется на военной экспансии и угрозах силовыми методами. Автор данной статьи, напротив, выражает сомнение в том, насколько «дипломатичными» являются те инструменты, которые применяются Соединенными Штатами для реализации своей внешней политики. Известно, что дипломатия располагает такими средствами, как убеждение, компромисс и угроза силой. Никакая дипломатия, полагающаяся только на угрозу силой, не может претендовать на то, что она является «разумной и мирной» [1]. Известно, что США не только создали условия для усиления ядерной угрозы, но также оказывают колоссальное давление на стран-участниц ООН, угрожая прекращением финансовой или гуманитарной помощи в случае отказа осуществлять антироссийскую политику.

Еще в 1994 году Г. Киссинджер в своей книге «Дипломатия» писал: «Внешнеполитическая деятельность должна начинаться с какого-либо определения того, что есть для страны важные интересы» [2, с. 740]. Внутри американского общества, очевидно, не достигнут консенсус, существует множество разногласий, в том числе относительно стратегии в отношении России. Вовсе не новой константой во внешней политике США, которая также освещена в «Дипломатии» Киссинджера, является её намерение выстроить западочентричный мировой порядок в соответствии со своими ценностями и интересами.

С этой целью, а также для борьбы с врагом в информационном пространстве и создания выгодного образа, государства используют инструменты цифровой («электронной») дипломатии. На сегодняшний день стоит рассматривать цифровую дипломатию как приоритетное направление внешней политики многих государств, в том числе Российской Федерации. Цифровая дипломатия рассматривается как широкое использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), в том числе новых медиа, социальных сетей, блогов и тому подобных медиаплощадок в глобальной Сети для содействия государственным органам при осуществлении функций и коммуникаций по вопросам, связанным с внешней политикой, включая механизмы влияния на зарубежную аудиторию [3, с. 221]. По сути, digital diplomacy является продолжением традиционной дипломатии. Стоит отметить, что с развитием коммуникационных технологий существенно изменился характер дипломатии, стал возможен более тесный контакт между государственными и

негосударственными акторами международных отношений с широкой общественностью.

Большинство политических деятелей, понимая, что социальные сети оказывают огромное влияние на формирование мнения общественности, заводят личные страницы. Подобное происходит и с различными дипломатическими ведомствами. Анализируя аккаунт российского Министерства иностранных дел в мессенджере Telegram, автор обращает внимание на подачу информации: большая часть публикаций — это официальные сообщения министерства, относящиеся либо к истории российской дипломатии, либо к актуальным международным событиям, причем аудитория этих аккаунтов в основном русскоязычная. Если же обратиться к высказываниям европейских политиков на их личных страницах и страницах государственных ведомств (к примеру, в Твиттере), то в глаза бросается откровенно русофобский характер публикаций, а также направленность и распространение тех или иных материалов агрессивного характера на более широкую аудиторию. Так, например, глава МИДа Эстонии Урмас Рейнсалу публично приветствовал взрыв на Крымском мосту. В нынешних условиях стоит говорить о тенденции использования жестких инструментов цифровой дипломатии в рамках концепции «острой силы» [4].

Заместитель госсекретаря по вопросам публичной дипломатии Дж. Макхейл изложила стратегию новой публичной дипломатии США в документах «Публичная дипломатия: укрепление взаимодействия Соединённых Штатов с миром». В ней обозначены основные задачи цифровой дипломатии:

- дискредитация идеологических противников Соединенных Штатов;
- противодействие информационной деятельности Китая в Интернете;
- ограничение медиаприсутствия России на пространстве бывшего Советского Союза;
- противодействие внешней культурной политике Ирана, осуществляемой через социальные сети [5, с.11].

Исходя из этого, цифровая дипломатия сегодня является мощным инструментом для мобилизации общества в отношении тех или иных политических предпочтений или ценностей, пропаганды или проведения политических кампаний. С помощью данного инструмента публичной дипломатии создается необходимый США образ, а также реализуются приведенные выше задачи, направленные на изоляцию опасных для установления их гегемонии акторов международной

системы, создание неблагоприятного образа России, Китая и ряда других стран как агрессоров, что, в свою очередь, должно привести к их полной дипломатической и экономической изоляции. В этой связи необходимо осмысление тех механизмов взаимодействия между странами, что формируются за пределами доминирования Запада, и, как следствие, нужно развивать дипломатические, торговые и иные связи между государствами без западного вмешательства.

В контексте формирования многополярного мира уместно говорить о БРИКС как об альтернативном и, вместе с тем, об одном из наиболее влиятельных международных механизмов. Главная тенденция группы БРИКС — обеспечение динамичного развития новых растущих экономических систем и формирование нового вида международного взаимодействия. На данный момент в БРИКС входят Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР, но с каждым днем формат диалога внутри данного межгосударственного объединения становится все более привлекательным. Все большее число стран выражает желание присоединиться к альянсу: так посол Индонезии в России Хосе Антонио Морато Таварес сделал заявление о возможности полного членства Индонезии в БРИКС [6], официальные представители Саудовской Аравии, Аргентины, Алжира и Ирана также публично заявили о своей заинтересованности во вступлении в БРИКС.

Интерес стран к сотрудничеству в рамках альянса связан со стремлением выстроить такую модель финансово-экономических и торговых связей, которая будет функционировать в обход западных механизмов. В этом отношении участие России и Аргентины в БРИКС представляется крайне перспективным направлением реализации экономической дипломатии. Из заявления Посла России в Аргентине Д.В. Феоктистова: «У России накоплен колоссальный опыт в реализации масштабных проектов – в сферах инфраструктуры, энергетики, машиностроения, космоса, здравоохранения, а за последние годы и цифровизации. Этот опыт может быть полезен другим странам, мы готовы им делиться. Так было со «Спутник V», когда Аргентине были переданы технологии, необходимые для локализации производства вакцины на своей территории» [7]. Таким образом, можно выделить тенденцию «смягчения» механизмов сотрудничества на международной арене. Автор полагает, что данная тенденция проистекает из необходимости противопоставить более открытую и перспективную форму союзничества таким агрессивным альянсам, как НАТО или AUKUS.

В заключение следует отметить, что ведущей тенденцией в дипломатии в современных геополитических условиях является использование политтехнологии и элементов новой экономической и публичной дипломатии. Для демонстрации своей угасающей мощи и влияния США использует недипломатические механизмы воздействия на другие государства, в частности Российскую Федерацию, с целью изолировать их от внешних партнеров. Представляется, что в данный момент перед Россией открывается простор для конструктивного диалога с государствами внутри ШОС, БРИКС, ЕАЭС и прочих международных организаций, плодотворного сотрудничества, налаживания дипломатических отношений и экономической интеграции в рамках евразийского пространства.

Список литературы

1. orgenthau H. J. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. Second Edition. New York: Alfred A. Knopf, 1955. 660 p. М
2. иссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. 896 с. К
3. урма И. В. Цифровая дипломатия в глобальной политике // Государственное управление. Электронный вестник. Апрель 2015. Вып. № 49. С. 220–249. С
4. ye J. Jr. How Sharp Power Threatens Soft Power. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (дата обращения: 15.10.2022). N
5. ublic Diplomacy: Strengthening U.S. Engagement with the World // Office of the Under Secretary of State for Public Diplomacy and Public Affairs. 26.02.2010. 33 p. P
6. осольство Российской Федерации в Республике Индонезии. URL: <https://indonesia.mid.ru/home> (дата обращения: 21.10.2022). П
7. осольство Российской Федерации в Аргентинской Республике. URL: <https://argentina.mid.ru/ru/> (дата обращения: 24.10.2022). П

**CHARACTERISTICS OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION AT
THE PRESENT STAGE: FEATURES OF THE EAEU**

Akhmetova Zh.A.

Master's degree,

L.N. Gumilev Eurasian National University,

Student

E-mail: zhakhmetova06@gmail.com

Kalenova T.S.

PhD in History

L.N. Gumilev Eurasian National University,

Associate Professor of the department of Political Science

E-mail: kalenovats@mail.ru

Abstract. *In 2015, an interstate organization appeared, which is one of the largest consumer markets in the world – the Eurasian Economic Union (EAEU). The Eurasian Economic Union is an international organization providing for regional economic integration of the participating countries in order to create and develop a single market for goods, services, money and labor resources. By implementing their international rights and obligations, the EAEU member States ensure the development of an interstate cooperative economic policy. In its development, the Eurasian Economic Union has passed through two stages: the Customs Union and the Common Economic Space. The main task of the Eurasian Economic Union is to improve the standard of living of citizens in the states that have signed the relevant Agreement. At the moment, the EAEU unites Armenia, Belarus, Kazakhstan, the Kyrgyz Republic and the Russian Federation. The fulfillment of this task is made possible by increasing the competitiveness of national economies through their modernization and cooperation. Ensuring stable socio-economic and demographic development of the member countries of the Eurasian Economic Union is impossible without supporting interstate migration. 2021 is the seventh year of the EAEU functioning and the tenth year of the EEC operation. The Eurasian Economic Union took place as an integral element of the economic model of the participating countries and became part of the world economy.*

Key words: *EAEU, international integration, economics, migration, politics, trade.*

**ХАРАКТЕРИСТИКИ ЕВРАЗИЙСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
ОСОБЕННОСТИ ЕАЭС**

Ахметова Ж.А.

*Евразийский национальный университет
имени Л.Н. Гумилева, студент
E-mail: zhakhmetova06@gmail.com*

Каленова Т.С.

*кандидат исторических наук,
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
доцент кафедры политологии
E-mail: kalenovats@mail.ru*

***Аннотация.** В 2015 году появилась межгосударственная организация, являющаяся одним из крупнейших потребительских рынков в мире – Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Евразийский экономический союз - международная организация, обеспечивающая региональную экономическую интеграцию стран-участниц с целью создания и развития единого рынка товаров, услуг, денежных и трудовых ресурсов. Реализуя свои международные права и обязательства, государства - члены ЕАЭС обеспечивают разработку межгосударственной совместной экономической политики. В своем развитии Евразийский экономический союз прошел через два этапа: Таможенный союз и Единое экономическое пространство. Главной задачей Евразийского экономического союза является повышение уровня жизни граждан в государствах, подписавших соответствующее соглашение. На данный момент ЕАЭС объединяет Армению, Беларусь, Казахстан, Кыргызскую Республику и Российскую Федерацию. Выполнение этой задачи становится возможным за счет повышения конкурентоспособности национальных экономик за счет их модернизации и кооперации. Обеспечение стабильного социально-экономического и демографического развития стран-участниц Евразийского экономического союза невозможно без поддержки межгосударственной миграции. 2021 год - седьмой год функционирования ЕАЭС и десятый год функционирования ЕЭК. Евразийский экономический союз состоялся как неотъемлемый элемент экономической модели стран-участниц и стал частью мировой экономики.*

***Ключевые слова:** ЕАЭС, международная интеграция, экономика, миграция, политика, торговля.*

In 2015, an interstate organization emerged, one of the largest consumer markets in the world - the Eurasian Economic Union.

The Eurasian Economic Union is an international organization that provides for regional economic integration of member countries to create and develop a single market for goods, services, money and labor. Exercising the international rights and obligations they have, the EAEU member states ensure the development of interstate cooperative economic policy. Currently, the EAEU unites Armenia, Belarus, Kazakhstan, the Kyrgyz Republic and the Russian Federation.

The Eurasian Economic Union has passed through two stages in its development: the Customs Union and the Common Economic Space. The Common Economic Space was created in 2012, with the aim of creating a single integrated market. The CES was inspired by the Single European Market and the European Economic Area.

CES is a form of interstate integration aimed at liberalizing foreign economic relations within the confluence and implementing collective protectionism beyond it. The task of the CES is to ensure the so-called "four freedoms" between the member states: the movement of goods, capital, services and labor, and to ensure that the member states begin to coordinate economic policies regarding the macroeconomy and financial sector, transport and energy, trade, industrial and agricultural complexes, etc.

The EEU Treaty, signed in 2014, is comprehensive: the member states managed to simultaneously agree on full-fledged integration on a wide range of issues. It gave a powerful impetus to the development of economies, and the proposed paradigm of cooperation has proven its worth. The GDP volume of the EAEU in the first five years increased by 20.3% in current prices, reaching almost 2 trillion dollars by the end of 2019.

Member states of the Union are consistently implementing policies aimed at the development of innovation. New joint markets of the EAEU are being opened, the main sectors of the economy, management processes and infrastructure development vectors are being digitally transformed.

The EAEU operates in the commodity market, significant progress has been made in the formation of the services market, a unified Customs Code is in place, freedom of movement and social guarantees for workers are ensured. Forty-nine unified technical regulations have been adopted,

more than 12 thousand international standards are in effect, thanks to which about 85% of goods have already been certified according to unified technical standards. Also in 2017, a common market for medicines and medical products was launched, and the formation of common markets for electricity, oil and petroleum products, and gas is being completed.

The main types of services in mutual trade of EAEU countries are travel, transportation, other business and construction services, which together account for more than 80% of all trade in services [2].

The main task of the Eurasian Economic Union is to improve the living standards of citizens in the countries that have signed the agreement. This task can be achieved by increasing the competitiveness of national economies through their modernization and cooperation.

Labor migration is managed by the Eurasian Economic Commission (EEC). The activities of the EEC are structured according to the functional areas controlled by the members (ministers) of the board. Issues concerning the movement of labor are the responsibility of the Ministry of Labor Migration and Social Protection Economy and Financial Policy. The Department of Labor Migration and Social Protection makes up the Departments of Labor, Migration, and Actual Social Protection. The Department supervises and monitors how member states implement the agreement on labor migration, the cooperation agreement to prevent illegal labor migration from third countries in 2010. 19. in November, as well as oversees the development of bilateral EAEU contracts. Migration processes in the Eurasian Economic Union are regulated by a new branch of international law - EAEU law.

Thus, we can say that the EAEU creates favorable conditions for member states to achieve both external economic activity and internal economic processes.

In the context of modern Kazakhstan, the development of sustainable economic relations with external partners is an important vector of economic development. EAEU opens up great opportunities and promising areas of export potential growth in this context.

Each country has its own advantages on the basis of integration. For Kazakhstan, it is the facilitation of exports on the basis of common customs rules, duty-free trade, integration into global transport hubs with access to other economic macro-regions of the world [3].

The member states of the Union are consistently pursuing a policy aimed at the development of innovation. New common EAEU markets are being opened, the main sectors of the economy, management

processes and infrastructure development vectors are being digitally transformed.

The Eurasian Union should become a strong link between the Euro-Atlantic and Asian development areas. In economic terms, the union could become a bridge linking the rhythmic economies of the European Union, East, Southeast and South Asia.

Undoubtedly, the EAEU can have a positive impact on post-Soviet states. The EAEU serves as a linking union between Asia and Europe, which, to a limited extent, is part of international financial institutions.

2021 is the seventh year of the EAEU and the tenth year of the EEC. The Eurasian Economic Union has become an integral part of the economic model of the member states and has become part of the global economy.

The economic potential of the EAEU, despite the political processes, is still attractive to the global economic community, and the EAEU is also one of the most promising regional organizations in the world.

Literature

1. Eurasian Economic Union. Electronic resource [http://www.eaeunion.org/]
2. eurasianeconomic.org/special/5643/document5646.phtml
3. Strategy "KAZAKHSTAN-2050" / State program of industrial and innovative development of the Republic of Kazakhstan.

НЕОБХОДИМОСТЬ АКТИВНОГО УЧАСТИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В ПОИСКАХ НОВЫХ ПАРАДИГМ ВЫЖИВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ГЕГЕМОНИИ И ПЛАНЕТАРНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Боривое В. Балтезаревич

доктор культурологических наук, Институт сербской культуры

Приштина-Лепосавич, научный сотрудник

E-mail: baltezb@yahoo.co.uk

Радослав В. Балтезаревич

доктор коммуникационных наук,

Университет Мегатренд, профессор

E-mail: r.baltezarevic@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается активная роль гуманитарных наук и необходимость активного общественного участия в поиске альтернативных моделей и ответов на текущие социальные изменения. Учитывая существующую геополитическую и глобальную напряженность и давление неолиберальной гегемонии, претендующих на разрушение цивилизационных гуманистических ценностей и само понятие свободы, достоинства и неприкосновенность частной жизни человека, в статье исследуется важность критического мышления и научно-исследовательской работы в функции позитивного социального действия. Обсуждение проходит в междисциплинарном контексте в поиске новых парадигм активного научного и гражданского реагирования на потребности устойчивого развития глобального человеческого общества при сохранении наследия базовых гуманитарных ценностей, а также выживания самой планеты.

Ключевые слова: Активное общественное участие, геополитика, критическое мышление, альтернативные парадигмы.

THE NEED FOR THE ACTIVE PARTICIPATION OF THE HUMANITIES IN THE SEARCH FOR NEW PARADIGMS FOR THE SURVIVAL OF HUMAN SOCIETY AND HUMANISTIC VALUES IN THE CONTEXT OF NEOLIBERAL HEGEMONY AND PLANETARY POLITICAL CRISIS

Borivoje V. Baltezarevich

*Doctor of Cultural Sciences, Institute of Serbian Culture Pristina -
Leposavich, Researcher
E-mail: baltezb@yahoo.co.uk*

Radoslav V. Baltezarevich

*Doctor of Communication Sciences,
Megatrend University, Professor
E-mail: r.baltezarevic@gmail.com*

Abstract. The article examines the active role of the humanities and the need for active public participation in the search for alternative models and responses to current social changes. Taking into account the existing geopolitical and global tensions and the pressure of neoliberal hegemony, claiming to destroy civilizational humanistic values and the very concept of freedom, dignity and privacy of a person, the article explores the importance of critical thinking and research work in the function of positive

social action. The discussion takes place in an interdisciplinary context in search of new paradigms of active scientific and civil response to the needs of sustainable development of global human society while preserving the heritage of basic humanitarian values, as well as the survival of the planet itself.

Keywords: Active public participation, geopolitics, critical thinking, alternative paradigms.

*«Если бы я сказал тебе закон земли, который я знаю,
Сел бы ты тогда и заплакал...»
(Энкиду, Эпос о Гильгамеше).*

Мудрость неуверенности. «Сама цивилизация как система может рассматриваться как защитный механизм от бессмыслия: Дом, город, государство, одежда, мировоззрение, ремесла, оружие, имущество, догмы, законы... Назначение: оборона и безопасность. Сложное устройство, чтобы облегчить трудности хоть немного. Нет ничего необычного в том, что среди преимуществ нет ни одного постоянного. Не было средства, ни машин, которые не подвели, не было теории, которая не рухнула, ни знания, надежность которых не рассыпалась, и никто не соткал вокруг себя такой защиты, которая бы не разорвалась. Необычно то, что нет льгот, которые каким-то образом не были бы удалены от реальности. Всякое облегчение исходит из страха перед реальностью. Вот почему человек защищается, собирая богатство, вооружается и организуется, прячется в религии, создает науку и строит цивилизацию. Важно понять, что цивилизация и все, что к ней относится, — это не обучение, а отношение. Образ жизни, движущийся в направлении, казалось бы, самого простого решения. Это не комфорт и не материальная обеспеченность, потому что тогда достаточно было бы толстой стены, теплых вещей, амбара и оружия. Но в то же время, прячась в теплой комнате, человек прячется и в тепленький мир своих мыслей. Если он потеряет связь со своей природой, это еще не беда, но невозможно разорвать эту связь, не потеряв при этом того, без чего существование бессмысленно».

Почему сегодняшний век более небезопасен, чем когда-либо раньше?

Если исходить из предположения, что поэты, писатели, художники, философы, ученые, исследователи и вообще люди более утонченного восприятия являются как раз теми социальными индикаторами, в которых ярче всего читается всякий дисбаланс времени, в котором мы живем, и в которых бунтует неиспорченная,

архаичная часть бытия и восстает против насилия над истинной человеческой природой (как на личном, так и на коллективном уровне) - тогда носители Цайтайста современного общества дадут нам повод для беспокойства, потому что они диагностируют тревожное состояние, в котором оказался человеческий род, состояние, возможно, более тревожное, чем когда-либо. Но они только диагностируют. Успешная терапия остается неизвестной. Сегодня, в тридцатые годы нового тысячелетия, каждый может спросить себя, как технологически грамотный и способный, но глубоко разочарованный и невротический человек нашего века: какова цель блестящих прозрений современных философов, социологов, культурологов и психологов, в чем цель обширных и профессиональных междисциплинарных исследований ученых, а также научных открытий и инноваций физиков, микробиологов, программистов и изобретателей, если они до сих пор не предложили конструктивного ответа и позитивных действий против страшного давления дегуманизирующих неolibеральных и глобалистских тенденций вновь возникающего глобального общества, грозящего истребить все выработанные веками цивилизационные ценности, человеческое достоинство, свободу, неприкосновенность частной жизни, систематически навязывая трансгуманистическое видение человеческого общества, в котором контроль и прибыль являются единственными богами нового века?

Будущее не предлагает современному человеку метафорическое видение спасения «Бесконечного голубого круга» Вука Исаковича, где главный герой в самые трудные минуты экзистенциального кризиса вызывает видение Бесконечного Голубого Круга со звездой в центре - видение, символизирующее веру, духовность, смысл и спасение, уже сейчас будущее предлагает бесконечный круг серости, в котором, как в лабиринте с Минотавром, находится испуганный и беспомощный маленький современный человек.

Никогда не было более великой цивилизации и мелкого человека. Почему это так? Единственное, что очевидно, это то, что мы живем во времена исключительной геополитической неопределенности и неolibерального капиталистического наблюдения и давления. За последние сто лет, чему особенно способствовало появление пандемии COVID-19, произошел крах веры во многие многовековые традиции - традиции семейной и общественной жизни, традиции и институты власти, экономический порядок, систему здравоохранения и религиозные убеждения. С годами остается все меньше и меньше твердых точек опоры, за

которые мы можем цепляться, все меньше вещей, которые мы можем считать абсолютно верными, правильными и неизменными на все времена. По мере того, как мы погружаемся в бездну собственного сотворения, увлекаемые потребительским ненасытным энтузиазмом нашей собственной саморазрушительной технологической революции, современный утопающий не может ухватиться за соломинку. Теперь мы можем понять Ницше, когда он говорит: «Ужасно умереть в море от жажды. Уж не хотите ли вы так засолить вашу истину, чтобы она никогда более не утоляла жажды?».

Деградация гуманизма возникла как продукт искреннего сомнения из-за кратких, бесплодных и аналитически управляемых рассуждений великих рациональных умов как в науке, так и в философии. Движимые энтузиазмом и признательностью только за факты, они старались видеть, понимать и объяснять мир объективно, без каких-либо утешительных идей, кроме, может быть, тех, которые можно доказать научно. Однако все, что было достигнуто при таком подходе, это лишь улучшение условий жизни, в то время как их картина мироздания оставляет индивидуума без какой-либо окончательной надежды. Здесь возникает вопрос из Евангелия от Марка: «Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? (Мк. 8:36)».

Перефразируя Торо, пора напомнить себе о нашем священном долге как людей и исследователей — не подчиняться обществам, идеологиям, движениям, культурам, политике, реформам и порядку, долге, бросающем вызов человеческому достоинству, человеческой частной жизни, человеческой свободе и всем тем ценностям, ради которых стоит жить.

Критическое осмысление будущего становится таким же неотложным, как борьба с пандемией или ситуацией с безопасностью и военными событиями в мире. Это вопрос, который мы должны решить с помощью технологического гуманизма, в попытке избежать навязывания использования технологий и неolibеральных ценностей таким образом, чтобы мы оказались в антиутопическом будущем.

Чтобы избежать этого, мы должны устранить существующую межсекторальную напряженность в нашем мышлении, в наших отношениях, в наших ценностях.

Не забудем Дилана Томаса:

*«Не уходите спокойно в ту последнюю ночь,
Старость должна вспыхнуть в конце дня,
Сражайтесь, сражайтесь дико
Против угасания света».*

Чтобы преодолеть эти напряжения, мы должны настойчиво и неоднократно выступать за нарратив, призывающий к государственной политике, сосредоточенной на том, что является человеческой ценностью.

Это нарратив, гармонично интегрирующий отношения между людьми, обществом, политикой и технологиями, отношения, которые устанавливают стратегический союз между человеческим достоинством, свободой и технологиями.

В этом смысле важно, чтобы мы сосредоточили и направили нашу личную и научно-академическую деятельность на этос, основанный на человечестве и для человечества.

Это подразумевает этос, коренящийся в хрупкости и уязвимости людей. Именно этому фронту следует отдать приоритет и необходимую защиту от угроз, исходящих от технологий, коммуникаций, образования, науки и культуры, созданных на неолиберальных глобалистских целях, основанных на фаустовском стремлении к все большей власти ценой самой жизни.

Нам нужна политика, вновь вселяющая в нас веру и надежду. Это может быть вдохновлено только гуманизмом, который на практике возлагает на человеческие руки столько ответственности, насколько доступна техническая мощь.

Пойдемте в совместную борьбу за этический горизонт, основанный на человеческом достоинстве.

Мы завершаем послыл этой статьи еще одной фразой Эдмунда Берка: «Для торжества зла необходимо только одно условие — чтобы добрые люди, рабочие, крестьяне, ученые, профессора, поэты и исследователи сидели сложа руки».

Список литературы

1. urke E. Thoughts on the Cause of the Present Discontents, 1770. In: Scarrow, S.E. (eds) Perspectives on Political Parties. Palgrave Macmillan, New York, 2002. B
2. https://doi.org/10.1057/9780230107403_4.
3. rnjanski Miloš. Seobe Laguna. Beograd, 2018. C
4. p o Gilgamešu. Školska knjiga doo. Beograd, 2009. E
5. iče Fridrih. S one strane dobra i zla. Beograd, Dereta. 2005. N

6. veto pismo Novog zaveta. Sveti arhijerejski sinod SPC. Beograd: Biblijsko društvo Srbije, 2006 (Mk. 8:36). S
7. oro Henri Dejvid. O dužnosti građanina da bude neposlušan. Beograd: Global book, 1997. T
8. homsas Dylan. The Collected Poems of Dylan Thomas: The Original Edition Paperback,. New Directions, 2010. T
9. amvaš Bela. *Scientia Sacra* I - Duhovna baština drevnog čovečanstva 1. Beograd: Draslar, 2012. H

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ А.С. ПАНАРИНА – КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОВОД ДЛЯ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Баранецкий А.Н.

Кандидат философских наук

ГАОУ ПО ИРО «Институт развития образования г. Севастополя»

E-mail: ross60@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты поиска в философии истории (по трактовке А. Панарина) идеи, в соответствии с которой сущность глобальных процессов понимается как смена архетипов мироотношения. В учебнике по философии истории найдено подтверждение возможности найти причину смены общественно-экономических формаций. Такое подтверждение обнаруживается во взгляде на историю профессора Гуревича. Предлагается новое понятие «архетип мироотношения субъекта истории», даны названия исторических архетипов на основе известных эпох дикости, варварства, рабовладения, феодализма и капитализма. Предлагается понимание единства цивилизационного и формационного подхода. В предлагаемой концепции всемирной истории народы выбирают или не выбирают переход к новым системам ценностей, во время кризиса или упадка цивилизации могут продемонстрировать всему миру весьма архаичный тип мироотношения дикарей или варваров. Архетип мироотношения определяется как конкретизация и явление всемирно-исторической логики ценностных отношений. Соответственно, прогнозирование

может опираться на гипотезу о том, что за последние 400 лет человечество заново повторило историю нескольких тысячелетий. Древние архетипы дикости представлены режимами Кромвеля, Наполеона, Гитлера, архетипы варварства – вождями СССР, архетипы рабовладения – США, диагностика современности – это создание модернизированного феодализма. Прогноз на будущее – новая редакция эпохи Возрождения и обновлённое явление капитализма.

Ключевые слова: закономерности всемирной истории, архетипы мироотношения, всемирно-историческая логика ценностных отношений, дикость, варварство, рабовладение, феодализм, капитализм.

A.S. PANARIN'S PHILOSOPHY OF HISTORY IS A CONCEPTUAL REASON FOR POLITICAL SCIENCE FORECASTING

Baranetsky A. N.

Candidate of Philosophical Sciences

The State autonomous educational institution of professional education of the city of Sevastopol "Institute of Education Development"

E-mail: ross60@mail.ru

Abstract. *The article presents the results of a search in the philosophy of history (according to A. Panarin's interpretation) for the idea that the essence of global processes is a change in the archetypes of world relations. In the textbook on the philosophy of history, confirmation was found of the possibility of finding the reason for the change of socio-economic formations. This confirmation is found in a look at the history of Professor Gurevich.*

A new concept of "the archetype of the world relation of the subject of history" is proposed, the names of historical archetypes are given based on the well-known epochs of savagery, barbarism, slavery, feudalism and capitalism. The understanding of the unity of the civilizational and formational approach is proposed. In the proposed concept of world history, peoples choose or do not choose the transition to new value systems, during a crisis or the decline of civilization, they can demonstrate to the whole world a very archaic type of world attitude of savages or barbarians. The archetype of the world relation is defined as the concretization and phenomenon of the world-historical logic of value relations. Accordingly, forecasting can be based on the hypothesis that over

the past 400 years, humanity has repeated the history of several millennia. The ancient archetypes of savagery are represented by the regimes of Cromwell, Napoleon, Hitler, the archetypes of barbarism are represented by the leaders of the USSR, the archetypes of slavery are represented by the USA, the diagnosis of modernity is the creation of a modernized feudalism. The forecast for the future is a new edition of the Renaissance and an updated phenomenon of capitalism.

Keywords: *patterns of world history, archetypes of world relations, world-historical logic of value relations, savagery, barbarism, slavery, feudalism, capitalism.*

1. У Панарина в его «Философии истории» есть достаточно развёрнутые предпосылки для предположения о *деградации* всего человечества и констатации погружения в архетипы вполне дикого мироотношения. И в лучшем случае мироотношения варварского; напомним, что термины «дикари» и «варвары» 200 лет тому назад чётко различали. Предлагается принять это классическое различие. Предположения о деградации как части СПИРАЛЕОБРАЗНОГО движения – в соответствии с идеей *спиралеобразного* характера диалектического развития: то есть движения и по кругу и вниз и назад одновременно... (об этом достаточно упоминается в главе о циклическом характере истории в панаринской «Философии истории»). Поэтому резонно поставить вопрос о том, куда именно «вниз» и в каком смысле «назад» деградируют великие цивилизации. Разумным представляется ответ в том ключе, что «антураж» и обстановка современности никого и никогда не спасала от наступившего доминирования мироотношения совершенно дикого и совершенно варварского.

2. Методологически грамотно видеть не противоречие, а единство в подходах, которые названы «цивилизационным» и «формационным» [4, с. 248-258]. Но у понимания общего и постижения уникального разные задачи, цели и понимание с постижением *не противоречат друг другу, а дополняют друг друга*. Уровни образованности стандартны, это и словарный запас, и понятийный аппарат; и это число усвоенных субъектом навыков. Это УРОВЕНЬ, он типичен. Тогда как отличие и самобытность – это то, что требует постижения «не типичного» (уникального, феноменального), а не познания. Это ведь различие между *пониманием* сущности УРОВНЯ организованности (образованности) и *постижением* уникальности, феноменальности такого крупного

социума, каким бывает народ или союз племён; или комплексная цивилизация из нескольких народов (какими были многие империи).

3. На фоне сказанного я предлагаю два новых термина: 1. Логика ценностных отношений (ЛЦО) как предельно обобщенная и интегрированная система детерминант всех возможных субординаций любых практикуемых ценностных отношений, систем приоритетов, возведения тех или иных ценностей в ранг святыни и т.д. и т.п. 2. Архетип мироотношения конкретного субъекта истории (например народа) и конкретного исторического периода. При этом для логики ценностных отношений названий не придумай – сами обобщения процессов предпочтения и есть ЛЦО. ЛЦО и архетип соотносятся как сущность и явление. Историками хорошо описаны формации – рабовладельческая, феодально-средневековая и капиталистическая. Но «варвар» как научное понятие может отражать уровень неолитических достижений. В отличие от дикарей варвары имели эпос и приличный словарный запас, были земледельцами, приручили животных и садили сады ... Историками неолитическую революцию считают важнейшей, то есть такие архетипы мироотношения как дикарский, варварский стоит признавать более далёкими друг от друга по смыслу, чем архетипы рабовладельческий, феодально-средневековый, капиталистический. На этом фоне стоит задать вопрос: какова детерминанта того выбора, который делает народ, чтобы подняться до уровней создания собственной государственности или создания феодально-крепостной зависимости и т.д. Макс Вебер верно выбрал вектор для того, чтобы «превзойти марксизм»: он задал вопрос о том, от чего зависят экономические глобальные смены формаций и интуитивно разыскал верный ответ – от ценностей. Эти ценности он усматривал в религиях, отсюда у него понятия типа «конфуцианская экономика». Но автор этого доклада в «Философии истории» Панарина искал подтверждение иной идеи. Детерминанту перехода к новым типам экономических систем надо искать не в религиозных ценностях, а глубже. А именно: *логика ценностных отношений — это такая структура отношения народа к миру, которая детерминирует как выбор типа хозяйствования, так и выбор типа религии, да и выбор типа юридически-правовой культуры тоже*. К примеру, римское право не будет понято в первобытном мире, в феодальной общине, да и в посткапиталистических требованиях к обязательному правовому просвещению. Что это за культура такая, в которой имеет место «незнание закона» - не допускали этого «незнания», добивались, чтобы каждый знал. И первобытные люди от каждого требовали с детства знать все порядки

племени. А средневековые владыки не для того требовали кровью подписи ставить, чтобы кто-то не знал и забыл клятву. Ценностное отношение — это когда подписи кровью ставят. Это совсем не теория и не абстрактная аксиологическая символическая схема. И если миллион человек неистово тратят всё время своего бытия для того, чтобы после смерти оставить груды денег и таких детей, которых натренировали всю жизнь потратить на увеличение этой груды денег (смысл капитализма) – это не менее жестокое отношение к себе самому и к детям своим, чем подписи кровью. Но историки, аналогичные идеи которых разыскал А. Панарин, пользуются не понятиями «логика ценностных отношений» или «архетипы мироотношения». Это подтверждает цитата, в которой учебник под редакцией Панарина ссылается на Барга [4, с. 245-248] и Гуревича в осмыслении формационного подхода и поиске глубинных детерминант истории: «Ученые попытались определить содержание цивилизационного подхода. Его главное отличие, пишет М.А. Барг, заключается в раскрытии сущности, смысла любой исторической эпохи "через ее человеческое измерение". А.Я. Гуревич выдвигает на передний план историю ментальностей, т.е. разлитых в социальной среде умонастроений, неявных установок мысли и *ценностных ориентаций*, автоматизмов и навыков сознания, текучих и вместе с тем очень устойчивых внеличных его аспектов. Это как бы потаенный план общественного сознания, почва, на которой произрастают различные теории, идеологии. Этот план сознания укоренен настолько глубоко и прочно, что, когда одна идеология сменяет другую, этот потаенный слой образов и представлений может оставаться неизменным или изменяться лишь отчасти, сохраняя свои основные параметры. <...> По М.А. Баргу цивилизационный подход ориентирует исследователя на познание прошлого "через все формы объективации субъекта истории". Концепция цивилизации, включая как объективный (формационный), так и субъективный (антропологический) аспекты истории, впервые открывает возможность построения собственно исторической методологии, которая позволяет представить исторический процесс в динамическом сопряжении объективно-заданного и субъективно-волевого начал» [3, с. 253].

Подчеркну, что Барг и Гуревич [2, с. 20] относят эту детерминанту к субъективной реальности, к сфере сознания, к духовной жизни, я же подчёркиваю, что это не только и не просто «ценностная ориентация» как пишет Гуревич, а именно целостное отношение, МИРООТНОШЕНИЕ. Напомню, что по Гегелю «отношение есть

абсолютно всеобщий способ явления». Логично здесь то, что общее детерминирует частности, и что отношение никто не сможет с научно проверяемой достоверностью привязать только к идеальности, но к практической реальности оно привязано как клятвы кровью и как прагматизм превращения самого себя в груды денег. При этом констатируем то, что смысловой компонент тоже изъять из мироотношения невозможно – ведь клятва сама по себе не материальна, да и деньги в своей сущности есть информационно ресурсные гарантии, юридически оформленное ценностное отношение и только благодаря такому пониманию сущности денег мы и можем понять, по каким причинам они оказываются эквивалентом товаров.

На этом фоне чётные и нечётные архетипы мироотношения кое в чём откровенно контрастны: именно в правовой культуре это наиболее заметно: рабовладельцам и капиталистам нет заботы о правовом просвещении массы рабов и наёмных рабочих. В племени первобытном все взрослые приучат всех детей знать о незыблемых правилах (законах) общины, средневековые феодалы ради знания своей клятвы могут даже потребовать и кровью расписаться в знании порядка; а посткапиталистическая (например, социалистическая) парадигма требует так интенсифицировать правовое просвещение, чтобы всем поголовно знания порядков дать даже моральных (которых больше, чем юридических) ... Если Русь рождалась в века Средние, феодальные, то и в текущем веке население привычно оправдывает себя: «Я не знал!»

Формация, в которой народ был рождён, вполне накладывает на его характер и на архетипы его отношения к миру такие «печати», что это помогает понимать его уникальность и особенности, феноменальность и незаменимость. Поэтому, якобы, «в формационном подходе универсальность этой эволюции достигается ценой лишения народов их исторической индивидуальности» якобы – ценой лишения... Но в реальном исследовании – как и от чего будет абстрагироваться исследователь – более зависит от тактики и стратегии его исследования, а не от того, на что его может провоцировать цивилизационный или формационный подходы.

5. Постоянное подчёркивание Панариным ценности интересов БОЛЬШИНСТВА людей, пусть даже бедняков («блаженные нищие духом»; защита бедняков, трудящихся...) – это ведь не только указание на общий архетип мироотношения как в христианстве, так и в коммунизме. Этот же типический комплекс характеризует ценностное отношение к демографии, стремление лидеров ко множеству и преумножению людских масс: в общине варваров, в

стране и общине феодальной, в посткапиталистической цивилизации – тысячи и миллионы людей – это ценность. А для рабовладельца и для капиталиста масса людей – это расходный материал вплоть до выбора стратегии мальтузианцев и неомальтузианцев.

Как классическое рабовладение поначалу развивается среди «моря» первобытных племён и примитивных государств соседей (кажущимся неисчерпаемым источником будущих рабов), так и капитализм капиталистический развивался среди множества стран, которые не встали на платформу индустриализации и экспорта капитала и – соответственно – вовлекались в эксплуатацию. Это казалось неисчерпаемым источником ресурсов любого типа.

Кому-то будет не по душе, но архетип дикаря отличался от архетипа варвара нормально моральным одобрением каннибализма. То есть нечётные архетипы мироотношения – дикий каннибализм – рабовладение – капитализм по структуре их бесхитростного хищнического отношения (человек-человеку-волк) откровенно и прямо берут человека – субъекта как объект. В этом сущность любой эксплуатации.

Насколько это контрастирует с эшелонированным культивированием святого, опосредованного и окультуренного отношения к людям в чётных циклах истории: культ родства и рода в неолитическую эпоху, культ любви Бога и заверения, что перед Богом король и крестьянин равны, все равны. Эшелонированное вплоть до показухи и демонстративности культивирование народности (социалистической пост-капиталистической) эгалитарной диктатуры «рабочих и крестьян» над любыми не для народа живущими субъектами...

И это тоже логично.

И в этом тоже можно усматривать логику ценностных отношений.

Она стратегически являет собой логику роста ценности человеческого бытия.

Для понимания горизонтов прогнозирования обращение к спиралеобразному характеру всемирной истории требует использовать классические понятия: «дикость», «варварство», «рабовладение», «феодализм», «капитализм».

Либерализм сохранил упрощённый взгляд на историю: суть происходящего никак не воспринимается в связи с новой редакцией дикости и варварства, которую этот либерализм возрождает. При этом, если А.С. Панарин, ссылаясь на Г.Г. Шпета, указывает на «ученичество» России по отношению к Западу, то в данном докладе предлагается разглядеть в тяге к ученичеству *тысячелетнюю*

особенность инициатив восточно-славянских правящих элит. Ведь крещение Руси – это начало ученичества у Византии.

Законопослушание русских в суровой Золотой Орде, соблюдение навязанных правил – это ученичество у Орды. 1500-е и 1600-е годы Русь Московская училась жить по библейским заповедям. И Пётр Великий затеял учёбу у Европы.

И марксисты-ленинцы в СССР усадили всю страну учиться.

Учеником была не личность, а целый народ.

Древние Греки тысячу лет были учениками и русские тоже 1000 лет ученики.

Поэтому и обязаны превзойти учителей.

Список литературы

1. арг М.А. Эпохи и идеи: становление историцизма. М.: Мысль, 1987. – 354 с. Б
2. уевич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М. 1993. – 327 с. Г
3. илософия истории: Учеб. Пособие / Под ред. проф. А.С. Панарина. М.: Гардарики, 1999. - 432 с. Ф
4. ормации или цивилизации? Материалы "круглого стола" // Вопросы философии. 1989. № 10. С.34-59. Ф

НАПРАВЛЕНИЯ И МЕТОДЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЁННОГО КОНФЛИКТА (НА МАТЕРИАЛАХ ДОНЕЦКОЙ И ЛУГАНСКОЙ НАРОДНЫХ РЕСПУБЛИК)

Баранов А.В.

*Доктор политических наук, доктор исторических наук
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
профессор кафедры политологии и политического управления*

E-mail: baranovandrew@mail.ru

Аннотация. *Вооружённый конфликт на Донбассе 2014–2022 гг. послужил катализатором не только самоопределения сообщества, но и конструирования его идентичности. Вследствие*

референдумов о воссоединении с Россией начинается этап политики идентичности, на котором необходимо согласовать задачи социокультурной интеграции Донбасса в российское общество и позиционировать идентичность Донбасса по-новому, как региональную и соотносённую с российской национальной идентичностью. Работа выполнена в русле конструктивизма. На основе анализа итогов социологических опросов мы выяснили, что основными идеями, которые одобряют жители Донбасса, респондентами выбраны: воссоединение с Россией, социальная справедливость, православие и народовластие. Это – выбор в пользу российской цивилизационной традиции против аннигиляции в глобальном мире, за русскую этничность против украинского национализма, за сильное социально ответственное государство. Среди методов политики идентичности ДНР и ЛНР: формирование чувства уважения и гордости к героическому прошлому, сохранение памяти о подвигах защитников Родины; формирование чувства гордости и почитания исторических символов и памятников; популяризация подвигов, достижений и успехов; социальное партнёрство образовательных учреждений, общественных организаций, учреждений культуры в сфере воспитания патриотизма.

Ключевые слова: *конструирование идентичности, направления и методы, вооружённый конфликт, Донбасс.*

DIRECTIONS AND METHODS OF IDENTITY CONSTRUCTION IN CONDITIONS OF ARMED CONFLICT (BASED ON THE MATERIALS OF THE DONETSK AND LUGANSK PEOPLE'S REPUBLICS)

Baranov A.V.

*Doctor of Political Sciences, Doctor of Historical Sciences
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Kuban State University”, Professor of the Department of Political
Science and Political Management
E-mail: baranovandrew@mail.ru*

Abstract. *Armed conflict in Donbas 2014–2022 served as a catalyst not only for the self-determination of the community, but also for the construction of its identity. As a result of the referendums on reunification with Russia, the stage of identity politics begins, at which it is necessary to agree on the tasks of the socio-cultural integration of Donbass into*

Russian society and position the identity of Donbass in a new way, as regional and correlated with Russian national identity. The work was carried out in line with constructivism. Based on the analysis of the results of sociological surveys, we found out that the main ideas approved by the residents of Donbass were chosen by the respondents: reunification with Russia, social justice, Orthodoxy and democracy. This is a choice in favor of the Russian civilizational tradition against annihilation in the global world, for Russian ethnicity against Ukrainian nationalism, for a strong socially responsible state. Among the methods of the identity policy of the DPR and LPR: the formation of a sense of respect and pride in the heroic past, the preservation of the memory of the exploits of the defenders of the Motherland; the formation of a sense of pride and reverence for historical symbols and monuments; popularization of exploits, achievements and successes; social partnership of educational institutions, public organizations, cultural institutions in the field of education of patriotism.

Key words: *identity construction, directions and methods, armed conflict, Donbass.*

Вооружённый конфликт на Донбассе 2014–2022 гг. послужил катализатором не только самоопределения полиэтничного сообщества, но и конструирования его идентичности. Вследствие референдумов о воссоединении ДНР и ЛНР с Россией начинается этап политики идентичности, на котором необходимо согласовать задачи социокультурной интеграции Донбасса в российское общество и позиционировать идентичность Донбасса качественно по-новому, как региональную и соотносённую с российской национальной идентичностью.

Цель работы – определить направления и методы конструирования идентичности в условиях вооружённого конфликта (на материалах Донецкой и Луганской Народных Республик).

Проект идентичности Донбасса в системе Русского мира аргументировал Д.Е. Муза [1, с. 135–168]. Методы и технологии патриотического воспитания молодёжи в ДНР и ЛНР освещены в монографии под редакцией Д.Е. Музы, Е.В. Балко и Я.В. Поляковой [2].

Работа выполнена в русле конструктивизма в исследованиях политики идентичности. Теоретическое значение имеет статья О.В. Онопко и Л.Б. Внуковой, авторы сравнивают стратегии формирования идентичности Донбасса и Украины [3].

Сообщество ДНР и ЛНР сплотилось вокруг идей Русского мира. Так, массовый опрос, проведённый в декабре 2018 г. интернет-порталом DNR LIVE в г. Донецке, подтвердил, что 89,1% респондентов хотят получить российское гражданство и лишь 3,5% не хотят [4]. Опрос 5900 чел., проведённый Социологическим центром «Особый статус» в августе 2015 г., показал, что 40% жителей ДНР выступали за воссоединение с Россией, 18% – за создание союзного государства РФ и ДНР, 17% – за независимое существование и 11% – за возврат в состав Украины [5].

До начала специальной военной операции по денацификации Украины в донбасском обществе существовала неопределённость в выборе вектора развития. Минские соглашения 2015 г., декларировавшие особый автономный статус Донбасса в составе Украины, воспринимались жителями Донбасса негативно, в лучшем случае – как вынужденная временная мера. По мнению экспертов (депутатов Народного Собрания ДНР, государственных служащих), опрошенных О.В. Онопко и Л.Б. Внуковой в марте – мае 2018 г., основными идеями, за которые жители Донбасса борются, выбраны: присоединение к России, социальная справедливость и народовластие. Это – выбор в пользу русской (советской) культуры и против украинского национализма [3, с. 75–76].

Конституции ДНР и ЛНР содержали нормы о государственном равноправном статусе двух языков – русского и украинского [6; 7]. Подчёркивание макрополитического (надэтнического) характера идентичности Донбасса отстаивал и тогдашний председатель Народного собрания ДНР А.Е. Пургин в беседе с нами в феврале 2015 г. Более того, идеи независимости от Украины и российскости привлекательны для жителей оккупированных местностей Донбасса, что вынуждены признавать украинские власти.

В республиках Донбасса проводится политика идентичности, направленная на воспитание патриотизма и принципиальное неприятие идей нацизма и агрессивного национализма. Так, действует Республиканская программа патриотического воспитания граждан Донецкой Народной Республики на 2020–2022 годы, принятая постановлением Правительства ДНР от 30 апреля 2020 г. № 22-3 [8]. В программе ставится цель создать условия повышения гражданской ответственности в обществе, воспитать гражданина, любящего Родину и семью, имеющего активную жизненную позицию. Среди успешных методов патриотического воспитания в программе упомянуты:

– формирование чувства уважения и гордости к историческому героическому прошлому, сохранение памяти о подвигах защитников Родины;

– создание возможностей активного вовлечения граждан в решение проблем развития ДНР;

– формирование чувства гордости и почитания символов государства: флага, герба, гимна, других исторических символов и памятников;

– популяризация подвигов, достижений и успехов граждан, формирующих положительный образ государства;

– социальное партнёрство образовательных учреждений, общественных организаций, учреждений культуры в сфере воспитания патриотизма.

Большое внимание в республиках Донбасса уделяется разоблачению идеологии украинского нацизма, её мифологем и стереотипов. Речь идёт о мифах:

– о древности украинского государства (его существования с Античности, тогда как украинская нация сформировалась только после 1917 г., а украинское государство – в декабре 1991 г.);

– о присвоении националистами единой истории русского, восточнославянского народа;

– об якобы вечной вражде между украинцами и русскими и фальсифицированных исторических примерах конфликта;

– о возвеличении Украинской повстанческой армии (УПА) (*запрещена в Российской Федерации как террористическая организация*) и её главарей времён Второй мировой войны – Бандеры, Шухевича и др. (Нюрнбергский трибунал признал УПА нацистской организацией, подлежащей запрету);

– о насаждении украинского языка как единственного государственного;

– об отождествлении украинского народа с идеями и символами нацизма (на самом деле нацистские взгляды достаточно массово распространены до 2005 г. только на Западе Украины, а в других регионах они насаждались насильственно) [9, с. 300–308].

Опровержение данных мифов потребовало от историков Донбасса, органов власти организовать издание учебников и популярной литературы, излагающих историю и современность Донбасса в контексте общероссийской истории и восточнославянского единства. Донбасс осмысливается как «малая Родина», регион единой православной славянской цивилизации. Например, можно упомянуть книгу С.Ю. Бунтовского [10]. Эта

установка политики приносит ощутимые положительные результаты. По итогам социологических опросов, проведённых Донецким национальным университетом (выборка 800 чел., погрешность не более 5%), удельный вес жителей г. Донецка, назвавших себя украинцами, снизился с 40 до 21% за апрель 2014 – май 2016 гг., а процент русских по самооценке вырос с 33 до 60% [11]. С учётом массовой вынужденной миграции это впечатляющие изменения.

Итоги социологических опросов прошли проверку при референдумах о вхождении ДНР и ЛНР в состав Российской Федерации 23–27 сентября 2022 г. Явка на референдумы составила 97,5% на освобождённых территориях ДНР и 92,6% в ЛНР. Поддержали вхождение в состав России 99,2% явившихся на референдум в ДНР и 98,4% в ЛНР [12].

Итак, конструирование идентичности сообществ в республиках Донбасса идёт достаточно успешно, концепция «Русский Донбасс» положительно оценивается подавляющим большинством жителей региона. Идеологические маркеры нынешней Украины как прозападной, моноэтничной, антиросийской страны отторгаются в Донбассе и выступают в качестве зеркальной противоположности донецкой идентичности.

Список литературы

1. Муза Д.Е. Россия в системе координат глобального мира: метафизика, идеология, прагматика. М.: Изд. Воробьёв А.В., 2016. 232 с.
2. Патриотическое воспитание в Донбассе: история, теория, практика / под ред. Д.Е. Музы, Е.В. Балко и Я.В. Поляковой. Донецк: Изд. дом “Edit”, 2018. 228 с.
3. Оношко О.В., Внукова Л.Б. Политическая символика и формирование гражданской идентичности населения Донбасса в современных условиях // Парадигмы общественного развития. 2018. № 10. С. 73–77.
4. Опрос: сколько жителей ДНР хотят получить гражданство России. URL: <http://rusvesna.su/news/1547791128>
5. Более 40% жителей ДНР высказались за присоединение к России – соцопрос. URL: <http://dan-news.info/obschestvo/bolee-40-zhitelej-dnr-vyskazalis-za-prisoedinenie-k-rossii-socopros.html>

6. Конституция Донецкой Народной Республики. URL: <https://pravdnr.ru/npra/konstitucziya-doneczkoj-narodnoj-respubliki/>
7. Конституция Луганской Народной Республики. URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/konstitutsiya/>
8. Республиканская программа патриотического воспитания граждан Донецкой Народной Республики на 2020–2022 годы: Постановление Правительства ДНР от 30 апреля 2020 г. № 22–3. URL: <https://pravdnr.ru/wp-content/uploads/2020/05/postanovlenie-22-3.pdf>
9. Каревин А.С. Сумерки невежества. Технология лжи, или 75 очерков о современной фальсификации истории Украины. М.: Центрполиграф, 2016. 415 с.
10. Бунтовский С.Ю. История Донбасса. Донецк: Донбасская Русь, 2015. 402 с.
11. Черкашин К.В. Жители Донецка всё чаще самоопределяются как русские. Динамика этнической самоидентификации жителей Донбасса (2014–2016). URL: <https://regnum.ru/news/society/2240754.html>
12. Референдумы в ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областях. Главное. URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/09/2022/6329d5c89a79474c0f7ad167>

ИДЕОЛОГИЯ, ИДЕАЛЫ, ЦЕННОСТИ: PRO И CONTRA

Брюханцева Н. В.

кандидат философских наук

Томское региональное отделение общественной организации

«Педагогическое общество России», председатель

E-mail: bruhantseva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается история возникновения, использования категории «идеология». Затрагиваются вопросы развития понятия с точки зрения этимологии, социальных и гуманитарных представлений, начиная с первого десятилетия XIX века и по сей день. Кратко представлены основные понятия, аргументы и проблемы главных современных идеологий. Мировоззренческая установка, вопреки утверждению, что бытие определяет сознание, становится особенно запутанной

и неразрешимой с развитием информационных технологий. Безопасность мира оказывается под угрозой, масштабы которой беспрецедентны. Мы располагаем сегодня огромным и постоянно пополняющимся с каждым днём массивом данных о качественно новых процессах и явлениях, о глубоких сдвигах во всех сферах мирового социально-экономического развития. Но эти данные совершенно не вписываются в те застывшие или отвергнутые схемы, которые предлагают самые разные знания о человеке и социуме. Именно это тормозит принятие неотложных социальных, образовательных, гуманитарных и политических решений, блокирует осознание исторических реалий. Необходимы новые идеи в сфере гуманитарного, социального, духовного знаний, естественно с учетом того, что человек и человечество знают, умеют, хотят и могут сделать именно сегодня, поскольку завтра может не наступить.

Ключевые слова: ценности, идеалы, общество, идеология, социальные проблемы, человек, новые идеи для развития цивилизации, мировоззрение, гуманитарные знания.

IDEOLOGY, IDEALS, VALUES: PRO AND CONTRA

Bryukhantseva N. V.

Candidate of Philosophical Sciences

Chairman of the Tomsk regional branch of the public organization

"Pedagogical Society of Russia"

Abstract. The article examines the history of the emergence and use of the category "ideology". The issues of the development of the concept from the point of view of etymology, social and humanitarian concepts, starting from the first decade of the nineteenth century to the present day, are touched upon. The basic concepts, arguments and problems of the main modern ideologies are briefly presented. Ideological problems, contrary to the assertion that being determines consciousness, become especially confusing and insoluble with the development of information technology. The security of the world is under threat, the scale of which is unprecedented. Today we have a huge and constantly growing array of data on qualitatively new processes and phenomena, on profound shifts in all spheres of global socio-economic development. But these data do not fit at all into those frozen or rejected schemes that offer a variety of knowledge about a person and society. This is what hinders the adoption of urgent social, educational, humanitarian and political decisions, blocks the awareness of historical realities. New ideas are needed in the field of

humanitarian, social, spiritual knowledge, naturally taking into account what man and humanity know, are able, want and can do today, because tomorrow may not come.

Keywords: *values, ideals, society, ideology, social problems, man, new ideas for the development of civilization, worldview, humanitarian knowledge.*

Идеология теоретически оценивается как сложная многоуровневая система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг другу, рассматриваются социальные проблемы и конфликты, определяются цели, идеалы, ценности общества, которые направляются в жизнь на закрепление, изменение или коррекцию социальных отношений. Сам термин «идеология» был введён французским философом и экономистом А. Л. К. Дестют де Траси в начале XIX века для понимания, осознания, принятия учения об идеях, позволяющих определить базисные основания для понимания политики, этики, то есть гуманитарных идеальных знаний, представлений о человеке и социуме. В таком же смысле об идеологии писали представители французского материализма и сенсуализма. В наполеоновской Франции термин «идеология» приобрёл пренебрежительный оттенок, «идеологами» стали называть людей, проповедующих взгляды, оторванные от практических, жизненных вопросов и ситуаций быденной и социальной жизни и проблем в политике.

К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» уже середины XIX века, то есть фактически через несколько считанных десятилетий после французов понимали идеологию несколько по другому: Во-первых, как идеалистическую концепцию, согласно которой мир представляет собой воплощение идей, мыслей, принципов; Во-вторых, как соответствующий этой концепции тип мыслительного процесса, когда его субъекты – идеологи, не сознавая связи своих построений с материальными интересами определённых групп (классов) и объективных побудительных сил своей деятельности, постоянно воспроизводят иллюзию абсолютной самостоятельности общественных идей, и, вытекающий отсюда метод подхода к действительности, состоящий в конструировании мнимой, иллюзорной реальности, которая выдаётся за действительность. Немецкие теоретики были убеждены, что сама действительность предстаёт в идеологии в искажённом, перевёрнутом виде. То есть, идеология оказывается фактически иллюзорным сознанием.

В противоположность этим идеологическим формам, научное сознание, по их мнению, остаётся на почве действительной истории. К. Маркс и Ф. Энгельс были убеждены, что методы научного анализа и критики идеологии даёт материалистическое понимание истории, согласно которому идеология есть явление общественного сознания и подчиняется его общественным закономерностям. Идеология определяется общественным бытием, но обладает по отношению к нему относительной самостоятельностью. Философы были убеждены, что в развитии идеологии имеет место преемственность, поскольку здесь сосредотачивается особый мыслительный материал, и каждая новая идеология, будучи отражением новых социальных условий, по сути и форме, как правило, соотносится напрямую с предыдущей идеологией [5, с. 200].

Анализ, проведенный немецкими исследователями исторического процесса, показал, что идеологические иллюзии не просто случайные заблуждения, что идеологии выполняют определённые социальные функции, вырабатывая соответствующие интересам определенных групп (классов) типы мышления, а иногда проведение их в жизнь, меняющих её существенно, программными социальными действиями.

К. Маркс и Ф. Энгельс не использовали категорию «Идеология» к собственной системе научных воззрений, но они характеризовали марксизм как научную теорию социализма, органически связанную с освободительной классовой борьбой пролетариата. События XX и XXI столетий многое из теоретических представлений философов не просто подвергли критике, но и категорически опровергли. Но, справедливости ради, необходимо признать, что нельзя утверждать, что всё стало понятно и мы наверняка знаем, какую роль в социуме играет идеология, как она появляется и как развивается на каждом этапе исторического развития человечества. Проблема заключается в том, что гуманитарное, социальное, философское знание сложно, практически невозможно проверить на практике: каждый этап развития уникален, если повторим, то это частичное повторение, которое может не быть соотносимо с сутью предыдущего опыта. Очень условно цивилизационное развитие можно сравнить с развитием человека: один и тот же индивидуум будет оцениваться по-разному с самых разных позиций в разных возрастных периодах (1 год жизни, 10, 25, 40, 83 года дают разные представления об одном и том же человеке).

В философской энциклопедической литературе категория «идеал» (франц. Ideal, греч. *idéa* — идея, первообраз) [5, с. 195] трактуется как идеальный образ, определяющий способ мышления и деятельности человека или общественного класса. Формирование природных предметов, сообразно идеалу, представляет собой специфически человеческую форму жизнедеятельности, ибо предполагает специальное создание образа для цели деятельности человека или человечества до её фактического осуществления. Мы оцениваем данное определение как своеобразную точку отсчёта по многим параметрам современного существования человека и человечества с точки зрения понимания, использования идеала в создании и существовании идеологии современности.

Логика наша проста и очень конкретна: человек уверенно может идти только в том случае, если хорошо знает собственное направление существования, понимает цель его и положительно принимает с большой долей вероятности, осуществляет движение в своей жизни. Если данный вопрос рассматривать на уровне социума, то, конечно, отличия есть, но направление, цель, смыслы существования также необходимы, более того, всё перечисленное напрямую зависит от тех идей, которые человек и социум создаёт своим сознанием и переформатирует в своеобразный идеал, к которому можно и нужно стремиться в силу определённых вынужденных или нравственно сформулированных обстоятельств.

На наш взгляд, в современном варианте развития многослойной *neto*культуры принципиально важным становится осознание, использование, сохранение или уничтожение, в силу определённых обстоятельств, традиционных или современных идеалов и ценностей общества и личности.

Уже на рубеже XX и XXI веков многие учёные поднимали вопросы по поводу серьёзности, если не драматичности, тех изменений, которые происходят, продолжают вносить в жизнь последствия технологического прорыва в области информационных достижений. Конечно, сегодня это уже не тема для дискуссии, поскольку масса проблем во всех возрастах современного человека, во всех странах на всех континентах лежат на поверхности: перенаселение и постоянный недостаток самых неожиданных объектов, факторов, явлений в различных регионах Земного шара, проблемы в образовании и недостаток чистой воды, источников энергии, гендерные, известно и понятно откуда взявшиеся вопросы, и, якобы, ситуации, затрагивающие нескончаемые национальные,

часто военные конфликты, таинственно возникающие болезни, наконец, пандемия КВ.

Список проблем не будем продолжать до бесконечности: слишком это печально и наша задача состоит несколько в другом: найти выход, а он, как говорят мудрые, - находится там, где вход. Мы не раз высказывали предположение, согласно которому свои современные проблемы личного и цивилизационного характера, мы имеем благодаря факту, что современное бытие всерьёз не соотносит со сферой нравственного, гармоничного, добра и его взаимоотношений со злом. Мы сознательно не приводим историю поиска человечества идеала существования человека и цивилизации, поскольку на сегодняшний день это сфера изучения и дискуссий исключительно философов, а не педагогов, граждан, родителей, руководителей государств. Тем не менее, считаем нужным доказать, что этот вопрос, - о месте, роле, значении идеала и проявление его в идеологии, жизни личности во многом является важной составляющей не только для отдельного человека, но и в бытии современного государства и даже современной цивилизации.

Можно согласиться с мнением Лео Штрауса, что современность – это секуляризованная библейская вера в возможность создания небесного рая на земле. В этом смысле она охватывает, по мнению В. П. Макаренко, последние пятьсот лет жизни человечества. Уверены, что эта цифра значительно больше, если верить самым разным летоисчислениям на нашей планете, но, можно согласиться, что именно за последние пятьсот лет сформировались главные идеологии, существующие сегодня. Это: либерализм, консерватизм, марксизм, социализм, феминизм, экологизм, коммунитаризм, национализм, анархизм.

Те добродетели, которые отмечены в христианстве: целомудрие, умеренность, любовь, усердие, терпение, доброта, смирение, - не являются просто перечнем идеальных, в определённой степени, это обязательные характеристики верующего человека. Чтобы человек смог выработать данные качества он должен работать со своим сознанием, он обязан понять в себе многое постоянно совершенствоваться, чтобы состояться, превратиться в самого себя, а это действительно задачи выполнимые, но путь сложный, хотя совершенно естественный и необходимый для каждой личности.

Проблема создания идеала, ценностей в жизни отдельной личности напрямую связана с принятым в конкретном обществе социальным идеалом, который формируется в семье, зависит от

существующей системы образования и это закономерно, поскольку передача ценностных традиций, знаний, навыков всегда передавалась и передаётся по сей день не только через близко - родственные контакты, но и посредством образования на всех уровнях и во всех существующих формах. По многим параметрам формирование социального идеала зависит от тех главенствующих идеологий, которые в той или иной степени существуют в социуме. Удивительно, но различие между конкурирующими идеологиями может быть проведено только по их отношению к конкретным политическим вопросам. Но, позиция по одному вопросу не может говорить о точке зрения на другие проблемы социально-политического бытия. Например, в либеральной идеологии содержится положение о сведении к минимуму роли государства. На практике либералы могут выступить за увеличение правительственных субсидий по любому направлению жизни общества, поэтому можно утверждать, что равноценность идеологий на политическом рынке сопровождается постоянным конфликтом между теорией и практикой любой идеологии.

Возможны три способа объяснения неоднозначности политических понятий и действий: интересы духовного и политического направления; сущностная дискуссионность политической терминологии данной идеологии; историческая изменчивость идеологического направления.

Исторический обзор становления консерватизма позволяет заключить, что его главная традиция вытекает из трёх взаимосвязанных концепций: традиционализма, скептицизма и органицизма. Фактически, консерватизм – это соединение склонностей большинства людей, правда в реальной жизни консервативные установки не всегда доминируют, поскольку отрицательное отношение к науке и теоретическому знанию, которые приносят новые исследовательские позиции, изменения в социуме, - настораживают консерваторов.

У марксистской доктрины тоже три определяющих свойства: телеологическое видение истории, в котором главную роль играют идеи классовой борьбы и примата экономики; единство теории и политики, постулированное в тезисах Маркса о Фейербахе «...Философы... объясняли мир, но дело состоит в том, чтобы изменить его». Марксизм представляет собой теорию общества и политический проект социализма; убеждение в том, что марксистская теория и политический проект обладают «научным»

содержанием, в отличие от конкурирующих многочисленных модификаций социализма.

История социалистической идеологии насчитывает около двухсот лет, тем не менее, угроза социалистическим идеалам со стороны реальной действительности не уменьшилась. Связь между теорией, политикой всё более слабеет. Даже профсоюзы отстаивают идеал корпоративной организации общества, - так активно и всесторонне приспособились к капиталистическим интересам и обязательной составляющей деятельности, - прибыли.

Феминизм нельзя назвать систематической теорией, - это скорее политическая позиция. В этом смысле феминизм подобен консерватизму. Главные свойства феминизма: приписывание опыту особого значения, определение смысла мира и учётом жизненного опыта каждой женщины; бессистемность, опыт и способы его восприятия индивидуализированы; приписывание личной жизни политического значения. Главная цель феминизма – свергнуть господство мужчин над женщинами.

Экологическая идеология появилась сравнительно недавно во второй половине XX века, именно поэтому данное движение пока ещё находится в фазе локального развития. Его успехи ограничиваются отдельными местностями. Яркий пример: - устранение смертоносной мглы над Лондоном или возвращение рыбы в Темзу.

Суть коммунитаризма заключается в обсуждении самых разных аспектов братства в человеческом обществе как состояния развитости общества и качества сформированного социального идеала. Три проблемы выделяются как основные: тотальная критика современного общества; уничтожение главных политических идеологий, обоснование и развитие значимости идеала братства для современного не совершенного человека и человечества.

Политические и социальные изменения в России не могли не отразиться на системе образования. Совершенно естественно, что в основе любого образования должна лежать мировоззренческая парадигма, или, говоря языком тридцатилетней давности, - идеология. Идеология — это не только основная идея, но и система идеалов, принятая данной идеологией. Нам совершенно не понятно, почему так много политиков боятся и не принимают данное понятие. Идеология – это необходимо, обязательно и замечательно, поскольку в данной категории не только должны быть заложены и доступно объяснены смыслы, цели, ценности, идеалы социума. Это то, что увлекает людей и ведёт за собой, что заставляет совершать подвиги и

подниматься на вершины человеческого бытия. Сегодня человечество, окунувшееся в рой проблем и катаклизмов, фактически стоит перед необходимостью пересмотра самых глубинных основ своего личного и социального мировоззрения, понимания своего места в пространствах Земли, пересмотра своей цивилизационной парадигмы. Человеку не удастся уйти от мировоззренческих споров по самым разным политическим точкам зрения, пока он не найдёт то, что станет самым существенным для жизни сейчас, а потом снова поиски, споры, ошибки, разочарования. Видимо, мы обречены на постоянные поиски самих себя, лучшего мира и постоянное движение вперёд.

Список литературы

1. Брюханцева. Н. В. Возможности фантазии и перспективы идеала. Томск: Изд-во Том.ун-та, 2006. – 134 с.
2. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Издательство «Наука», 1977. – 703 с.
3. Макаренко В. П. Главные идеологии современности. Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 2000. - 459 с.
4. Платонов С. П. После коммунизма. М.: «Молодая гвардия», 1989. – 255 с.
5. Философский энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1983. – 840 с.

ПАТРИОТИЗМ В СТРУКТУРЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ: ОСНОВАНИЯ И СМЫСЛЫ

Бугайчук Т.В.

доктор политических наук

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского»,

доцент кафедры общей и социальной психологии

E-mail: mischenko@inbox.ru

Коряковцева О.А.

доктор политических наук

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского»,

директор Института развития кадрового потенциала

E-mail: youth1@mail.ru

Работа подготовлена в рамках государственного задания Министерства просвещения РФ на НИР «Механизмы оценки и сопровождения процесса обеспечения социальной и психологической безопасности подростков в образовательной организации» (073-00109-22-02).

Аннотация. Авторами статьи представлена важная роль гражданской идентичности и патриотизма в развитии гражданского самосознания личности и гражданского общества в целом. В структуре гражданской идентичности выделяется три основных компонента – когнитивный, ценностно-мотивационный и деятельностный. Именно в ценностно-мотивационном компоненте гражданской идентичности представлено такое ценностное образование как патриотизм, которое наполняет гражданскую идентичность такими важными характеристиками как любовь к Отечеству, к своей родине, к своему народу, его истории, культуре, обычаям и традициям; в принятии этих традиций, в желании своими действиями, поступками служить своей родине. Именно через воспитание патриотизма как одной из определяющих духовных ценностей человека, характеризующих высший уровень развития личности, степень сплоченности общества и проявляющихся в активной самореализации на благо общества возможно формирование ценностно-мотивационного компонента гражданской идентичности личности и развитие Гражданина страны в целом.

Ключевые слова: гражданская идентичность, патриотизм, гражданское общество, ценностно-мотивационный компонент.

PATRIOTISM IN THE STRUCTURE OF A PERSON'S CIVIC IDENTITY: FOUNDATIONS AND MEANINGS

Bugaychuk T.V.

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Associate Professor of the Department of General and Social Psychology

Koryakovtseva O.A.

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Director of the Institute for the Development of Human Resources

Abstract. *The authors of the article present the important role of civic identity and patriotism in the development of civic consciousness of the individual and civil society as a whole. In the structure of civic identity, there are three main components - cognitive, value-motivational and activity. It is in the value-motivational component of civic identity that such a value formation as patriotism is presented, which fills civic identity with such important characteristics as love for the Fatherland, for one's homeland, for one's people, its history, culture, customs and traditions; in the acceptance of these traditions, in the desire to serve their homeland with their actions, deeds. It is through the upbringing of patriotism as one of the defining spiritual values of a person that characterizes the highest level of personality development, the degree of cohesion of society and manifests itself in active self-realization for the benefit of society, it is possible to form the value-motivational component of the civic identity of the individual and the development of the Citizen of the country as a whole.*

Keywords: *civic identity, patriotism, civil society, value-motivational component.*

Россия переживает сегодня сложный период формирования гражданского общества, правового государства и социально ориентированной экономики. Состояние современного общества, его особенности и тенденции развития, безусловно, связаны с процессами «глобализации», увеличения интенсивности информации и степени открытости, размывания национально-культурных границ. Безусловно, данные процессы оказывают сильнейшее влияние на экономическую, политическую, гражданскую, культурную и другие сферы жизни общества.

В трансформационных процессах российского общества и государства гражданское самосознание играет важнейшую роль, обеспечивая процесс обновления социально-политических ценностей и развитие патриотизма и гражданской идентичности молодого поколения россиян как активного социального и политического субъекта в системе государственно-общественных отношений.

Гражданская деятельность – часть общественной практики, определяющая социально-политическую стабильность. Следовательно, сегодня требуется расширение пространства такой социально-политической практики, в ходе которой представители новой генерации идентифицировали бы себя как Граждане, которые, с одной стороны, автономны от государства и способны выражать себя творчески, а с другой стороны – осознают свою политико-

правовую, социокультурную принадлежность к российской государственности. Отношения личности и социума эластичны и многогранны, а значит, создаются условия для более широкого проявления индивидуальности. Автономия личности растет, что, с одной стороны, ведет к одиночеству и возможности манипулировать её сознанием и поведением, а, с другой стороны, способствует возвышению самости Человека, раскрепощает его творчески.

Тенденция автономизации личности от государства, характерная для постиндустриальных обществ, сказывается на приоритизации потребностей человека. Все большее внимание Человек уделяет вопросам творческого самовыражения в аспектах противодействия глобализации, экологизации жизнедеятельности, приращения интеллектуального капитала. Все это ведет к качественной трансформации общественных настроений. Применительно к России можно отметить, что большая часть граждан сегодня еще не достигла уровня удовлетворенности благами «развитого капитализма», что соответствующим образом отражается на менталитете. Вместе с тем, российское социально-политическое сознание до сих пор содержит ориентации на справедливость, жертвенность, подвижничество. В процессе политической самоидентификации подобные консервативные позиции взаимодействуют с ценностями и идеалами постиндустриального общества, целями социальной, профессиональной самореализации. Гармонизация, с одной стороны, процесса автономизации личности, а, с другой стороны, особенностей российского менталитета требует соответствующих социально-политических механизмов формирования гражданской идентичности молодых россиян.

Массовый стандарт в отличие от ценностей традиционной групповой культуры не закрепляет личную идентичность, не дает готового ответа на вопросы: Кто Я и с кем Я? К чему Я должен стремиться и почему?

Молодому человеку приходится делать собственный выбор из возможных вариантов, определять свое отношение к себе и к миру. Поле свободного самоопределения широко. На ранних этапах становления личности этот выбор очень труден. По нашему мнению, задача государства – помочь в главном: в становлении гражданской идентичности. Иначе в России не может быть сформировано развитое гражданское общество, о котором так много говорят видные политики и СМИ. Кроме того, следует помнить, что в самой молодежной среде в связи с недоверием к интеллектуальной компетентности общественных и политических институтов и их

информационной политике идет поиск новых форм социальной и политической активности и общения, который выражается в повсеместном распространении неформальных молодежных движений, экстремистских проявлений, утечке молодых кадров за рубеж.

В современном российском общества понятия «патриотизм» и «гражданская идентичность» как компоненты гражданского самосознания имеют различные трактовки. К сожалению, за этими словами часто прячутся амбициозность, карьеризм или пустозвонство, и они не выражают истинно гражданскую позицию личности. Идентичность становится политическим концептом современного общества, который понимается как взаимосвязь новых смыслов, идей, понятий, инновационных вариантов, воплощаемых и воплощенных в политических решениях и дискурсивных практиках.

Осмыслив разные варианты структуры гражданской идентичности, мы пришли к выводу, что оптимально наличие трех компонентов:

- когнитивного – знание идентифицирующих признаков принадлежности к сообществу граждан определенного государства;
- ценностно-мотивационного – ценностные ориентации по отношению к своей принадлежности к гражданам определенного государства, патриотизм, эмоциональное принятие (непринятие) своей принадлежности к гражданам определенного государства;
- деятельностного – поведение субъекта как гражданина, его гражданская активность, патриотизм.

Данные компоненты находятся в постоянной взаимодинамике, что обуславливает непрерывность процесса формирования гражданской идентичности подрастающего поколения. В результате усвоения знаний у человека складываются убеждения, которые служат основой формирования ценностей. Так, ценностно-мотивационный компонент определяет мотивы и характер поведения в той или иной ситуации, в него входит эмоциональный компонент. Именно в ценностно-мотивационном компоненте мы отмечаем важность патриотизма, где он отвечает за наполнение государственной гражданской идентичности ценностным содержанием, чувством сопричастности и гордости за страну.

В современной России понятие «патриотизм» и его интерпретация стали предметом острой идеологической и политической борьбы. И российская ситуация далеко не уникальна. Патриотизм как ресурс символической политики активно используется политическими лидерами разных стран, повсеместно

порождая новые демаркационные линии в обществе, что побуждает исследователей обсуждать содержание, интерпретации и имплементации патриотизма [1].

По мнению современных российских ученых Т.В. Беспаловой и Е.В. Свиридкиной, признание преемственности эпох (царской, советской, постсоветской) становится критерием истинного российского патриотизма, для которого одним из главных принципов является признание и обеспечение целостности российской истории и значимости возникающих культурных, религиозных, государственных и политических форм и символов на всем историческом пути страны [2].

В нашем исследовании мы проанализировали сущность понятий «патриотизм», «патриот», «патриотическое воспитание», представленных в словарях.

Так, в словарях указывают, что слова патриот и патриотизм происходят от греческих слов «patriotes» – земляк, соотечественник, и от «patris» – родина, отечество [3; 4; 5]. Слово «патриот» родилось в период Французской революции 1789-1793 гг., и патриотами называли борцов за народное дело, защитников республики.

В.И. Даль в «Толковом словаре» объясняет слово «патриот» как: «Любитель отечества, ревнитель о благе его» [3, с. 55]. Авторы «Краткого политического словаря» понимают дефиницию «патриот» как «человека, преданного своему отечеству, служащего его интересам» [4, с. 247]. С.И. Ожегов в «Толковом словаре русского языка» поясняет: «Патриот – человек, проникнутый патриотизмом ...преданный интересам какого-нибудь дела, глубоко привязанный к чему-нибудь» [5, с. 496]. В «Словаре современного русского литературного языка» понятие «патриот» формулируется как «человек, любящий свое отечество, преданный своему народу, готовый на жертвы и совершающий подвиги во имя интересов своей родины» [6, с. 296].

Опираясь на семантику указанных определений, систематизируем выявленные значения слова «патриот»:

- а) гражданин, любящий Отечество и верный ему;
- б) человек, проникнутый патриотизмом, преданный своему народу и Отечеству;
- в) служащий интересам Отечества;
- г) ревнитель о благе Отечества;
- д) человек, стремящийся своим трудом, своими делами укреплять могущество своего Отечества;

е) человек, готовый на жертвы и совершающий подвиги во имя интересов своей родины.

На основе осмысления семантики слова «патриот» рассмотрим понятие «патриотизм».

Так, В.И. Даль слово «патриотизм» толкует как «любовь к отчизне [к отечеству]» [3, с.55]. С. И. Ожегов поясняет как «преданность и любовь к своему Отечеству, к своему народу» [5, с. 496]. В энциклопедическом словаре, составленном Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, «Патриотизм – любовь к отечеству, вытекающая из сознания солидарности интересов граждан данного государства или членов данной нации» [7, с. 434].

Моральное содержание понятия патриотизм имеется в «Философском словаре» и трактуется как нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать интересы родины [8]. «Патриотизм, любовь к родине, своему народу, стремление своими действиями служить их интересам» - такое понятие даёт «Военно-энциклопедический словарь» [9].

Таким образом, из вышеприведенных формулировок можем утверждать, что «патриотизм» есть личностное качество. Суть данного понятия заключается: в любви к Отечеству, к своей родине, к своему народу, его истории, культуре, обычаям и традициям; в принятии этих традиций, в желании своими действиями, поступками служить своей родине.

В России широкую известность получили труды В.Г. Белинского, А.Н. Радищева, К.Д. Ушинского, посвященные проблеме патриотизма. Так, А.Н. Радищев указывал, что патриотизм вырабатывает чувства благородства, совести, мужества и самопожертвования. Он называет патриотом «сына Отечества» и указывает, что «Не все рожденные в Отечестве достойны величественного наименования сына Отечества (патриота)» [10, с. 215]. По мнению А.Н. Радищева, «Быть истинным сыном Отечества – патриотом – означает не только героически отстаивать Родину от внешних врагов, но и бороться за народную свободу и народные права».

По мнению В.Г. Белинского, патриотизм включает в себя общечеловеческие ценности и идеалы и делает личность членом общественного сообщества: «Любить свою родину – значит пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому [11, с. 488-489].

К.Д. Ушинский считал, что патриотизм является не только важной задачей воспитания, но и его могучим педагогическим средством: «Как нет человека без самолюбия, так нет человека без любви к отечеству, и эта любовь дает воспитанию верный ключ к сердцу человека» [12, с. 160]. Автор видел в патриотизме средство борьбы с дурными наклонностями человека. Патриотизм – это качество личности, которое не только формируется, но и развивается в социально-культурной и образовательной среде.

С.Ю. Иванова убеждена, что историческое развитие современного российского патриотизма позволяет определить значимость этого феномена для развития и укрепления общероссийской идентичности. В своей монографии автор рассматривает патриотизм на основе анализа исторических событий и литературных произведений, начиная с «Повести временных лет» [13].

Нам показались интересными шесть трактовок патриотизма В.И. Лутовина на основе дифференциации разных определений [14]:

- Патриотизм – это возвышенное чувство любви к Родине, особенно в духовном и нравственном смысле.
- Патриотическое чувство побуждает к активным действиям, поступкам на благо своей Родины.
- Патриотизм – это общественное явление, которое в значительной степени обусловлено особенностями исторического развития общества, государства, политикой его правящей элиты.
- Патриотизм носит государственный характер и понимается «как проявление его субъектами чувства национальной гордости за свою державу, приближается к понятию гражданственности.
- Патриотизм – это духовно-творческий личностный акт, связанный с осознанием единства с Отечеством.
- Патриотизм – это важнейший этап развития личности, её духовного самовыражения.

В рамках нашего исследования нам интересен взгляд А.В. Лубского на понятие патриотизма, которое было рассмотрено ученым в рамках многомерного методологического конструкта междисциплинарного научного исследования. Патриотизм в его работах представлен как одна из структур ментальных программ, определяющих отношение людей к родине, народу и государству и обуславливающих их конкретные патриотические практики в обществе. Научное изучение патриотизма как структуры ментальных программ предполагает его когнитивное (представления о

патриотизме), аксиологическое (патриотизм как ценность) и конативное (патриотизм как установка) измерение [15]. В структуре гражданской идентичности мы выделяем очень близкие компоненты – это когнитивный, ценностно-мотивационный и деятельностный. То есть междисциплинарный подход А.В. Лубского к пониманию патриотизма и наш интегративный подход к пониманию концепта гражданской идентичности имеют точки соприкосновения.

Обобщив разные представления о патриотизме, мы пришли к выводу: патриотизм – одна из определяющих духовных ценностей человека, характеризующая высший уровень развития личности, степень сплоченности общества и проявляющаяся в активной самореализации на благо общества. Патриотизм, безусловно, – ценностный компонент гражданской идентичности.

Но, к сожалению, и здесь мы согласны с И.М. Кузнецовым, многовариантность представлений о патриотизме, распространенных в современном российском обществе, пока не дает оснований говорить, что само это понятие может служить существенным фактором консолидации россиян на основе межнационального согласия [16]. В то же время анализ полученных данных показывает, что таким консолидирующим многонациональную Россию понятием может стать трактовка и продвижение понятия «гражданская идентичность» в общественном сознании. Один из путей решения этой задачи – включение в программы патриотического воспитания, наряду с уже широко представленным там военным компонентом, т.е. ценностями защиты Отечества, еще и компонента, утверждающего и демонстрирующего преемственность и других культурно-исторических ценностей народов России, формирование исторической памяти, занятия массовым спортом и ведение здорового образа жизни.

А значит, задача воспитания у молодого поколения чувства патриотизма расширяется: возникает необходимость решать задачи становления гражданской идентичности современной молодежи, в том числе и через ее ценностно-мотивационный компонент, в который входит патриотизм. Ментальность и характер взаимоотношений граждан и государства влияют на развитие гражданского общества и становления гражданской идентичности молодежи, их патриотизм и действительно обладают своей спецификой.

Очевидно, что время ставит вопрос о настоятельной необходимости разработки технологий и моделей формирования идентичности молодых граждан в постиндустриальном обществе. А

главное – о создании адекватной государственно-общественной системы социализации и политизации молодежи с опорой на научные изыскания.

Список литературы

1. Мартынов М. Ю., Фадеева Л. А., Габеркорн А. И. Патриотизм как политический дискурс в современной России // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 109-121.
2. Беспалова Т.В., Свиридкина Е.В. Культурно-цивилизационные смыслы государственного патриотизма: монография / отв. ред. Т. В. Беспалова; Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. М.: Институт Наследия, 2019. 212 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 3: Л - Р / Под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. 893с.
4. Краткий политический словарь / В. П. Абаренков [и др.]. 6-е изд., доп. М.: Политиздат, 1989. 623 с.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М.: АЗЪ, 1992. 944 с.
6. Словарь современного русского литературного языка. Т. IX. / Ред.: Н. З. Котелова и Г. А. Качевская. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 1482 с.
7. Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь. Современная версия / Ф.А. Брокгауз, И. А. Ефрон. М.: Изд-во Эксмо, 2002. 5547 с.
8. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. 5-е изд. М.: Политиздат, 1986. 590с.
9. Военный энциклопедический словарь в 2 томах. Том 1. /А.П. Горкин [и др.]; под ред. А.П. Горкина. М.: Большая Российская энциклопедия, "РИПОЛ КЛАССИК", 2001. 848с.
10. Радищев А. Н. Полное собрание сочинений в 3 т. / Беседа о том, что есть сын Отечества. М.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1. С. 215-223.
11. Белинский В. Г. Избранные педагогические сочинения / Под ред. А. Ф. Смирнова. М.: Педагогика. 1982. 288с. С. 488-489.
12. Ушинский К. Д. Проблемы педагогики. сост. и отв. ред. Э. Д. Днепров. М.: УРАО, 2002. 591 с.

13. Иванова С.Ю. Патриотизм в системе социокультурных ценностей современной России. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003 (ИПК СГУ). 299 с.
14. Лутовинов В.И. Современный российский патриотизм: сущность, особенности, основные направления // *Studia Humanitatis*. 2013. № 2. URL: www.st-hum.ru. (Дата обращения: 27.09.2018).
15. Лубский А.В. Патриотизм и гражданственность в российском обществе, или как преодолеть дефицит гражданственности в российском патриотизме // *Гуманитарий Юга России*. 2019. № 2. С. 47-66.
16. Кузнецов И.М. Вариативность дискурсов патриотизма в повседневном сознании россиян // *Власть*. 2016. №7. С. 164–171.

ТРАНСГРЕССИЯ В ФИЛОСОФСКО-ДИСКУРСНОМ ОТБРАЖЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ

Гаффаров И.З.

Кандидат исторических наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: ildarg67@gmail.com

Аннотация. Кризис мировой социально-экономической системы, переход к новому технологическому укладу требует новых инструментов, алгоритмов, технологий развития, а также новой парадигмы развития не только в сфере науки и технологий, но и социальной сферы. В действительности новые тренды, веяния неожиданно появляются и лавиной сметают все изжитое, порой радикально меняя пространственно-временной «ландшафт». Поэтому нужны новые инструментари, предполагающие введение некоторых дополнительных гипотез. Для начала необходимо выяснить элементную базу знаково-символических облачений, носящих вид некоего метафизического облака, несущий определенные риски в изменении траекторий развития. Философия постмодернизма может быть зафиксирована в новом (нелинейном) понимании эволюционизма. Так, отторгая привычную всем причинно-следственную связь, в состоянии бифуркации «выбор» системой определенной траектории зависит от того, каким именно путем она попадает в точку бифуркации: «поведение ... систем зависит от их предыстории». К тому же любая система способна

«творчески» подходить к своему развитию, далеко выходя за «пределы» своих возможностей. Такой «выход» обеспечивает одно из ключевых понятий постмодернизма, как трансгрессия - феномен перехода непроходимой границы возможного и невозможного, дозволенного и недозволенного....

Ключевые слова: Трансгрессия, эволюционизм, бифуркация, синергетика, революция, пролетарская культура.

TRANSGRESSION IN THE PHILOSOPHICAL AND DISCOURSE REFLECTION OF SOCIO-POLITICAL REALITIES.

I.Z. Gaffarov

Candidate of Historical Sciences

Kazan (Volga Region) Federal University

E-mail: ildarg67@gmail.com

Abstract. *The crisis of the global socio-economic system, the transition to a new technological order, requires new tools, algorithms, development technologies, as well as a new development paradigm not only in the field of science and technology, but also in the social sphere. In fact, new trends, suddenly appear and sweep away everything outdated like an avalanche, sometimes radically changing the spatio-temporal "landscape". Therefore, new tools are needed that involve the introduction of some additional hypotheses. To begin with, it is necessary to find out the elemental base of sign-symbolic vestments, which look like some kind of metaphysical cloud, which carries certain risks in changing the development trajectories. The philosophy of postmodernism can be fixed in a new (non-linear) understanding of evolutionism. So, rejecting the causal relationship familiar to everyone, in the state of bifurcation, the "choice" of a certain trajectory by the system depends on exactly how it gets to the bifurcation point: "the behavior ... of systems depends on their prehistory." In addition, any system is able to "creatively" approach its development, going far beyond the "limits" of its capabilities. Such a "way out" provides one of the key concepts of postmodernism, as transgression - the phenomenon of crossing the impenetrable border of the possible and the impossible, the permitted and the unpermitted....*

Key words: Transgression, evolutionism, bifurcation, synergetic, revolution, proletarian culture.

Кризис мировой социально-экономической системы, переход к новому технологическому укладу требует новых инструментов,

алгоритмов, технологий развития, а также новой парадигмы развития не только в сфере науки и технологий, но и социальной сферы. В действительности новые тренды, веяния неожиданно появляются и лавиной сметают все изжитое, изменяя пространственно-временное наполнение порой до неузнаваемости. Определенного ответа на извечный вопрос: «Что делать?», к сожалению, нет. Поэтому возможны вопросы более специального характера, предполагающие введение некоторых дополнительных гипотез [8, с. 68-69]. Для начала необходимо выяснить элементную базу знаково-символических облачений, носящих вид некоего метафизического облака, и несущий определенный риск радикального изменения траектории развития. Философия постмодернизма может быть зафиксирована в новом (нелинейном) понимании эволюционизма. Так, отторгая привычную всем причинно-следственную связь, в состоянии бифуркации «выбор» системой определенной траектории зависит от того, каким именно путем она попадает в точку бифуркации: «поведение ... систем зависит от их предыстории» [6, с. 216-230]. К тому же любая система способна «творчески» подходить к своему развитию, далеко выходя за «пределы» своих возможностей. Такой «выход» обеспечивает одно из ключевых понятий постмодернизма, как трансгрессия - феномен перехода непроходимой границы возможного и невозможного, дозволенного и недозволенного, и, конечно, табуированного.

А существующий тем временем Мир жестко очерчивает сферы человеческих возможностей, ограничивая их определенными «границами» объективного и субъективного, казалось, пресекая какую бы то ни было перспективу новизны. Этот обжитой и привычный отрезок истории лишь делит и множит уже существующую систему. Данная истина «дает повод к двум разным видам опыта: первый можно назвать трагическим или космическим (безумие вскрывает бурлящие глубины, подспудное насилие и как бы непомерное, опустошительное и секретное знание), второй – критическим, оборачивающимся моральной сатирой (жизнь – чванство и насмешка, но коли есть некое «глупое безумие», от которого ждать нечего, имеется также и «безумие мудрое», которое принадлежит рассудку и обладает – в рамках иронии – правом на похвальное слово» [1, с. 13-14]. Запредельность безумия «отрывает» его и приподнимает, хотя бы на миг над извечной обыденностью и повседневной суетой. М. Бланшо уточняет трансгрессию, как растворение в «экстазе», недоступном человеческому восприятию [2, с.12]. Он пишет: «И напротив нам становится ясно, мучительно ясно,

что экстаз не имеет объекта, как впрочем, и причины» [2, с. 11]. «Король Лир», «Дон Кихот» – это безумцы, бросающие вызов равнодушию [1, с. 14-15]. С наступлением классического века безумие сводится к молчанию. Фуко видел в безумии лишь «способность к исключению», которая лишь разделила бы общество [1, с. 1-3]. Но трансгрессия выбирает так называемых проводников высшего замысла и приводит в «движение» всё и вся, вовсе не разбирая, кто разумен, а кто безумен. Философия, литература, история, живопись тем самым создают жизненные парадигмы, наполненные новым идейно-смысловым содержанием.

Трансгрессией движет сила, которая превосходит всякое ограничение, чинимое другой силой, создавая при этом пространство перехода от одного фиксированного состояния к другому, а границей «водораздела» является скользящая черта, указывающая на возможность перехода. В историческом ракурсе это продельвается с показательной жестокостью. Революция 1917 года также являлась неким водоразделом между старым и новым. Через муки и страдания трансгрессия явила собой «новый мир», наполненный новыми образами и сюжетами. Все это рождалось в безумном экстазе. Трансгрессия позволяет субъекту выйти за грань возможного, связывая с запредельной материей, и являет собой сложную, практически неуправляемую саморазвивающуюся систему. При этом предлагается снять табуированность полностью или частично в состоянии «праздника». Люди, сообщество людей может дойти до определенного безумия, что, безусловно, является коллективным актом.

После Октябрьской революции 1917 года весьма сильны были настроения, связанные с тотальным отрицанием всего прежнего культурного пласта [4]. Предшествующая культура, в свою очередь, объявлялась «эксплуаторской», классовой и в дальнейшем подлежащей ревизии. Трансгрессия в данном случае задает всему предшествующему «энергию отрицания». Сам по себе человек занят утверждением собственного «Я», так как «в основе каждого существа лежит принцип недостаточности...» [2, с. 4]. А собственная неуверенность, в свою очередь, порождает одиночество и беспомощность. М. Бланшо продолжает: «Сама суть любого существа непрерывно оспаривается любым другим существом» [2, с. 3-4]. Существо оспаривает другое существо, нередко и отрицая его, с далеко идущим расчетом невозможности быть ему самим собою. Возникает чувство неудовлетворенности, дискомфорта тем, что его существование перестает иметь хотя бы какой-то смысл. Почему

произошла революция 1917 года? Ответ, возможно, кроется в идейно-смысловом «банкротстве» императива власти или же в конъюнктурном «перекрашивании» несущих цивилизационных стержней, под которым понимается «игра форм», при «постоянстве» того же содержания. Отречение императора Российской империи Николая Второго явилась неким спусковым крючком, который и предопределил дальнейший ход исторических событий.

Философия постмодернизма высшим трансгрессивным актом считает также смерть. Данное явление из-за свойственно-параметральных ограничений, нельзя проследить и проанализировать. «Предел Фуко» (обморок говорящего человека) обладает столь же значимым для постмодерна феноменом безумия, выступая своеобразной кульминацией, перед прыжком в запредельный мир, что нашло свое отражение в трудах Фуко, Делеза и Гваттари, и в романах Батая. Человек, усложняя свой мир, все чаще вызывает к жизни такие силы, которые он уже не в состоянии контролировать [8, с. 13]. И эти силы продолжают движение помимо его воли, проходя через очередность усиления и ослабления. Как только трансгрессивное состояние теряет свою мощь и начинает ослабевать, на ее месте неумолимо утверждается запрет еще более устойчивый и непроницаемый, чем прежде. Запрет, являясь эффективным инструментом предела, должен опережать трансгрессивное состояние. Во время же «вседозволенности», а именно в момент её кульминационной точки трансгрессия придает всему божественный лоск и блеск, а со временем тускнеет и угасает, опять же на определенное время.

Технологии «захвата» трансгрессивных состояний постоянно нуждаются в дополнительной энергии, чтобы не дать «остыть» и ослабнуть чрезвычайно усложненным системам пределов-запретов. Дихотомия предела-запрета составляет механизм нелинейной эволюции, который в эксплицитной форме зафиксирован синергетикой. Уникальность же трансгрессивного акта априори заключается в игнорировании, а порой нарушении линейных систем. Трансгрессия интуитивно позволяет подобрать инструментарий для «освоения» новых запредельно-смысловых граней и «перевода знаний» на «языки» будущего. Связка фрагментов трансгрессивного продукта может лечь в основу многих саморазвивающихся систем.

Как было сказано выше, трансгрессия само по себе является целостным явлением. Итог трансгрессивного акта – это фрагментарность, размытость картины, от которой еще только вчера веяло поразительной свежестью и притягательной новизной. Черты

трансгрессии универсальны для науки, искусства, культуры и конечно политики, экономики, социальных отношений. Корневая проблема заключается в ценностном коллапсе, возникающем в эпоху обесценивания культурной традиции и дискредитации мировоззренческих устоев общества. После Октябрьской революции объектами критики стали М. Булгаков, С. Есенин, В. Маяковский, А. Толстой и другие творческие деятели [7]. Русский фольклор объявлялся антинародным. Огромный ущерб развитию культуры нанесли «школы Покровского» [5]. Был закрыт исторический факультет МГУ. Само понятие «русская история» постепенно исчезало. Под прикрытием лозунга «культурной революции» проводились академические «чистки». Многие представители русской интеллигенции оказались за рубежом. Н.Бердяев, С.Булгаков, И.Ильин, И.Бунин, И.Пригожин, В.Волков, А. Куприн и многие др. были вынуждены покинуть страну. Татарская интеллигенция также подвергалась преследованиям. В 20-е годы XX века за границей оказались Г. Исхаки, З. Валиди, Ф. Туктаров [3, с. 256].

В 1934-м году отмечалось 100-летие со дня рождения Д. И. Менделеева, но не указывалось, что это – великий русский учёный. Не была названа национальная принадлежность Л. Н. Толстого, когда в 1934-м году отмечалось 25-летие со дня его смерти. Только в декабре 1935-го года А. С. Пушкин был назван великим русским поэтом.

Русский патриотизм находил свое «продолжение» уже в новых условиях. Таким образом, восстанавливалась историческая, культурная преемственность, заключенная в некоем пределе активных трансгрессивных изменений и постепенном оформлении своеобразного «запрета».

Трансгрессия за очень короткое время позволяет выдернуть какие-то фрагменты «увиденного», оставляя остальное на самостоятельное достраивание. Связь между фрагментами в этом случае может быть разной. Мы не можем говорить о правильном/неправильном, так как «слепка» выдернутых фрагментов представляет уже следующий шаг. При этом вероятность комбинаций только увеличивается. Иначе говоря, у трансгрессии не может быть конечной точки. «Вспышка» и «Затухание» следуют поочередно, сменяя тем самым сам дискурс и наполняющие его «конструкты».

Список литературы

1. Бланшо М. Мишель Фуко, каким я его себе представляю. – М.: Machina, 2002. – 25с.
2. Бланшо М. Неопишемое сообщество. – М.: Московский философский фонд, 1998. – 29 с.
3. Знаменитые личности: историко-биографический сборник. М.: Жиен, 2013. – 383 с.
4. Культура постреволюционной России [Электронный ресурс] // Электронная библиотека – URL: <http://gumfak.ru>
5. Об исторической школе Покровского [Электронный ресурс] // Livejournal – URL: <https://n-petrovich.livejournal.com/29546.html>
6. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ. / Общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича, Ю.В. Сачкова. – М.: Прогресс, 1986. – 426 с.
7. Российские писатели и Октябрьская революция [Электронный ресурс] // Проза.ру – URL: <http://www.proza.ru>
8. Степин В. С. Философия науки и техники. – М.: Гардарики, 1996. – 226 с.

THE ROLE OF CULTURE IN THE DEVELOPMENT OF THE INDIVIDUAL'S WORLDVIEW

Preeti D Das

PhD

*Jawaharlal Nehru University,
Center for Russian and Central Asian Studies, School of International
Studies, Associate Professor, New Delhi, India*

Abstract. *Culture plays an important role in the comprehensive development of man. Huge variety of cultures of different regions was outcome of different natural conditions, differing among themselves on decisive grounds, including anthropological and linguistic ones. Thus, the influence of these cultures on the thinking and development of a person also appears to be very different. These differences are noticed not only in certain ethnic and cultural groups, but even in the behavior of individual person, in their worldview. These differences do not in any way deny the presence of common features that can be found not only in the field of languages, but this is also reflected in the behavior of the individual. We're not talking about a particular culture, we're talking about different cultures, or a set of cultures, because culture, regardless of intercultural differences, has quite significant influences and similarities to each other.*

Keywords: *Culture, Personality development, Traditions.*

РОЛЬ КУЛЬТУРЫ В РАЗВИТИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ИНДИВИДА

Прити Д Дас

Доктор философских наук,

*Университет Джавахарлала Неру, Центр исследований России и
Центральной Азии, Школа международных исследований, доцент
Нью-Дели, Индия*

Аннотация. *Культура играет важную роль во всестороннем развитии человека. Огромное разнообразие культур разных регионов было результатом различных природных условий, различающихся между собой по решающим признакам, в том числе антропологическим и лингвистическим. Таким образом, влияние этих культур на мышление и развитие человека также оказывается очень разным. Эти различия заметны не только в определенных этнических и культурных группах, но даже в поведении отдельного человека, в его мировоззрении. Эти различия ни в коей мере не отрицают наличия общих черт, которые можно обнаружить не только в области языков, но это также отражается на поведении индивида. Мы не говорим о конкретной культуре, мы говорим о разных культурах или наборе культур, потому что культуры, независимо от межкультурных различий, оказывают довольно значительное влияние и имеют сходство друг с другом.*

Ключевые слова: *Культура, развитие личности, традиции.*

Introduction.

Beginning from territorial disputes, and various religious, ethnic, and cultural conflicts led to the revisit and reform the basic concepts that lay at the base of human society. As is known that the genetic as well as the environmental factors have a great influence on the personality development. Thus, it becomes crucial at this juncture, when the world is witnessing the turmoil at every level, be it economic, political, religious, or socio-cultural. Among other factors the culture plays the most important role in comprehensive development of a person. Scientists and scholars from across the world such as Vivekananda, Vinoba Bhave, Gorden Allport, Lev Gumilev, Vselovsky, Yuri Lotman strongly believed and propagated that the culture is an essential factor in determining the personality trait. Indian thinkers such as Shri Aurobindo added the role of

teacher in shaping the personality in the right direction. Meaning attached to these cultural traits may apparently differ based on values, ideas, need, and the environment. Despite, including traditional cultural values and norms each culture may have its own unique good or bad cultural attributes, which varies based on vantage point. Nonetheless, most of the influential thinkers believe that socialization practices directly influence the individual behavior and contribute to their personality development. Extensive emphasis was given to the socialization process as inculcating the required values, actions, ideas, and norms a lot depends upon its successful socialization process. In modern societies the social media, internet, and various discourses play a crucial role in imbibing certain ideas in the minds of people, where the role of collective individual has widened enormously. Information-war had negatively influenced the communities by creating negative perception, in fact, it is taking a dangerous shape now. Considering the increased pace of globalization, technological advancement revisiting the role of culture in shaping the worldview. Thus, the study of culture and personality is no longer central to psychological anthropology but gained prominence among other fields also.

Theoretical Background

The article consulted for understanding the theoretical approach of 'culture and personality studies' [1] focuses on theories propagated by western scholars only – Edward Sapir, Sigmund Freud, Abraham Kardiner and others. These scholars expressed that the 'development of personality and the acquisition of culture are not different processes, but the same learning process'. The article jointly published by Linton and Kardiner 'the individual and society' in 1939 highlights the personality types that are present in culture [1, p. 3]. It shows that every culture tends to create and is maintained by a "basic personality type", which is reflected in the behavior and understanding of the individual's environment. As a result of common cultural background this 'basic personality type' can be similar among people having similar regional or cultural background. As propagated by scholars a child is not born in vacuum, sometimes early childhood experiences appear to be more dominating as compared to instincts. Closely linked with the nature, the cultural factors acquire unique features that distinguish people belonging to different cultural environment. Being part of the nature, culture has tangible and non-tangible elements differently affecting individuals, has been differently analyzed by scholars. Talking about unequal rate of change between tangible and non-tangible elements of culture, Ogburn shows direct or figurative relation on the individual. There are some who give preference to harmonious behavior with nature [2], while others believe in distinctiveness of human being having authority

to control and exploit the nature [2]. Nevertheless, everyone agrees that cultures are strongly influenced by the historical as well as the political factors.

The study of culture with the aim to understand its impact on personality development of psychological health conducted various experiments using materials of day-to-day use and evaluate certain key habits of an individual. For instance, Ogburn uses 'clock', a material element, to show the personality difference between American Indian and a white American. This selection was based on the presence or absence of 'clock' in their respective cultures. As per his findings, those who did not have 'clock' in their culture had a little idea about making appointments at accurate time or lack of punctuality. Similarly, exhibiting the influence of material elements, he showed the formation of habits and attitudes of individuals, their sincerity. Various means of culture language, belief, tradition, and many others facilitate relationship between intangible or abstract elements of culture and personality. The behavioral aspects such as cleanliness, punctuality are indeed important cultural aspects. In context of India, it is the spirituality that has more significance over material elements.

It was very interesting to compare the example of 'clock' with traditional societies or Indian society. Clocks as in its present form may not have existed, but traditionally it had been associated with the sun rise and sun set. The Vedas propagate coexistence of human with the forces of nature. They together are seen as a complex whole and accordingly dictate the behavior. This is not typical only for Indian society but for all traditional societies. Nature worship has been part of these traditional societies keeping nature if not above human being at least at par with them. Where human is not entitled to exploit the nature but use it in the greater interest of humanity. As propagated by Vinoba Bhave different cultures should join hands together to be part of one culture combining the traditional wisdom of different cultures.

Culture in Practice

The concern remains as since long the trend has been to follow European cultural values and norms has been so dominant that majority have neglected their own traditional values and norms. In case of India the teachings of Shri Dayananda Sarasvati, Shri Aurobindo, Swami Vivekananda, and many world-renowned progressive thinkers became things of the past. It doesn't mean that school or university curriculums did not have them. It is all about practicing their teachings in real life, which may so much contribute to personality development. Shri Aurobindo had pointed towards this mistake in the very beginning:

That the attempt in the last century which still in some directions continues, — to imitate European civilisation and to make ourselves a sort of brown Englishmen, to throw our ancient culture into the dust-bin and put on the livery or uniform of the West was a mistaken and illegitimate endeavour, I heartily agree. At the same time a certain amount of imitation, a great amount even, was, one might almost say, a biological necessity, at any rate a psychological necessity of the situation.

“That the attempt in the last century, which still in some direction continues to imitate European civilization and to make ourselves a sort of brown Englishmen, to throw our ancient culture into the dust-bin and put on the livery or uniform of the West was a mistaken and illegitimate endeavour” [5].

Like classical thinker’s approach, the global policies do emphasize tolerance and co-existence. It’s also not about learning to coexist with the participation of nature with human society. It’s about how to bring the traditional wisdom in practice. Why a person’s worldview is important and how will this affect in shaping a person’s opinion about his or her surrounding?

Above quoted example might not have any significant influence on us today, but there may be other tangible cultural elements responsible for influencing individual, their behavior, their commitment, and devotion towards ecological preservation. But this alertness gets activated only under some or the other crisis. Prior to this crisis there is always a disconnect between the person of modern society and his ancestors. As noted by Ruth Benedict in her book ‘Samples of Culture’, an individual mechanically acquires his or her civilization and nothing can change their basic temperament. As per her the challenge is in – “The problem of the individual is clarified not by emphasizing the antagonism between culture and the individual, but by emphasizing their mutual reinforcement. This understanding is so close that it is impossible to discuss models of culture without specifically considering their relationship to individual psychology.” Important to note that there is a huge diversity even in the individually acquired characteristics of culture. Each of these personalities, behavior within the same culture may differ drastically. Hence, culture is indeed only one determinant of personality, but a very important one.

International Relations

In Indian foreign policy culture or cultural diplomacy always played an important role and not just from the Joseph Nye’s concept of soft power. The focus of nation-states’ foreign policy is creating or improving the country’s image. The same is true for Russian and Ukrainian Cultural policies. At the base of any such efforts lies common understanding and

emphasis on mutual tolerance and respect. Despite, this the culture has become the nucleus or the fundamental issue for interstate relations. It has provided a platform for intensive cross-cultural interaction. The positive and negative aspects both actively take part in the cross-cultural interaction where the states do not have any control on its outcome. Consequently, people belonging to different cultures and distant geographical boundaries share common worldview. Hence, the culture becomes the melting pot of ideas of global individuals, and their worldview collectively becomes the frame that is used to make sense. It is important to note that individual’s perception or worldview is no longer the part of culture of the group they belong to. Nonetheless, understanding their perception is extremely important as it has significant impact on the behavior of the individuals.

Talking about inter-state relations, the perception or the image that is being created in the minds of youth by the other country plays a very important role. A very apt example of the same can be Russia – Ukraine relations. As a nation Ukraine failed in promoting its cultural policies not being able to keep the nation united and built a unified national identity. The question remains to what extent it has been successful in creating the image of Ukraine as a united nation globally? Russia – Ukraine war is considered to be a big failure of cultural diplomacy globally. It only indicates that importance of preserving the traditional culture which could guide the righteous path of the development. Culture continues to remain a powerful tool in the hands of politicians. Revisiting the teachings of great thinkers is essential. Especially, high time to discuss the scholars such as Pitirim Sorokin and his idea of “Altruistic love” as the task is preserve the humanity.

Literature

1. Bhat. Culture and Personality studies. April 2020. URL: https://www.lkouniv.ac.in/site/writereaddata/siteContent/202004120825283934tara_bhattachanthropersonalityschool.pdf
2. Haas B. W. The role of culture on the link between worldviews on nature and psychological health during the COVID-19 pandemic. 2020. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7547372/>
3. Sri Aurobindo. The Renaissance in India. Pondicherry: Sri Aurobindo Ashram, 1997.
4. Martina Topić. Cultural Diplomacy and International Cultural Relations // Cultural Trends. 2020. Volume I., 29:3, P. 254-256. DOI: 10.1080/09548963.2020.1799336. URL: <https://doi.org/10.1080/09548963.2020.1799336>

5. Sri Aurobindo on Indian Culture. Project: Sri Aurobindo, Our Contemporary, Jaydeep Chakrabarty, Assam University, March 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/350048087_Sri_Aurobindo_on_Indian_Culture

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЪЕЗДОВ ЛИДЕРОВ МИРОВЫХ И ТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИЙ В КАЗАХСТАНЕ

Донцев С. П.

Кандидат политических наук

Российский государственный гуманитарный университет, доцент

E-mail: dontsev@gmail.com

***Аннотация.** Съезды лидеров мировых и традиционных религий в Казахстане являются наиболее масштабной и представительной площадкой межрелигиозного диалога на постсоветском пространстве. Показана эволюция съездов начиная с 2003 г. Анализируется специфика организации и проведения съездов, их преобладающая повестка в контексте общественно-политических вызовов современности. Особое внимание уделено анализу политических аспектов повестки 7-го съезда, состоявшегося в 2022 г. Показаны функции и роль съезда в качестве института межрелигиозного диалога.*

***Ключевые слова:** съезд лидеров мировых и традиционных религий, межрелигиозный диалог, государственно-конфессиональные отношения, постсоветское пространство, религиозная политика, религиозные институты.*

POLITICAL ASPECTS OF CONGRESS OF LEADERS OF WORLD AND TRADITIONAL RELIGIONS IN KAZAKHSTAN

Dontsev S.P.

PHD in history

Russian State University for the Humanities

E-mail: dontsev@gmail.com

***Abstract.** Congresses of leaders of world and traditional religions in Kazakhstan are the largest and most representative platform for interreligious dialogue in the post-Soviet space. The evolution of congresses since 2003 is shown. The specifics of the organization and holding of congresses, their prevailing agenda in the context of socio-political challenges of our time are analyzed. Special attention is paid to the analysis of the political aspects of the agenda of the 7th Congress held in 2022. The functions and role of the congress as an institution of interreligious dialogue are shown.*

Key words: *Congress of Leaders of World and Traditional Religions, interreligious dialogue, state-religious relations, post-Soviet space, religious policy, religious institutions.*

Съезд лидеров мировых и традиционных религий, который с 2003 г. на регулярной основе проходит в столице Казахстана, является коммуникационной площадкой, происходящее на которой наглядно иллюстрирует роль религии в общественно-политических процессах современности. В мировой практике существует ряд похожих форматов взаимодействия религий, где религиозное рассматривается в контексте социальных вызовов, в том числе и политических, преимущественно связанных с вопросами войны и мира. Например, глобальной Парламент мировых религий, а также значительное количество не регулярных мероприятий, всевозможных мирных конференций, в работе которых принимают участие представители самых разных религиозных традиций. Государственные деятели и политики направляют на подобные мероприятия приветственные речи, формат заседаний предполагает последовательное изложение позиций, не касающийся особенностей вероучения, а в завершении принимается общая декларация. Съезд лидеров мировых и традиционных религий в Казахстане проходит в схожем формате, однако отличается от подобных мероприятий, во-первых, акцентом именно на традиционных религиях, а во-вторых, непосредственной связью с государственной властью Казахстана. Кроме того, на сегодняшний день это наиболее масштабная по представительству площадка межрелигиозного диалога на постсоветском пространстве. Подобный формат межрелигиозного диалога можно отнести к «диалогу-сотрудничеству», в котором не затрагиваются вопросы вероучения, а делается акцент на общие для всех религиозных традиции вызовы и утверждение общих ценностей [9, сс. 314-325].

Межрелигиозный диалог в формате коммуникации лидеров традиционных религий является характерной чертой постсоветских государств, в которых образование межрелигиозных советов, стало одной из особенностей институционализации государственно-религиозных отношений. При этом основным критерием традиционности являлась историческая укорененность религиозных традиций в культурном пространстве каждого из государств и соответствующая религиозная идентичность граждан. В каждом государстве де-факто выделяются религиозные организации, представляющие традиционные религии, и именно их представители

формируют состав межрелигиозных советов. При организации Съездов лидеров мировых и традиционных религий пошли по такому же принципу. Делегации государств как правило представляют институализированные религиозные организации, соотнесенные с традиционными для этих государств религиями.

Следует отметить, что на постсоветском пространстве инициатива проведения подобных мероприятий принадлежит России. Именно Межрелигиозный совет России стал инициатором проведения первого Межрелигиозного миротворческого форума, который состоялся в 2000 г. в Москве, а затем повторился в 2004 г. Затем данный формат трансформировался во Всемирный саммит религиозных лидеров, который должен был предварять встречи «Большой восьмерки» и обеспечивать диалог лидеров христианских, мусульманских, иудейских, буддийских и индуистских общин. Однако после 2011 г. подобная традиция была прервана. Была предпринята попытка возродить ее в формате Бакинского саммита религиозных лидеров мира, который был организован в 2019 г. при поддержке правительства Азербайджана. Республика в 2010 г. уже принимала пятый Всемирный саммит религиозных лидеров, что и позволило мероприятию в 2019 г. называться Вторым бакинским саммитом, однако больше подобных саммитов в Азербайджане не проводилось. Инициатива же первого президента Казахстана Н. Назарбаева по проведению Съездов лидеров мировых и традиционных религий оказалась наиболее жизнеспособной. С 2003 года прошло уже семь съездов. Можно сказать, что Казахстан перехватил инициативу проведения масштабных мероприятий по межрелигиозному диалогу на постсоветском пространстве и вывел их на полноценный международный уровень. Безусловно, для Казахстана проведение подобных мероприятий является частью стратегии по позиционированию республики в качестве ключевого евразийского геополитического актора. Характерно, что мировые религиозные лидеры готовы с этим согласиться. Как сказал Папа Римский Франциск, Казахстан является «перекрестком важных геополитических узлов», в силу чего ему может «принадлежать основополагающая роль в урегулировании конфликтов» [2]. Президент Казахстана таким образом становится лидером, который курирует межрелигиозный диалог не только в масштабах постсоветского пространства, но и на мировом уровне, т.к. республике «удалось сформировать особую казахстанскую модель межконфессионального мира и согласия» и этот опыт и практика могут быть «применимы и в масштабах планеты» [3].

В соответствии с провозглашенными целями Съезды являются постоянно действующими международным межконфессиональным институтом для осуществления диалога религий и принятия согласованных решений, причем задачи их проведения выходят за рамки межрелигиозного диалога и переходят на глобальный уровень диалога между цивилизациями и культурами [4]. Политическая составляющая повестки съездов проявляется в особом внимании к миротворческой проблематике и проблемам международной безопасности. Так, на первом съезде в 2003 г. основное внимание было уделено вопросам противодействия терроризму и экстремизму. На этом съезде уровень представительства исламских делегаций был очень высоким по сравнению с иными конфессиями (на съезд прибыли генеральный секретарь Всемирной Исламской Лиги, Верховный имам Аль-Азхара, исключительно представительные делегации Ирана, Пакистана, Индии, но при этом не было ни одной исламской структуры стран СНГ, за исключением Духовного управления мусульман Казахстана, представляющего страну-организатора. На последующих съездах конфессиональный состав участников стал более сбалансированным.

На втором съезде в 2006 г. центральной темой обсуждения была проблематика международной безопасности. На этом съезде впервые среди гостей появились Патриарх Константинопольской Варфоломей I и Патриарх-Католикос всех армян Гарегин II. Во всех последующих съездах также основной темой была роль религиозных лидеров в построении и поддержании мира. На 5-м съезде был сформирован Совет съезда из 14 человек, из которых четыре представляют ислам, четыре – христианство, остальные – синтоизм, даосизм, буддизм, индуизм. В Совет вошел в том числе и Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. По итогам всех съездов принимались совместные декларации и обращения. Съезды из года в год наращивали политическую составляющую в своей повестке и становились в том числе и площадкой для сугубо политической коммуникации. Например, в ходе пятого съезда в 2015 году президент Казахстана встретился с Генеральным секретарем ООН и королем Иордании.

Съезды планировалось проводить раз в три года, но из-за пандемии перерыв увеличился, и последний, седьмой съезд состоялся только в 2022 г. после пятилетнего перерыва. Проходил он в условиях исключительного обострения международной политической обстановки. Помимо конфликта на Украине, осенью 2022 г. возобновилось вооруженное противостояние на армяно-

азербайджанской границе, а 14 сентября произошли боевые столкновения на границе Таджикистана и Киргизии. Тем не менее, на съезд прибыло более 100 делегаций из 50 стран мира. С учетом того, что на первом съезде в 2003 г. присутствовало 17 делегаций из 23 стран, представительность последнего съезда была очень высокая. Лидером по масштабу освещения в СМИ стал Папа Римский Франциск. Это был уже второй в истории визит понтифика в Казахстан (в 2001 г. республику посетил Иоанн Павел II). В преддверии съезда было много ожиданий по поводу возможной встречи папы с патриархом Кириллом, однако она не состоялась. Также ожидалось, что папа выступит на съезде с заявлением по поводу конфликта России и Украины, но и его не было. Папа старался в своих выступлениях по возможности избегать оценок конфликта на Украине, сохраняя возможность диалога с каждой из противоборствующих сторон. В ходе съезда состоялась встреча с делегацией Московского патриархата, однако она не имела практических результатов, было сообщено, что «состоялся теплый разговор», но «никакой конкретики в отношении перспектив новой встречи» папы и патриарха не обсуждалось [5].

В целом, казахстанская модель межрелигиозного согласия на основе принципа «единство в многообразии» реализуется в том числе и при проведении съездов лидеров мировых и традиционных религий. Сегодня съезды выступают в качестве представительного института межрелигиозной коммуникации с обширной повесткой, связанной с общественно-политической проблематикой. Диалог представителей традиционных религий создает контекст для последующего политического диалога, что имеет сегодня особое значение в условиях наблюдаемой турбулентности мировой политики.

Список литературы

1. Мельник С.В. Межрелигиозный диалог: типологизация, методология, формы реализации: монография / С.В. Мельник; РАН. ИНИОН, Отд. философии; отв. ред. Хлебников Г.В. – Москва, 2022. – 398 с.
2. Папа: призвание Казахстана – быть страной встречи / Vatican News. – URL: <https://www.vaticannews.va/ru/pope/news/2022-09/papa-prizvanie-kazahstana-byt-stranoy-vstrechi.html>
3. Выступление Президента Республики Казахстан Нурсултана Абишевича Назарбаева на открытии шестого съезда лидеров мировых и традиционных религий 30 июля 2020 г. – URL: <https://religions-congress.org/ru/news/vystupleniya-VI/175>

4. О Съезде / Центр Н. Назарбаева по развитию межконфессионального и межцивилизационного диалога. – URL: <https://religions-congress.org/ru/page/o-sezde>
5. В РПЦ выразили надежду на улучшение отношений с Римско-католической церковью / Информационное агентство ТАСС. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/15768811>

КЛЮЧЕВОЕ УСЛОВИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОГНИТИВНЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ МАНИПУЛИРОВАНИЯ СОЗНАНИЕМ ЧЕЛОВЕКА

Иванкина Л.И.

*Доктор философских наук
Национальный исследовательский Томский политехнический
университет, профессор
E-mail ivankina@tpu.ru*

Аникина Е.А.

*Кандидат экономических наук
Национальный исследовательский Томский политехнический
университет, доцент
E-mail anikinaea@tpu.ru*

Исследование выполнено на базе Томского государственного педагогического университета при финансовой поддержке РФФИ, грант 19-29-07445 мк «Разработка модели когнитивной сферы личности и программного обеспечения для мониторинга когнитивных процессов у обучающихся в полиэтнокультурной образовательной среде».

Аннотация. В статье обосновывается воздействие когнитивных технологий манипулирования, использующих психологические автоматизмы с целью трансформации убеждений человека, составляющих ядро его мировосприятия (мировоззрение, картина мира). Выбор убеждений в качестве мишени манипулирования обусловлен их спецификой: образуют ядро референтного знания, систему ментальных и ценностных предпочтений индивида, имеющих статус проверенных и подтвержденных, включенных в опыт, формирующих доминирующие фильтры отбора информации (фигура и фон; ассимиляция и контраст). Цель статьи – выделить когнитивные

основания технологий воздействия на индивида с целью манипулирования. Категория «когнитивный» рассматривается в контенте психического механизма восприятия и переработки информации. Анализируется ключевое условие противодействия когнитивным технологиям манипулирования в условиях вовлеченности индивида в качестве виртуального сетевого субъекта в новый формат информационного пространства. К данному условию отнесено осознание на индивидуальном уровне факта воздействия на ментальную сферу человека посредством информации, поступающей через разные информационные каналы, которая должна быть воспринята критически, осмыслена и проанализирована. В условиях нового формата информационного пространства восприятие и обработка информации должны стать постоянной практикой произвольной ментальной активности. Выделены и проанализированы на конкретных приемах параметры механизма когнитивного манипулятивного воздействия.

Ключевые слова: когнитивная технология, когнитивная матрица, манипулятивное воздействие, ментальная сфера, ментальная активность, критическое мышление.

THE KEY CONDITION FOR COUNTERING COGNITIVE TECHNOLOGIES OF MANIPULATING HUMAN CONSCIOUSNESS

Ivankina L.I.

DSc

*National Research Tomsk Polytechnic University, Professor
E-mail ivankina@tpu.ru*

Anikina E.A.

PhD

*National Research Tomsk Polytechnic University, associate Professor
E-mail anikinaea@tpu.ru*

Abstract. The article substantiates the impact of cognitive manipulation technologies using psychological automatism in order to transform a person's beliefs that form the core of his worldview (worldview, worldview). The choice of beliefs as a target for manipulation is determined by their specifics: they form the core of reference knowledge, a system of mental and value preferences of an individual, having the status of verified and confirmed, included in experience,

forming the dominant filters of information selection (figure and background; assimilation and contrast). The purpose of the article is to highlight the cognitive foundations of technologies of influencing an individual for the purpose of manipulation. The category «cognitive» is considered in the content of the mental mechanism of perception and processing of information. The key condition for countering cognitive manipulation technologies is analyzed in the context of an individual's involvement as a virtual network subject in a new format of the information space. This condition includes awareness at the individual level of the fact of the impact on the mental sphere of a person through information coming through various information channels, which must be perceived critically, comprehended and analyzed. In the conditions of the new format of the information space, the perception and processing of information should become a constant practice of arbitrary mental activity. The parameters of the mechanism of cognitive manipulative influence are identified and analyzed on specific techniques.

Keywords: *cognitive technology, the cognitive matrix, manipulative influence, the mental sphere, mental activity, critical thinking.*

За последнее десятилетие общество столкнулось с нарастающей практикой применения когнитивных технологий программирования ожидаемого восприятия и поведения людей, направленных, в первую очередь, на индивидуальный уровень воздействия и личную безопасность. Исследование воздействия когнитивных технологий на сознание человека для достижения различного рода целей сегодня одно из самых популярных и активно разрабатываемых направлений (в поисковой системе Яндекс нашлось более 7 млн. результатов). Формируются и применяются новые понятия «когнитивная война», «когнитивное оружие», а уровень политического противоборства, согласно исследованиям В.Э. Багдасарян, выходит «на уровень противоборства когнитивных матриц и систематизации технологий манипуляций как поражения матричных оснований сознания противника» [1, с. 8].

Под манипуляцией сознания понимают вид управления, «при котором используются скрытые методы социально-психологического воздействия на сознание людей в целях обеспечения частных, отличных от собственных, интересов отдельных лиц, соцгрупп, институтов, государственных и общественных структур, им противоречащих» [2, с. 586].

Интерес к технологиям манипулирования сознанием поддерживается и обеспечивается через многие информационные

каналы, в том числе образовательные, позволяющие узнавать о техниках воздействия и практиках их применения, что вызывает естественный вопрос: для чего, зачем ранее тайное и сакральное знание дается любому, желающему им овладеть? Ответов множество, одна из причин, по нашему мнению, заключается в убежденности в интеллектуальной лени индивида и в отсутствии у него навыков и интереса к критическому восприятию, как и навыков аналитической обработки информации в целом, и распространение данной информации создает дополнительное эмоциональное напряжение, парализующее разум.

На чем основывается наше утверждение? Прежде всего, на изменении отношения индивида к собственному интеллектуальному развитию. Активное применение электронных технических устройств и технологий меняет практики работы с информацией – от усвоения и запоминания в культуре письменности, до распознавания и нахождения требуемого варианта в современном цифровизированном инфопространстве. Вследствие широкого применения электронных носителей и технологий для решения задач разной степени сложности сформировалось поколение людей, не желающих и не способных заниматься интеллектуальной деятельностью, что обнаруживает себя, согласно исследованиям М.А. Холодной, в феномене функциональной глупости [3, с. 10]. Компьютерные технологии, решающие интеллектуальные задачи за индивида, создают условия для интеллектуальной пассивности, когда мышление направлено на поиск и обработку информации, индивид привыкает к быстрдействию и быстрой смене впечатлений, и интерес к размышлению утрачивается.

Данные практики формируют современную культуру, определяемую как мозаичная (А. Моль), состоящую из беспорядочного и большого потока случайных сведений, фактов, мнений, неартикулируемости базовых ценностей и идей, их нерелексивности, отличающейся от предыдущих этапов многовариантностью в создании контента неструктурированных понятий, из которых формируются смыслы. Базовые ценности и идеи воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, не требующее специального осмысления, рефлексии уровень сознания оказывается невостребованным, что составляет идеальную почву для реализации задач зомбирования сознания (доведение до простых, примитивных ощущений, безликость, тотальное повиновение, безволие).

В таких благоприятных для манипулирования условиях на что направлены когнитивные технологии? Их главной целью и объектом воздействия являются убеждения, их трансформирование незаметным и нераспознаваемым воспринимающим информацией субъектом способом, что возможно на основе применения психологических механизмов функционирования психической реальности и логично простроенного алгоритма их применения.

Прямой связи между информированием и формированием смысла препятствует субъектность природы когнитивных процессов. На функциональные изменения внутреннего мира человека влияют эмоциональная значимость и индивидуальные смыслы воспринимаемой информации. В книге «Экология разума» Г. Бейтсона [4] обоснована идея о том, что разум пуст, это ничто, существует только в идеях, слова и действия без контекста не имеют смысла. Человек живет в мире символов, который жизненная среда закрепляет и передает в традициях, ценностях, нормах, правилах, атрибутах, идеалах, овладев языком интерпретации которых, у индивида формируется определенная рамка и контент картины мира. Чтобы влиять на действия, принимаемые решения, предпочтения, необходимо изменить убеждения, поскольку индивидом воспринимается то, что поддерживается его убеждениями. Воздействие когнитивного уровня манипулирования, направленное на убеждения человека, непосредственно обращено к ментальным и ценностным предпочтениям человека, образующим доминирующие фильтры отбора информации (фигура и фон; ассимиляция и контраст), имеющих статус проверенных и подтвержденных, составляющих опыт и знания. Технологии трансформирования убеждений самые опасные и их влияние сравнивают с применением термоядерного оружия.

Возникает вопрос, что может препятствовать практике манипулирования ментальной сферой человека, где искать варианты ответных действий? Ничего не предпринимать, только множить безысходность, тем более что ситуации безысходности нет. Поиск ответа – в понимании как реализуются когнитивные технологии манипулирования. В качестве условия, обязательного для успешной манипуляции В.Т. Еременко выделяет «разрушение психологической защиты человека, тех устоев, на которых держится его способность к критическому восприятию информации» [5, с. 28]. На данное условие обращает внимание и С.Г. Кара-Мурза, который утверждает, что манипулирование сознанием невозможно, если индивид «усомнился, уперся, защитил свою духовную программу» [6, с. 22].

Снятие же сопротивления, отказ от прежних суждений, мнений, целей, убеждений и принятие новой системы ценностей является маркером состоявшейся манипуляции сознанием. Следовательно, чтобы противостоять когнитивному манипулированию необходимо развивать навык критического восприятия информации, формировать и иметь четкие убеждения и систему ценностей, жизненных правил, которые индивид считает для себя строго обязательными. Это своего рода последняя черта, переступив которую ты уже перестаешь быть собой прежним. В этой связи важным является процесс личностного роста и саморазвития, приобретающий статус одной из базовых потребностей сохранения человеческого в человеке в условиях расширяющихся практик массового применения информационных технических ресурсов в виртуализируемом инфопространстве симулякр и фэйков.

Формы ментальной репрезентации индивидуально разнообразны (пространственная схема, визуальный образ, словесно-логическое описание, чувственно-эмоциональные впечатления и т.п.) и универсальны одновременно. Универсальность состоит, прежде всего, в том, что познание, мышление возможно через «узкие врата» индивидуального осуществления. Мыслительный продукт когнитивной деятельности (представления, понятия, образы, убеждения, картина мира, явные и неявные знания, информационные ориентации, ценности и пр.) является субъективным отражением реальности, имеющей характер усеченного представления, прошедшего отбор в процессе восприятия, усвоения и запечатления информации индивидом, поскольку информация должна быть замечена (порог чувствительности), воспринята (порог восприятия) и усвоена (смысловой порог, порог обучаемости).

В трактате об идеальном государстве (360 г. до н.э.) Платон, обозначив его структуру, выделил высший слой – управление, к которому отнес мудрецов и философов, единственно способных постичь и осуществить идею [7]. По сути, Платон признал, мировой порядок держится на идеях, меняем идеи, меняем мир, что особенно убедительно проявляется в условиях развития современных информационно-коммуникационных технологий и идеологии манипулирования сознанием и поведением людей. Некогда голова человека, считавшаяся неприступной крепостью, сегодня для когнитивных технологов не представляет никакого препятствия и взламывается на раз.

Повлиять напрямую на убеждающие суждения невозможно, воздействие не начинается с контраста, с того, чего нет у человека в

жизненном опыте и системе знаний, требуется намеренное ведение к ожидаемому эффекту в восприятии субъектом путем ассимилирования – поколебать, ввести в состояние сомнения и только потом провести замену на новое убеждение. Алгоритм внушающего воздействия универсален и неизменен со времен античности – в начале присоединись, далее – следуй и только после этого – влияй, внушай.

Техники ассимилирования и встраивания того, что воздействующий намерен получить в результирующей части, разнообразны, направлены на снятие сопротивления и принятия иного как самоочевидного, в отличие от техник контраста, вызывающих борьбу и сопротивление воли, открытое или скрытое отвержение (метафора «лошади», которую можно загнать в воду, но заставить пить нельзя). Основной способ воздействия намеренно подгоняется к идентичному произвольному когнитивному процессу с целью автоматического, бессознательного, функционально соответствующего реагирования сигнальных систем (1-я и 2-я сигнальные системы). Такими требованиями к передаваемой информации являются следующие: должен учитываться порог восприятия; воздействие должно соответствовать минимум двум условиям – привлечь внимание и быть сохранено, чтобы в дальнейшем войти в опыт человека, приобретая в результате этого статус убедительного и стабильного.

Информация подчиняется когнитивным матрицам и структурируется на их основе. Борьба идет в конечном итоге в координатах смысловых парадигм, в отношении понимания специфики которой применяется понятие «когнитивная война», целью которой является подчинение сознания, а не просто подавление воли соперника. Сообщение первоначально интерпретируется тем или иным образом, далее интерпретированная информация генерализируется, то есть обобщается, будучи подведена под общую типологию или закономерность, и только затем встраивается в исходную когнитивную матрицу.

Человек ментально уязвим, что обусловлено природой психического в целом и когнитивных процессов, в частности. Основное свойство психического – простота, запоминается самое простое, без усилий и не критично, без внутреннего сопротивления и анализа как само собой разумеющееся. Данное когнитивное основание учитывается в технологиях манипулирования в требовании дифференцировании сообщения под интеллектуальный уровень конкретной целевой аудитории. Для этого определяется уровень

понятности сообщения, который устанавливается ниже среднего коэффициента интеллектуальности социальной группы, на которую оно рассчитано, на несколько пунктов.

Когнитивными основаниями трансформирующего воздействия на семантическую сферу служат принципы субъективного восприятия и переработки информации – исключение, искажение, обобщение (перенос с одной ситуации на другие, глобализация). Сознание обладает ограниченными ментальными ресурсами, может распознать, воспринять и усвоить лишь часть информации. Поскольку психическое действие стремится к завершению ментальному образу, то пробелы в восприятии информации восполняются имеющимися знаниями, а также полученными из авторитетного для данного индивида источника, в том числе авторитетного человека и мнения большинства. Эта особенность восполнения информации широко используется в манипулятивном воздействии и называется эффект «розовой ретроспекции», когда прошлое идеализируется, а негативное в нем сглаживается или трансформируется в положительное переживание (переворачивает «с ног на голову»).

Технологии когнитивного манипулирования используют психологический механизм восприятия и переработки информации и, прежде всего, приемы ленивого ума. Человек склонен доверять тому, о чем у него больше информации, в чем он уверен, что подтверждается его убеждениями и не противоречит его ценностям, представлениям. Данное когнитивное основание предписывает мягкое влияние, начинать с присоединения, затем – следования и только потом предписывать. Одним из приемов реализации данного эффекта является прием постоянного повторения одной и той же идеи, информации, которая начинает восприниматься как узнаваемая и не вызывающая отторжение.

Обучавшийся психоанализу у З. Фрейда и применивший данный метод в рекламе Э. Дихтер (основал Американский институт по изучению мотивации поведения) не признавал идею рационального внушения. В качестве ключевого инструмента манипулирования сознанием им был обоснован метод применения семантических возможностей языка, активно применяемый сегодня в технике нейро-лингвистического программирования. Одна из таких технологий программирования желаемого на основе трансформации имеющегося опыта индивида получила название рефрейминга (рамочный формат, шаблон), по сути, являющаяся когнитивной матрицей совокупности разных составляющих запечатленной

информации, смена признаков восприятия (далеко–близко, четко–размыто, громко–тихо, ярко–тускло и прочие признаки репрезентативности) которой порождает иное, другое, восприятие информации в рамках иной когнитивной матрицы.

Навязываемая сегодня в средствах массовой информации, в научных сообществах магия новых слов и словосочетаний – пример лингвистического зомбирования (цифровая эпоха, цифровой субъект, цифровой двойник, цифровая коммуникация, цифровой город, цифровое общество, цифровая экономика, цифровая политика, цифровое государство и т.п.), ввергающая человека в навязываемое восприятие неизбежности и безысходности. Чтобы отсоединиться от магии влияния, нужно задать простой вопрос, как применение данных семантических сигналов может изменить мою реальную жизнь, с моими потребностями, с реальным межличностным взаимодействием, с реализацией себя в профессии и т.п.? Ответ связан с пониманием того, чем является цифровое, а это всего лишь технологии, применяемые на основе электронных устройств, созданных специально для обеспечения определенных функций и решения задач, являются средством (инструментом) обработки и сохранения информации. Сравнив понятие «цифровое» с понятием «информационное», рамки применения понятия цифрового становятся четкими и понятными, связанными с их узким конкретным функционалом, в отличие от контента понятия «информационное», относимого к пониманию, анализу, рефлексии воспринимаемого и воспринятого.

Рамочная метафора и технология форматирования ожидаемого мнения, доминирующих установок и смены убеждений получила название «окно Овертона» [8] по имени разработчика данной модели и автора концепции окна дискурса Дж. Овертона (1990-е гг.), доработанную к практическому использованию Дж. Тревиньо в 2006 г., предложившему шкалу оценки суждений для алгоритмизированного трансформирования ценностной составляющей восприятия сознанием от отрицания мнения до его полного принятия по степени их приемлемости, закрепляющихся в убеждениях и новых ценностных предпочтениях индивида в качестве нормы. Отличие от ранее применяемых манипулятивных технологий, начиная с приемов демагогии древнегреческих политиков, в искусстве ведения к желаемому результату технология «окна» вторгается в нравственно-ценностную компоненту. Главный механизм воздействия внедряемой информации связан с завуалированностью воздействующего влияния новой нормы,

помещенной в «окно», что, по сути, означает когнитивную матрицу. Расширение пространства допустимого – открытие «окна», заключается в последовательности применения следующего алгоритма: немислимое - радикальное - приемлемое - разумное – стандартная действующая норма. Составляющими параметрами матрицы являются доступность желаемой информации, информационное наполнение, поддержка информации в сети; придание необходимому явлению статуса легитимного, широко обсуждаемого; рассеивание и минимизация негативного восприятия; формирование нового понятия на желаемое явление; членение первичной информации на множество точек зрения (искусственного поля борьбы); легализация запретного и запрет легального прежде.

Выполнение определенных действий посредством положительного подкрепления и непрямых указаний предписывает концепция метода «подталкивания», инструменты реализации которого формулируются аббревиатурой COM-B («сарабилити» от англ. «способности»; «opportunity» от англ. «возможности»; «motivation» от англ. «мотивация»; «behaviour» от англ. «поведение»). Как видно из формулы метода, поведение является следствием применения трех значимых условий подталкивания (способности, возможности, мотивация).

Знание природы, инструментов и приемов реализации когнитивных технологий с целью манипулирования, наряду с развитием навыков критического мышления, может служить эффективным способом защиты и противодействия манипулированию. Для того, что выйти за рамки элементарно предрасположенного, человеку необходимо развивать себя и свои знания до концептуально сложных. Когнитивные составляющие процесса влияния и убеждения включают принципы избирательности воспринимаемой информации, искажения, обобщения, глобализации, переноса с одной ситуации на другие, соответственно, противостоять когнитивным технологиям манипулирования возможно на основе восстановления больших смыслов, развития личности и когнитивных навыков работы с информацией.

Список литературы

1. Багдасарян В. Э. Когнитивные матрицы манипулятивных технологий в войнах и революциях нового типа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 8–23.

2. Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1 / Национальный общественно-научный фонд; рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин; гл. ред. В.Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. 694 с.
3. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. М.; Томск, 1997. 391 с.
4. Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистологии / Пер. с англ. М.: Смысл, 2000. 476 с.
5. Еременко В.Т. Способы воздействия на общественное сознание // Атом. №18. С.28–39. URL: <http://book.sarov.ru/wp-content/uploads/2020/02/Atom-81-2019-5.pdf>.
6. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.
7. Платон. Государство. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Platon_Gosudarstvo.pdf.
8. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Окно Овертона – манипулятивная матрица политического менеджмента // Обозреватель-Observer. 2015. № 4 (303). С. 8–93.

ГРАНИЦЫ ТЕРПИМОГО: РОЛЬ СИЛЫ И ПРАВА

Ильинская С. Г.

*Кандидат политических наук, доцент
Институт философии РАН, ведущий научный сотрудник,
руководитель сектора философских проблем политики
E-mail: svetlana_ilinska@mail.ru*

Аннотация. В докладе проанализированы причины изменения границ терпимости и ключевое условие зарождения подобных практик в Европе: терпимым нечто, с чем имеется моральное несогласие, становится при условии невозможности физического устранения носителей иного образа жизни. Исторически любой режим толерантности в «логике смысла» западной цивилизации имел четкие границы, обозначающие кого и на каких условиях возможно терпеть, и не мог допускать явлений, разрушающих существующий контекст (подрывающих саму возможность терпимости). Главный вопрос, на который автор ищет ответ: как и почему в условиях толерантности к любого рода индивидуалистическим девиациям, а также политкорректности к

различного рода этническим, расовым и языковым меньшинствам, стала возможной современная европейская русофобия, вплоть до терпимого отношения к возрождению нацистской символики на постсоветском пространстве, если действия её приверженцев имеют антироссийскую направленность? Ответ на него заключается в принципиальной разнице понимания терпимого и нестерпимого в России и на Западе.

Ключевые слова: толерантность, терпимость, Запад, Россия, универсализм, цивилизация, логика смысла.

LIMITS OF THE TOLERANTION: THE ROLE OF FORCE AND RIGHT

Ilinskaya S. G.

*PhD in Political Science
Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences
E-mail: svetlana_ilinska@mail.ru*

Abstract. *The report analyzes the reasons for changing the boundaries of tolerance and the key condition for the emergence of such practices in Europe. Something with which there is moral disagreement becomes tolerable, provided, that it is impossible to physically eliminate the Other. Historically, any regime of tolerance in the “logic of meaning” of Western civilization had limits of tolerance, and could not allow phenomena that destroy the existing context or undermining the very condition of tolerance. The main question to which the author is looking for an answer is how and why, in the context of tolerance for any kind of sexual deviations, as well as political correctness towards various ethnic, racial and linguistic minorities, became possible the revival of Nazi symbols in Ukraine? The answer to this question lies in the fundamental difference in the understanding of what is tolerable and what is intolerable in Russia and in the West. For the West, Nazism is tolerable if it is useful, namely, if the actions of its adherents have an anti-Russian orientation.*

Keywords: *toleration, tolerance, West, Russia, universalism, civilization, logic of meaning.*

За редкими исключениями, война обусловлена глубоким мировоззренческим несогласием между сторонами конфликта. Толерантность – это такой способ отношения к Другому, при

котором отказ от применения силы для запрета практик или убеждений, с которыми существует моральное несогласие, обусловлен признанием права на иную точку зрения.

Появлению политики толерантности на европейском континенте предшествовал длительный период религиозных войн. В итоге был рождён тот её вариант, который можно было сформулировать в русле западной рационалистической «логики смысла» [1]. Это произошло с подписанием Аугсбургского (1555 г.) и Вестфальского (1648 г.) мирных договоров. Изобретением первого стал правовой принцип: «чья власть – того и вера», второй же «официально признал свободу вероисповедания для католиков, живущих в протестантских областях и, наоборот», после чего «католическая церковь прекратила свою агрессивную контрреформаторскую деятельность» [2, с. 111]. Ключевая причина подобного развития событий заключается в том, что религиозные войны между католиками и протестантами (лютеранами и кальвинистами) разоряли и обескровливали Европу, и ни из сторон не могла добиться окончательной победы.

Работы британского философа Дж. Локка (1632 – 1704 гг.) стали первым (рационалистическим) этапом развития теории толерантности: им были сформулированы принципы веротерпимости внутри государства. Но это была всего лишь терпимость между различными протестантскими сектами. Обоснование Локка было достигнуто через разделение частного и публично-политического пространства. Причём границы терпимости были крайне жёсткими: из пространства терпимого исключались атеисты, паписты (т.е. католики) и магометане. С первыми в этом перечне, по мнению Локка, невозможно было заключать договоры, т.к. для человека, не верящего в Бога, не будет свята данная им клятва. Католики и магометане были исключены за неразделимость их частной и публичной ипостасей, вследствие чего *a priori* предполагалось, что для обеих категорий верующих верховным авторитетом в политических делах будет внешний источник (папа Римский или Османский султан), которому они сохраняют предельную лояльность. Если католик переставал быть «папистом», т.е. переставал признавать примат мнения папы в публично-политических делах (а, значит, становился неподлинным католиком), он мог быть включён в пространство терпимости [3, с. 17-23].

Философ-эмпирик эпохи шотландского Просвещения Д. Юм (1711 – 1776 гг.), рассуждая о справедливости, прагматически полагал, что превосходство «цивилизованных европейцев над

дикими индейцами» позволяет им «избавиться от всех сдерживающих начал справедливости и даже человеколюбия в обращении с ними» [4, с. 232]. Т. е. возможность физического устранения Другого полностью исключала применение в его отношении принципа толерантности.

В работе И. Канта (1724 – 1804 гг.) «К вечному миру» было сформулировано необходимое условие «вечного мира» (одна из «окончательных» его статей): республиканское устройство всех государств. Это постулировалось, поскольку Кант полагал, что государства с республиканской формой правления не воюют между собой. Современная логика внешнего вмешательства для «поддержки демократии и гражданского общества» и «защиты прав человека» обусловлена именно его идеями неотчуждаемых индивидуальных прав. Терпимость в интерпретации Канта (её универсалистский вариант), помимо очевидных достоинств, ставит под вопрос любое многообразие, навязывая «естественные» права тем, для кого они могут стать тяжким бременем, и делает невозможным признание любой не либерально-правовой власти [3, с. 43-56].

Классик либерализма Дж. Ст. Милль (1806 – 1873 гг.) обосновал (утилитаристские) принципы терпимости для публичной сферы, опираясь на полезность понятия свободы и на этом же основании протестуя против диктата общественного мнения. Он доказал абсурдность гонений на атеистов (а этот вопрос был непосредственно связан с клятвой на Библии, даваемой в суде), поскольку, отказывая в им доверии, их фактически вынуждают ложиться. Защищая принцип свободы среди представителей цивилизованного общества, он в то же время постулировал право на деспотизм в отношении народов «неразвитых» (включая право на интервенцию), если такие действия ведут эти народы к прогрессу. Его убеждения были основаны на «нравственной незрелости» этих народов. Т. о. «варварам» классическая либеральная теория отказывала в праве на свободное самоопределение на тех же основаниях, что и детям [3, с. 75-85].

Ещё один принцип толерантности был сформулирован уже в XX веке американским либеральным философом Дж. Ролзом в его «Теории справедливости» (1971 г.): терпимость не может простираться дальше той границы, за которой исчезает контекст терпимости. Имелось ввиду, что общество не может допустить экстремистских и т.п. идей, подрывающих собственную жизнеспособность. В первую очередь, Ролз имел ввиду идеи и

практики, подобные германскому нацизму первой половины XX века. Однако чуть ранее (1965 г.) марксист-экзистенциалист Г. Маркузе в работе «Репрессивная толерантность» доказал, что в западном либеральном обществе, несмотря на декларируемую свободу слова, толерантность превратилась в механизм исключения несогласных из дискуссии: под видом экстремизма искусно подавляется любое инакомыслие представителей подлинно альтернативных точек зрения на общественные проблемы. И предложил практику дискриминирующей толерантности для агрессивного и деструктивного большинства и идею освобождающей толерантности для подавляемых меньшинств, чтобы дать возможность угнетённым быть услышанными [5].

Революционные идеи Маркузе, направленные на защиту, прежде всего, левых движений, были искусно встроены в либеральный порядок. На Западе сегодня толерантность к любого рода индивидуалистическим девиациям достигла невероятных масштабов. Фактически произошло низведение потенциала эмансипации исключительно к сексуальной сфере, обусловленное извращением идеалов фрейд-марксизма. Противопоставление «Эроса» и «Танатоса» у Маркузе было противопоставлением «стремления к жизни» и «стремления к смерти». Последним для него была любая «неподлинная» жизнь, в том числе наполненная страстью к потреблению. В то же время неприятие действительных альтернатив коллективной жизни в настоящее время сохранилось и даже усилилось. Это связано с тем, что либеральный дискурс приобрёл глобальный масштаб и тотальное влияние. Свою роль в этом процессе играет монополизация средств массовой информации и международных организаций (ставших инструментами экономической и политической власти мирового гегемона), которые индоктринируют массы, формируя у них предопределённое мышление.

Российским наблюдателям непонятно, почему, декларируя толерантность, западные политики нередко совершают непоследовательные поступки и не видят в своих действиях противоречий, кажущихся очевидными. Проблема состоит в том, что в термин «толерантность» на Западе, в отличие от понятия «терпимость» в России, закладывается принципиально иной смысл. Российская цивилизация обладает не субстанциональной, как западная, а контекстуальной логикой культуры, допускающей вариативное мышление. Это заложено и в языке, допускающем свободный, а не строго закреплённый порядок слов предложениях,

имеющем синтетический, а не аналитический характер [6]. В процессе своего расширения российская цивилизация применяла не тактику «выжженной земли», а тактику «присоединения» и «включающей культуры». Носителей иной культуры и образа жизни никогда не стремились уничтожить окончательно, признавая за ними не только право на территории проживания, но и в принципе равноправное человеческое достоинство [7, с. 497-498].

Во многом это было обусловлено религиозным фактором. Общеизвестно, что католики и протестанты при освоении Нового Света практиковали принципиально иное отношение к аборигенному населению. Испанские и португальские конкистадоры допускали межрасовые браки при условии принятия католичества, тогда как протестанты действовали по принципу «хороший индеец – мёртвый индеец». Данное отношение непосредственно связано с тем, как в эсхатологии каждой из доктрин видится спасение (коллективно или индивидуально). Что касается православия, то одной из причин раскола христианства на западное и восточное (1054 г.) было неприятие последним строгой иерархичности, избранной католицизмом. Византийский патриарх был первым среди равных, тогда как папа римский – наместником Бога на Земле [7, с. 499-500].

Существовало и ещё одно важное отличие: по мере распространения протестантизма в Западной Европе установилось жёсткое разделение власти на светскую и церковную. Это разделение (зادолго до Локковской формулы о публичной и приватной сферах) было постулировано Августином Блаженным (354 – 430 гг.) через «Град Земной» и «Град Божий». Со временем оно развилось в строгую законодательную регламентацию светской жизни, опирающуюся на традицию ещё римского права. В то время как государство в Византии и, затем, в Российском царстве имело идеократическую (основанную на власти православных идей, единстве церкви и государства), а не номотическую (основанную на власти рационально сформулированного закона) природу.

Из этих отличий вытекает неприятие западной цивилизацией иных форм коллективной жизни и политических институтов. Рационально-субстанциональная логика культуры может допустить толерантное отношение только к индивидуалистическим проявлениям инаковости, что является отголосками протестантизма. Культурная особенность является для неё приемлемой при формальном принятии сообществом всех институционально-правовых, экономических и политических форм (отголоски католицизма). Однако, в этом случае сохраняется возможность в любой момент

провозгласить «неподлинность», «неистинность» демократических, рыночных и т.д. институтов, несоответствие их неким каноническим идеалам или произвольно понятым критериям и свергнуть законные правительства путём поддержки внутренних деструктивных сил. Особому риску в этом отношении подвергаются те культуры и общества, у которых сохраняются иные (отличные от западных, неправовые, иррациональные, например, ценностные, процессуальные или ритуальные, а не формально-процедурные) регуляторы социальной и политической жизни.

Рассуждая о том, почему нацизм возродился на периферии западного мира, в тех осколках советской системы, которые настойчиво стремились войти в западную цивилизацию, необходимо учесть вариативное совмещение в её логике смысла нескольких ключевых принципов: универсализма, рационализма и утилитаризма. Западный универсализм исторически на практике постоянно дополняется рационалистическими или утилитарными аргументами. В истории Запада неоднократно использовался расистский аргумент, имевший рациональные и утилитарные основания, когда та или иная общность провозглашалась неполноценной (что рационально обосновывалось и было практически выгодно), поэтому универсальные принципы (свобода, справедливость) в её отношении полагались неприменимыми (как мы это видели у Юма). Вариант Милля был более щадящим: под деспотическим внешним правлением «дикари» могли со временем цивилизоваться. Сейчас этот алгоритм несколько трансформировался: те суверенные государственные режимы, которые признаны «мировым сообществом» не соответствующими идеалам либеральной демократии, могут быть свергнуты с опорой на внутренние элементы как недолжные, не имеющие права на существование, и встроены в глобальную систему на существенно худших позициях. Рационализм подхода заключается в том, что терпимость не распространяется на иные (нелиберальные) ценностные системы, если есть возможность стереть их с лица Земли. Утилитаризм – в том, что такие системы терпимы, если полезны или если пока не представляется возможность их физически уничтожить. Универсализм – в том, что западные ценности представительной демократии, рыночной экономики и т.д. – признаются идеалом для всех государств на планете несмотря на то, что внутри западного мира эти принципы изрядно деградировали.

Нацизм для западных политиков становится терпимым из-за того, что он полезен, поскольку позволяет в короткий срок

сконструировать нацию там, где её никогда не было. Кроме того, в дальнейшем идеологически подготовленных с его помощью людей можно использовать как «идеальных солдат» для ослабления или сокрушения геополитического конкурента. Так, гитлеровская партия, а позднее – режим спонсировались банкирскими домами Англии и США для последующей борьбы с СССР. Именно по этой причине, несмотря на толерантность к религиозным, расовым, этническим и языковым меньшинствам внутри развитых западных государств, ими оказывалась моральная и финансовая поддержка праворадикального переворота на Украине в 2014 году и до настоящего времени «не замечается» его террористический и бесчеловечный характер в отношении русскоязычного населения. Поэтому так избирательно трактуется принцип суверенитета, право на который признаётся за украинским режимом, установившимся после переворота 2014 года, но не за провозглашёнными тогда же республиками (ДНР и ЛНР) [8, с. 136].

Все рассуждения по поводу двойных стандартов, практикуемых Западом, являются ошибочными и, как следствие, бессмысленными, поскольку вытекают из непонимания сути западной цивилизации и логики её культуры. Три вышеуказанных принципа при их гибком применении позволяют доминирующему на сегодня Западу при необходимости расширить сферу правоприменительной практики, апеллируя к универсальности принципов, затем, напротив, сузить её, руководствуясь при этом принципом полезности, но обосновав несоответствием произвольно трактуемым, но рационально обоснованным критериям. Иным цивилизациям при любых контактах с Западом необходимо руководствоваться своими интересами и ценностями, а не встраиваться в глобальный порядок на чуждых основаниях, которые могут быть в любой момент пересмотрены, удивляясь при этом, что мировой гегемон не всегда следует им же установленным правилам.

Список литературы

1. Смирнов А. В. Всечеловеческое vs. Общечеловеческое. М.: ООО «Садра», Издательский дом ЯСК, 2019. 216 с.
2. Сафонов В.Е. Вестфальский трактат 1648 года и его влияние на формирование принципов международного права // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 2(20). С. 110-117.
3. Ильинская С.Г. Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика. М.: Праксис, 2007. 288 с.

4. Юм Д. Исследование о принципах морали // Юм Д. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1965. 928 с.
5. Ильинская С. Г. Политическое как эротическое: «Великий Отказ» Герберта Маркузе // Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века. М.: Идея-Пресс, 2009. С. 93-113.
6. Ильинская С. Г. «Политико-прикладная» и «логико-смысловая» «волны» осмысления феномена «локальная цивилизация» // Полилог. 2021. Т. 5. № 4 (18). URL: <http://gas.jes.su/polylog/s258770110017160-8-1>.
7. Ильинская С. Г. «Море Россия» (российская идентичность и идея толерантности) // Вестник РУДН. Т. 20. № 4. 2018. С. 496–505.
8. Ильинская С. Г. Актуальность геополитических интуиций Вадима Цымбурского // Проблемы цивилизационного развития. 2022. Т. 4. № 1. С. 125–139.

ДИНАМИКА ВЛАСТИ КАК ПРОБЛЕМА ЦИВИЛИЗАЦИИ

Казин А. Л.

доктор философских наук
Российский институт истории искусств,
научный руководитель
E-mail: alkazin@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается историческая динамика власти на основе сравнительного анализа характера этого процесса в православно-русской цивилизации и Европе. По мнению автора, как и всякая другая, русская цивилизация принципиально строится по кольцевой онтологической схеме, однако отношения между её духовно-языковым ядром и оболочками носят весьма своеобразный и часто даже парадоксальный характер. Прежде всего, это касается историко-культурной динамики русской власти. Вся история России, включая катастрофический XX век, свидетельствует о божьем замысле святой Руси, а не о России язычески-самодовольной. Тому, кто не хочет или не может этого понять, придется смириться, или покинуть «эту страну».

Ключевые слова: динамика власти, православно-русская цивилизация, ядро цивилизации, религия и власть, культура, государственность.

POWER DYNAMICS AS A PROBLEM OF CIVILIZATION

Kazin A. L.

Doctor of Philosophy, Professor,
Russian Institute of Art History,
Scientific Director
E-mail: alkazin@yandex.ru

Abstract. The article examines the historical dynamics of power based on a comparative analysis of the nature of this process in the Orthodox-Russian civilization and Europe. According to the author, like any other, Russian civilization is fundamentally built according to a circular ontological scheme, but the relationship between its spiritual and linguistic core and shells is very peculiar and often even paradoxical. First of all, it concerns the historical and cultural dynamics of the Russian government. The whole history of Russia, including the catastrophic twentieth century, testifies to God's plan of holy Russia, and not about a pagan-complacent Russia. Anyone who does not want or cannot understand this will have to accept it, or leave "this country".

Key words: power dynamics, Orthodox-Russian civilization, the core of civilization, religion and power, culture, statehood.

Каждая цивилизация начинается с теократии и заканчивается демократией.
Виктор Гюго.

Приведенные в качестве эпитафии слова великого французского романтика В. Гюго верны, на мой взгляд, только отчасти. Они во многом справедливы применительно к Европе (и к Западу вообще), но имеют достаточно отдаленное отношение к православно-русской России, которую автор «Собора Парижской богородицы», очевидно, не знал и уж, во всяком случае, не рассматривал как самобытную цивилизацию. Так или иначе, формула «от боговластия к народовластью» применительно к русской истории может быть прочитана иначе, и даже «ровно наоборот», то есть, выражаясь научным языком, переобращена, инверсирована.

Если обратиться к исторической динамике власти, то целесообразно остановиться вначале на характере этого процесса в Европе. Подобно древнейшим ареалам Востока (китайский император – сын неба, египетский фараон – живой «бог»), Европа начала свой цивилизационный путь с религиозно освященной власти: авторитет властных отношений коренился в сакральном (храмовом) основании греческих городов-полисов. Яснее всех эту священную природу власти отразил в своих «Законах» и «Государстве» Платон, для которого порядок социума являлся прямым продолжением божественной гармонии космоса (космос, как известно, и означает «порядок»). Правда, уже в Риме статуя кесаря нашла себе место в храме рядом со статуей Юпитера, иногда даже отождествляясь с ней (император Август в образе «царя богов и людей»). Указанное отождествление явилось символом дальнейших преобразований власти в Европе, где католическая христианская церковь оказалась во многом продолжением языческой римской державы – во всяком случае, в плане её институционального устройства (князь-папа), борьбы за светскую власть с королями (папоцезаризм) и т.п. Так или иначе, можно утверждать, что центр власти в Европе в античности и в средние века находился в сакральном, храмовом пространстве цивилизации, или, по меньшей мере, не противостоял ему как нечто *другое*.

Нечто иное знаменует собой эпоха Ренессанса. Многие исследователи рассматривают Ренессанс в качестве первого шага истории *собственно Европы*. Действительно, Возрождение – вопреки своему «ретроспективному» имени – означало не столько возврат к старому (греко-римскому), сколько инициацию нового – *модернистского* проекта для Запада. Применительно к интересующему нас вопросу следует подчеркнуть, что точка сборки власти в эпоху Возрождения медленно, но верно смещалась в сторону *культуры* – от сакрального к светскому, от теоцентрического к антропоцентрическому (гуманистическому) слою цивилизации. Разумеется, речь идет пока о тенденции, о веянии, но веянии весьма характерном. Культура – это сфера присутствия человека-в-мире («человекомир»). Именно человек в эпоху Ренессанса, как известно, делается мерой всех вещей, как существующих, так и не существующих; знание становится силой (Ф.Бэкон), мораль – свободным выбором (Ф.Рабле), политика – хитростью (Н.Макиавелли), любовь – эротикой (Петрарка, Бокаччио). Наиболее выразительным художественным символом такого переворота выступает «Мона Лиза» Леонардо да Винчи –

портрет самодостаточного человека, прекрасной дамы с лукавой улыбкой, помещенной в центр мироздания. Существенно модернизированными оказались ренессансная религия и экономика, породив, с одной стороны, Реформацию XVI века (т.н. «всеобщее священство», община вместо Церкви), а с другой – то, что впоследствии получило название капитализма, с его свободным предпринимателем-буржуа, не зависящим ни от кого, кроме самого себя и соседей-конкурентов («невидимая рука рынка»).

Что касается современного Запада – только что закончившегося XX и начавшегося XXI века – то здесь точка отсчета власти вообще трудно локализуема: это так называемая децентрализованная власть, не делающаяся от этого, разумеется, более духовной или менее эффективной. С сожалением приходится признать, что католическая Церковь (не говоря уже о пестрых протестантских объединениях) не является сегодня духовным (и тем более властным) средоточием западной цивилизации – её социальная роль сведена к исполнению привычных календарных ритуалов, мораль не исключает рукоположения епископов-содомитов (т.н. «епископальная» церковь в Америке) и т.п. Более того, подлинными христианами просто не допускаются сегодня во властвующие элиты. Разумеется, и в Европе, и в Америке есть святые, но духовный фундамент нынешней позднебуржуазной формации покоится на постхристианском (и частично даже антихристианском) «символе веры». Примерно так же обстоит дело в западной культуре, где безоговорочно господствует постмодернизм, играющий означаемыми без означаемого и ликвидирующий благодаря этому различие между высоким и низким, мужским и женским, полетом и падением. В сущности, дело идет о «мягкой» репрессии западных народов, превращаемых посредством виртуозной интерпретативной политики правящего слоя в самодовольных «сублимированных рабов», гордящихся своей принадлежностью к «золотому миллиарду», именующих свой общественный порядок либеральной демократией, регулярно участвующих в выборных спектаклях («слон» и «осел»), но не отдающих себе отчета в полной собственной управляемости и безответственности.

Обратимся теперь к нашей собственной, православно-русской цивилизации. Как и всякая другая, русская цивилизация принципиально строится по указанной выше кольцевой онтологической схеме, однако отношения между её духовно-языковым ядром и оболочками носят весьма своеобразный и часто даже парадоксальный характер. Прежде всего, это касается

историко-культурной динамики русской власти. За примерами далеко ходить не нужно: напомним, что вплоть до февраля 1917 года у самодержавной власти в России находился христианский государь – случай для просвещенной Европы немыслимый. Более того, даже после трех революций начала XX века российская (советская) власть сохранила свою персонифицированную сакральную энергетику – институт партийно-государственных вождей СССР может интерпретироваться как извращенное идеологическое наследие царской идеи. Что касается современности, то у нынешнего президента Российской Федерации полномочий по крайней мере не меньше, чем у последнего петербургского императора – это ли не свидетельство традиционного для России способа построения и наследования духовно-государственной вертикали?

Если проследить дальнейшее перемещение точки отсчета власти в России, то придется признать, что ни культура, ни государственность как таковая, ни даже хозяйственно-экономическая сфера не стали у нас реальными центрами силы, хотя те или иные периоды русской истории можно охарактеризовать как попытку закрепления подобных центров. Известно, что святая Русь не пережила Возрождения, Реформации и Просвещения в той аутентичной форме, в которой это происходило в Европе – именно по этой причине культура и государственность являлись у нас скорее разновидностью духовного (идейного) производства, чем собственно интеллектуально-знаковым или юридическим механизмом. Это касается в первую голову знаменитой русской интеллигенции, отличавшейся, по определению Г.П.Федотова, идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей. То же самое в принципе происходило и с идеей державности на Руси. Петр Великий стремился к осуществлению российского варианта абсолютизма по принципу «государство – это я», однако, несмотря на насилие и связанные с ним жертвы, петербургская монархия воспринималась и Церковью, и народом как продолжение православного соборного царства. Не случайно петербургские государи короновались в Успенском соборе древней столицы, да и большевики перенесли средоточие своего «пролетарского» государства в Москву. И петербургская монархия, и русский коммунизм выступают в нашей цивилизации как разновидности идеократии, то есть как превращенные формы энергии её духовного ядра. Особенно выразительно это показала советская власть в России, облакавшая себя в марксистские (то есть материалистически-экономические) одежды, без конца твердившая о производительности труда как

главном критерии общественного прогресса, переселявшая народ на «стройки века», призывавшая устами своих генсеков «догнать и перегнать Америку по производству продукции на душу населения» – но так и не справившаяся с поставленной ещё В.И. Ульяновым-Лениным задачей превращения страны в «единую фабрику». Как шутил в 1918 году Андрей Белый, в стране победившего материализма первым делом исчезла материя...

Россия будет либо великой, либо её совсем не будет. Главная опасность угрожает России не извне, а изнутри: если *деньги у власти, то все позволено*. Вопрос в том, сумеем ли мы наладить такой религиозно-культурно-государственно-хозяйственный порядок, где наши недостатки (с точки зрения «эвклидовского» буржуазного *ratio*) обернутся достоинствами, то есть теми преимуществами, благодаря которым Россия, быть может, избежит европейского парадокса, когда сила оказывается слабостью, знание незнанием, свобода – рабством у греха.

У нас есть шансы — это сделать в той мере, в какой мы преодолеем внутренний кризис, вызванный либеральными экспериментами над православной страной. Когда правящий слой наконец, поймет, что копировать чужие (и притом бесперспективные) общественные образцы заведомо безнадежно, и надо выработать национальную культуру с опорой на собственный цивилизационный код – опыт *общего дела*, который существовал и в московском царстве, и в петербургской империи, и в советской державе. Этот опыт сохранился в сознании и ещё больше в подсознании обыкновенного русского человека. Не надо ничего выдумывать, надо только прислушаться к самим себе.

Русский народ не любит юриспруденции и не поклоняется правам человека – он любит избранника, за которым чувствует Божью руку. Только харизматику – «отцу нации» – по силам объединение российского населения (христиан, националистов и атеистов, белых, красных и «желтых», радикалов и либералов) в способное на осмысленное действие социальное целое. Не продажный «средний класс» или бюрократия (им Россия чужда), а именно союз общенационального лидера с большинством народа нужен сегодня нашей стране. Нужна переходная форма от псевдодемократии к действительной народной монархии. Такой формой на Руси XXI века могла бы стать авторитетная президентская власть, реализующая себя одновременно «сверху вниз» – от народного идеала, и «снизу-вверх» – от повседневной социальной практики и местной инициативы. Русские патриоты и

верховная власть должны найти друг друга – иного им не дано. Идеальных людей, и особенно идеальных правителей, не бывает – тем более надо поддерживать органичные для русской цивилизации стороны их деятельности. Среди наших правящих элит появились патриотически-мотивированные сегменты – вот что важно. Что касается ярости либералов – она вполне в стиле их «игры на понижение», будь то политика или искусство: даже намек на восстановление вертикали русского бытия выводит их из себя.

Как заметил в свое время В.С. Соловьев, идея нации заключается не в том, что она сама думает о себе во времени, а в том, что Бог думает о ней в вечности [1]. Вся история России, включая катастрофический XX век, свидетельствует о божьем замысле святой Руси, а не о России язычески-самодовольной. Тому, кто не хочет или не может этого понять, придется смириться, или покинуть «эту страну».

Список литературы

1. Соловьев В.С. Русская идея // Сочинения. В 2 т. М.,1989. Т.2. 220 с.

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Карюнов В.М.

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный
университет», студент

E-mail: KarionovWork@yandex.ru

Научный руководитель: **Гарас Л.Н.**, канд.филос.наук, доцент

Аннотация. В данной статье речь будет идти о переформатировании суверенитета государства в условиях появления информационного общества. Стоит отметить, что XXI век и появление сети «Интернет» принесли с собой не только свободу коммуникации, но и новые вызовы, а также новые каналы связи, новую реальность и новые социальные стандарты. Информационная революция изменила формат ведения бизнеса, сбора и обработки данных, взаимодействие государства и общества, пропаганды, а также формат сотрудничества и противостояния государств на мировой арене. В этой связи важно

проанализировать этапы строительства цифрового общества в России и США, понять, как происходило формирование цифрового суверенитета в каждой из стран, выявить особенности и проанализировать исторический контекст.

Ключевые слова: цифровой суверенитет, Россия, безопасность, национальные интересы, информационное общество.

FEATURES OF THE DIGITAL SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Karionov V.M.

FSAOU VO "Sevastopol State University", student

E-mail: KarionovWork@yandex.ru

Scientific supervisor: *Garas L.N., Candidate of Philos.sciences,
associate professor*

Abstract. In this article, we will talk about reformatting the sovereignty of the state in the conditions of the emergence of an information society. It is worth noting that the XXI century and the emergence of the Internet brought with it not only freedom of communication, but also new challenges, as well as new communication channels, a new reality and new social standards. The information revolution has changed the format of doing business, collecting and processing data, interaction between the state and society, propaganda, as well as the format of cooperation and confrontation of states on the world stage. In this regard, it is important to analyze the stages of building a digital society in Russia and the United States, to understand how digital sovereignty was formed in each of the countries, to identify features and analyze the historical context.

Keywords: digital sovereignty, Russia, security, national interests, information society.

Актуальность исследования. Оформление постиндустриального общества, цифровизация и стремительный рост информационного сектора, обусловили существенные изменения, которые затронули практически все сферы общества. В современных условиях трансформации подвергается ключевой актор политики – государство.

Целью данного исследования является выявление специфики суверенитета государства в информационную эпоху, выявление

ключевых задач информационной политики России.

Вопросы становления постиндустриального, информационного общества рассматриваются в работах Д. Белла, Й. Масуды, Э. Тоффлера и др. И.С. Ашманов, С.В. Володенков, М.М. Кучерявый, Ю.А. Нисневич и др. исследователи уделяют внимание различным аспектам информационного суверенитета.

Основная часть. Появление всемирной паутины и развитие информационных технологий начали оказывать существенное влияние на политические процессы и жизнь общества в целом. Использование информационных технологий проникло в общественную жизнь: в политику и государство, экономику, захватило научную и бытовую деятельность. Можно с уверенностью сказать, что в российском обществе не осталось сферы, где не применялась бы компьютерная техника. Особенности внедрения компьютерных технологий и доступ населения к интернету в России на конец 90-х годов XX века создали определенные «вызовы» для реализации государственного суверенитета, особенно его технологической компоненты.

Цифровой суверенитет предоставляет возможность государству проводить независимую политику в информационной среде, как в глобальном измерении, так и на национальном уровне. Стоит отметить, что развитое информационное общество и мощный цифровой суверенитет позволяют, опираясь на информационные технологии, оказывать влияние на общественную и политическую жизнь в других странах, реализуя собственные интересы [1, с. 12].

С началом XXI века начинается активная работа по укреплению суверенитета российского государства, при этом цифровой суверенитет не являлся первоначально приоритетным. Тем не менее, в 2000 г. Россия и страны G7 подписывают «Окинавскую хартию глобального информационного общества», в которой не только закрепляются намерения по построению информационного общества, а и необходимость преодоления уже наметившегося цифрового разрыва [4, с. 2].

Соединенные Штаты Америки в своем стремлении к мировому доминированию в информационном пространстве, с конца XX века сделали ставку на развитие информационного общества и создание мощной цифровой инфраструктуры – «Информационного суперхайвейя». Огромный вклад в формирование общества нового типа внес Билл Клинтон и его администрация. Америка начала строить цифровую промышленность замкнутого цикла, где все элементы и комплектующие, производились бы на территории США.

Стартовым стал 1995 г., когда создается система финансирования мелких и крупных компаний, позволяющая выделять им деньги из госбюджета. Учреждается «Национальный совет по науке и технике» (председатель Б. Клинтон), главной ролью которого выступает: консультирование и консолидация научных кругов, бизнес сообщества, смелых новаторов и энтузиастов. Совет не только способствует налаживанию коммуникации разрозненных компаний и научно-исследовательских институтов, а и «связывает» их с государством, оказывает стабильную финансовую и аналитическую поддержку в исследованиях и инновационной деятельности. Грамотная политика администрации Клинтона в итоге принесла свои плоды, увеличив приток средств в бюджет США. Одних компьютерных программ в 1995 г. продали на 7525,3 млн. дол. [3, с. 100].

Уже в 2008 году США имели все основные признаки цифрового суверенитета, а именно: высокий уровень компьютеризации во всех сферах государства, собственное ПО и антивирусы, собственную вычислительную технику, независимость от внешних поставщиков электронных компонентов и т.п.

В России осознание необходимости повышения качества взаимоотношений государства и общества путем расширения возможности доступа граждан к информации о деятельности органов государственной власти, оперативности предоставления государственных услуг и т.п. приходит с наступлением XXI века. Так, в 2002 году стартует Федеральная целевая программа «Электронная Россия 2002-2010», которая была направлена в первую очередь на создание инфраструктурной базы российского цифрового общества. Программа включала в себя множество направлений: создание электронных сервисов в юридически значимых областях взаимодействия; внедрение эффективного электронного управления; развитие рынка информационных технологий и т.п. Однако, к концу реализации программы стало очевидно, что отставание России от других стран в сфере информационно-коммуникационных технологий сохранилось, хотя и были достигнуты ощутимые результаты в сфере межведомственного взаимодействия [2, с. 21].

Примерно в это же время, создается и первый механизм мониторинга национального сегмента всемирной паутины – «Система оперативно розыскных мероприятий» (СОРМ), тем не менее проблемы с финансированием и др. поспособствовали передвиганию сроков активного внедрения. Так, полномасштабный

пуск СОРМ произошел только в 2008 году, до этого времени мониторинг цифрового пространства РФ в полную меру не осуществлялся. Следует отметить, что первый год использования новой системы выявил ряд недостатков, которые были откорректированы и к 2009 году появляется СОРМ-3. Третий вариант стал гораздо более эффективным, у системы появился ряд новых возможностей. Предполагалось, что СОРМ позволит быстро идентифицировать любого пользователя всемирной паутины, а затем находить в своей базе данных. Предполагался так же полный сбор цифрового следа, идентификация по голосу, длительное хранение любых данных и т.п.

Продолжением курса по строительству информационного общества в РФ стала: «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации» от 7 февраля 2008 г. № Пр-212. Это был первый документ стратегического планирования, призванный решить огромный спектр проблем, связанных с техническим отставанием от Запада [5]. В дальнейшем РФ продолжила двигаться по пути постепенного строительства информационного общества. Принимаются новые программы стратегического планирования: «Информационное общество 2011–2020», а затем «Стратегия развития информационного общества 2017-2030». Однако, события, последовавшие после Крымской Весны 2014 года, заставили пересмотреть позицию государства относительно цифрового суверенитета, переработать «Доктрину информационной безопасности» (2016) и т.п.

Стоит отметить, что отечественный исследователь М. М. Кучерявый выделил следующие признаки цифрового суверенитета:

1. Наличие высокого уровня компьютеризации во всех сферах государства.
2. Наличие собственного программного обеспечения (ПО), антивирусов и систем накопления данных.
3. Наличие собственных компьютерных комплектующих и независимость от иностранных поставщиков.
4. Собственная интернет-инфраструктура и правовая база по ее регулированию.
5. Собственная платежная система.

Благодаря вышеперечисленным документам стратегического планирования и проведения целенаправленной политики в данной области, России удалось добиться существенных успехов по всем пунктам, кроме второго и третьего. К сожалению, проблема отсутствия отечественного ПО и комплектующих остается

актуальной и сегодня. Но есть и положительные тенденции, так только одних карт платежной системы «Мир», с 2015 года, выпущено уже более 120 млн. штук.

Заключение. Цифровой суверенитет государства в современных условиях приобретает приоритетное значение. Не смотря на все усилия российского государства, полностью избавиться от импортных технологий пока не удалось. Наибольшего успеха РФ добилась в сфере развития национальных поисковых систем, платежных систем, социальных сетей, навигационной системы и национального сегмента сети Интернет. Тем не менее, существует ряд трудностей в сфере разработки и продвижения российского аппаратного и программного обеспечения. В данных условиях возрастает роль государственной политики.

Список литературы

1. Кучерявый М. М. Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира / М. М. Кучерявый // Управленческое консультирование. – 2014. – №9. – С. 7–13.
2. Муртазова Х. Анализ результатов реализации и роль Федеральной целевой программы «Электронная Россия» в повышении эффективности деятельности государственных органов / Х. Муртазова, Д. Чанкаева // Вестник ГГНТУ. Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2020. – Т. XVI, № 3 (21). – С.17-24.
3. Никитенкова М. А. Использование информационных технологий и ресурсов глобальной сети интернет (опыт США) / Никитенкова М. А. // Теория и практика общественно-научной информации. – 2002. – № 1. – С. 92–110.
4. Поначугин А. Компьютерные сети в России и становление интернет-экономики / А.Поначугин // Вестник Мининского университета. – 2015. – № 4. – С. 1–7.
5. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. № Пр-212. – Текст: электронный // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации: официальный сайт. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/3004/> (дата обращения: 08.09.2022).

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ КОНФЛИКТЕ НА КАВКАЗЕ

Карпова Е.И.

Санкт-Петербургский государственный университет,
студент
E-mail: kati16106@mail.ru

Аннотация. Конфликт между Арменией и Азербайджаном глубокими корнями уходит в историю. Продолжительная конфронтация сгущает краски над Карабахом и привлекает внимание мирового сообщества к новым столкновениям. В то время как одни страны стремятся оказать поддержку в разрешении сложившейся ситуации, другие находят в затяжном конфликте свои выгоды. Сюникский коридор позволит Турции увеличить свое влияние на территории Южного Кавказа и укрепить свои позиции в отношениях со странами, говорящими на тюркских языках. В статье была предпринята попытка проведения анализа геополитических интересов Турции в Карабахском конфликте.

Ключевые слова: конфликт в Нагорном Карабахе, Турецкая республика, Сюникский коридор, геополитические интересы, конфронтация.

NAGORNO-KARABAKH IN THE GEOPOLITICAL CONFLICT IN THE CAUCASUS

Karpova E.I.
Student

Saint-Petersburg State University
E-mail: kati16106@mail.ru

Abstract. The conflict between Armenia and Azerbaijan is deeply rooted in history. A prolonged confrontation thickens the colors over Karabakh and draws the attention of the world community to new clashes. While some countries seek to provide support in resolving the current situation, others find their benefits in a protracted conflict. The Syunik corridor will allow Turkey to increase its influence in the South Caucasus and strengthen its position in relations with countries that speak Turkic languages. The article made an attempt to analyze the geopolitical interests of Turkey in the Karabakh conflict.

Key words: conflict in Nagorno-Karabakh, Republic of Turkey, Syunik corridor, geopolitical interests, confrontation.

Современные территории Нагорного Карабаха вошли в состав России по Кюрекчайскому мирному договору, подписанному по

итогах русско-персидской войны 1804-1813 годов. После октябрьской революции статус данной территории так и не был официально закреплен. Вопрос требовал разрешения, и именно поэтому в 1921 году на заседании Кавказского бюро Центрального комитета РКП(б) данные территории было решено передать под руководство Армении. На следующий день решение было изменено в пользу Азербайджана. Таким образом, непоследовательность ЦК партии большевиков еще больше усугубила напряженную ситуацию.

Исторически на территории Нагорного Карабаха всегда преобладало армянское население. На 1926 год их численность составила 94% от всего населения, а в 1989 – 77% от всего населения. В 1998 году в Верховный Совет СССР было передано обращение представителей Нагорного Карабаха с просьбой о передаче территорий Армянской ССР, подкрепленное 75 тысячами подписей. Одобрение Верховного Совета в этом вопросе получено не было.

Жители Нагорного Карабаха решили провести референдум по вопросу независимости региона. 10 декабря 1991 года практически все население республики проголосовало за независимость региона, однако воплотить идею в жизнь не оказалось возможным. Каждая попытка выхода территории Нагорного Карабаха из юрисдикции Азербайджана лишь увеличивала межэтническое противостояние. Это в первую очередь формировало нестабильную геополитическую обстановку на территории Южного Кавказа.

С тех пор наблюдается перманентное геополитическое противостояние сторон. Для решения данного вопроса привлекались третьи страны. К примеру, в 1992 году была сформирована Минская группа ОБСЕ, где под председательством России, Франции и США создавались мирные инициативы, которые не смогли решить конечную цель разрешения конфликта. Несмотря на заключённые соглашения, обвиняя друг друга в нарушении договоренностей, стороны продолжали обстрел. Несколько ослабить напряжение удалось лишь после встречи в Москве 5 апреля 2016 года. Между Арменией и Азербайджаном были достигнуты договоренности о прекращении огня, после чего конфликт пошёл на спад [4].

Вторая Карабахская война началась 27 сентября 2020 года и длилась 44 дня. По результатам ее Азербайджан восстановил геополитический контроль над весомой частью территорий, контролируемых ранее Арменией. 10 ноября Президент Азербайджана Ильхам Алиев, премьер-министр Армении Никола Пашинян и президент РФ Владимир Путин заявили о полном

прекращении всех военных действий. Также, было объявлено, что на территории Нагорного Карабаха развернется миротворческая миссия из военнослужащих России и Турции. В 2022 году конфликт обострился снова. В ночь на 13 сентября стороны обвинили друг друга в обстрелах, чем подвергли регион риску возникновения нового военного витка.

Геополитическое значение Нагорного Карабаха объясняется многочисленными видами природных ресурсов, включая драгоценные и полудрагоценные металлы, в числе которых медь и золото. В 2019 году горная добыча и разработка открытых карьеров составила 13,7% валовой добавленной стоимости в экономике. Стратегическую важность данного направления промышленности для региона подтверждает приток инвестиций, которые в большей степени направлены на шлифовку алмазов, ювелирные изделия и т.д. В регионе размещено 36 ГЭС. Здесь можно активно развивать горнодобывающую, металлургическую, пищевую промышленность, фармацевтику, хлопководство, животноводство, птицеводство, рекреационный туризм и т.д.

В геополитический конфликт оказались втянутыми США, Россия и Турция. Турецкая республика в начале этнического конфликта была одним из наблюдателей, и не выступала за поддержку какой-либо стороны. Однако после распада СССР Турция стала активно выстраивать взаимоотношения с Азербайджаном. Во время правления второго президента Азербайджанской республики Абульфазы Гадиргулу оглы Эльчибея вектор внешней политики был направлен на укрепление отношения с Турцией. Именно в данный период двусторонние отношения достигли расцвета. Стремительная динамика развития двухсторонних отношений объясняется приверженностью президента Азербайджана к геополитическим основам панкюркизма. Во многом это объясняет причины продолжительности геополитического конфликта. Доктрина панкюркизма включает в свою геополитическую орбиту большую группу стран, не только Азербайджан, но и Казахстан, Туркменистан, Узбекистан и т. д.

Армения в силу своего географического положения оказалась внутри этой геополитической орбиты, что препятствует ей реализовать собственные геополитические интересы и сохранить свою геополитическую субъектность. Турция держит границу для армян закрытой с 1991 года, вынуждая Ереван признать победу Азербайджана в конфликте Нагорном Карабахе вместе со всеми сопутствующими требованиями. Среди последних Турции особенно

выгоден отказ от кампании по признанию геноцида армян и отказ от претензий на земельные репарации со стороны Турции, признание территориальной целостности Азербайджана, со включенными территориями Нагорного Карабаха.

Армения после Второй Карабахской войны пытается вступить в «эру мира» и нормализовать турецко-армянские отношения [9]. Однако становится очевидным невозможность мирного урегулирования проблем в двухсторонних отношениях без принятия большинства требований Турции, которая в свою очередь продолжает курс на реализацию геополитической концепции панкюркизма.

Одним из приоритетов внешней политики Турции в рамках этой концепции становится создание собственной системы коммуникаций в регионе. Новым шагом в этом направлении, по мнению Анкары, должен стать Сюникский или Зангезурский коридор. Он представляет собой транспортный маршрут в длину около 40 км, проходящий через Сюникскую область Армении. Данный субъект в Азербайджане принято называть Занзегуром. Строительство данного коридора имеет важное геополитическое значение, так как он способен связать по сухопутному пути выход к рынкам Центральной Азии, что значительно дешевле и быстрее. Сейчас турецкие товары едут через территорию России и Грузии. Через Занзегурский коридор также должна быть проложена ветка туркменского газа в Турцию и далее на рынки Европы Президент Азербайджана Алиев выражает готовность силой решить вопрос создания этого транспортного коридора. [1].

10 октября 2022 года Азербайджан вновь обстрелял границу Нагорного Карабаха. 6 октября 2022 года состоялась встреча президентов Турции, Армении и Азербайджана в Праге. Вскоре были достигнуты договоренности по пяти пунктам формирующегося мирного соглашения, в том числе по территориальной целостности государств, демаркации границ и т.д. При этом представители Турции четко заверяют о том, что нормализация отношений с Арменией возможна лишь после переговоров по заключению мирного договора. Однако обстрел армянских позиций продолжался и во время переговоров. Хакеры из Азербайджана в ночь на 13 октября 2022 года взломали около двух сотен армянских сайтов, в том числе и сайт Министерства финансов Нагорного Карабаха, мэрии Гюмри, второго по величине армянского города. Армянская сторона утверждает, что в данной атаке были задействованы вспомогательные силы в виде турецких хакеров [2].

Таким образом, история конфликта характеризуется затяжной продолжительностью, а нынешняя динамика развития конфликта лишь свидетельствует о продолжающейся конфронтации среди стран-соперниц. Конфликт в Нагорном Карабахе позволил Турции закрепить свой статус надежного партнера Азербайджана, а также заявить о себе на других территориях Южного Кавказа. Государства региона связаны воедино общими интересами, и нарастание противоречий лишь ухудшает процесс развития геоэкономического потенциала региона. В данной ситуации, Армения является препятствием для удовлетворения интересов Турции и Азербайджана на кавказском геополитическом пространстве. Многосторонние встречи способны лишь на неопределенное время заглушить конфликт. Однако очевидно, что пока Армения не согласится на требования Азербайджана и Турции, конфликт будет иметь форму перманентной конфронтации интересов.

Список литературы

1. Ананьев А. Тупик в начале «Занзегурского коридора» // Международная жизнь, 29.09.2021. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/31882>(дата обращения: 10.10.2022).
2. Армения и Карабах подверглись масштабной кибератаке с азербайджанской стороны // EADAILY, 13.10.22. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/10/13/armeniya-i-karabah-podverglis-masshtabnoy-kiberatake-s-azerbaydzhanskoj-storony>(дата обращения: 13.10.2022).
3. Атасунцев А. Двое проигравших. Как завершение карабахского конфликта меняет Южный Кавказ // Carnegieendowment, 23.09.22. URL: <https://carnegieendowment.org/politika/87988>(дата обращения: 13.10.2022).
4. Григорян Д.К. Анализ армяно-азербайджанского конфликта как площадки противостояния российской и турецкой элит // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-armyano-azerbaydzhanskogo-konflikta-kak-ploschadki-protivostoyaniya-rossiyskoj-i-turetskoj-elit> (дата обращения: 07.10.2022).
5. Дмитриева Е.Л. Азербайджано-Турецкие отношения и их влияние на геополитическую ситуацию на Южном Кавказе // Россия и мусульманский мир. 2021. №1 (319). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/azerbaydzhano-turetskie-otnosheniya-i-ih-vliyanie-na-geopoliticheskuyu-situatsiyu-na-yuzhnom-kavkaze-svodnyy-referat> (дата обращения: 07.10.2022).

6. Костерева М. Глава МИД Турции: Ереван и Баку договорились о пяти пунктах мирного договора // Коммерсантъ, 11.10.22. URL: <https://www.kommersant.ru/amp/5607388>(дата обращения: 10.10.2022).
7. Кудаяров К.А. Турция и Нагорно-Карабахский конфликт // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9. Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2021. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turtsiya-i-nagorno-karabahskiy-konflikt> (дата обращения: 07.10.2022).
8. Мурадян П.С. Арцахский конфликт: внутренние пружины и внешние игроки (Россия, Иран, Турция) // Вестник государственного и муниципального управления. 2017. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/artsahskiy-konflikt-vnutrennie-pruzhiny-i-vneshnie-igroki-rossiya-iran-turtsiya> (дата обращения: 07.10.2022).
9. Тер-Матевосян В. Армения и Турция: сближение 3.0? // Валдай. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/armeniya-i-turtsiya-sblizhenie-3-0/> (дата обращения: 10.10.2022).
10. Шумилов М.М., Шумилов Ю.М. Военное сотрудничество Турции и Азербайджана в контексте реализации проекта создания пантюркистской армии // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. №5-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennoe-sotrudnichestvo-turtsii-i-azerbaydzhana-v-kontekste-realizatsii-proekta-sozdaniya-panturkistskoj-armii> (дата обращения: 07.10.2022).

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Кнухова Ж.Н.

*Кандидат социологических наук
Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований
при Правительстве КЧР, старший научный сотрудник
E-mail: jknuhova@yandex.ru*

Аннотация. *Вопрос укрепления общероссийской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей многочисленных народов Российской Федерации, в том числе, посредством сохранения и поддержки этнокультурного и языкового многообразия, традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества; обеспечение гармоничных межнациональных отношений сегодня приобретает особую актуальность. Это подтверждает активная законодательная деятельность, внесение изменений в действующие нормативно-правовые акты, системный анализ и обсуждение проблемы на уровне политического руководства страны. В статье предпринята попытка охарактеризовать основные направления реализации положений Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в разрезе регионального управления таким полиэтничным субъектом Российской Федерации как Карачаево-Черкесская Республика. Автор полагает, что в силу ряда объективных факторов, работа по формированию этнокультурной компетентности граждан должна быть продолжена совместными усилиями органов власти, образовательных учреждений и общественных организаций.*

Ключевые слова: *идентичность, этнополитика, этнокультурный компонент, нация, этнокультурная компетентность.*

THE ETHNO-CULTURAL COMPONENT IN THE PROCESS OF IMPLEMENTING THE STATE NATIONAL POLICY: REGIONAL PRACTICES

Knukhova Zh.N.

*Candidate of Sociological Sciences
Karachay-Cherkess Institute for Humanitarian Studies under the
Government of the KCR, Senior Researcher
E-mail: jknuhova@yandex.ru*

Abstract. *the issue of strengthening the all-Russian civic identity based on the spiritual, moral and cultural values of numerous peoples of the Russian Federation, including through the preservation and support of ethno-cultural and linguistic diversity, traditional Russian spiritual and moral values as the basis of Russian society; ensuring harmonious interethnic relations is becoming particularly relevant today. This is evidenced by active legislative activity, amendments to existing regulatory legal acts, system analysis and discussion of the problem at the level of the country's political leadership. The article attempts to characterize the main directions of implementation of the provisions of the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025 in the context of regional governance of such a multiethnic subject of the Russian Federation as the Karachay-Cherkess Republic. The author believes that due to a number of objective factors, the work on the formation of ethno-cultural competence of citizens should be continued through the joint efforts of authorities, educational institutions and public organizations.*

Key words: *identity, ethno-politics, ethno-cultural component, nation, ethno-cultural competence.*

Новая реальность, сконструированная комплексом внешнеполитических проблем, значительно обострила угрозы в отношении не только дальнейшего социально-экономического развития Российской Федерации, но и национальной безопасности страны в целом. Ввиду чего вопросы реализации положений, обозначенных в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, и ранее находившиеся в центре внимания политического руководства, значительно актуализировались.

В числе одного из основных направлений Стратегии определено укрепление общероссийской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации посредством сбережения и развития этнокультурного и языкового многообразия, традиционных российских этических ценностей, составляющих фундамент российского общества; обеспечение гармоничных межнациональных отношений. На основе универсальных гуманистических принципов, подразумевающих уважение к традициям народов, населяющих страну, и интегрирование их богатого культурного наследия в единую российскую культуру, происходит формирование «гражданской российской идентичности», то есть самоидентификации себя в качестве части единого российского народа.

Укрепление единства российской нации, формирование общего культурного пространства при сбережении этнокультурного разнообразия реализуется, в числе прочих, посредством системной работы по формированию этнокультурной компетентности граждан, сущностными признаками которой являются приверженность принципу плюрализма, обладание необходимым объемом знаний об истории и культуре как своего народа, так и других этнических общностей страны, уважение их ценности и самобытности, что позволяет выстраивать конструктивные модели межэтнического взаимодействия в самых различных сферах деятельности, нивелируя риски возникновения межэтнических конфликтов, проявлений ксенофобии и национализма.

В продолжение политического вектора на обеспечение равенства всех этносов, вне зависимости от их численности, от величины населяемой территорий и других обстоятельств, 2022 год был объявлен «Годом народного искусства и нематериального культурного наследия народов Российской Федерации» [9]. Цель данного решения - создание максимально благоприятствующего для развития каждого народа РФ климата, обеспечивающего поддержку и сохранение обычаев, традиций, промыслов, достижений народного искусства, лежащих в основе патриотических ценностей народов.

В условиях дряхлеющего продолжительное время попыток отмены российской культуры важным шагом государства в повышении эффективности этнополитической деятельности является принятие в конце октября 2022 года Закона о нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации [10]. Данный нормативно-правовой акт возводит проблему сохранения и дальнейшей

трансляции уникального наследия всех народов нашей страны, органично встраиваемых в общее культурное наследие российского народа, в ранг приоритетных государственных задач, поскольку ее решение – одно из условий существования самого государства и многочисленных народов, проживающих на его территории.

Вопрос о содержательном наполнении деятельности по реализации положений вышеперечисленных нормативно-правовых актов, с учетом национальной специфики, а также определение отвечающего за данное направление департамента делегирован главам субъектов РФ.

Для Карачаево-Черкесской Республики, на территории которой веками проживают представители более 80-ти национальностей, 5 из которых имеют статус титульных, вопросы сохранения этнокультурного наследия имеют приоритетное значение. Ответственность за реализацию положений этнонациональной политики, в рамках государственной программы «Реализация государственной национальной, конфессиональной, информационной политики в Карачаево-Черкесской Республике» [6], возложена на Министерство КЧР по делам национальностей, печати и массовых коммуникаций. Генеральная стратегическая цель данного документа - «укрепление единства многонационального народа Российской Федерации, проживающего на территории Карачаево-Черкесской Республики» [6]. Субъектами данной деятельности выступают органы государственной власти КЧР, органы местного самоуправления, религиозные и общественные объединения, наиболее инициативными в вопросах этнокультурного развития своих народов, среди которых являются общественные национально-культурные организации «Русь», «Къарачай алан халкъ»; «Абаза», «Адыге-Хасэ», «Ногай-Эл» и ряд других.

Анализ материалов официального сайта Министерства и основных СМИ убедительно демонстрирует высокую активность работы в республике по данному направлению. Так, например, только за 2022 год, невзирая на все проблемы геополитического характера и внутренние проблемы страны, в КЧР проведено около сотни мероприятий, направленных на формирование этнокультурной компетентности в рамках общей политики по гармонизации межнациональных отношений. Наиболее яркими событиями года нам видятся проведение в республике: Межрегионального молодежного форума «Межкультурный диалог»; IX Международного форума историков-кавказоведов «Народы Кавказа в XVIII-XXI вв.: история, политика, культура»; круглого стола на

базе Общественной палаты КЧР, посвященного взаимодействию органов республиканской исполнительной власти, гражданского общества и СМИ в укреплении межнациональных отношений и т.д.

Говоря об эффективности деятельности Миннаца КЧР, необходимо особо отметить наличие на регулярной основе конструктивного диалога с представителями духовенства, национальных общественных организаций, других институтов гражданского общества, научного сообщества КЧР.

Чаще всего, употребляя понятие «этнокультурный компонент», подразумевают образовательную систему, в первую очередь – вопрос изучения и сохранения родных языков. На мой взгляд, это узкое толкование термина. «Во всех сферах нашей жизни присутствует этнокультурный компонент, который нужно уметь замечать и учитывать при формировании грамотной и эффективной национальной политики» [3].

Помимо семьи, однако, именно школа играет определяющую роль в процессе формирования общегражданской и этнокультурной идентичности. Во-первых, школа представляет собой социальный институт, через который в определенное время проходит каждый житель страны. Во-вторых, школа, имея доступ к семье каждого ученика, обладает значительным влиянием не только на детей, но и на их родителей. И, в-третьих, школа укомплектована высококвалифицированными профессиональными кадрами, способными формировать у ребенка способ мироощущения и мировосприятия, и самосознания себя как части социума для гармоничного в нем существования. Таким образом, вопрос об эффективной реализации этнокультурного компонента в образовании и воспитании, не будучи ограничен только их рамками, имеет огромное значение.

Здесь необходимо отметить, что как такового «этнокультурного компонента» или «национально-регионального компонента» в Законе об образовании в действующей редакции не выделяется. Но при этом ст.3 «единство образовательного пространства на территории Российской Федерации, защиту и развитие этнокультурных особенностей и традиций народов Российской Федерации в условиях многонационального государства» [11] обозначает одним из принципов государственной политики в сфере образования. В ст.8 полномочия «разработки и реализации региональных программ развития образования с учетом региональных социально-экономических, экологических, демографических, этнокультурных и других особенностей субъектов

Российской Федерации» [11] делегируются исполнительной власти субъектов РФ.

И вполне логичным с этой точки зрения выглядит предложение руководителя ФАДН И.Барина, высказанное еще в 2017 году в ходе рабочего совещания Совета по межнациональным отношениям, что этнокультурный компонент должен войти и в учебную, и во внеурочную деятельность российских школ [2].

Формирование этнокультурной компетентности в рамках образовательного процесса на территории КЧР осуществляется на основе Закона об образовании и регионального программного документа «Развитие образования в Карачаево-Черкесской Республике» на период 2019-2023гг [7].

В довольно большом перечне проведенных мероприятий как федерального, так и регионального уровней, можно выделить наиболее значимые. Так, ежегодно учителя региона участвуют во Всероссийском конкурсе "Учитель года России" и "Лучший учитель родного языка"; проводятся акции различного формата, целью которых является укрепление роли русского языка в образовательной системе республики, укрепление дружбы и сотрудничества между народами Карачаево-Черкесии. Особое внимание уделяется изданию учебников на родных языках; на постоянной основе проводится комплекс мероприятий в целях реализации Концепции преподавания родных языков народов России. Впечатляющим итогом деятельности республиканской образовательной системы по данному направлению можно считать то, что во Всероссийской конференции «Роль семьи в сохранении и развитии родных языков народов Российской Федерации», состоявшейся в октябре, в трех из пяти номинаций победили представители КЧР [4].

Еще одно ведомство, роль которого в реализации положений Стратегии государственной национальной политики в республике велика, – Министерство культуры КЧР, руководствующееся в своей деятельности государственной программой «Развитие культуры Карачаево-Черкесской Республики» [5]. Одна из проблем, на решение которых направлена программа, – проблема сохранения и развития традиционной народной культуры, историко-культурного наследия в целях недопущения исчезновения практики преемственности традиций, недопущения утраты возможности самоидентификации себя как части этнической общности, ориентации на основные этнические ценности.

Под руководством Министерства культуры в республике на постоянной основе проводится большой объем работы, имеющей характер этнокультурной деятельности, а в год столетия КЧР количество мероприятий в рамках данного направления увеличилось в разы. Помимо целого ряда фестивалей, концертов, театральных постановок, библиотечных экспозиций, выставок работ местных мастеров, встреч с деятелями культуры и искусств КЧР, были проведены масштабные культурные мероприятия в столице РФ, в соседних регионах. Все указанные акции способствуют, помимо популяризации традиций, обычаев, народной культуры, улучшению имиджа республики.

В деятельности по обеспечению реализации основных положений государственной национальной политики задействованы и другие институты региональной власти, общественные организации. При этом не вызывает сомнения тезис, что важнейшую роль в вопросе сохранения родного языка и родной культуры играет, безусловно, семья, в рамках которой изначально закладываются основы владения языком, формируются модели поведения, усваиваются значимые культурные образцы.

На протяжении ряда лет в рамках реализации федеральных проектов на территории республики проводятся социологические опросы по изучению этнокультурной ситуации. Полученные результаты позволили исследователям прийти к выводу, что в ходе осуществления государственной национальной политики удалось сформировать ситуацию, при которой «характерной чертой жителей Карачаево-Черкесии является толерантность по отношению к представителям иных этнических групп при сохранении собственной этнокультурной самобытности» [1].

Список литературы

1. Кубанова Л.В. Специфика межкультурного взаимодействия в Карачаево-Черкесской Республике (по данным социологических опросов). Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-mezhkulturnogo-vzaimodeystviya-v-karachaevo-cherkesskoy-respublike-po-dannym-sotsiologicheskikh-oprosov>. (Дата обращения – 27.10.22).
2. Материалы заседания Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле, 21 июля 2017.

- [Электронный ресурс]. URL: <https://fadn.gov.ru/press-centr/news/>. (Дата обращения – 29.10.22).
3. Материалы конференции, посвященной истории и культуре народов России. Москва. 17 октября 2022 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/27459/4663823/>. (Дата обращения – 03.11.22).
4. Общероссийская общественная организация «Национальная родительская ассоциация социальной поддержки семьи и защиты семейных ценностей». Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://nra-russia.ru/news/2022/oktyabr/itogi-pyati-vsrossijskikh-konkursov.html>. (Дата обращения – 02.11.22).
5. Постановление Правительства Карачаево-Черкесской Республики от 28 мая 2019 г. N 133 «О государственной программе «Развитие культуры Карачаево-Черкесской республики». [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561406195>. (Дата обращения – 22.10.22).
6. Постановление Правительства Карачаево-Черкесской Республики от 28 мая 2019 года N 132 «Об утверждении государственной программы "Реализация государственной национальной, конфессиональной, информационной политики в Карачаево-Черкесской республике" (с изменениями на 21 февраля 2022 года). [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/553372389>. (Дата обращения – 27.10.22).
7. Постановление Правительства Карачаево-Черкесской Республики от 30.01.2019 № 32 "О государственной программе "Развитие образования в Карачаево-Черкесской Республике". [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/553106660>. (Дата обращения – 25.10.22).
8. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 06.12.2018 № 703). [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/85503/>. (Дата обращения – 25.10.22).
9. Указ Президента Российской Федерации от 30.12.2021 № 745 "О проведении в Российской Федерации Года культурного наследия народов России". [Электронный ресурс]. URL:

<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112310115> . (Дата обращения – 25.10.22).

10. Федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ "О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации". [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document> . (Дата обращения – 28.10.22).
11. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 06.02.2020) "Об образовании в Российской Федерации". [Электронный ресурс]. URL: <https://ma.hse.ru/data/2020/02/28/1560658233/консульт.pdf>. (Дата обращения – 25.10.22).

НИКОЛАЙ УЛЬЯНОВ: ИСТИНА И МИФЫ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ханна Ковальска-Стус
PhD

Ягеллонский университет,
профессор кафедры русской культуры и теории культурных систем, г. Краков, Польша
E-mail: hanna.kowalska-stus@uj.edu.pl

Аннотация. Исторические работы Ульянова затрагивают следующие аспекты истории России: вопросы методологии изучения истории России; взаимоотношения историографии, историософии и культуры; проблемы этногенеза. В качестве ненаучной он рассматривал следующую терминологию: «законы истории», «причинно-следственная зависимость», «железная необходимость», «цивилизации», «формации», «идеальные типы». Ульянов придерживается антропологического метода изучения истории в противовес методологии, искусственно воспроизводимой от естественных наук. Основоположителем этой традиции, по мнению Ульянова, является Петр Чаадаев. Историк называет его самозванцем в истории русской мысли, ревизором русской истории. Ставит его в один ряд с декабристами, Белинским и Герценом. Он упрекает их всех в создании исторической идеологии. Две статьи Ульянова: «Ignorantia est» и «Басманный философ» в сущности предваряют дискуссию на тему глобализации: ее идеологии и практики. Ульянов утверждает также, что ошибаются все, кто

старается в России подражать Европе. Проблема полиэтничности России является центральным вопросом в исследованиях Ульянова. Этой теме он посвящает наиболее известное исследование «Происхождение украинского сепаратизма». Политическая игра с национальным вопросом, по мнению Ульянова, может оказаться роковой. Попытка расчленения единого культурно-исторического пространства россиян может сделать их непримиримыми из-за простого чувства самосохранения, – пишет он, – если половина окажется вдруг за границей.

Ключевые слова: Ульянов Н., методология историографии, критика русской историографии, украинский сепаратизм.

NIKOLAY ULYANOV: TRUTH AND MYTHS IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Hanna Kowalska-Stus
PhD

Jagiellonian University, Krakow,
Department of Russian Culture and Theory of Cultural Systems,
professor
E-mail: hanna.kowalska-stus@uj.edu.pl

Abstract. Ulyanov's historical works touch upon the following aspects of Russian history: Questions of methodology for studying the history of Russia; The relationship of historiography, historiosophy and culture; Ethnogenetic questions. As unscientific, he criticized the terminology: "the laws of history", "causal dependence", "iron necessity", "civilizations", "formations", "ideal types". Ulyanov adheres to the anthropological method of studying history as opposed to the methodology artificially reproduced from the natural sciences. The founder of this tradition, according to Ulyanov, is Peter Chaadaev. The historian calls him an impostor in the history of Russian thought, an auditor of Russian history. Puts him on a par with the Decembrists, Belinsky and Herzen. He reproaches them all for creating a historical ideology. Two articles by Ulyanov: Ignorantia est and Basmanny filosof in essence precede the discussion on the topic of globalization: its ideology and practice. Ulyanov also claims that everyone who tries to imitate Europe in Russia is mistaken. The problem of Russia's multi-ethnicity is the central issue in Ulyanov's research. He dedicates his most famous study, The Origin of Ukrainian Separatism, to him. The political

game of the national question, according to Ulyanov, can be fatal. An attempt to dismember Russians could make them irreconcilable out of a simple sense of self-preservation, he writes, if half of them suddenly find themselves abroad.

Keywords: *Ulyanov N., methodology of historiography, criticism of Russian historiography, Ukrainian separatism.*

«Бросается в глаза при обозрении русской истории ее парадоксальность, непохожесть на историю других стран. Хотя советской историографии поставлено требование унифицировать ее с западноевропейской историей, но без насилия над фактическим материалом эта задача невыполнима» [18], – пишет в одной из своих статей Николай Ульянов. Эта констатация поставлена им во главу угла, когда он критикует русскую историографию, в полемике с историками, в методологических рассуждениях и, прежде всего, в исторических работах. Историк поясняет свою позицию следующими словами: «Похоже, что все теории социального, государственно-политического развития, созданные на основе изучения западно-европейского исторического процесса, неприменимы к истории русской. *Россия первая свергла капитализм, но капитализма в ней почти не существовало. В ней не было пролетариата, но произошла пролетарская революция (курсив авт.).* Европейские социалисты глубоко ее презирали, но именно в ней победил социализм и величайшему русофобу К. Марксу поставлен недавно памятник в Москве. Часть ее населения до сих пор живет в полуразвалившихся избах и мазанках, но она первая завоевала космос. У нее есть Пушкин, Лобачевский, Лев Толстой, Менделеев, Павлов, Глинка, Мусоргский, но она слывет варварской. У нее было многочисленное дворянство, но западноевропейские дворяне не считали его себе ровней. Не ровня был и русский крепостной крестьянин западному. Тамашнее крепостничество выросло естественным путем из старого римского рабства и из завоеваний; в России оно создано сверху актом государственной воли. Существовала в России сильная монархическая власть, но европейский абсолютизм подчеркивал свою отличную от нее природу. Западные монархии были сословными, выросли из феодализма и в борьбе с ним; русская монархия возникла в стране, где феодализма не было, да и сословий никаких, в момент ее появления, не существовало. В России не сословия создавали власть, а власть создавала сословия» [18].

Для осмысления взглядов Ульянова на историю России, и особенно его полемики с преобладающими в России историософскими тенденциями, необходимо привести несколько фактов из его биографии.

Ульянов (1904 - 1985) увлекался театром и литературой, что, между прочим, сопутствовало его творческой биографии всю жизнь. Он опубликовал рассказы и исторические романы. Его литературная критика печаталась в известных эмигрантских журналах. Начинать он с учебы у В. Мейерхольда в Институте ритма совершенного движения и на Курсах мастерства сценических постановок. Хотел стать режиссером, для чего стажировался в Мариинском театре. Его серьезное изучение русской литературы и ее оригинальное критическое восприятие выразилось в курсах, которые Ульянов читал в Йельском университете на тему: *Театр и драматургия в России и История русской культуры* [6]. Впоследствии Ульянов стал изучать историю. Методологическую школу он воспринял от С. Платонова, семинар которого он посещал в середине 20-ых годов [9].

«По мнению Н. И. Ульянова, С. Ф. Платонов был главой целой школы в русской историографии, которая стремилась освободиться от предвзятых точек зрения на русский исторический процесс и стала заниматься монографическим изучением отдельных сюжетов. В ученом ценились не историософские, не политические его настроения, а исследовательская острота, совершенные открытия новых фактов и искусство восстановления исторической картины на их основе, а не на отвлеченных умозрительных спекуляциях» [9].

Оттуда и отрицательное отношение Ульянова к марксизму. Он преподавал историю Москвы 16 в. в Архангельском пединституте и в ЛГУ [9]. В 1936 году он был арестован и приговорен к лагерному заключению на Соловках, потом в Норильске за: «контрреволюционную деятельность, пропаганду» после публикации статьи *«Советский исторический фронт»*. Биографы Ульянова подчеркивают, что он весьма критически относился к лагерным воспоминаниям эмигрантов. «Этот сюжет такой захватанный и заляпанный, что нет желания к нему прикасаться» [5], – заявлял историк.

Из Норильска он был освобожден до войны. В 1943 г. он оказался в Германии как оstarбайтер, после войны он попал в лагерь для «перемещенных лиц» (тн. ди пи) [2]. Из Германии Ульянов выехал в Касабланку, где работал сварщиком на заводе Шварц-Омон. Благодаря публикациям в «Новом Журнале» в 1953 г. Ульянов

переезжает в Монреаль по приглашению профессора Гарвардского университета М. Карповича, где начинает работу над украинской исторической тематикой XVI–XVII вв. и читает лекции в Монреальском университете. Проблематику украинского сепаратизма он разрабатывает под влиянием Н. Лосского. С 1956 по 1973 гг. Н. Ульянов работает профессором Йельского университета.

В 1953 г. по приглашению Американского комитета по борьбе с большевизмом Н. Ульянов стал первым главным редактором русской программы радиостанции «Освобождение» (ныне «Свобода») в Мюнхене. Сразу появились разногласия по поводу того, что куратор ЦРУ М. Вильямс настаивал на том, чтобы антисоветскую пропаганду сменить антирусской. В итоге Ульянов попросил об отставке. В Нью Хэвене Ульянов сблизился с известным евразийцем Г. Вернадским. Результатом знакомства является спор Ульянова с идеологией евразийства. «Я сам не оскорблен и для России не считаю оскорблением рассуждение о нашем туранстве и монголизме. Если бы таковые были, ничего бы в них не усматривал удивительного. Но разговоры эти мне представляются вздорными и ненаучными. Расовый метод изучения исторических особенностей той или иной страны неубедителен для меня. <...> Что же касается монголов, то я и их считаю оклеветанными [П. А.] Берлиным, и при всем моем невежестве в ориенталистике очень бы хотел выступить со статьей в их защиту. (...) Что касается «Наследия Чингис-Хана» Н. С. Трубецкого, то рассуждения его, мне кажется, порочны в самой своей основе. Нам незачем искать источников идей защиты земли за пределами Руси, в чужих высказываниях. Эта идея русская, и выразилась она до татарского нашествия. Вспомните «Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет» или «Плач о гибели земли Русской». Чингис-Хан не мог оставить в наследие того, что не имел сам. Его империя – это натиск, захват, растворение. Понятия обороны не существовало. Русская же военная доктрина всегда была оборонительная, а не наступательная. Вообще, мне не нравится в евразийстве тенденция к бухгалтерскому подсчету восточных и западных элементов в русской истории и в русском обличьи. Не лучше ли было заняться изучением своих русских корней? Тогда быть может окажется, что на Восток незачем ходить в поисках нашего своеобразия», – пишет Ульянов Никитину [10].

Николай Ульянов был также ценным литературным критиком и талантливым писателем - беллетристом. Он опубликовал сборники эссе *Диптих* (1967), *Свисток* (1972), сборник статей о России и русском изгнаничестве *Спуск флага* (1979), книгу *Скрипты* (1981),

сборник рассказов *Под каменным небом* (1970), исторические романы *Атосса* (1952) и *Сириус* (1977).

Исторические работы Ульянова затрагивают следующие аспекты истории России:

1. Вопросы методологии изучения истории России.
2. Взаимоотношения историографии, историософии и культуры.
3. Этногенетические вопросы.

Относительно вопросов методологии необходимо подчеркнуть, что Ульянов категорически отвергал сросшийся с новой историографией метод, предложенный в 18 столетии Джамбатистой Вико, который в трактате *Основание новой науки об общей природе наций* разделил историю на эпохи: богов, героев, людей. Он упрекал этот метод в поверхности обобщений и схематизации истории. Его продолжением был позитивизм и марксизм. Как ненаучную он раскритиковал терминологию: «законы истории», «причинно-следственная зависимость», «железная необходимость», «цивилизация», «формации», «идеальные типы» [18]. Ульянов придерживается антропологического метода изучения истории в противовес методологии, искусственно воспроизводимой от естественных наук.

«Объектом исторического изучения является человек – существо, резко отличающееся от предметов мертвой и всех видов живой материи. Наличие ума, воли, желаний, побуждений этического, религиозного, культурного порядка, делают это явление не подводимым ни под какие «закономерности». Нет в ней и повторений. Историческое есть качественно единственное. «Обобщения» – один из приемов искажения истории. Величайшими «обобщителями» являются большевики. «История – это политика, опрокинутая в прошлое» – провозгласил М.Н. Покровский» [18].

Ульянов подчеркивал, что история основывается на фактах, множество из которых еще не выявлено. Каждое новое историческое открытие может изменить направление интерпретации.

Особой проблемой, по его мнению, в российской историографии является т.н. интуитивное постижение, желание получить ответ на волнующий вопрос: «Большую популярность приобрели так называемые «вольные философы» типа Бердяева, Федотова, Степуна, отказавшиеся от изучения истории и заменившие его интуитивным постижением». Устанавливали они [65] генетическую связь между «Москвой Третьим Римом» и «Третьим Интернационалом», давшую им право объявить Россию извечным носителем идеи коммунизма и мирового господства. «Открытие»

было подхвачено и имело большой успех. Но никому в голову не пришло заняться монографическим изучением этого сюжета. Монографическое изучение в эмиграции, вообще, замерло и вместо исследовательских работ, вводящих в научный оборот новый материал или новые точки зрения, усилилась тенденция писать водянистые общие обзоры от Рюрика до Ленина и возросла страсть к вольным суждениям, отмеченным знаком не объективного познания минувшего, а политическими страстями и спекуляциями нашего времени» [18].

Основоположником этой традиции, по мнению Ульянова, является Петр Чаадаев. Историк называет его самозванцем в истории русской мысли [14], ревизором русской истории. Ставит его в один ряд с декабристами, Белинским и Герценом. Он упрекает их всех в создании исторической идеологии, а Чаадаева, вдобавок, в лицемерии по поводу того, что он, пренебрегая рабством, сам жил за счет крепостных, не думая об их освобождении и даже сдавал крестьян в солдаты, заработав на этом аж 9000 рублей. Ульянов отказывает Чаадаеву в оригинальности, он копирует: Жозефа де Местра, Бональда, Балланша, Ламетри и Иоганна Юнга-Шпиллинга. Чаадаев пренебрегает историками, накапливающими факты, не хватая понимания, группировки и распределения. «Только людям занимавшимся, когда-нибудь, историей в советских научных учреждениях, понятно злое значение этих слов. Они хорошо знают, что такое «группировка, понимание и распределение» [14]. Знакомы им и «истинные поучения» – констатирует Ульянов.

Петрашевский, Белинский, Герцен, Огарев и другие русские интеллигенты, по мнению Ульянова, занимались затмением образа русской истории, выдавая себя одновременно за пророков. Они давали ложные диагнозы, которые якобы вытекали из закономерностей русской истории. Все это Ульянов называл утопическими грезами [17].

Две статьи Ульянова: «*Ignorantia est*» и «*Басманный философ*» в сущности предваряют дискуссию на тему глобализации, ее идеологии и практики. Ульянов, в отличие от авторов Вех, подчеркивает плагиатный характер этой идеологии. Указывает также на факт, что при ее помощи русская интеллигенция выстраивала ложный образ русского общества, прежде всего – народа (крестьянства). Ульянов доказывает, что в России интеллигенция есть функция непрерывная, наследственный орден от шеллингианцев и Белинского до Ленина. Это все те, кто «перепрыгивал через непройденные этапы».

«Высокомерный кюстиновский тон этот принадлежит не иноземцу, а старому русскому социал-демократу, клявшемуся когда-то именем народа – покойному Г. П. Федотову. Вся история радикальной русской интеллигенции есть сплошное принесение реально данных вопросов своего времени в жертву вопросам нереальным. Передавалось волнующее чувство причастности к мировому разуму» [17].

Русская интеллигенция, по мнению Ульянова, считала исторически действительным миропонимание, содержащееся в западной философии, надо только было его воплотить в жизнь. Очередные концепты она считала более правдивыми, чем саму действительность, потому называла себя историческими людьми: «Эмигрантские колонии в Лондоне и в Швейцарии, шестидесятничество, студенческие забастовки, хождение в народ, народовольчество, потом эсеровское подполье, нечаевщина, ленинское сектанство, все сколько-нибудь значительные проявления интеллигентской активности, все они отличались той взвинченностью, одержимостью, беснованием, которое впервые появилось в русском обществе в 30-х годах (...) Один Белинский чего стоит. Бакунину выдается похвальная грамота: «Ты первый уничтожил в моем понятии цену опыта и действительности, втащив меня в фихтеанскую отвлеченность «Я» теперь в новой крайности, – читаем в его письме к Боткину в 1841 г., – это идея социализма, которая стала для меня идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфою и омегою веры и знания. (...) Она для меня поглотила и историю, и религию, и философию» [17].

Ульянов утверждает также, что ошибаются все, кто старается в России подражать Европе. Европейские пути государственно-политического и социального развития тесно связаны с историей Западной Европы и неприменимы к русской истории. Проблема состоит в том, что русская интеллигенция и политические деятели старались загнать Россию под крышу западной истории, постоянно критикуя русскую действительность. Критика допустима, если не влечет за собой стремления доказать, что русская история шла не тем путем, каким следовало, потому что этого доказать нельзя.

Результатом такого ошибочного историзма была сталинская национальная политика, опирающаяся на австрийскую модель. Ульянов считает также ошибкой критику и непонимание факта, что в России всегда существовала полярность между провинциальным и централизованным управлением.

«“Россия и Европа”, как два разных мира, обозначились очень давно. С самого начала повелось так, что Русь противопоставляли не Австрии, не Франции, не какой-нибудь другой отдельной стране, а целой Европе. Выработалось единое для всех частей Запада враждебное отношение к России. В разные времена оно имело разное обоснование – религиозное, политическое, расовое, даже историософское. (...) За двести лет наше западническое лицо ничего кроме плевков или снисходительных усмешек не получало от Европы. Но мы стали пользоваться бешеным успехом, как только обернулись к ней “своею азиатской рожей”. Половина ученого, литературного, артистического Запада сделала Москву своей Меккой. (...) Запад любит советский коммунизм – создание своего духа, но ненавидит Россию историческую. От его первоначальной антисоветской идеологии ничего не осталось, она вся подменена идеологией антирусской. Все коммунистические перевороты в Китае, в Индокитае, в Лаосе, в Индонезии единодушно относятся за счет “извечного русского империализма”. Политические лозунги Запада зовут не к свержению большевизма, а к расчленению России» [18].

Историк приводит пример немца Генриха Штадена, который предложил в 16 в. проект захвата русских земель и истребления населения (привязать к бревнам и топить). Королевский совет в Лондоне постановил, чтобы земли вдоль Северной Двины и Волжского понизовья с городами Архангельск, Холмогоры, Устюг, Тотьма, Вологда, Ярославль, Нижний Новгород, Казань и Астрахань должны отойти под протекторат короля Якова I. Дорогой через Архангельск посланы были Джон Мерик и Вильям Россель – то ли торговцы, то ли дипломаты – для осуществления задуманного предприятия. Датский король хотел захватить Кольский полуостров. Все эти примеры исторических действий периода смуты приводит историк в доказательство невозможности сверить исторический путь России с Западом, к чему стремятся русские элиты. Ульянов убежден в том, что Европа в целом питает неприязнь к России. Это является результатом ее непонимания индивидуального исторического пути России и неуважения к нему. Ульянов, стараясь объяснить специфику русской империи, обращается к ее истокам. Ранняя история этого геополитического организма доказывает, что многоэтническое создание меняло власть, строй, культуру, но само оставалось полиэтническим и геополитически единым. Ульянов ссылается на работы т.н. историко-юридической школы. Нужно к этому добавить также лингвистов, таких как О. Трубачев.

Проблема полиэтничности России является центральным вопросом в исследованиях Ульянова. Ему посвящает он наиболее известное исследование «*Происхождение украинского сепаратизма*» и ряд статей.

В работе «*Спуск Флага*» Ульянов доказывает, что современная историческая наука в отношении предистории русских земель не объясняет смену государственных образований переселением народов. Защищает гипотезу, что народы Великой русской равнины являются автохтонами. Ссылается на работы так называемой «историко-юридической школы», представленной С.Соловьевым, Б. Чичериным, К. Кавелиным и тяготевшего к ним П.Миллюкова. К этой плеяде известных русских историков можно добавить польского – Генриха Пашкевича и его труд «*Powstanie narodu ruskiego*» (Kraków 1998). Как Ульянов, так и Пашкевич цитируют фразу краковского епископа Матвея из его письма к Бернарду Клервосскому от 1153 года: «Рутения велика, как бы другой мир земной, а народ русский по несчетному количеству подобен созвездиям». «Москва росла не как великорусское, но как многонародное государство. России чисто русской никогда не существовало» [21] – отмечает Ульянов.

Уже тогда, в 1979 году, Ульянов замечает, что многонародность на Западе считается чем-то вроде «утопии», существующей вопреки историческим законам. Все империи распались: Британская, Австрийская, Турецкая, «а русская “утопия” - значительно старше их по возрасту – стоит» [21]. Потому слышны призывы к ее расчленению. Историк доказывает также, что небольшие нации, входившие в состав Российской империи, преследовали имперские амбиции. Ссылаясь на источники, приводит пример проекта панфинской державы от Ботнического залива до Тихого океана и от Белого моря до Черного; “Великой Эстонии” до Китайской стены и заговор Султан Голиева с казанскими татарами, целью которого было возрождение державы в границах Золотой Орды. То же самое касалось проектов “Казаккии” и “Незалежной Украины” от Карпат до Каспия, до Волги и за Урал. «Доминировал не этнографический, а геополитический принцип» - констатирует Ульянов.

«Тема сепаратизма занимает важное место в творчестве Ульянова. Он последовательно проводит идею приоритета геополитической заданности над узконациональными интересами. Политическая схема развития сепаратистского движения в России такова: этнографическая автономия – национальная независимость – локальные территориальные претензии – создание “империй” от океана до океана. В последнем обычно обвиняются исключительно

российские государственники, вне зависимости от их национальной принадлежности» - замечает Базанов [1].

Книгу Ульянова «*Вопросы украинского сепаратизма*» писатель второй волны русской эмиграции В. Самарин приветствовал следующими словами: «Она нужна именно в наше время, когда по страницам книг, журналов, газет растекается мутная волна руссофобства, когда понятие интернационального коммунизма подменяется понятием 'русского империализма', когда Запад осуществляет политику, направленную не против коммунизма, а против исторической России – политику, грозящую всемирной катастрофой» [11].

Книга Ульянова об украинском сепаратизме, кроме фактов из истории Руси, Польши и Литвы, содержит главы, посвященные происхождению и роли казаков в истории этих государств, но прежде всего историк раскрывает факты, которые повлияли на рождение украинской национальной идеи. Он выделяет два источника: польский и австрийский. Австрийский, с его финансово-административной программой, поддерживал интересы Австрийской империи. Создание украинской нации нужно было для того, чтобы избежать идентификации собственных граждан с Россией. Австрия создала проект, который включал: язык, литературу, печать, просвещение и униатскую Церковь [8, 12].

Поляков Ульянов считает авторами украинской национальной доктрины, которую они сочиняли с первых дней после разделов. Историк ссылается на исторические работы Ивана Лаппо [3, 4]. При Александре I поляками была создана на правобережной Украине сеть школ, они овладели Харьковским университетом. Его студентом был в 30-ые годы Костомаров. Тогда была создана идея всеславянского федеративного государства.

Польская заинтересованность в украинском сепаратизме лучше всего изложена историком Валерианом Калинкой, понявшим бессмысленность мечтаний о возвращении юга России под польское владычество – пишет Ульянов. Край этот потерян для Польши, но надо сделать так, чтобы он был потерян и для России [22]. Ульянов цитирует найденные в 1917 году записки митрополита Андрея Шептицкого о том, как провести украинизацию киевских земель [7]. Польский национализм стал образцом для подражания, вплоть до того, что сочиненный П. Чубинским гимн «*Ще не вмерла Украина*» был подражанием польскому: «*Jeszcze Polska nie zginęła*». Тем не менее Ульянов не преувеличивает роли польского и австрийского влияния на развитие украинского сепаратизма. Существенное

значение для выработки украинской специфики историк усматривает в казачестве. Казаки выстраивали первые формы политической самостоятельности и культуры. Не чужды им были: политическая нечестность вплоть до измены (Мазепа) и анархия. В 19 ст. наступила мифологизация казачества: «По Костомарову, казаки несли Украине такое подлинно демократическое устройство, что могли осчастливить не одну эту страну, но и соседние с нею. Приблизительно так же смотрел на запорожскую Сечь М. П. Драгоманов» [15].

Казачья идеология сделана национальной украинской идеологией. В противоположность европейским и американским сепаратизмам, развивавшимся, чаще всего, под знаком религиозных и расовых отличий либо социально-экономических противоречий, украинский не может основываться ни на одном из этих принципов – замечает историк. Казачество подсказало ему аргумент от истории, сочинив самостийническую схему украинского прошлого [19].

«Особенность украинского самостийничества – в том, что оно ни под какие из существующих учений о национальных движениях не подходит. (...) В заглавии настоящей работы не случайно употреблено слово «сепаратизм» вместо «национализма». Именно национальной базы не хватало украинскому самостийничеству» [15] – пишет во *Вступлении* Ульянов. Украинский национализм не может выйти из стадии самоутверждения, чего нельзя сказать о грузинах или армянах. «Сепаратистская мысль до сих пор работает над созданием антропологических, этнографических и лингвистических теорий, долженствующих лишить русских и украинцев какой бы то ни было степени родства между собой» [15]. Ульянов указывает на эволюцию в определении различий между украинцами и русскими: два русских народа, два славянских народа и, наконец, единственный славянский народ украинский и московский – монгольский, азиатский. Культурное обособление и выработка литературного языка, по мнению Ульянова, является издевательством над культурой, чего нельзя делать безнаказанно.

В статье «*Русское и великорусское*» Ульянов уточняет свою позицию по отношению к концепции народов Российской империи. Доказывает, что термин «русский» не имеет этнического значения. Русские это все те, кто исторически связан с русской государственностью и культурой: не малоруссы, белоруссы или великоруссы учредили Церковь как носительницу культуры, не они собирали земли русские, создали литературный язык, литературу, музыку, театр, только русские, замечает Ульянов.

«Каждый русский может быть отнесен либо к великоруссам, либо к украинцам, либо к полякам, немцам, грузинам, армянам. Гоголь – хохол, Пушкин – из арапов, Фонвизин – немец, Жуковский – турок, Багратион – грузин, Лорис-Меликов, Вахангов, Хачатурян – армяне, Куприн – татарин, братья Рубинштейны, Левитан и Пастернак – евреи, добрая треть генералитета и чиновничества была из немцев» [20].

По мнению Ульянова, творческой и конституирующей силой России является государство, а не нация. В отношении ранней Руси Пашкевич в этой роли видел Церковь. Оба историка подчеркивают, что этнический элемент не играл никакой роли в истории России. Раньше это были православные христиане киевской митрополии, потом подданные Русской империи.

Национальный вопрос стал причиной спора Ульянова с Марксом. Он раскритиковал его за требование на международном конгрессе в Женеве (1866 г.) самоопределения национальностей Российской Империи, но слышать не хотел о таком же самоопределении австрийских и турецких славян [16]. Принято было тогда введ за Гегелем делить народы на исторические и неисторические. Эти первые, как носители прогресса, имеют право на историческое существование. К этой категории из числа славянских народов Маркс зачислял только поляков. «Польша – это не то, что прочие славяне, это гордый лебедь революции. Польша в прошлом всегда защищала Запад от варварских вторжений татар, турок и москалей. За эту роль извечного врага России Европа и ценила Польшу» – пишет Ульянов [16]. Маркс, по мнению Ульянова, как и вся Европа, желал раздробления и уничтожения России путем войны или отторжения ее от Европы Польшей.

Лозунг «самоопределение наций», как утверждает Ульянов, был рассчитан на уничтожение России. Этого хотели также немцы во время второй мировой войны. Украинская диаспора на Западе стремилась превратить холодную войну с коммунизмом в войну против России. Историк цитирует абзац из парижской украинской газеты, который стоит здесь привести как подходящую иллюстрацию для русской интерпретации сегодняшних событий на Украине:

«Не в большевизме суть, она лежит в чем-то другом, а именно, в опасном русском империализме, который извечно угрожал нашим народам. И поэтому наша борьба должна направляться не только против большевизма, но против всякой империалистической России – России большевистской и царской, России фашистской и демократической, России панрусистской и панславистской, России

буржуазной и пролетарской, России верующей и неверующей, России – покровительницы православия, ислама, последователей Моисея, России – защитницы угнетенных и колониальных народов, России мессианской и России – защитницы мирового пролетариата, России Милокова и России Власова, вообще против России, которая уже сама по себе является синонимом империализма» [13].

Политическая игра с национальным вопросом, по мнению Ульянова, может оказаться роковой. Попытка расчленения россиян может сделать их непримиримыми из простого чувства самосохранения – пишет он, – если половина окажется вдруг за границей. «Можно ли, например, представить себе, чтобы русский язык, русская печать и русские школы были допущены в будущей «незалежной Украине» независимо от того, будет ли она бандеровская или григорьевская? Наш народ поэтому вынужден грядущую встать на защиту собственного существования» [13].

Николай Ульянов принадлежит к довоенному поколению. Прежде чем стать эмигрантом, он прожил в СССР 26 лет взрослой жизни. Его исторические взгляды не сходятся ни со взглядами эмигрантов первой волны, ни, тем более, с советскими. Однако некоторое сходство можно найти с работами русских историков старшего поколения, прожившего в СССР, опубликованных после 1990 г. Они остаются в оппозиции не только по отношению к постгегельянской историографии, но также по отношению к тем, кто вырос на либерально-демократической почве. Ульянов схож во взглядах с Игорем Шафаревичем, Владимиром Большаковым, Михаилом Назаровым, митрополитом Иоанном Снычевым. Специфической чертой их работ является нонмодернизм, направленный против культурного космополитизма. Новые перспективы для такой методологической постановки открыл Арнольд Тойнби, на которого часто ссылается Ульянов, который не оценивал культуру согласно модернистским стандартам, но обращал внимание на согласованность развития данной культуры с заложенными у ее истоков ценностями. С этой позиции ученый критиковал современные исторические науки. Сегодня выстраивается мнение, что именно развитие количественной (статистической) истории, которая пользуется эконометрическими методами исторической демографии, утвердило современное понимание истории. Однако необходимо напомнить, что методы количественной истории были в употреблении всегда. Они играли вспомогательную роль. Однако на современной историографии сказалась диалектика Гегеля. Именно в его системе история

лишилась элеме́та тайны, стала заранее обусловленным концептом. Гегельянство, существенным образом, обременило русскую историографию 19 в., марксистскую историографию, а также, в какой-то мере, современную. Весь научный труд Ульянова свидетельствует о том, что он был оппонентом этого направления.

Список литературы

1. Базанов П. Историк Н. И. Ульянов. URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2012/269/b20.html> (дата обращения 20.10.2022).
2. Вернадский Г. Русская историография. М., 1998. 431 с.
3. Лаппо И. Происхождение украинской идеологии Новейшего времени. Ужгород, 1926.
4. Лаппо И. Идея единства русского народа в Юго-Западной Руси в эпоху присоединения Малороссии к Московскому государству. Прага, 1929.
5. Линник Ю. О «Мемориале» и его авторах. Архангельск, 1992. 348 с.
6. Крыжицкий С. И. Ульянов // Отклики. Нью Хэвен, 1986. 59 с.
7. Общее дело. 27.09.1917.
8. Одинец Д. Из истории украинского сепаратизма // Современные Записки. № 68.
9. ОР РНБ Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 4421. Л. 1-3. Цит. по: П. Базанов, Историк Н. И. Ульянов, URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2012/269/b20.html> (дата обращения 20.10.2022).
10. Письмо Н. И. Ульянова В. П. Никитину от 16 сентября 1956 г. // BAR V.P. Nicitin Papers. Vol.1. Files: Переписка Н. И. Ульянова с В. П. Никитиным. – Нью-Йорк, 1956–1957 гг. 1 л. об. Цит. по: П. Базанов, Историк Н. И. Ульянов. URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2012/269/b20.html> (дата обращения 20.10.2022).
11. Самарин В. Служение России (Памяти Н. И. Ульянова) // Вече. 1985. № 18. С. 195.
12. Соколов Л. Превращение украинского сепаратизма в инструмент австрийской и германской политики. URL: <http://alternatio.org/about/item/5622> (дата обращения 21.10.2022).
13. Украинец-Час. №184. Цит. по: Н. Ульянов. Большевизм и национальный вопрос // Скрипты». Сборник статей. Изд-во «Эрмитаж», Michigan: Ann Arbor 1981. URL:

- http://www.belousenko.com/books/ulyanov_n/ulyanov_skrifty.htm (дата обращения 22.11.2022).
14. Ульянов Н., Басманный философ. (Мысли о Чаадаеве). URL: <http://oboguev.narod.ru/images/niubas.htm> (дата обращения 20.10.2022).
15. Ульянов Н., Вопросы украинского сепаратизма. URL: http://www.ruslib.org/books/ulyanov_nikolay/proishozhdenie_ukrainskogo_separatizma-read.html (дата обращения 21.10.2022).
16. Ульянов Н. Замолчанный Маркс // Скрипты». Сборник статей. Michigan, Ann Arbor: Изд-во «Эрмитаж», 1981. URL: http://www.belousenko.com/books/ulyanov_n/ulyanov_skrifty.htm (дата обращения 22.11.2022).
17. Ульянов Н. Ignorantia est. URL: <http://oboguev.narod.ru/images/niubas.htm>(дата обращения 20.10.2022).
18. Ульянов Н. Исторический опыт России // Скрипты. Сборник статей. Ann Arbor, Michigan: Изд-во «Эрмитаж», 1981. URL: http://www.belousenko.com/books/ulyanov_n/ulyanov_skrifty.htm (дата обращения 20.06.2014).
19. Ульянов Н. Катехизис // Скрипты. Сборник статей. Ann Arbor, Michigan: Изд-во «Эрмитаж», 1981. URL: http://www.belousenko.com/books/ulyanov_n/ulyanov_skrifty.htm (дата обращения 20.10.2022).
20. Ульянов Н. Русское и великорусское URL: <http://www.angelfire.com/nt/oboguev/images/niurus.htm> (дата обращения 22.10.2022).
21. Ульянов Н. Спуск флага. Изд. автора. Нью-Хэйвен, 1979. Цит. по: URL: <http://www.edrus.org/content/view/142/62/> (дата обращения 21.10.2022).
22. Tarnowsky S., Ks. W. Kalinka. Kraków, 1887. S. 167-170.

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ЭТНОРЕГИОНЕ

Кубанова Л.В.

Кандидат политических наук

*Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований
при Правительстве КЧР, ведущий научный сотрудник*

E-mail: lianakubanova@mail.ru

Аннотация. Проблема миграции не теряет своей актуальности, свидетельством тому являются документы стратегического планирования в сфере национальной безопасности Российской Федерации. Миграционная ситуация на территории полиэтничного региона Карачаево-Черкесской Республики за 2021 год характеризуется увеличением числа иностранных граждан, въехавших на территорию КЧР. Проведенный в Карачаево-Черкессии социологический опрос показал, что, несмотря на характерное для республики культурное многообразие, её жители демонстрируют неоднозначное отношение к мигрантам. Основные факторы, оказывающие негативное влияние на восприятие коренным населением миграции, социально-экономические. Полученные данные свидетельствуют о том, что проблема миграции в КЧР приобретает значимость и останется актуальной в ближайшее время. Поэтому необходимо вести взвешенную политику, а также усилить совместную работу органов власти, специальных ведомств и общественных организаций по интеграции мигрантов в социокультурную среду региона.

Ключевые слова: миграционная политика, мигранты, социокультурная адаптация, интеграция.

MIGRATION POLICY IN THE ETHNOREGION

Kubanova L.V.

PHD in Political Science

*Karachay-Cherkessia Institute of Humanitarian Research under the
Government of the KCR, leading researcher*

E-mail: lianakubanova@mail.ru

Abstract. The problem of migration does not lose its relevance, as evidenced by the strategic planning documents in the sphere of national security of the Russian Federation. The migration situation in the multi-

ethnic region of the Karachay-Cherkessia Republic in 2021 is characterized by an increase in the number of foreign nationals entering the territory of the KCR. A sociological survey conducted in Karachay-Cherkessia showed that despite the cultural diversity characteristic of the republic, its residents demonstrate an ambiguous attitude towards migrants. The main factors that have a negative impact on the perception of the indigenous population are socio-economic. The data obtained testify to the fact that the problem of migration in the KCR becomes important and will remain topical in the near future. Therefore, it is necessary to conduct a balanced policy, as well as to strengthen the joint work of the authorities, special agencies and public organizations on the integration of migrants into the socio-cultural environment of the region.

Keywords: migration policy, migrants, socio-cultural adaptation, integration.

На протяжении ряда лет Российская Федерация входит в пятерку стран реципиентов миграционных потоков. В их структуре преобладают трудовые мигранты – граждане стран Центрально-Азиатского региона и Закавказья. Проблема миграции не теряет своей актуальности, и свидетельством тому являются документы стратегического планирования в сфере национальной безопасности Российской Федерации, которые, в основном, носят комплексный межотраслевой характер. К ним относятся: Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666; Концепция государственной миграционной политики на 2019-2025 годы, утвержденная Указом Президента от 31 октября 2018 г. № 622; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400.

Одна из целей миграционной политики Российской Федерации – создание такой миграционной ситуации, которая будет способствовать решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышения качества жизни ее населения, обеспечения безопасности государства, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов

России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода [1].

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации закреплён целый ряд аспектов государственной национальной политики. К национальным интересам Российской Федерации на современном этапе отнесены, в том числе: сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан; поддержание гражданского мира и согласия в стране; укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России. При этом достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на решение таких задач, как, например, противодействие незаконной миграции, усиление контроля за миграционными потоками, социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов.

Карачаево-Черкесия - полиэтнический регион Северного Кавказа, в котором совместно проживают представители около 100 народов. Официальная статистика свидетельствует о том, что в республике сохраняется тенденция миграционного оттока населения, обусловленная, в первую очередь, экономическими факторами, среди которых основными являются безработица и низкий уровень оплаты труда в регионе. По среднему варианту прогноза Росстата, в ближайшие годы в Карачаево-Черкесии сохранится отток населения.

Несмотря на то, что миграционно-привлекательными для иностранных граждан являются крупные экономически развитые города, в небольшой регион Карачаево-Черкесию ежегодно прибывают трудовые мигранты. Миграционная ситуация на территории Карачаево-Черкесской Республики за 2021 год характеризуется увеличением числа иностранных граждан, лиц без гражданства, въехавших на территорию КЧР [2]. Значительную долю составляют низкоквалифицированные работники, востребованность которых определяется зачастую в таких отраслях, как сельское хозяйство, строительство, жилищно-коммунальное хозяйство, сфера услуг.

Анализ внешних миграционных потоков показывает стабильное преобладание числа иностранных граждан, прибывающих на территорию республики из стран-участниц Содружества независимых государств (СНГ), особенно из Республик Узбекистан и Азербайджан, доля которых составляет 74,4% от

общего количества поставленных на первоначальный миграционный учет. Меньше прибытие из Таджикистана, Киргизии, Армении, Казахстана, Беларуси, Молдовы. Также, в безвизовом режиме на территорию КЧР прибыли граждане Украины, Абхазии.

Помимо трудовой деятельности, прибывшие в КЧР иностранные граждане, заявили целью въезда частную цель, учебу, туризм, деловую (служебную, коммерческую) цель. В Карачаево-Черкесском государственном университете в настоящее время обучается свыше 1300 студентов-иностранцев) [3]. Из них наибольшее количество из Туркменистана, Индии, Турции. В Северо-Кавказской государственной академии обучаются более 300 иностранных студентов [4]. В 2021 году, возможно по причине пандемии, количество иностранных обучающихся, принятых в КЧГУ и СКГА уменьшилось [5]. Следует отметить, что в 2020 – 2021 годах в российское законодательство внесены изменения, которые способствуют созданию дополнительных благоприятных условий для интеграции и адаптации иностранных граждан на территории Российской Федерации. В том числе в условиях пандемии для иностранных граждан неоднократно продлевался срок действия ряда документов. За переоформлением патента теперь не нужно выезжать из России, а принимающей иностранного гражданина стороне можно подать уведомление в орган миграционного учета через портал госуслуг; упростился порядок трудоустройства для иностранных граждан, обучающихся в Российской Федерации в российских профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования, и др.

Более глубокому пониманию миграционной ситуации в Карачаево-Черкесской Республике способствовал проведенный на ее территории массовый социологический опрос, результаты которого позволили оценить общественное восприятие миграции и ее влияние на экономические, социально-политические, культурные, и иные аспекты жизни общества.

Результаты опроса показали, что большинство жителей региона сталкиваются с мигрантами и пользуются их услугами (64,3%). Не используют труд мигрантов почти треть опрошенных (31,3%). Среди видов труда, в которых задействованы мигранты и используемых местными жителями, выделяются такие как уборка и благоустройство территории - 33%; ремонт жилья или ремонт автомобиля - 31%; услуги в магазинах и на рынках - 30%; кафе, рестораны, гостиницы - 22%; жилищно-коммунальные услуги - 16%; работа на даче и приусадебном участке - 16%. Таким образом, можно

выделить группы услуг, в которых задействованы мигранты и которыми пользуются местные жители: это услуги в общественных местах - 96%; персональные услуги - 34%; услуги смешанного типа - 59%.

Данные опроса показали, что большинство жителей республики считают, что мигранты не оказывают отрицательного влияния на их трудоустройство и не влияют на их заработок. Также мигранты не оказывают значимого отрицательного влияния на здоровье и безопасность жителей. Большинство опрошенных (82%) относятся к миграции нейтрально. При этом отрицательное действие отмечают всего лишь 5% опрошенных. По данным Социологического мониторинга межнациональных и межконфессиональных отношений ФАДН, Карачаево-Черкесия на 5 месте среди субъектов РФ по доле граждан, не испытывающих негативного отношения к иностранным гражданам (83%). Доля респондентов, положительно оценивающих работу органов региональной власти, направленную на предотвращение межнациональной и межрелигиозной напряженности и конфликтов, почти в 2 раза превышает долю, поставивших отрицательные оценки. КЧР на 17 месте в РФ по позитивным оценкам: почти половина жителей региона (46,5%) оценили работу властей в этом направлении на «хорошо» и «отлично» [6, с.88-89].

Несмотря на полученные в ходе опроса, в общем, позитивные оценки, в республике имеется конфликтный потенциал миграции. Свидетельством являются имевшие место в 2019 году случаи. Так, в марте 2019 года жители Малокарачаевского муниципального района КЧР на встрече с главой района возмущались фактом проживания в нем выходцев из Узбекистана, которые работают за минимальную зарплату, лишая местных жителей возможности заработка. Руководитель миграционной службы подтвердил, что в Малокарачаевском муниципальном районе законно проживают более 800 граждан Узбекистана [7]. Жители района обратились с коллективным письмом в Прокуратуру КЧР, в котором заявлено о неравномерности распределения трудовых ресурсов, криминализации «теневого» управления миграционными потоками, стремительном распространении инфекционных заболеваний, экономических потерях и увеличении социальной напряженности [8].

Действительно, данные опроса показали, что 12% респондентов считают, что приезжие отнимают у них работу. Часто мигранты занимают те социальные позиции, которые местное население

считает мало престижными. Почти половина опрошенных (45%) указала на то, что местные жители сами не хотят занимать некоторые рабочие места. Четверть опрошенных (26%) считают, что имеет место и то, и другое.

Опрос показал, что работающие жители республики в своем большинстве демонстрируют опасение потерять работу. Об этом заявила почти половина опрошенных. У 30% респондентов редко возникают такие опасения, у 16% часто. Уверены в том, что не потеряют работу менее пятой части опрошенных (18%).

Приезжие, как правило, не являясь квалифицированными специалистами, соглашаются на оплату труда в несколько раз ниже той, на которую согласны квалифицированные местные работники, тем самым возникает напряженность на рынке труда. В условиях когда безработица является одной из самых актуальных социально-экономических проблем в республике, как и во всем Северо-Кавказском федеральном округе, миграция может стать конфликтогенным фактором и привести к дестабилизации обстановки.

При выяснении готовности принять участие в возможных пикетах и акциях против иностранных трудовых мигрантов, всего 8% опрошенных дали утвердительный ответ. Половина респондентов (54%) ответили, что не поддержат пикеты и акции. Настораживающими являются ответы 36% опрошенных, которые затруднились дать ответ на этот вопрос, то есть часть из них потенциально готова поддержать пикеты, если они затронут их интересы.

Одним из инструментов формирования толерантного отношения к мигрантам являются СМИ. По мнению 41% опрошенных они информированы в большей степени о криминальных происшествиях, касающихся мигрантов, четверть опрошенных (26%) из СМИ получают информацию, касающуюся в большей степени культуры мигрантов. При этом местные жители считают, что по уровню преступности нет особых различий между ними и мигрантами. Всего лишь 8% опрошенных отметили, что мигранты чаще совершают преступления, чем местные жители.

СМИ периодически публикуют информацию о тех или иных уголовных делах, возбужденных против мигрантов. В основном они касаются нарушения миграционного законодательства и незаконности пребывания мигрантов на территории республики. Но имеют место также случаи, касающиеся деструктивной деятельности приезжих граждан и вызывающие недовольство жителей региона.

Это касается вопроса распространения наркотиков. Согласно данным МВД КЧР за 2021 год отмечено уменьшение преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, на 54,1%. В то же время выросло количество преступлений, совершенных в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства на 47,6%. В целях стабилизации обстановки на территории республики проводятся специальные оперативно-профилактические и оперативно-розыскные операции и мероприятия: «Гастарбайтер», «Нелегал-2021».

На социально-политическую ситуацию большое влияние оказывает социокультурная интеграция и адаптация мигрантов. Данные опроса позволили определить степень этнической толерантности местного сообщества и способность к комплиментарному этническому поведению. Более половины опрошенных (66%) относятся нейтрально к совместному обучению своих детей с детьми мигрантов. При этом пятая часть опрошенных (20%) относятся к этому положительно. Всего лишь 7% респондентов относятся к совместному обучению с мигрантами отрицательно.

Мигранты, прибывая в иное социокультурное пространство должны быть знакомы с местными традициями. Так считают 71% опрошенных. Десятая часть жителей (12%) не считают это обязательным для мигрантов. Основная роль в информировании мигрантов о традициях и культуре России должна принадлежать органам власти и общественным организациям, так считают соответственно 58% и 44% респондентов. Основным методом информирования считается привлечение мигрантов к участию в общественной жизни, праздниках, спортивных мероприятиях, так считают 54% опрошенных. Среди других методов 15% респондентов отметили раздачу информационных листовок. При этом столько же опрошенных считают, что ничего делать не нужно.

В Карачаево-Черкесии налажено сотрудничество министерства по делам национальностей и печати со всеми официально зарегистрированными общественными организациями, представляющими интересы иностранных граждан (с азербайджанцами, греками, армянами, турками-месхетинцами) [9]. В высших учебных заведениях республики ведется активная работа с иностранными студентами по вовлечению их в социальную и культурную жизнь, интеграции в университетское сообщество. Их привлекают к различным спортивным и культурно-массовым мероприятиям, что улучшает процесс социально-культурной

адаптации. Но данные опроса свидетельствуют о том, что этого недостаточно. Несмотря на принимаемые меры, по данным опроса пятая часть местного населения (20%) считает, что приезжие мало уважают местные традиции. Почти половина опрошенных (47%) не согласны с таким мнением. Треть опрошенных не смогли ответить на вопрос, касающийся оценки отношения приезжих к местным традициям. В КЧР, как и в 30-ти других субъектах РФ, отсутствуют программные документы и финансирование мероприятий по социальной и культурной адаптации. Что может негативно сказаться на системе профилактики и раннего предупреждения конфликтных ситуаций, и создать риски возникновения очагов межнациональной и межконфессиональной напряженности [10, с.19].

О повышенном внимании к вопросам культурной адаптации свидетельствует федеральная повестка. Так, на Совете по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации «О ходе реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» 23 июня 2022 года был дан ряд рекомендаций Правительству Российской Федерации. В целях повышения эффективности реализации государственной национальной политики в условиях новых вызовов и угроз национальным интересам Российской Федерации, среди прочих, Правительству необходимо рассмотреть вопросы о ходе выполнения решений по формированию системы социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции в российское общество и дополнительных мерах по решению указанной задачи.

Этнические отличия являются немаловажным социокультурным маркером в оценках жителей республики. Подтверждением служат ответы на вопрос о том, должны ли местные жители что-то знать о традициях и культуре мигрантов. Половина опрошенных (51%) считает это необходимым. Почти треть опрошенных (29%) отметила, что это вовсе необязательно. При этом четвертая часть опрошенных (24%) стала больше знать о традициях, языках и культуре мигрантов, больше половины опрошенных (62%) ничего об этом не знает.

Данные опроса показывают, что настрой местных жителей на интеграцию в локальные общества мигрантов довольно низкий. Почти половина респондентов (45%) демонстрируют в своих ответах отрицательный настрой, меньше (37%) опрошенных настроены

положительно, почти пятая часть опрошенных затруднились с ответом.

Проведенный в Карачаево-Черкесии социологический опрос показал, что, несмотря на характерное для республики культурное многообразие, её жители демонстрируют неоднозначное отношение к мигрантам. Основные факторы, оказывающие негативное влияние на восприятие коренным населением миграции, экономические. Это проявляется в росте конкуренции на рынке труда, усугублении проблемы безработицы. Важными являются проблемы этнической стереотипизации. А также социальные проблемы, среди которых - рост заболеваемости и преступность. В некоторых муниципальных районах уже имело место социальное напряжение, что свидетельствует о наличии конфликтогенного потенциала. Полученные данные свидетельствуют о том, что проблема миграции в КЧР приобретает значимость и останется актуальной в ближайшее время. Поэтому необходимо вести взвешенную политику в отношении трудовых мигрантов, которая бы не ущемляла права местного населения, а также усилить совместную работу органов власти, специальных ведомств и общественных организаций по интеграции мигрантов в социокультурную среду региона.

Список литературы

1. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986>
2. Информационно-аналитическая записка о проведенной МВД по Карачаево-Черкесской Республике работе по охране общественного порядка и обеспечению безопасности на территории КЧР за 2021 год. URL: https://09.xn--b1aew.xn-p1ai/Dejatelnost/Otchjoti_dolzhnostnih_lic_MVD_po_KCHR/Doklad_o_rezultatah_i_osnovnih_napravlen/
3. Мигранты в Карачаево-Черкесии: правопорядок, интеграция и вызовы. URL: <https://palatakchr.ru>
4. Ректор СКГГТА: вузы Северного Кавказа становятся все более востребованными. URL: <https://tass.ru/interviews/5254429>
5. Отчет о результатах самообследования. URL: <https://ncsa.ru/upload/iblock/2d9/p6rcxg4ipy7g1ku>
6. URL: 30jits.lina00tq26x.pdf

7. Социологический мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений в 85 субъектах РФ. Аналитический отчет ФАДН. URL: <http://council.gov.ru/media/files/QA6vJF2o4NBwsqALXSs21pILyMyFyDhN.pdf>
8. Глава Малокарачаевского района обвинил в засилье мигрантов из Узбекистана местных жителей. URL: <https://politika09.com/news/glava-malokarachaevskogo-rajona-obvinil-v-zasile-migrantov-iz-uzbekistana-mestnyh-zhitelej/>
9. Над одним из районов КЧР нависла угроза социального коллапса. URL: <https://capost.media/news/zhkkh/nad-odnim-iz-rayonov-kchr-navisla-ugroza-sotsialnogo-kollapsa/>
10. URL: <https://palatakchr.ru>
11. Мигранты в Карачаево-Черкесии: правопорядок, интеграция и вызовы. URL: <https://palatakchr.ru>
12. Программа заседания Совета по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации на тему "О ходе реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года" от 23.06.2022. URL: <http://council.gov.ru/media/files/QA6vJF2o4NBwsqALXSs21pILyMyFyDhN.pdf>

ОН БЫЛ ПАТРИОТОМ ФРАНЦИИ И МЕЧТАЛ О ЕДИНОЙ ЕВРОПЕ ОТ АТЛАНТИКИ ДО УРАЛА. НОВЫЕ ШТРИХИ И ТОНА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ГЕНЕРАЛА ШАРЛЯ ДЕ ГОЛЛЯ (РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: АРЗАКАНЯН М. Ц. ВЕЛИКИЙ ДЕ ГОЛЛЬ. «ФРАНЦИЯ – ЭТО Я!»

Масаев М. В.

*доктор философских наук
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
профессор кафедры культурологии и социокультурного
проектирования Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и
дизайна; заведующий кафедрой православного богословия и
философии, проректор по научной работе Таврической духовной
семинарии, академик Крымской Академии наук*

Аннотация. В данной работе предпринимается попытка аналитического осмысления книги Марины Арзаканян, поскольку имеется насущная необходимость популяризации идей представителей практического воплощения аксиологии философии власти, коим, несомненно, был последний из великих политиков Европы Шарль де Голль, а также дальнейшего закрепления позитивных образов носителей власти с целью фиксации в нашем сознании положительных моментов нашей общей исторической памяти и наследия.

Ключевые слова: патриот Франции, единая Европа от Атлантики до Урала, аналитические размышления, Шарль де Голль, аксиология философии власти.

HE WAS A PATRIOT OF FRANCE AND DREAMT OF A UNITED EUROPE FROM ATLANTIC TO THE URALS. NEW FEATURES AND TONES TO POLITICAL PORTRAIT OF GENERAL CHARLES DE GAULLE (REVIEW ON A MONOGRAPH: ARZAKANYAN M. TS. A GREAT DE GAULLE. "FRANCE IS ME!")

Masayev M. V.

Doctor of Philosophy,

V. I. Vernadsky Crimean Federal University,

Professor of the Department of Culturology Studies and Socio-Cultural Projecting of the Institute of Media communications, Media technologies and Design (SD), Head of the Chair of Orthodox Theology and Philosophy, Vice-Rector in Scientific Work of Taurida Theological Seminary, Academician of the Crimean Academy of Sciences (Simferopol)

Abstract. This work attempts to analyze the book of Marina Arzakanyan analytically, since there is an urgent need to popularize the ideas of representatives of the practical implementation of the axiology of the philosophy of power, which undoubtedly was the last of the great politicians of Europe, Charles de Gaulle, as well as to further consolidate the positive images of the holders of power in order to fix in our consciousness the positive aspects of our common historical memory and heritage.

Key words: patriot of France, united Europe from the Atlantic to the Urals, analytical reflections, Charles de Gaulle, axiology of the philosophy of power

«История современной Франции неразрывно связана с именем генерала Шарля де Голля – выдающегося военного, политического и государственного деятеля. Его влияние на весь ход общественно-политического развития не только Франции, но и всего европейского континента настолько велико, что не поддается сравнению. По известности и популярности среди соотечественников он может соперничать лишь с Наполеоном», – пишет российская исследовательница Марина Арзаканян.

Актуальность поставленной проблемы обусловлена тем, что в данной работе предпринимается попытка аналитического осмысления книги известного исследователя Марины Арзаканян, поскольку имеется насущная необходимость популяризации идей представителей практического воплощения аксиологии философии власти, коим несомненно был последний из великих политиков Европы Шарль де Голль, а также дальнейшего закрепления позитивных образов носителей власти с целью фиксации в нашем сознании положительных моментов нашей общей исторической памяти [10, с. 92] и наследия [11, с. 244]. В контексте разрабатываемой автором концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов [12], [13, с. 296], [14, с. 214] данный материал также будет полезен для авторов, пишущих в соответствующем ракурсе и под аналогичным углом зрения.

«Франция – это я!» – лишь один человек после Наполеона имел право повторить эти слова «короля-солнца», лишь один француз в XX веке заслужил звание ГЕНИЯ ВЛАСТИ – генерал де Голль. Герой сопротивления, живой символ несломленной Франции, основатель Пятой Республики, он вернул родине былую славу и превратил в великую ядерную державу, вывел её из НАТО и навсегда изменил карту мира», – подчеркивает М. Арзаканян.

Рецензируемый автор свидетельствует о том, что история доказала его правоту – Шарль де Голль бесспорно считается величайшим французом XX века, достойным встать в один ряд с такими титанами, как Черчилль, Рузвельт, Сталин, а политики до сих пор повторяют слова Черчилля: «Все французы были, есть или будут голлистами!».

Но какое значение для России, а тем более для Украины имеет обращение к личности этого великого француза?

Для Украины это весьма актуально, так как генерал Шарль де Голль становится... символом украинских националистов.

По А. А. Ивину, человечество обречено пребывать в прокрустовом ложе противостояния между коллективизмом и

индивидуализмом со всеми вытекающими из этого противостояния «горячими» и «холодными» войнами [1].

Но неужели человечество не в состоянии подобрать себе ложе по росту?

Заведующий Лабораторией психоинформатики Центра информационных проблем территорий НАН Украины, главный редактор журнала новой элиты «Перехід – IV» Игорь Каганец считает выход из положения вполне возможным – это гетманат [2, с. 78, 325], власть, сочетающая преимущества диктатуры и демократии. Пример такого гетманата второй половины XX столетия – это режим личной власти генерала де Голля во Франции (1940-1946 и 1958-1969 гг.). «Цей «французький гетьман» створив найавторитарніший і водночас – найдемократичний тип президентського правління», – пишет И. В. Каганец [3, с. 4].

Не случайно 26 марта 2006 г. на пресс-конференции УНА-УНСО в Симферополе заместитель Головы УНА-УНСО Николай Андронович Карпюк заявлял, что Украине нужен лидер, подобный французскому президенту Шарлю де Голлю. 26 марта 2006 г. в Симферополе не назвали имени украинского Шарля де Голля, но Н. А. Карпюк заверил, что когда время востребует такую личность, она появится. В отличие от известного советского дипломата академика И. Майского, считавшего политические тенденции Шарля де Голля «модернизированным бонапартизмом» [Цит. по: 4, с. 206], некоторые украинские учёные и политики увидели в нём не нового французского Бонапарта, а нового украинского гетмана, случайно оказавшегося у власти не в Украине, а во Франции.

Не случайно сторонники индивидуалистического (в данный момент олигархического) общества в России «демократы» Борис Немцов и Ирина Хакамада панически боялись появления среди российских политиков своего Шарля де Голля [5, с. 15]. «Россия не смеет даже помыслить о том, что у неё когда-нибудь появится лидер с качествами генерала де Голля» [5, с. 16], – так думал ведущий русофоб всех времён и народов, «искажённый и обезображенный славянин» [6, с. 335], поляк Збигнев Бжезинский. Как считает дьякон отец Александр Шумский, из высказывания этого «инфернального существа из Нового Света» можно сделать два вывода: «во-первых, Бжезинского до сих пор трясёт от воспоминаний о времени, когда вредный генерал де Голль буквально не давал передохнуть США в Европе; во-вторых, он панически боится, что в России появится свой де Голль, не Сталин (в эту возможность американский поляк справедливо не верит, ибо та Россия, бывшая в виде СССР,

действительно навсегда ушла в прошлое), а именно человек деголлевского типа, понимающий современные реалии, отдающий себе отчёт в том, что Россия не может игнорировать Запад, но в то же время способный этот самый Запад поставить на место, разумно используя силовые методы. Ведь де Голль преподал всему миру великий урок – можно эффективно противостоять США даже при наличии небольших материальных и военных ресурсов, главное – это отсутствие страха и мощная человеческая и политическая воля» [5, с. 16].

После книг блестящего советского историка Н. Н. Молчанова [4] и М. Мировича [7] могло сложиться впечатление, что о Шарле де Голле сказать больше нечего. Но Марина Арзаканян сделала к его политическому портрету новые штрихи и раскрасила его новыми тонами.

Так, она ярче других исследователей отразила роль Шарля де Голля в окончании войны в Алжире, отмечая при этом его личное мужество. «Историки насчитывают до 20 покушений на его жизнь, самое опасное из которых состоялось полвека назад, 22 августа 1962 года, когда боевики Секретной армейской организации (ОАС), объявившие ему настоящую террористическую войну в отместку за предоставление независимости Алжиру и «предательство» миллиона французов, вынужденных бежать из Северной Африки, изрешетили лимузин президента в парижском предместье Пети-Кламар, так что он лишь чудом остался жив. Однако генерал де Голль, однажды заявивший: «Убивают только лучших!», не боялся смерти и не стеснялся ни в выражениях, ни в действиях, подавляя мятежи железной рукой. «Я уважаю лишь тех, кто со мной борется, но не намерен их терпеть, – говорил президент. – Выбирайте – я или хаос!».

Интересно то, как Марина Арзаканян обращает внимание на оценку Шарлем де Голлем личности И. В. Сталина. Далёкая от идеализации И. В. Сталина Марина Арзаканян воздержалась от цитирования эмоциональной оценки личности И. В. Сталина Шарлем де Голлем, что сделали известные члены элитного клуба «Что? Где? Когда?» Анатолий Вассерман и Нурали Латыпов: «Сталин не ушёл в прошлое – он растворился в будущем» [8, с. 135]. Не напомним она и такой комплимент Шарля де Голля И. В. Сталину: «В дни национальной угрозы Сталин стремился выступать уже не столько как полномочный представитель режима, сколько как вождь извечной Руси» [9, с. 5]. Марина Арзаканян обращает внимание на более пространную, более трезвую и, естественно, более адекватную оценку Шарлем де Голлем личности И. В. Сталина: «Сталин был одержим

жаждой власти. Измученный боязнью заговоров он был вынужден скрывать своё истинное лицо, жить без мечтаний, жалости, искренности, видеть в каждом человеке препятствие или угрозу. Все его действия сводились лишь к маневрированию, подозрительности и упорству. Революция, партия, государство, война были для Сталина удобными случаями и средствами господства. Он достиг его, всемерно используя все уловки толкования марксизма и суровость тоталитаризма, запуская в игру сверхчеловеческие дерзость и коварство, поработав и ликвидируя других.

Сталин остался один на один с Россией. Он воспринимал её как мистическую, более сильную и стойкую, чем все теории и режимы. Он любил её по-своему. А она в ужасный момент истории приняла его как царя и терпела большевизм как средство существования».

Несмотря на такую, возможно, нелицеприятную характеристику, данному И. В. Сталину, де Голль всегда помнил о том, что именно этот человек стоял во главе СССР, победившего фашистскую Германию. В марте 1953 года, будучи частным лицом, в разгар «холодной войны», генерал отправил заместителю председателя Совета народных комиссаров Молотову скорбное послание: «В момент кончины генералиссимуса Сталина я прошу принять вас лично и правительство СССР мои самые глубокие соболезнования. Имя Сталина навсегда останется связанным с воспоминанием о великой общей битве до победного конца, которую вели народы СССР, Франции и других союзников».

Интересна приводимая М. Ц. Арзаканян оценка личности самого Шарля де Голля, сделанная президентом США Ричардом Никсоном. «Вспоминая этот день (когда в столице Франции в соборе Парижской Богоматери главы 84 государств присутствовали на траурной мессе в память о де Голле – М. М.), Ричард Никсон сказал, как во время церемонии он осознал, что мир покинул последний исполин мировой политики. Потом президент добавил: «Де Голль не нуждается в памятнике, потому что он сам – монумент. А творение его рук – Франция».

Завершить рецензию уместно словами самой Марины Арзаканян: «Проходящие годы только подтверждают эти слова. Сегодня весь мир знает, что «самый знаменитый из французов» XX столетия – генерал Шарль де Голль. Неутомимым созиданием на благо отечества он навеки вписал своё имя в анналы истории».

Список литературы

1. Ивин А. А. Введение в философию истории: учеб. пособие. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. 288 с.
2. Каганець І. В. Арійський стандарт. Українська ідея епохи великого переходу. К.: АСК, 2005. 336 с.
3. Каганець Ігор. Від газової кризи до третього гетьманату // Кримська світлиця. 2006. № 6 (211). 3 лютого. С. 4.
4. Молчанов Н. Н. Де Голль. М.: Эксмо, 2003. 512 с.
5. Шумский Александр. Последний рыцарь Европы // Молчанов Н. Н. Де Голль. М.: Эксмо, 2003. С. 5-40.
6. Балувев Б. П. Споры о судьбах России: Н. Я. Данилевский и его книга: «Россия и Европа». М.: Эдиториал УРСС, 1999. 280 с.
7. Миревич М. Генерал де Голль: штрихи к политическому портрету. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 320 с.
8. Вассерман А. А. Острая стратегическая недостаточность. Страна на перепутье / Анатолий Вассерман, Нурали Латыпов. М.: Астрель: Полиграфиздат, 2012. 448 с.
9. Голль Ш. де. Сталин. Маршал, победивший в войне / Шарль де Голль, Франклин Рузвельт, Уинстон Черчилль. М.: Эксмо: Алгоритм, 2012. 368 с.
10. Масаев М. В. Историческая память как общественный и культурный феномен (социально-философский анализ) / М. В. Масаев, И. А. Андрющенко, Е. Б. Ильяхнович // Текст и коммуникация в пространстве культуры: коллективная монография / под общ. ред. Д. С. Берестовской и И. А. Андрющенко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – С. 92-98.
11. Масаев М. В. Культурное наследие: значение и смысл / М. В. Масаев // Инновация. Медиакоммуникация. Медиакультура. Информация. Дизайн: коллективная монография / под общ. ред. А. М. Тимохина. Симферополь: РИО КФУ, 2022. С. 244-256.
12. Масаев М. В. Curriculum vitae парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций. Монография. Симферополь: ДОЛЯ, 2011. 512 с.
13. Масаев М. В. Место и роль ООН в парадигмальном образе грядущей эпохи // Международное право. 2001. №4/13. С. 296-304.
14. Масаев М. В. Парадигмальные образы семиотики исторического пространства / М. В. Масаев //

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». – 2010. – № 4. – Т. 23 (62). – С. 214-222.

РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Мелибаев А.С.

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
студент;*

*Студенческое научное общество «Школа молодого политолога»,
заместитель председателя
E-mail: amelibaev@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируются основные экономические и ресурсные показатели Республики Крым. По мнению автора, российский Крым имеет значительные перспективы развития. Несмотря на санкционный прессинг, республика демонстрирует стабильный рост экономики. С 2014 года форсированное развитие инфраструктуры способствовало освоению ресурсов и расширению промышленного комплекса. Сельское хозяйство, промышленность, строительство и туризм являются основными двигателями развития Республики Крым.

Ключевые слова: Крым, санкции, ресурсы, ресурсный потенциал, экономика, сельское хозяйство, промышленность, демография.

RESOURCE POTENTIAL OF THE REPUBLIC OF CRIMEA

Melibayev A.S.

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University, student
Student Scientific Society «School of a young political scientist»,
E-mail: amelibaev@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the main economic and resource indicators of the Republic of Crimea. According to the author, the Russian Crimea has significant development prospects. Despite the sanctions pressure, the republic demonstrates stable economic growth. Since 2014, the accelerated development of infrastructure has contributed to the development of resources and the expansion of the industrial complex. Agriculture, industry, construction and tourism are the main engines of development of the Republic of Crimea.

Keywords: *Crimea, sanctions, resources, resource potential, economy, agriculture, industry, demography.*

Инвестиции, экономический рост, социальное и политическое благосостояние обусловлены ресурсами, которыми обладает тот или иной субъект. Крым уникален своим ресурсным арсеналом, но для его освоения необходимы инвестиции. Анализ ресурсного потенциала Республики Крым является одним из ключевых аспектов развития региона. Ресурсы Крыма – актуальная тема, сложившаяся задолго до сегодняшних событий.

С 2014 года в Республике Крым началась «новая экономическая эра». Это прежде всего связано с возвращением полуострова в «родную гавань» и последовавшим за этим потоком санкций. Первый этап санкций затронул энерго-сырьевой сектор, в частности – две газо- и нефтедобывающие компании. Далее последовали ограничения в транспортно-логистическом секторе, под запрет попали крупнейшие в Крыму производители вина, агрофирма и даже санаторий «Нижняя Ореанда». Евросоюз запретил импорт крымской продукции и заморозил поставки товаров и технологий для крымских предприятий в сфере транспорта, телекоммуникаций и энергетики (в том числе добыча полезных ископаемых). Впоследствии санкции расширились вплоть до приостановки инвестиций, запрета выдачи виз, а также ограничения коснулись круизных судов и самолетов, которым запретили заходить в крымские порты и аэропорты.

Стало очевидным, что Крым фактически оказался в условиях экономической блокады, которая непременно должна была бы привести к глубокому ресурсному кризису. Однако индекс физического объема валового регионального продукта (далее – индекс ВРП) Республики Крым, характеризующего уровень развития экономики на региональном уровне, идет вразрез с ожиданиями Европейского Союза и ряда других государств. Индекс ВРП Крыма в составе Украины, начиная с 2007 года, стабильно снижался вплоть до 98,8% [3]. Этот период характеризовался стагнацией, а впоследствии экономическим кризисом в Республике. Предприятия банкротились, санаторно-курортный сектор экономики стремительно увядал, инфраструктура пришла в плачевное состояние из-за постоянной эксплуатации без должного содержания. Однако в 2015 году наблюдается резкий скачок до 108,5% (при среднем в России – 98%) [3]. Далее ВРП Республики стабилизируется, коррелирует со средними значениями индекса ВРП по субъектам РФ. Для Крыма этот период стал временем расцвета. Процессы, противоположные украинскому

периоду, протекали в регионе. Восстанавливалась промышленность и инфраструктура, туристический поток стал увеличиваться ежегодно.

Экономика Республики Крым достаточно диверсифицирована. Структура ВРП предстает следующим образом: 15,6% – промышленность; 15,1% – операции с недвижимостью; 14,4% – строительство; 13,1% – торговля; 9% – госуправление; 7,6% – здравоохранение; 5,9% – сельское хозяйство и рыбоводство; 3,9% – транспортировка и хранение; 3,7% – образование; 2,8% – гостиницы и общепит; 8,9% – другое [6].

Ведущий экономический сектор Крыма – промышленность. На территории полуострова сосредоточено около 5,5 тысяч крупных, средних и малых предприятий, которые обеспечивают работой 106 тысяч крымчан [6]. Крупнейшими отраслями промышленности РК стали энергетика, производство пищевых продуктов и напитков, химическая промышленность и добыча полезных ископаемых. Крымская промышленность демонстрирует устойчивый рост и сохраняет тенденцию к ускоренному наращиванию промышленного потенциала.

В тройке крупнейших отраслей экономики региона находится строительство. В Крыму в этой сфере задействовано почти 2% от общей численности экономически активного населения. Республика Крым один из самых привлекательных регионов РФ в сфере строительства. С этим связано прежде всего географическое положение и климат, развитие рынка недвижимости, туризма и инфраструктуры. Территория республики характеризуется значительными запасами строительного минерального сырья: камень строительный, камень облицовочный, камень пильный, сырье цементное, мергель, гипс и ангидрит, песок, керамзитовое и стекольное сырье. Сырьевая база региона позволяет наращивать мощности по производству цемента, стеновых материалов, железобетонных конструкций и изделий, щебня, песка [1].

Доля сельского хозяйства в экономике РК составляет около 6 % [6]. Аграрная сфера играет важную роль в формировании экономики полуострова, а стратегическим ориентиром для нее становится создание мощной сырьевой базы для продовольственного комплекса, который призван удовлетворять запросы не только населения и туристов, но и повышать экспортный потенциал.

Сельское хозяйство представлено деятельностью более чем 1,5 тысяч организаций и 3,2 крестьянско-фермерских хозяйств и индивидуальных предпринимателей. На Крым приходится 16,5% всего винограда, собранного в РФ, 4% – плоды и ягоды, 1,5% – овощи,

1% – мяso и птица. Садоводство в республике представлено выращиванием семечковых (яблоки, груши) и косточковых (сливы, персики, абрикосы, черешня) культур. Климат региона благоприятен для возделывания эфиромасличных культур (кориандр, роза, лаванда, шалфей), а также сырья для производства биотоплива (рапс). Республика известна именно техническими сортами винограда, используемыми для изготовления высококачественных вин, коньяков и соков. В среднем в год производится около 123,5 тыс. тонн винограда и вырабатывается 6,6 млн дал виноматериалов. В винодельческой промышленности региона работает 26 предприятий [6].

Земельный ресурс – поверхность земли, пригодная для проживания человека и любого вида хозяйственной деятельности. Земельные ресурсы характеризуются размером территории и ее качеством. Например, рельефа, почвенного покрова и других природных условий. Земельные ресурсы в основном используются для производства продуктов питания. Земли сельскохозяйственного назначения составляют почти 70% земельного фонда республики (включая пашню, многолетние насаждения и пастбища) [1]. Остальные земли заняты или нарушены лесами, кустарниками, водоемами, оврагами и песками.

Леса и редколесья в Крыму составляют всего 11,5% земельного фонда, при этом 5% – не имеют растительного покрова, неудобные или заболоченные места [1]. Конечно, наибольшее использование в сельском хозяйстве приходится на равнинные части полуострова.

Крым в настоящее время переживает достаточно сложную демографическую ситуацию. Это результат демографического процесса, начавшегося в начале 1990-х гг. Для Крыма характерна убыль населения из-за преобладания смертности над рождаемостью. Положительной тенденцией современной демографической ситуации на полуострове является снижение смертности, особенно младенческой (дети в возрасте до одного года). Миграционная ситуация по полуострову характеризуется положительной динамикой (за исключением северных регионов) [5].

Население Крыма по данным Росстата на 1 января 2021 года составило 2 411 500 человек. При этом в Республике Крым (РК) проживало 1 901 508 человек, в г. Севастополь – 509 992. Динамика численности населения на крымском полуострове носит разнонаправленный характер. Так, в РК сформировался отчетливый негативный тренд: за последние 25 лет число жителей РК уменьшилось на 13,3% (1995 г – 2 193 193), в то время как в г.

Севастополь за этот же период численность населения возросла на 25,1% (1995 г – 407 559) прежде всего за счет миграционных процессов [4].

В Крыму доля трудоспособного населения является низкой и составляет 54,2%, при 56,3% в РФ. При этом демографическая нагрузка в РК является самой высокой: в 2020 г она составила 845,5 на 1 тыс. населения (РФ - 774,9 на 1 тыс.). Демографическая нагрузка лицами старше трудоспособного возраста в РК достигла 506 на 1 тыс. населения, в Севастополе она составила 461,9, незначительно превышая общероссийскую нагрузку (РФ - 443 на 1 тыс.) [2].

Подводя итоги, следует отметить, что ресурсный потенциал Республики Крым весьма дифференцирован, он имеет сильные и слабые стороны. Необходимо осваивать имеющиеся уникальные ресурсы для развития полуострова. Заметно, что промышленность в регионе заметно растет, что является безусловным преимуществом. Развитие инфраструктуры, строительства и туризма делает Республику Крым перспективным регионом.

Список литературы

1. Демироглу Н.Б. Природно-ресурсный потенциал Крыма как основа развития экономики региона // Электронный научный журнал «Дневник науки». 2018. №11. С. 17.
2. Демографические итоги 2020 года в Крыму. URL: <https://www.vshouz.ru/orgzdrav2021/thesis/35388/>
3. Крымстат. URL: [https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/ВРП%20с%202014%20года\(1\).xlsx](https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/ВРП%20с%202014%20года(1).xlsx)
4. Ожегова Л.А., Сазонова Г.В., Сикач К.Ю., Зуева И.Б. Динамика и территориальные особенности социально-демографических процессов в российском Крыму // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. 2020. №3. С.135-151.
5. Остовская А.А., Смирнова Е.А. Социально-экономическое развитие Республики Крым: современное состояние // Сервис в России и за рубежом. 2019. №5 (87). С.159-171.
6. Экономическое обозрение. URL: <https://business.rk.gov.ru/content/about-crimea/obshhie-svedeniya>

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Мельничук С. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
аспирант

E-mail: sergey.melnichuk99@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию когнитивных механизмов формирования политических установок в современных условиях. В центре внимания – роль фактора развития информационных технологий в XXI веке. В результате технологического прорыва произошло беспрецедентное в человеческой истории увеличение объемов хранимой информации, а также она оказалась, фактически, в постоянной доступности для индивидов посредством современных устройств. Это оказало существенное влияние на способы когнитивного воздействия, которые применяются политическими акторами для формирования в массах представлений о политической реальности. В статье затронуты особенности феномена политической реальности и связанных с ним когнитивных структур. Определено значение аудиовизуальных образов как механизма когнитивного формирования представлений индивида о политической реальности. Аудиовизуальные технологии позволяют фактически стереть грань в сознании индивида между реальностью политической и реальностью повседневной.

Ключевые слова: когнитивные механизмы, политическая реальность, информация, технологии, образ, восприятие.

COGNITIVE MECHANISMS FOR THE FORMATION OF POLITICAL ATTITUDES IN MODERN CONDITIONS

Melnichuk S. V.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
PHD student

Abstract. The article is devoted to the study of the cognitive mechanisms of the formation of political attitudes in modern conditions. The focus is on the role of the information technology development factor

in the 21st century. As a result of a technological development, there has been an unprecedented increase in the amount of stored information, and it has also become, in fact, constantly available to individuals through modern devices. This had a significant impact on those methods of cognitive influence that are used by the actors of political systems to form ideas about political reality among the masses. The article touches upon the features of the phenomenon of political reality and related cognitive structures. The significance of audiovisual images as a mechanism for the cognitive formation of an individual's ideas about political reality is determined. Audiovisual technologies make it possible to actually erase the line in the mind of an individual between political reality and everyday reality.

Keywords: *cognitive mechanisms, political reality, information, technologies, image, perception.*

В настоящее время исследование когнитивного восприятия информации осуществляется в рамках различных направлений современной науки. Связано это, в первую очередь, с многообразием составных элементов, формирующих представление индивида о реальности. В рамках предметного поля политологии, философии, социологии, а также ряда других научных отраслей изучается феномен политической реальности. О политике, как и о любом другом социальном явлении, представления у индивида формируются посредством восприятия информации. Те или иные суждения о событиях и политических процессах составляют ядро мотивационного фундамента для определения статуса индивида в обществе в рамках политической социализации.

Особое значение для когнитивного восприятия информации имеет инструментарий. В отношении политической сферы жизни общества мы можем говорить о формировании специфических параметров, выделяющих политический дискурс и связанную с ним информацию. Как отмечал А. Н. Баранов, политический язык представляет собой «особую знаковую систему какого-либо национального языка, предназначенную для политической коммуникации: для пропаганды тех или иных идей, эмотивного воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям, для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [1, с. 109]. Политический язык находит отражение в речи и тексте, при этом

когнитивный фактор формирования политической повестки в обществе выходит за рамки этого инструментария.

Развитие технологий в XX веке ознаменовало кардинальное изменение в освещении информации. Фактически можно говорить о двух существенных «скачках» научного прогресса, наиболее отразившихся на работе средств массовой информации. Первым было появление телевидения, что открыло возможность для применения аудиовизуальных методов для освещения событий, а также оформления тех смыслов, которые предполагалось закрепить в общественном сознании. Широкое распространение технологий позволило достичь значительно большего охвата аудитории, которая является реципиентом информационных материалов. В свою очередь, развитие Интернета стало вторым «скачком», результатом которого стало еще большее увеличение потенциальных реципиентов информации, при этом технологии открыли возможность для персонализированного подхода в отношении источников информации для индивида. Именно в условиях реалий второго «скачка» актуальные тенденции и формируются.

В контексте формирования политической реальности особое значение приобретает формирование образов. На сегодняшний день существуют различные варианты типологизации образов. К примеру, Г. В. Пушкарева определяла образы, как одни из когнитивных структур [3, с. 56]. В частности, в контексте политической реальности она выделяла образы конкретных объектов, обобщенные образы и сценарии. Различные типы образов задействованы в формировании у индивида представлений об отдельных структурных элементах политической реальности. Информация, обретая форму, адаптированную для восприятия, зачастую несет в себе больше, чем её текстовое выражение.

В рамках подачи информации, направленной на актуализацию или популяризацию определённых концептов, осуществляется не только передача смысла через текст. Современные технологии вывели политическую коммуникацию на принципиально новый уровень. Фото- и видеоматериалы в настоящее время являются неотъемлемым элементом когнитивного восприятия политической реальности. Аудиовизуальный образ фактически становится тем инструментом, что призван стереть для индивида грань между политической реальностью и реальностью повседневной. Создание аудиовизуального образа выполняет две ключевые функции: 1) функция аргументации – созданный образ призван выступать подтверждением выдвигаемого тезиса; 2) функция создания символа

– наделение политическим содержанием некоего предмета или некое лицо и популяризация этого представления в общественном сознании.

Наибольшее значение для формирования политической повестки играют группы интересов в рядах государственной экономической и политической элиты. Фундаментальное значение для формирования политического тренда в обществе имеет целеполагание. Представители элиты обладают возможностью задействовать наиболее полный ресурсный потенциал крупных медиа, а также Интернет-платформ. В условиях, когда элита (государственная или зарубежная) стремится реализовать собственные интересы происходит наиболее активное воздействие на общественность посредством работы с информацией, в том числе и на когнитивном уровне.

СМИ и Интернет-сообщества при формировании актуальной информационной повестки фактически задают для аудитории перечень тех или иных приоритетных тем, на которых потребителям предстоит сосредоточить свое внимание. Данный феномен наиболее близко соотносится с позитивистской трактовкой понятия политической реальности. Г. В. Пушкарева определяла такой подход, «как событийность, как то, что воплощено в действиях, в событиях, связанных со смысловым полем политики» [3, с. 56]. Когнитивная составляющая данного процесса заключается не только в применении методов привлечения внимания к конкретным явлениям и событиям, но также и в ограничении, или полном отсутствии внимания по отношению к другим.

Одним из наиболее значимых атрибутов является фактор персонализации. В контексте работы СМИ актуально явление взаимовлияния медиа и потребителя. В. А. Борисенко отмечал: «В краткосрочной перспективе фиксируется одностороннее влияние СМИ на общественную повестку, а в долгосрочной – взаимовлияние, что объясняется стремлением СМИ отвечать информационным запросам аудитории» [2, с. 2]. Индивид, фактически, волен выбирать те источники информации, под воздействием которых будет происходить формирование его видения политической реальности. В этих условиях протекает конкурентное противостояние между системными акторами, которые предоставляют аудитории множество вариантов интерпретации политической реальности. Индивиду, в свою очередь, предоставляется выбор из вариантов, которые могут включать отличные или полностью противоположные способы описания событий, действий или лиц в рамках

политической реальности. Эффективность воздействия СМИ на аудиторию напрямую зависит от инструментария когнитивного воздействия. Исходя из поставленных целей, воздействие может осуществляться в широком масштабе или в точечном-прицельном.

Всеобщность в условиях развития Интернета одновременно может трактоваться как цель и как атрибут информации. Это явление по своей сути представляется противоположностью персонализации. Такого рода воздействие остается прерогативой крупных традиционных СМИ или конгломератом малых. Информация, которая направлена на наиболее широкий объем потенциальных реципиентов по своему оформлению не будет содержать атрибутики, которая апеллировала бы к малым социальным группам. Текстовое содержание будет содержать упрощенные формулировки, во избежание распространения альтернативных путей трактовки изначального смыслового наполнения. Аудиовизуальные образы в данном случае выступают в поддержку смыслов, отраженных в тексте.

Социальные группы могут объединять индивидов на основании различных признаков. Среди них есть те, которые по своему содержанию более отражены в рамках политической реальности. В их числе общая идеология, география, профессиональная деятельность и другие признаки. С учетом фактора персонализации передача смыслов и поддержка нарративов осуществляется малыми СМИ и Интернет-сообществами.

В случае целенаправленного воздействия на определенные социальные группы текстовое выражение информации будет направлено на обозначение прямой связи между событием в политической реальности и жизнью представителей группы. По мнению Лайонела Маркиса, «слабая личная вовлеченность ведет к тому, что индивиды быстрее забывают сообщения, более уязвимы для контраргументации и ведут себя менее предсказуемым образом» [4, р. 189-190]. В этом случае аудиовизуальный образ будет содержать специфические для социальной группы характеристики, провоцирующие эмоциональную реакцию и чувство причастности.

Итак, современные технологии обеспечили наиболее широкую вовлеченность индивида в понимание политической реальности. Постоянное присутствие информационных ресурсов в жизни человека предоставило для СМИ возможность постоянно поддерживать нарративы о политических акторах и событиях. Фактически грань между политической реальностью и повседневностью в сознании индивида стремительно стирается.

Таким образом, для тех лиц и институций, которые вовлечены в конструирование картины реальности через СМИ и Интернет, открывается перспектива для наиболее широкого вмешательства в бытовую реальность индивида. Когнитивные механизмы обеспечивают результативность вмешательства, поддерживая социальную приемлемость в рамках национальных информационных пространств.

Список литературы

1. Баранов А. Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом // Человек. 1997. № 6. С. 108-118.
2. Борисенко В. А. Когнитивные механизмы политики в лингво-культурологическом плане. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hses-online.ru/2013/02/10_02_19/12.pdf
3. Пушкарева Г. В. Когнитивные механизмы конструирования политической реальности // Полис. Политические исследования. 2015. № 1. С. 55-70.
4. Marquis L. Moderators of priming effects // International Political Science Review. № 28. 2007. URL: https://www.researchgate.net/publication/235754086_Moderators_of_Priming_Effects_A_Theory_and_Preliminary_Evidence_from_an_Experiment_on_Swiss_European_Policy (дата обращения: 05.11.2022).

THE WESTERN MEDIA REPORTS ABOUT WAR IN UKRAINE – TRUTH OR PROPAGANDA?

Miroslav S. Milošević

*Master Historian, Institute for Serbian Culture Priština-Leposavić,
researcher-intern*

miroslav.milosevic@rcup.pr.ac.rs

Abstract: *At the end of February 2022, the Russian army launched a special operation in eastern Ukraine to safeguard civilians from a multi-year onslaught by Ukrainian and other separatist groups. The intervention of the Russian army was condemned by all international factors, which resulted in the introduction of sanctions against the Russian Federation. Media houses from the West started campaigns against Russia and President Vladimir Vladimirovich Putin. That contributed to the formation of a hostile attitude against Russia among Europeans. Not only did numerous businessmen and politicians were*

under sanctions but also scientists, athletes, and others. Russian news agencies were also sanctioned, which meant that across Europe and around the world, they could only get news from the battlefield from Western media. News agencies from Great Britain, the USA, Germany, and other countries took the lead in non-objective reporting about the war in Ukraine. This work intends to present, via the analysis of articles, what means these media were used in the media war against Russia and the Russian people.

Keywords: *War in Ukraine, Russian Federation, Vladimir Vladimirovich Putin, media, propaganda, misinformation.*

СООБЩЕНИЯ ЗАПАДНЫХ СМИ О ВОЙНЕ В УКРАИНЕ – ПРАВДА ИЛИ ПРОПАГАНДА?

Мирослав С. Милошевић

*Институт сербской культуры Приштина-Лепосавић,
исследователь-стажер*

E-mail: miroslav.milosevic@rcup.pr.ac.rs

Аннотация. *В конце февраля 2022 года российская армия начала специальную операцию на востоке Украины, чтобы защитить гражданское население от многолетнего нападения украинских группировок. Вмешательство российской армии было осуждено всеми международными организациями, что привело к введению санкций против Российской Федерации. Западные СМИ начали кампании против России и президента Владимира Владимировича Путина. Это способствовало формированию враждебного отношения к России у европейцев. Под санкциями оказались не только многочисленные бизнесмены и политики, но и ученые, спортсмены и другие. Российские информационные агентства также подверглись санкциям, что означало, что по всей Европе и по всему миру они могли получать новости с поля боя только из западных СМИ. Информационные агентства Великобритании, США, Германии и других стран взяли на себя ведущую роль в непредвзятых репортажах о войне в Украине. Данная статья призвана представить, посредством анализа статей, какие средства эти СМИ использовали в информационной войне против России и русского народа.*

Ключевые слова: *Война на Украине, Российская Федерация, Владимир Владимирович Путин, СМИ, пропаганда, дезинформация.*

At the end of the 20th and the beginning of the 21st century, the media, especially television, are used as a means of political, economic, and military propaganda. They have become a powerful factor in creating public opinion, a specific tool of local and global power centers. In essence, the media serves to legalize the manipulation of citizens. Such media are characterized by non-objectivity and bias (Delečić 2019: 119).

The beginning of the Ukrainian crisis is linked to the events of late autumn 2013, when Prime Minister of Ukraine Azarov and President Yanukovich expressed their unwillingness to sign the Stabilization and Association Agreement with the European Union (Petrović–Bukvić 2019: 112). This led to mass demonstrations in Kyiv and other cities of Ukraine. The events on the Maidan caused a violent change of government. The citizens of Crimea and Sevastopol took advantage of the newly created situation, by first declaring in a referendum in favor of secession, and then in favor of joining with Russia. Later declarations of Luhansk and Donetsk¹ regions as republics practically added fuel to the fire, intensifying the conflict between the pro-Russian east of Ukraine and the pro-Western government in Kyiv (Avramović–Marković 2014: 7). In the newly created republics, clashes began in April 2014 between the Russian population and Ukrainian security forces. The international community and the President of the Russian Federation, Vladimir Vladimirovich Putin, tried to resolve the crisis peacefully, and in this sense two peace agreements, Minsk 1 and Minsk 2, were signed (Milosavljević–Lazić et al. 2017, 45). The reality is that dialogue between the warring parties does not exist, while local conflicts have turned into a real war (Avramović–Marković 2014: 17). Relations between Russia and Ukraine worsened in July 2017, when the Ukrainian parliament declared membership in NATO one of its foreign policy goals, and in February 2019, the goal of joining NATO and the EU was even written into the country's Constitution. Then, in 2018, NATO officially granted Ukraine the status of a candidate country (Hasselbach 2022). With the intention of stopping the aggression of the Ukrainian authorities against the Russian population in Luhansk and Donetsk, in mid-February 2022 the State Duma of Russia voted a draft resolution on the recognition of these republics (RTS 2022). Then, on February 21, the President of the Russian Federation signed a decree

¹ About 3.9 million people live in the combat zone, in conditions of damaged infrastructure, lack of electricity and water, which gives this crisis a difficult social and humanitarian dimension, in addition to the military, ethnic and political ones, which are often in the foreground (Stojković 2015: 27).

recognizing the independence of the Donetsk and Lugansk People's Republics (Tsukanov 2022). An important part of this decree referred to the engagement of the Russian armed forces in Donetsk and Lugansk, in order to maintain peace and security in these areas (RTS 2022).

INTERVENTION OR INVASION

The special operation of the Russian army began at dawn on February 24, 2022. Kiev, Kharkiv, Odesa, Lviv, populated places in the Zaporozhye region were hit by the Russian aerospace forces. In the first hours, over 80 attacks were carried out on Ukrainian positions (CNN 2022). In those moments, characteristically and identically in the reports of the Western media, it was about the invasion of the Russian armed forces in Ukraine. Thus, CNN, in an unusual and provocative way, tried to identify the Nazi attack of the German Reich in 1941 with Russian intervention: "In Lviv, Ukraine, air raid sirens sounded for the first time since World War II" (Qiblawi–Tawfeeq 2022). The London Telegraph reported: "As expected, Europe has plunged into war with Russia's invasion of Ukraine" (Johnson 2022). In reports from the front, US CBS concludes that Russian armed forces last invaded Ukrainian territory back in 2014, supporting ethnic Russians in their fight against the pro-Western government in Kiev. Although the authors presented a "brief summary of the long history", from 1700 until the recent events in Ukraine, they still omitted to refer to the causes of unrest in its eastern regions (Reals–Sundby 2022). The Ministry of Defense of the Russian Federation, on the occasion of the special operation in Ukraine, issued a statement that the targets of the attack are exclusively military infrastructure, air defense systems, military airports, and not the civilian population. However, the American Washington Post claims otherwise. According to their understanding, the Russians use similar allegations as during the bombing of towns and villages in Chechnya in 1994-1996 (Dixon 2022). After only two days since the beginning of the Russian special operation, the media from the West are reporting that the Russian "invasion" is proceeding more slowly than expected. They again took the opportunity to compare the war in Ukraine with the "allied" (American) attacks on Afghanistan in 2001 and Iraq in 2003. "Russian generals are increasingly nervous, the Russian invasion has slowed down, Russian commanders are frustrated by the slow advance through Ukraine, Russian troops are running out of fuel...", reported Western journalists from the field (Bil 2022). On the Internet portals of these media, special pages and sections dedicated to events in Ukraine have been opened. You can often find photos and videos from the field under the texts, while the real curiosity is the

information shared on social networks, behind which dangerous propaganda material lurks. The ban on Russian media actually made it impossible for us to hear the other side of the war in Ukraine, according to foreign policy commentator Boško Jakšić: "Then we should cancel CNN, which is a major source of American propaganda..." (N1 Beograd 2022).

SATANISATION OF PUTIN

Western news agencies paid special attention to the President of the Russian Federation, Vladimir Vladimirovich Putin. However, after the decision to send Russian troops to eastern Ukraine to help his compatriots, Putin became the target of attacks from the Western media. Namely, the impetus for such a thing was primarily provided by officials of Western countries. During his visit to Warsaw, the President of the United States of America, Joseph Biden, gave a speech in which he condemned Putin as the culprit of the war in Ukraine, stating that "this man must not stay in power", he is "a dictator who wants to restore the empire" (DW 2022). The President of Poland, Andrej Duda, in an interview with the German Bild, condemned the leaders of France and Germany, stating that they did not even talk to Hitler like they are now doing with Putin (DW 2022).

At the beginning of March 2022, the title "Is Putin the new Hitler?" appeared on the Internet portal of the Voice of America. The president of the Russian Federation was presented as "this century's equivalent of Hitler and a threat to Europe." Like Hitler, Putin wiped out political opposition in his country, gained enormous power, and embarked on an illegal conquest of the territories of surrounding nations. In the following text, the Russian army is accused of brutality against the civilian population that evokes memories of Nazi crimes during the invasion of the Soviet Union in 1941 (Herman 2022). German Spiegel brings us the title "Putin's Apocalypse: How Far Is the Russian President Ready to Go?" In the following text of this respected magazine, Putin identifies himself with Adolf Hitler for the umpteenth time (Neef 2022). The answer to these attacks soon arrived from Moscow. At the beginning of March, the Russian media regulatory body Roskomnadzor blocked the broadcasting of the BBC, Voice of America, Radio Free Europe, Deutsche Welle and some other media because, as it is stated, of spreading false information. "The basis for banning these media is their deliberate and systematic placement of reports containing false information," stated Roskomnadzor. False information essentially refers to military operations in Ukraine, its form, methods and combat operations of the Russian armed forces, losses and civilian casualties (Politika 2022). Behind the front pages and articles of Western news

agencies, there is a clear intention to discredit the President of the Russian Federation, through insults and inappropriate headlines, as well as constant comparisons with the Nazi leader Adolf Hitler.

The front pages of the printed editions of some of the Western media (Der Spiegel, The Sun, Daily Mirror)

FALSE NEWS

A lot of disinformation from the field of combat operations found its way into the texts of the Western media. The news was taken from Ukrainian officials (Government, President), domestic media and social media accounts. In the Western media, special attention was drawn to the case surrounding Snake Island. Immediately at the beginning of the special operation, the Russian Navy went into action to seize this strategically important island. Soon, news about the so-called heroic act of the defenders of the island was distributed in the Western media, who met the Russian ultimatum on surrender with derogatory words (Landon-Lister et al. 2022). The news about the death of 13 defenders of the island was conveyed by Ukrainian President Volodymyr Zelensky, who posthumously awarded them the Order of People's Heroes (BBC 2022). However, the first denials about this event appeared not long after. The Ukrainian Navy announced first with information that all defenders were alive and well, but captured by Russian units (Holroyd 2022). Analogously, the Serbian Blic carries the title "Video before the blood-curdling massacre, the Russians killed all the soldiers on the snake island..." (Blic 2022). This misinformation received its epilogue at the end of March 2022, when it came to exchanging prisoners from both sides, among whom were Ukrainian border guards from Snake Island (Holroyd 2022).

The video where an armored vehicle, due to inappropriate speed, crosses over a civilian car on the streets of Kyiv, is also another means of media deception by the Western media. The video first appeared on social networks with accusations that it was a Russian tank. The New York Post publishes photos and videos under the headline "Russian tank maliciously runs over civilian car", The Sun reports that it is a Strela-10 air defense vehicle and was operated by pro-Russian separatists (Miller, Holloway 2022). Namely, it is a Soviet-made vehicle that is in use by the Ukrainian army, while the Russian army uses more modern versions of the Strela-10M3 and Strela 10-M4. After the incident, photos of the mentioned vehicle appeared without the characteristic markings for Russian armored units "V" or "Z". Although it has not yet been determined exactly who

was actually driving this vehicle, it is unlikely that it was the Russians (Kilibarda 2022).

According to Western media reports, the incident in the suburb of Bucha in Kyiv was a massacre and a war crime against the civilian population. The number of 410 killed in the vicinity of the capital is stated, while between 150-300 bodies were buried in the church yard in Buca (BBC 2022). Many world and European officials condemned Russia for this incident, without first checking the allegations about what really happened in this place. While the Ukrainian president said that it was genocide and the "extermination of a nation", Russian Foreign Minister Sergei Lavrov called on the United Nations Secretary General to ask the Ukrainian authorities for a list of the people killed. Kremlin spokesman Dimitriy Peskov proposed that the UN Security Council consider the footage of scattered bodies in Bucha, however, that initiative was blocked by Great Britain (RTV, Danas 2022). While the Russian media is in the dark, news is coming from the West about this event: "Look at the war crimes: a walk through the horror of the devastated Bucha" (Anna 2022), "The murders in Bucha: you can no longer deceive the world" (Mirovalev 2022). Professor from the Institute for International Politics and Economy, Mihajlo Vučić, regarding the incident in Buča, believes that an independent investigation is necessary due to controversial information (RTS 2022).

The series of falsehoods continued by the media during the siege of Mariupol. Namely, this port city in southern Ukraine and its Azovstal steel plant were the stronghold of the Azov Regiment, a neo-Nazi unit of the National Guard of Ukraine. The relativization of the event by the Western media was reflected in the glorification of the heroic resistance of a small number of Ukrainian soldiers against the Russian aggressor, denying that the infamous Azov Regiment was in the steel plant. Thus, in its campaign, CNN accuses the Russian army of bombing hospitals and theaters. In order to erase evidence of crimes, Russian forces use mobile crematoria to dispose of bodies?! The author of the text did not support these allegations with any evidence (Berlinger 2022). Agence France-Press compares the siege of Mariupol to the Nazi blockade of Leningrad (FirstPost 2022). Although correspondents and journalists were in the city itself, they often reported on humanitarian corridors and buses that evacuated civilians to the interior of the country. The resistance of the last stronghold of the Azovstal steel plant was presented in the Western and Ukrainian media as a struggle of brave and tired soldiers, volunteers and civilians against the aggressors (Čilić 2022). In the shadow of those events, during the handover, the humane treatment of the Russian army

towards Ukrainian fighters and wounded, who will later be released in the process of exchanging prisoners of war, will remain recorded (VOA 2022).

CONCLUSION

From the very beginning of the Russian special operations, Western media houses have unequivocally aligned themselves on only one side. Media reporting by Western news agencies has been reduced to manipulation, propaganda and generalization of events. Objectivity and impartiality lost their meaning a long time ago. Fabricating lies and deceiving one's own public opinion can cause long-term consequences in an already formed bipolar world. Reporting from crisis areas has been reduced to unverified sources, edited videos and photographs. Without any authentication, the news ends up on the front pages. Media from the West have perfected an almost identical modus operandi when distributing news: copying from each other, the more controversial titles and texts the better response from readers, abuse of children and the elderly, non-compliance with the privacy code of war victims and the like. Based on these reports, one gets the impression that the propaganda war against Russia and its people is not abating.

Literature

1. Nenad Avramović–Miloš Marković. Ukrainian conflict–between geopolitics and international law // *The Review of International Affairs*. 2014. July-December. Vol. LXV. No. 1155–1156. P.5–20.
2. Здравко М. Делетић. *Занат историчара: методологија историописања*. Косовска Митровица, Филозофски факултет. Краљево: Историјски архив, 2019.
3. Slađan Milosavljević, Željko Lazić, Martin Matijašević. Gestrateški položaj Krima kao činilac bezbednosti crnomorskog regiona. *VOJNO DELO*. 2017. Br. 3. Beograd: Institut za stratezijska istraživanja. P. 43–62.
4. Драган Петровић–Рајко Буквић. *Украјинска криза 2013–2019*. Београд: Институт за међународну политику и привреду, 2019.
5. Биљана Стојковић. Источно питање и украјинска криза. *VOJNO DELO*. 2015, Бр. 1. Београд: Институт за стратегијска истраживања. P. 25–36.
6. INTERNET PRESS.
7. Cara Anna. War Crimes Watch: A devastating walk through Bucha's horror // *The Associated Press*. 10.04.2022. URL:

- <https://apnews.com/article/russia-ukraine-europe-war-crimes-7791e247ce7087ddd64a2bbd5b888> [29.10.2022].
8. Snake Island: Ukraine says soldiers killed after refusing to surrender // *BBC*. 25.02.2022. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-60522454> [28.10.2022].
 9. Ukrajina i Rusija: Ukrajina istražuje navodna pogubljenja civila // *BBC na srpskom*. 04.04.2022. URL: <https://www.bbc.com/serbian/lat/svet-60989363>. [29.10.2022].
 10. Joshua Berlinger. The fall of Mariupol could conceal war crimes evidence from the world and give Russia's offensive a boost // *CNN*. 17.05.2022. URL: <https://edition.cnn.com/2022/05/17/europe/mariupol-battle-over-russia-control-cmd-intl/index.html> [29.10.2022].
 11. Džonatan Bil. Ukrajina i Rusija: Zašto se ruska invazija odvija sporije od očekivanog // *BBC na srpskom*. 26.02.2022. URL: <https://www.bbc.com/serbian/lat/svet-60538020> [19.10.2022].
 12. SNIMAK PRED MASAKR KOJI LEDI KRV Rusi pobili sve vojnike na Zmijskom ostrvu... // *Blic*. 25.02.2022. URL: <https://www.blic.rs/vesti/svet/snimak-pred-masakr-koji-ledi-krv-rusi-pobili-sve-vojnike-na-zmijskom-ostrvu-nakon-sto/43x5zbw> [28.10.2022].
 13. What we covered—February 24, 2022 Russian-Ukraine news // *CNN*. 24.02.2022. URL: <https://edition.cnn.com/europe/live-news/ukraine-russia-news-02-24-22-intl/index.html> [12.10.2022].
 14. Kremlj odbacuje optužbe da ruske snage stoje iza ubistva civila u Buči // *Dnevni list Danas*. 04.04.2022. URL: <https://www.danas.rs/svet/kremlj-odbacuje-optuzbe-da-ruske-snage-stoje-iza-ubistva-civila-u-buci/> [29.10.2022].
 15. Robyn Dixon. Russia's military claims videos of civilian casualties in Ukrainian cities 'staged' // *The Washington Post*. 24.02.2022. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/02/24/frontline-reports-feb-24/> [19.10.2022].
 16. Bajden o Putinu: „Taj čovjek ne smije ostati na vlasti“ // *Deutsche Welle Bosna i Hercegovina*. 27.03.2022. URL: <https://p.dw.com/p/495V2> [20.10.2022].
 17. Polish president: Calls to Putin like talking to Hitler // *Deutsche Welle*. 6.09.2022. URL: <https://www.dw.com/en/polish-president-calls-to-putin-like-talking-to-hitler/a-62073250> [20.10.2022].

- [president-calls-to-putin-like-talking-to-hitler/a-62073250](https://www.dw.com/en/polish-president-calls-to-putin-like-talking-to-hitler/a-62073250) [20.10.2022].
18. Siege of Ukraine's Mariupol city draws comparisons with Nazi blockade of Leningrad // *Firstpost*. 05.05.2022. URL: <https://www.firstpost.com/world/siege-of-ukraines-mariupol-city-draws-comparisons-with-nazi-blockade-of-leningrad-10431261.html> [29.10.2022].
 19. Christoph Hasselbach. Ukrajina u čekaonici NATO-a // *Deutsche Welle Hrvatska*. 20.02.2022. URL: <https://www.dw.com/hr/ukrajina-u-%C4%8Dekaonici-nato-a/a-60776573> [06.10.2022].
 20. Steve Herman. Is Putin the New Hitler? // *The Voice of America*, 08.03.2022. URL: <https://www.voanews.com/a/is-putin-the-new-hitler-6476408.html> [20.10.2022].
 21. Matthew Holroyd. Snake Island sailors freed in Ukraine war prisoner exchange, says Kyiv // *Euronews*. 25.03.2022. URL: <https://www.euronews.com/2022/03/25/snake-island-sailors-freed-in-ukraine-war-prisoner-exchange-says-kyiv> [28.10.2022].
 22. Matthew Holroyd. Ukraine war: Snake Island border guards are alive and well, says Ukrainian navy // *Euronews*. 28.02.2022. URL: <https://www.euronews.com/2022/02/28/ukraine-war-snake-island-border-guards-are-alive-and-well-says-ukrainian-navy> [28.10.2022].
 23. Henry Holloway. Horror moment rampaging tank totally CRUSHES car in Kyiv & reverses over it as driver miraculously survives // *The Sun*. 25.02.2022. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/17769426/kyiv-tank-russia-ukraine-crushes-car/> [28.10.2022].
 24. Jamie Johnson. As it happened: Europe plunged into war as Russia invades Ukraine // *Telegraph UK*. 25.02.2022. URL: <https://www.telegraph.co.uk/world-news/2022/02/24/russia-ukraine-news-invasion-war-nato-putin-sanctions-latest/> [16.10.2022].
 25. Nataša Kilibarda. Oko slučaja “tenk” još nema konsenzusa // *Istinomer*. 02.03.2022. URL: <https://www.istinomer.rs/facebook-provere/oko-slucaja-tenk-jos-nema-konsenzusa/> [28.10.2022].
 26. Brad Lendon, Tim Lister and Josh Pennington. Soldiers on Snake Island reacted with defiant words to threats from Russian warship // *CNN*. 28.02.2022. URL: <https://edition.cnn.com/2022/02/25/europe/ukraine-russia-snake-island-attack-intl-hnk-ml/index.html> [28.10.2022].

27. Joshua Rhett Miller. Russian tank maliciously crushes civilian car with driver inside // *The New York Post*. 25.02.2022. URL: <https://nypost.com/2022/02/25/russian-tank-maliciously-crushes-civilian-car-with-driver-inside/> [28.10.2022].
28. Mansur Mirovalev. Bucha killings: The world cannot be tricked anymore // *Aljazeera*. 4.04.2022. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/4/4/will-the-bucha-massacre-wake-up-the-world> [29.10.2022].
29. Zabрана ruskih medija u Srbiji – otklon od propagande ili „druge strane“ // *NI Beograd*. 05.05.2022. URL: <https://rs.ninfo.com/vesti/bosko-jaksic-i-srdjan-cvijic-u-novom-danu/> [20.10.2022].
30. Christian Neef. Putin's Apocalypse: How Far Is the Russian President Willing To Go? // *Spiegel International*. 11.03.2022. URL: <https://www.spiegel.de/international/world/putin-s-apocalypse-how-far-is-the-russian-president-willing-to-go-a-1af76b72-f611-4548-a9a3-b01b42b2864f> [21.10.2022].
31. Rusija blokirala zapadne medije // *Politika Online*. 04.03.2022. URL: <https://www.politika.rs/scc/clanak/501046/Rusija-blokirala-zapadne-medije> [23.10.2022].
32. Tamara Qiblawi–Mohammed Tawfeeq. Ukraine-Russia news // *CNN*, 24.02.2022. URL: https://edition.cnn.com/europe/live-news/ukraine-russia-news-02-24-22-intl/h_e586d58348bfdc331820961c4a2df6e [12.10.2022].
33. Tucker Reals–Alex Sundby. Russia's war in Ukraine: How it came to this // *CBS NEWS*. 23.03.2022. URL: <https://www.cbsnews.com/news/ukraine-news-russia-war-how-we-got-here/> [16.10.2022].
34. Profesor Mihajlo Vučić: Zbog kontroverznih informacija neophodna nezavisna istraga u Buči // *Internet portal Radio Televizije Srbije*. 06.04.2022. URL: <https://www.rts.rs/page/stories/sr/story/3398/rat-u-ukrajini/4766992/profesor-mihajlo-vucic-buca-dogadjaji-istraga.html> [29.10.2022].
35. Ruska дума изгласала нацрт резолуције о признању Доњецка и Луганска // *Internet portal Radio Televizije Srbije*. 15.02.2022. URL: <https://www.rts.rs/page/stories/ci/story/2/svet/4703657/rusija-duma-nacrt-rezolucija-dinjeck-lugansk.html> [06.10.2022].
36. Rusija priznala Doņeck i Lugaњsk i poslala тамо трупе ради чувања мира // *Internet portal Radio Televizije Srbije*,

- 21.02.2022. URL: <https://www.rts.rs/page/stories/ci/story/3395/rat-u-ukrajini/4711970/putin-priznanje-donjeck-lugansk.html> [12.10.2022].
37. Mišel za suspenziju Rusije iz Saveta bezbednosti UN // *Radio Televizija Vojvodine*. 23.11.2022. URL: https://rtv.rs/sr-lat/evropa/lavrov-u-un-pitajte-kijev-da-objavi-imenazrtava-iz-buce_1375768.html [29.10.2022].
38. Ilya Tsukanov. Russia Recognises Donbass Republics' Independence // *Sputnik International*. 21.02.2022. URL: <https://sputniknews.com/20220221/russia-recognises-donbass-republics-independence-1093241178.html> [06.10.2022].
39. Više od 200 ukrajinskih zarobljenika razmenjeno za jednog političara bliskog Putinu // *The Voice of America na srpskom*, 22.09.2022. URL: <https://www.glasamerike.net/a/6758197.html> [29.10.2022].
40. Una Čilić. Osamdeset dana u Mariupolju // *Radio Slobodna Evropa*, 20.05.2022. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/mariupolj-azovstal-ukrajina-rusija-rat/31856561.html> [29.10.2022].

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ДЕГЛОБАЛИЗАЦИЯ» В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Мохов А.В.

*Севастопольский государственный университет,
доцент кафедры «Политические науки и философия»,
Черноморский информационно-аналитический центр, директор
E-mail: chiac-92@bk.ru*

Сеношкина Т.А.

*Доктор политических наук,
Заслуженный работник образования Республики Крым,
Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского,
профессор кафедры политических наук и международных отношений
E-mail: senyushkinata@cfuv.ru*

Аннотация. На основе обзора российских и зарубежных исследований, посвящённых изучению феномена деглобализации,

исследуются основные концептуальные подходы и дискуссионные вопросы в этой сфере гуманитарного знания. Подчёркивается, что проблема деглобализации имеет в современных политологических исследованиях дискуссионный характер, что требует более глубокого и всестороннего концептуального подхода. В качестве наиболее перспективных направлений изучения данной темы авторы указывают на два аспекта деглобализации: во-первых, как реального явления в современной мировой политике, во-вторых, как когнитивного конструкта, при помощи которого под видом деглобализации могут скрываться новые формы глобальной экспансии, направленные на незащищённые национальные экономики.

Ключевые слова: деглобализация, конструктивизм, когнитивные технологии, национальная экономика, суверенитет, глобальная экспансия.

CONCEPTUALIZATION OF THE CONCEPT OF DEGLOBALIZATION IN MODERN POLITICAL SCIENCE STUDIES

Mokhov A.V.

*Sevastopol State University, Associate Professor of the Department of
Political Sciences and Philosophy, Black Sea Information and Analytical
Center, Director
E-mail: chiac-92@bk.ru*

Senyushkina T.A.

*Doctor of Political Sciences,
Honored Worker of Education of the Republic of Crimea,
V.I.Vernadsky Crimean Federal University, Professor of the Department of
Political Sciences and International Relations
E-mail: senyushkinata@cfiv.ru*

Abstract. *Based on a review of Russian and foreign studies devoted to the study of the phenomenon of deglobalization, the main conceptual approaches and controversial issues in this field of humanitarian knowledge are investigated. It is emphasized that the problem of deglobalization has a debatable nature in modern political science research, which requires a deeper and more comprehensive conceptual approach. As the most promising areas of study of this topic, the authors point to two aspects of deglobalization: firstly, as a real phenomenon in modern world politics, and secondly, as a cognitive construct with which*

new forms of global expansion aimed at unprotected national economies are veiled under the guise of deglobalization.

Keywords: *deglobalization, constructivism, cognitive technologies, national economy, sovereignty, global expansion.*

Проблема деглобализации в современном политическом дискурсе актуализировалась в качестве ответа на кризисные проявления в мировой экономике. При этом существует ряд объективных тенденций, указывающих на то, что мировая экономика вступает в фазу деглобализации, к примеру, таких как «снижение интенсивности международных экономических связей, рост протекционистских тенденций и усиление политической напряженности в мире» [3, с. 50].

Основным импульсом для дискуссий на эту тему стала пандемия 2019-го года и последовавший за ней экономический кризис, который приобрёл глобальные масштабы в результате беспрепятственного распространения нового вируса. Вслед за этими событиями в 2020-2022-х гг. как в зарубежных, так и в российских политологических исследованиях актуализировалась тема деглобализации.

В 2020-м году один из номеров журнала The Economist был опубликован под заголовком «Прощай, глобализация: опасная приманка самодостаточности» [7]. Вторая сессия XVII-го Ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай», которая состоялась 20 октября этого же года, также была посвящена теме деглобализации. В ходе дискуссии эксперты клуба пытались выяснить, является ли деглобализация «экономической реальностью или политическим мифом» [2]. Предваряя обсуждение этой темы, организаторы задали следующий вектор для размышлений: «Мировая экономика по-прежнему тесно взаимосвязана, но политический барометр всё яснее указывает на обострение соперничества, а пандемические угрозы толкают к изоляции» [2]. В этой связи для экспертной оценки были предложены следующие вопросы: «Каков предел возможного разъединения? Насколько возможна «национализация» производственных цепочек, что сохранится в любом случае? Как будет выглядеть система международных экономических связей в эпоху тотальной фрагментации и утверждения санкций в качестве доминирующего политико-экономического рычага? Возможно ли восстановление глобальных производственных отношений на новой основе и в другой конфигурации?» (курсив авторов) [2].

Один из ведущих экспертов Валдайского клуба, профессор экономики Парижской Высшей школы социальных наук (EHESS) и МГУ имени М.В.Ломоносова Жак Сапир понимает деглобализацию как процесс возвращения роли национального государства и считает этот процесс позитивным явлением, т.к. «деглобализация подразумевает укрепление суверенитета, который делает возможным истинное, а не формальное народоправство и определяет контекст будущей политической борьбы» [5]. Рассуждая в этом контексте, он подчёркивает, что «деглобализация ознаменует триумфальное возвращение политики к прежнему алгоритму действий. Выработка суверенных решений вновь приобретёт нормативный автоматизм. Сегодня же «алгоритм» диктуется, в основном, экономикой и финансовыми кругами. Так что деглобализация – это, по сути, восстановление суверенитета» [5].

Особо следует отметить публикации О.О.Комолова, который рассмотрел проблему деглобализации современной экономики в её динамике, начиная с посткризисного восстановления мирового хозяйства в 2009 г. Указанный автор отмечает, что деглобализация характеризуется обострением протекционистской политики государств (особенно в условиях борьбы с последствиями пандемии COVID-19), расширением санкционных режимов, что «привело к относительному снижению интенсивности мировой торговли и глобальных потоков капитала, а также вызвало кризис региональной интеграции в разных частях света» [4, с. 34]. Таким образом, О.О.Комолов пришёл к выводу о том, что «с одной стороны, условия деглобализации дают государствам инструменты поддержки национальных производителей и развития приоритетных отраслей экономики, а с другой – повсеместная радикализация политического дискурса усиливает риски роста социальной напряженности и вооруженного противостояния» [4, с. 34].

В качестве основной причины этих процессов данный автор выделяет нарастание противоречий неолиберального этапа в развитии мировой экономики начиная с 1970-х гг., которые проявились «в усилении эксплуатации периферии мировой экономики ее центром, вызвавшей углубление глобального неравенства, торможение научно-технического прогресса и финансиализацию мировой экономики» [3, с. 50]. Таким образом, «глобальная рецессия, растянувшаяся на целое десятилетие, отражает пределы экспансии капитализма, ставя вопрос об исторических границах капиталистического способа производства» [3, с. 50].

В целом нам импонирует подобная точка зрения. Однако наряду с явными изъянами современной формы капитализма перспективы реальных альтернатив этому способу производства проявляются не столь отчётливо, а конвергентная форма китайской экономики также подвержена кризисным проявлениям, хотя, возможно, и в меньшей степени.

Кроме этого, существует ещё один дискуссионный вопрос в исследуемой теме. В частности, российские авторы Артемьева М.В., Романовская Е.В., Безрукова Н.А. и Цапина Т.Н. обратили внимание на то, что «крупные издания в основном избегают однозначных суждений по вопросу, действительно ли мировая экономика однозначно находится в состоянии деглобализации» [1, с. 453]. В связи с этим наблюдаются разные подходы к ответу на вопрос о том, насколько реально выражены тенденции деглобализации в современной экономической действительности, а также и то, какие последствия для экономических субъектов – положительные и отрицательные – эти тенденции обуславливают [1, с. 452].

Рассуждая в контексте сказанного выше, укажем ещё одну точку зрения, в соответствии с которой мы можем наблюдать сегодня *«очередной способ реформативного процесса глобализации»* [6, с. 225], в связи с чем, на наш взгляд, на теоретическом и аналитическом уровне следует более предметно исследовать проблему управляемости общественными процессами «с учётом системного понимания изменений, происходящих в экономической, политической и культурной сфере под влиянием формирования нового вектора внешнеполитических взаимодействий России с внешними акторами» [6, с. 225].

Подводя итог сказанному, отметим, что на концептуальном уровне проблема деглобализации имеет в современных условиях дискуссионный характер, что требует более глубокого и всестороннего исследования этой темы. При этом главным критерием управляемости глобальными процессами для России должен быть «российский народ, его сохранение и развитие как с биологической точки зрения (имеется ввиду воспроизводство населения), так и с культурной, духовной и ценностной. Экономическое содержание при этом должно играть вспомогательную роль, обеспечивая синхронизацию с политическими процессами, которые и призваны создать условия для духовного и культурного сбережения и развития российского народа» [6, с. 226].

Наиболее перспективными направлениями для дальнейших исследований данной темы являются направления, связанные с

поиском корреляции между объективными тенденциями в мировой политике и технологиями, которые могут внедрять под видом деглобализации новые формы глобальной экспансии, направленные на незащищённые национальные экономики.

Список литературы

1. Артемьева М.В., Романовская Е.В., Безрукова Н.А., Цапина Т.Н. Деглобализационные процессы на современном этапе // Московский экономический журнал. 2022. №1. С. 451-458.
2. Деглобализация – политический миф или экономическая реальность? Вторая сессия XVII Ежегодного заседания Валдайского клуба. 20.10.2020
URL:<https://ru.valdaiclub.com/multimedia/video/deglobalizatsiya-vtoraya-sessiya-xvii-ezhegodnoe-zasedaniye/>
3. Комолов О.О. Деглобализация в контексте мировой экономической стагнации // Экономическое возрождение России. 2018. № 4(58). С. 50-63.
4. Комолов О.О. Деглобализация: новые тенденции и вызовы мировой экономике // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. 2021. Т. 18. № 2 (116). С. 34-47.
5. Сапир Жак. Деглобализация уже в пути: новый мир и возрождение демократии. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/deglobalizatsiya-uzhe-puti/>
6. Сеньюшкина Т.А. Критерии и контуры управляемости в условиях формирования нового мирового порядка // Политическое пространство и социальное время: Стратегический вектор общественного развития в условиях полицентричного мира. Сборник научных трудов XXXIX Международного Харакского форума 26–28 апреля 2022 г., г. Ялта / Под общ. ред. Т.А. Сеньюшкиной; [науч.ред.: Е.А.Сеньюшкин] – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. – С. 220-227.
7. The Economist. 2020. May 16th. Goodbye globalisation: The dangerous lure of self-sufficiency. URL: <https://www.economist.com/weeklyedition/2020-05-16>.

ЭТНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА УЗБЕКИСТАНА: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ

Назаров Р.Р.

*кандидат философских наук,
Институт государства и права АН РУз,
старший научный сотрудник;
Ташкентский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова,
кафедра «Правовые и гуманитарные дисциплины»,
доцент*

***Аннотация.** Республика Узбекистан, будучи демократическим, правовым государством, в своей этнической политике обеспечения интересов различных этнических, конфессиональных и культурных групп опирается на Конституцию и различные законодательные акты, а также на основные международно-правовые документы (Всеобщая Декларация прав человека и др.). Национальное законодательство Узбекистана полностью отвечает международным нормам и обеспечивает конституционно-правовую защиту интересов граждан всех национальностей и конфессий.*

***Ключевые слова:** Узбекистан, этническая политика, конфессии, культура, Конституция, правовые акты, международное право.*

ETHNIC POLICY OF UZBEKISTAN: CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS

Nazarov R.R.

*Candidate of Philosophical Sciences (PhD),
Institute of State and Law of the Academy of Sciences of the
Republic of Uzbekistan, Senior Researcher
Department of “Legal and Humanitarian Disciplines”
of the Tashkent branch of Plekhanov Russian University of
Economics, Associate Professor*

***Abstract.** The Republic of Uzbekistan, being a democratic, legal state, in its ethnic policy of ensuring the interests of various ethnic, confessional and cultural groups, relies on the Constitution and various legislative acts, as well as on the main international legal documents (the Universal Declaration of Human Rights, etc.). The national legislation of*

Uzbekistan fully complies with international norms and provides constitutional and legal protection interests of citizens of all nationalities and faiths.

Keywords: *Uzbekistan, ethnic politics, confessions, culture, Constitution, legal acts, international law.*

Узбекистан является полиэтническим, поликонфессиональным, поликультурным обществом, в котором проживают представители более 130 этнических групп и 16 религий, имеющих свои культурные особенности. Именно поэтому столь важно конституционно-правовое обеспечение этнической политики.

В Конституции [1] и других законодательных актах Республики (Закон «О государственном языке» [2], Закон «О гражданстве» и др.) отмечается: все граждане РУз, независимо от национальности равноправны; государство гарантирует законные права и интересы всех национальностей, запрещены дискриминация любой национальности, а также действия, направленные на подрыв сплоченности национальностей. Государство выступает против шовинизма и национализма; каждый народ имеет право применения и развития своего языка и культуры, имеет право на сохранение собственных верований, традиций, обрядов, обычаев [3].

Основными источниками обеспечения этнополитики РУз являются: Конституция РУз и другие законодательные акты (Закон «О государственном языке», Закон «Об основах государственной независимости Республики Узбекистан», Закон «О гражданстве», Закон «О свободе совести и религиозных организациях» и т.д.); Международные договоры в области прав человека и гуманитарного права, ратифицированные РУз; Концепция государственной политики Республики Узбекистан в сфере межнациональных отношений (15.11.2019 г.); Указы и Постановления Президента РУз; принятые и ратифицированные резолюции и рекомендации международных организаций, членом которых является РУз (ООН, ОБСЕ, СНГ, ШОС и т.д.); двусторонние и многосторонние межгосударственные соглашения, регулирующие статус этнических меньшинств; Национальная стратегия действий по правам человека (22.06.2020 г.); Стратегия развития Нового Узбекистана на 2022-2026 гг. (22.01.2022 г.).

Как отмечается в Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации: «всякая теория превосходства, основанного на расовом различии, в научном отношении ложна, в моральном – предвзятая, а в социальном – несправедлива и

опасна, и что не может быть оправдания для расовой дискриминации, где бы то ни было: ни в теории, ни на практике» [4, с. 72].

Основные конституционные нормы, касающиеся этнополитики, закреплены в статьях 4, 8, 18, 21, 31, 57, 73, 74, 115 Конституции РУз, в ст. 6 Трудового Кодекса РУз, в ст. 5 Закона «О свободе совести и религиозных организациях», в ст. 6 Закона «О средствах массовой информации», в ст. 24 Закона «О государственном языке».

Статья 8 Конституции гласит: «Народ Узбекистана составляют граждане Республики Узбекистан независимо от их национальности» [1, ст. 8]. В статье 4 Конституции закреплён принцип обеспечения культурного развития меньшинств: РУз «обеспечивает уважительное отношение к языкам, обычаям и традициям наций и народностей, проживающих на её территории, создание условий для их развития» [1, ст. 4].

Согласно статье 15 Закона «Об основах государственной независимости Республики Узбекистан»: «Все граждане Республики Узбекистан независимо от нации, народности... имеют одинаковые гражданские права и находятся под охраной Конституции республики и её законов» [5].

Важными показателями демократичности этнополитики РУз являются: запрет на организацию политических партий по национальному и расовому принципу (ст. 57 Конституции РУз) [1, ст. 57], запрет на создание общественных объединений, деятельность которых направлена на пропаганду этнической, расовой, религиозной розни (ст. 5 Закона «Об общественных объединениях»), запрещение дискриминации в трудовых отношениях в зависимости от расы, национальности, языка, отношения к религии и т.д. (ст. 6 Трудового Кодекса РУз) [6, с. 131], запрет на использование религиозных лозунгов в целях возбуждения вражды, ненависти, межэтнической розни (ст. 5 Закона «О свободе совести и религиозных организациях»), недопустимость использования СМИ в целях пропаганды этнической, расовой, религиозной вражды (ст. 6 Закона «О средствах массовой информации»), запрет препятствованию осуществлению права граждан на свободный выбор языка общения, воспитания, образования (ст. 24 Закона «О государственном языке»).

Узбекистан регулярно представляет в Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации доклады по выполнению Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, в которых предусматривается [7]: дальнейшее совершенствование государственной политики в сфере недопущения

расовой дискриминации и усиление социального партнерства в данной сфере; изучение передового зарубежного опыта правового регулирования вопросов защиты от расовой дискриминации в целях глубокой имплементации в законодательство страны международных стандартов; активизация информационно-просветительской, образовательной и издательской деятельности в целях информирования граждан и государственных служащих о положениях Конвенции и других международных документов, формирования культуры прав национальных меньшинств в обществе; усиление мониторинговых и социологических исследований состояния выполнения Конвенции госорганами в центре и на местах; совершенствование системы сбора и анализа дезагрегированных данных о положении дел в сфере обеспечения прав наций и народностей, проживающих в Узбекистане; конкретизация полномочий органов законодательной, исполнительной и судебной власти в сфере выполнения международных обязательств страны по недопущению расовой дискриминации [8].

Наиболее важные из принятых и ратифицированных Узбекистаном международных документов: Всеобщая Декларация прав человека (10.12.1948), Декларация ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации (20.11.1963), Декларация ЮНЕСКО о расе и расовых предрассудках (27.11.1978), Декларация ООН о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (25.11.1981), Декларация ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (18.12.1992), Декларация принципов толерантности ЮНЕСКО (16.11.1995), Декларация ООН о правах коренных народов (13.09. 2007) и др.

Важную роль в улучшении этнолингвистической ситуации в республике сыграло принятие в 1995 г. Новой редакции Закона «О государственном языке». Как отмечают специалисты: «В этом законе определены правовые основы функционирования узбекского языка как государственного, а также других языков, гарантии их защиты. Урегулировано использование языков с учетом лингвистического состояния населения по месту жительства, труда, учебы... Установлена ответственность за пропаганду вражды и проявление пренебрежения к другим языкам» [9, с. 13]. Важными показателями эффективности этнополитики РУз являются функционирование системы образования на 7 языках, прессы – на 12 языках.

В Узбекистане насчитывается 10130 школ, в т.ч. с обучением на узбекском языке - 8227 (5 346,8 тыс. учеников); на русском - 88 (636,5 тыс.); на каракалпакском - 245 (124,2 тыс.); на таджикском - 92 (67 тыс.); на казахском - 143 (53, 4 тыс.); на туркменском - 23 (10,8 тыс.); на киргизском языке - 21 (7,8 тыс. учеников) [10]. Кроме того, при многих национально-культурных центрах (Армянском, Еврейском, Немецком, Польском, Татарском и т.д.) действуют воскресные школы, где молодые (и не только) люди изучают родной язык, литературу, национальную историю, обычаи, обряды, традиции своего народа.

Во всех вузах Республики Узбекистан обучение осуществляется на узбекском и русском языках, в Республике Каракалпакстан - на каракалпакском, узбекском, русском языках. Во многих вузах есть отделения и группы с обучением на языках этносов РУз: на казахском (Каракалпакский, Гулистанский, Джизакский, университеты, Ташкентский педуниверситет, Навоийский и Нукусский пединституты); на таджикском (Бухарский, Самаркандский, Термезский университеты); на туркменском (Каракалпакский университет); на киргизском (Андижанский университет) [11].

Газеты в Узбекистане издаются на 8 языках: английском, каракалпакском, казахском, корейском, русском, таджикском, туркменском, узбекском (включая республиканские издания «Правда Востока» и «Народное слово» - на русском, «Нурлы жол» - на казахском, «Овози тожию» - на таджикском, «Uzbekistan today» - на английском); журналы – также на 8 языках: английском, армянском, каракалпакском, казахском, русском, таджикском, узбекском, французском.

Теле- и радиопередачи транслируются на 12 языках: азербайджанском, английском, башкирском, казахском, каракалпакском, корейском, киргизском, русском, таджикском, татарском, узбекском, уйгурском.

В Узбекистане функционирует более 140 национально-культурных центров (НКЦ), охватывающих 27 национальностей, представляющих как крупные этнические группы (русские, таджики, казахи), так и небольшие по численности (литовцы, дунгане). «Большинством исследователей и экспертов отмечается стабильность и благоприятная динамика развития межэтнических отношений» [12, с. 4].

Важным элементом демократической этнополитики является сохранение культуры этнических меньшинств. Культура как

всеобщий феномен является достоянием человечества в целом. Общечеловеческая культура - объединяющее начало, способствующее взаимопониманию и согласию этносов. Вся история цивилизации – это история этнокультурных контактов на региональном, государственном, групповом, индивидуальном уровнях. Из самой возможности пересадки элементов культуры (языка, религии, обычаев, особенностей хозяйства и быта) с одной этнической почвы на другую, из реальной возможности органического синтеза элементов различных этнических культур можно сделать выводы о наличии глубоких общечеловеческих основ в культуре любого этноса [13].

В целом этнополитика Узбекистана имеет достаточные конституционно-правовые, научно-теоретические, социокультурные основания для своего дальнейшего развития и совершенствования в условиях системной трансформации социума, демократизации, модернизации, развития правового государства и гражданского общества.

Список литературы

1. Конституция Республики Узбекистан. Ташкент: Адолат, 2022. 40 с.
2. Абдумажидов Г. Комментарий к Закону «О государственном языке Республики Узбекистан». Ташкент: Адолат, 2004. 61 с.
3. Гинзбург А.И. Узбекистан. Этнополитическая панорама: Очерки. Документы. Материалы. М.: ИЭА РАН, 1995. 318 с.
4. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 21 декабря 1965 г. // Действующее международное право. Т. 2. М., 1999.
5. Закон «Об основах государственной независимости Республики Узбекистан» // Конституционное право Республики Узбекистан. Ташкент, 1995. Т. 1.
6. Трудовой Кодекс Республики Узбекистан. Ташкент: Адолат, 2022.
7. Национальный центр РУз по правам человека. VIII-IX Национальный Доклад по выполнению Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Ташкент: НЦПЧ, 2012.
8. Национальный доклад Республики Узбекистан по выполнению Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации за 2011 год // URL: http://www1.umn.edu/humanrts/russian/cerd/Ruzbekistan_add2_2011.htm (дата обращения: 27.10.2022 г.)
9. Межнациональная толерантность в Узбекистане: теория, социология, практика. Ташкент, 2004. – 48 с.
10. Сайт Министерства народного образования РУз// URL: <https://uzedu.uz/ru/page/statistics> (дата обращения: 27.10.2022 г.)
11. Справочник для поступающих в высшие образовательные учреждения. Ташкент: ГЦТ, 2022. 228 с.
12. Лиманов О., Кадыров Б. Межнациональные и межконфессиональные отношения. Ташкент, 2006. 24 с.
13. Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии. Самарканд – Ташкент: МИЦАИ, 2010. 334 с.

РОЛЬ И МЕСТО НЕКОММЕРЧЕСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В АДАПТАЦИИ/ИНТЕГРАЦИИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В СИБИРСКОМ ГОРОДЕ

Нам И.В.

Доктор исторических наук

Национальный исследовательский Томский государственный университет (НИ ТГУ), профессор

E-mail: namirina@bk.ru

Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Аннотация. В статье представлены результаты исследования роли и места некоммерческих национальных организаций в адаптации/интеграции трудовых мигрантов из трех центрально-азиатских государств (Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан) на примере двух сибирских городов Томска и Иркутска. Основными методами сбора полевых материалов послужили количественные и качественные методы: анкетный опрос, интервью и участвующее наблюдение. Было выявлено, что роль и место национально-культурных организаций в «мигрантской» инфраструктуре города, в повседневной жизни и досуге трудовых мигрантов малозначительна. Помощь, оказываемая национальными организациями мигрантам, не имеет для них определяющего значения. Мигранты мало осведомлены об их деятельности, не видят разницы между общественными организациями и коммерческими структурами, имеющими отношение к оказанию миграционных услуг. Организуемые национальными

организациями культурные мероприятия, вопреки мнениям экспертов, не занимают ожидаемого центрального места в «мигрантском» досуге.

Ключевые слова: трудовые мигранты, диаспора, адаптация, интеграция, некоммерческие организации, национально-культурная автономия.

THE ROLE OF NON-PROFIT CULTURAL ORGANISATIONS IN LABOUR MIGRANT ADAPTATION AND INTEGRATION IN SIBERIAN CITIES

Irina V. Nam

*Doctor of Sciences (History), Professor
National Research Tomsk State University (TSU)
Email: namirina@bk.ru*

The results were obtained in the framework of the grant of the Russian Federation Government, project № 075-15-2021-611 "Human and the changing Space of Ural and Siberia."

Abstract. *The article presents the results of research into non-profit cultural organisations' role in the adaptation/integration of labour migrants from Uzbekistan, Kyrgyzstan and Tajikistan in the Siberian cities of Tomsk and Irkutsk. The study used both quantitative and qualitative methods for gathering field data, including survey, interview, and participant observation. The results show that such organisations play an insignificant role in the 'migrant' infrastructure of the two cities as well as in the everyday life of the labour migrants here. The support local cultural organisations provide is of no great importance to the migrants, who are hardly informed of these organisations' existence and see no difference between non-profit and profit organisations delivering migration services. Contrary to expert opinions, cultural events held by the cities' non-profit cultural organisations are hardly part of the local migrants' leisure time.*

Keywords: *labour migrants, diaspora, adaptation, integration, non-profit organisations, national-cultural autonomy.*

Важнейшим трендом 2000-х гг. стал масштабный рост трудовых миграций в Россию из стран Средней Азии, который может стать глобальным вызовом, если не обеспечить адаптацию и интеграцию мигрантов. В отсутствие комплексных адаптационных и интеграционных программ, финансируемых государством, по

вовлечению мигрантов в жизнь принимающего общества и оказания им адресной помощи, эти функции частично выполняют некоммерческие национальные (диаспоральные) организации, которые рассматриваются как основной партнер государства в области адаптации/интеграции мигрантов [1, с. 2].

В отличие от адаптации, интеграция представляет длительный обоюдный процесс приспособления и трансформации, в который вовлечены и мигранты, и принимающее общество. Различают структурную (функциональную) интеграцию, предполагающую включенность в основополагающие сферы жизни принимающего общества: жилищную, занятости, социальной защиты, образования) и культурную, означающую включение мигрантов в культуру принимающего общества. Необходимо также различать интеграцию как политический проект, которая предполагает наличие четкой задачи и конечного результата в виде государственных программ, и как практику повседневности, которая, как правило, не имеет выраженного целеполагания и конечного результата [1, с. 7-9].

Мы сделали попытку выявить, сколь значима роль национально-культурных организаций (НКО) в адаптации/интеграции мигрантов в сибирском социуме. Выбор Томска и Иркутска объясняется тем, что это крупные провинциальные центры с высокообразованным населением, развитой образовательной и научно-исследовательской инфраструктурой, сильной промышленной базой, где достаточно широко применяется труд мигрантов. Этот выбор позволяет выявить различия или подтвердить региональным материалом некоторые общие процессы, связанные с деятельностью НКО в России. Все созданные мигрантами из Центральной Азии НКО в Томске и Иркутске возникли в первое десятилетие XXI в. и все имеют, как правило, по две организации. Причем, в Томске – это параллельные организации: национально-культурные автономии (НКА) и «просто» общественные организации, в Иркутске – это преимущественно НКО – общества, организации, центры, и только одна НКА – таджиков.

Наиболее влиятельной из всех НКО является национально-культурная автономия (НКА), определяемая законодательно как общественная организация на этнической основе и как форма национально-культурного самоопределения и самоорганизации. Федеральный закон об НКА, принятый в 1996 г., имел целью отделить «меньшинства», с одной стороны, от «титального населения», а с другой, – от «мигрантов» [2, с. 203]. Но с появлением массовых трудовых миграций в закон была внесена поправка (2014 г.), позволяющая НКА осуществлять деятельность, направленную на

«социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов». И поэтому НКА и другие некоммерческие национальные организации стали все чаще привлекаться к решению проблем, связанных с адаптацией и интеграцией мигрантов, хотя изначально они были ориентированы лишь на решение этнокультурных задач. При этом в мигрантах видят по-прежнему «этнофоров», а в НКО – «начальников» диаспор, которые обязаны, как это прозвучало, например, на заседании Совета по межнациональным отношениям Иркутска, «контролировать мигрантов, знать, сколько их здесь, кто чем дышит» [3, с. 362].

Сами лидеры и активисты НКО обычно оценивают свою деятельность в сфере оказания помощи мигрантам в категориях выполнения общественного долга, требующего безвозмездной затраты сил, энергии и средств. Но и мигранты, в особенности «трудовые», сталкивающиеся с множеством проблем, которые возникают, прежде всего, в правовом поле и связаны с легализацией их пребывания и трудоустройства, получением медицинской и социальной помощи, и сами нуждаются в национальных организациях, как посредниках. Чаще всего они обращаются за помощью в случае возникновения конфликтных ситуаций, возникающих между трудовыми мигрантами и работодателями. Из интервью руководителя НКА таджиков в Томске: «Они где-то работали, зарплату им не выплатили или не полностью выплатили, тогда письмом, начиная от правоохранительных органов до губернатора, затаскаем работодателя. Исходя из этого, НКА – пробивная организация, и на все свои письма либо требования получает ответ» [4, с. 40].

Эксперты по-разному определяют роль НКО в адаптации и интеграции мигрантов. Одни оценивают ее достаточно высоко: «Роль НКА в адаптации мигрантов, разумеется, очень высокая, потому что это непосредственно люди той же национальности... Трудовые мигранты, когда сюда приезжают, к представителям своей национальности у них гораздо больше доверия, они прислушиваются, кроме того, представители НКА уже адаптированы здесь и многие являются гражданами страны и региона не в первом поколении даже, и они выступают таким своеобразным мостом, который связывает вновь прибывших трудовых мигрантов с местным населением, способствует вовлечению и эффективной интеграции». Другие считают ее недостаточно эффективной: «... Оценить деятельность НКА по интеграции мигрантов очень сложно. Она, вроде бы, как и есть, но она такая, малоэффективная... Административно они эту задачу

выполняют, но сущностно... они, по-моему, не выполняют, не справляются с ней» [4, с. 41].

Поэтому важной задачей нашего исследования было выявить отношение самих мигрантов к НКО. Представление о спектре их оценок дают результаты опросов и интервью мигрантов из Центральной Азии, проведенных в Томске и Иркутске летом-осенью 2018 г., которые показали, что лишь малая часть трудовых мигрантов (15-20%) знает об НКО и посещает их мероприятия. Для сравнения отметим, что, по общероссийским опросам более 70% мигрантов никогда не слышали об официально зарегистрированных национальных организациях [5, с. 39-40].

Исследование показало, что лишь незначительная часть опрошенных участвует в мероприятиях, проводимых НКО, объясняя это нехваткой времени на досуг: «Нет, у меня времени нет общаться, даже неинтересно» (муж, 23 г., 2018). «Иногда только то, что в мечети проходит, а так на концерты, спортивные состязания друзья зовут, но по времени не всегда получается» (муж., 25 лет, 2018). Показательно, что в своих ответах респонденты обычно не употребляют официальных названий НКО, предпочитая говорить о «диаспорах» и «общинах», и не видят различий между НКА и другими национально-культурными организациями. При этом лишь пятая часть опрошенных ответили, что они получают поддержку национальных организаций: «Но знаю, что диаспора помогает нашим соотечественникам с разными проблемами, если, конечно, ты обращаешься к ним за помощью.... Я знаю, что и деньгами помогают.... Они никогда не отказывают, делают все, что в их силах» (муж., 25 лет, 2018).

Назывались следующие источники, механизмы и формы оказываемой мигрантам помощи: «У нас для этого фонд есть, специально собирают деньги каждый район. У нас у каждого района свой старший, каждый район деньги собирает... Каждый месяц у нас 100 рублей. Это взнос.... У нас есть волейбольная команда киргизская, есть футбольная... Для них мы покупаем спортивную экипировку, футбол-мячи. Есть девчонки, танцевальная группа. Им надо национальную одежду, вот это всё. Вот недавно, я тебе скажу, студентку одну, надо было в глазу операцию делать – 9200 нужно было срочно, мы отдали ей, и помогли.... И её оперировали. Всё хорошо. И ещё, груз 200 деньги собираем, где-то 10-15 тысяч» (муж., живет в Томске с 1989 г., 2018).

Часть мигрантов считает, что НКО ничем не могут, да и не стремятся им помочь, не обращают внимания на конкретные

проблемы своих соотечественников, ограничиваясь проведением разного рода мероприятий: «*Но нет, я не вижу и не слышу, что они работают и решают что-то. Просто проводят соревнования, ездят в Красноярск, Новосибирск. Почему они должны поддерживать спортсменов, а не простых матерей-одиночек. Таких мам здесь очень много. А они делают показуху, а дети маленькие так растут. Они вообще не помогают решать проблемы матерей. ... Я этим недовольна вообще. Диаспору знать не знаю*» (жен., парикмахер, 32 лет, 2018).

Некоторые информанты и вовсе негативно оценивают деятельность национальных организаций, связывая это с оказанием ими платных услуг: «*... они бизнесмены, они делают деньги на своих земляках. Это плохо делать бизнес за счет бедных людей, которые приезжают сюда, чтобы заработать, берут деньги в долг. А диаспора еще больше требует деньги за документы и крышу, что потом человек за бесплатно работает, потому что свои же обманули. Много случаев было, когда они забирают документы и не отдают, пока человек не отработает. Я с ними раньше хорошо общался, а потом перестал, когда узнал об этом. Они сами между собой не могут договориться, только считают, что они лучше других*» (муж, 50 лет, 2018).

Таким образом, наши исследования в целом подтверждают результаты исследований, проведенных в Москве, Санкт-Петербурге и ряде других городов [1, 3, 5, 6, 7], согласно которым большинство мигрантов никогда не слышали об официально зарегистрированных национальных организациях. Поэтому НКО вряд ли можно рассматривать как инструмент и ресурс адаптации и интеграции мигрантов. Мигранты выступают в деятельности НКО не в качестве полноправного субъекта деятельности, а как объект покровительства со стороны глубоко интегрированной в местное общество этнической элиты (или слоя активистов, позиционирующих себя в таком качестве). Основу их деятельности составляет возможность получить доступ к ресурсам, как символическим, так и материальным. Участие в общественных советах, формальные и неформальные переговоры с представителями государственных и муниципальных структур открывают доступ в статусную городскую элиту. В свою очередь, это повышает их значимость в качестве посредников для мигрантов. В последние годы НКО стали совмещать общественную коммерческую деятельность, создавая при организации коммерческие структуры.

Список литературы

1. Бредникова О., Ткач О., Якимов А. Интеграция трудовых мигрантов и роль общественных организаций Санкт-Петербурга в этом процессе. Информационная брошюра. СПб.: ЦНСИ, 2015. 20 с.
2. Осипов А. Национально-культурная автономия после СССР: символическая или инструментальная политика? // Политическая экспертиза: Политэкс. 2012. Том 8. № 1. С. 200-222.
3. Калугина Г. Национально-культурные общества: посреднические и коммуникативные функции в городском сообществе (на примере Иркутска) // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Оттиск, 2012. С. 353–368.
4. Нам И.В. «Новые» этнические группы (диаспоры) в г. Томске // Вестник ТГУ. История. 2015. № 5. С. 33–43.
5. Мукомель В.И. Трудовые мигранты в контексте проблем демографического, экономического и социального развития России // Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России. СПб, 2016. С. 33-42.
6. Идентификационные стратегии диаспорных и земляческих групп /под ред. А.В. Дмитриева. М.: Новый хронограф, 2016. 208 с.
7. Полетаев Д. От недоверия к солидарности или к новому недоверию? Миграционный опыт России в мировом контексте // Валдайские записки. № 97. 2018. Декабрь. 23 с.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ И НОВЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ РОССИИ

Когут В.Г.

*кандидат политических наук,
Совет Межпарламентской Ассамблеи СНГ,
Заместитель Генерального секретаря, полномочный
представитель Национального собрания Республики Беларусь,
г. Минск*

Нурьшев Г.Н.

*доктор политических наук,
Санкт-Петербургский государственный экономический
университет, профессор кафедры международных отношений,
политологии и истории*

Аннотация. Авторы в статье отмечают, что современные геополитические процессы в евразийском пространстве полностью соответствуют прогнозам русского философа А.С. Панарина. Специальная военная операция России на Украине является составной частью геополитической борьбы за мировое господство. Операция привела к новым геополитическим вызовам для России. Экономика не может удовлетворить резко возросший спрос на военную продукцию. Поэтому необходима радикальная перестройка всей системы управления экономикой страны. Указывается, что серьезный геополитический вызов представляет развернутая информационно-психологическая война Запада против России. Украинские подрывные центры направляют свою деятельность на формирование конфликтного потенциала в Причерноморье, на Урале, в Забайкалье и в других регионах страны. Поэтому сегодня крайне важно выстроить четкую и слаженную систему государственного управления во всех сферах жизнедеятельности российского государства, обеспечить единство усилий фронта и тыла.

Ключевые слова: стратегическая нестабильность, специальная военная операция, геополитические вызовы, информационно-психологическая война, мобилизация, подрывные центры, протестные акции.

SPECIAL MILITARY OPERATION AND NEW GEOPOLITICAL CHALLENGES RUSSIA

Kogut V.G.

*candidate of political sciences,
Council of the Interparliamentary Assembly CIS,
Deputy Secretary General, authorized representative
National Assembly of the Republic of Belarus*

Nuryshv G.N.

*doctor of political sciences,
St. Petersburg State University of Economics,
professor of the Department of International Relations, Political
Science and History
E-mail: g.nuryshv@yandex.ru*

Abstract. The authors in the article note that the current geopolitical processes in the Eurasian space fully correspond to the forecasts of the Russian philosopher A.S. Panarin. Russia's special military operation in Ukraine is an integral part of the geopolitical struggle for world domination. The economy cannot meet the sharply increased demand for military products. Therefore, a radical restructuring of the entire system of managing the country's economy is necessary. It is indicated that a serious geopolitical challenge is the deployed information and psychological war of the West against Russia. Ukrainian subversive centers direct their activities to the formation of conflict potential in the regions of the Black Sea, the Urals, Transbaikalia and other regions and republics of the country. Therefore, today it is extremely important to build a clear and well-coordinated system of state administration in all spheres of the life of the Russian state, to ensure the unity of the efforts of the front and rear.

Keywords: strategic instability, special military operation, geopolitical challenges, information-psychological warfare, mobilization, disruptive centers, protest actions.

Современные геополитические процессы в евразийском пространстве полностью соответствуют той картине стратегической нестабильности XXI века, какую прогнозировал известный философ и политолог А. С. Панарин. Исследователь с тревогой отмечал: «В республиках СНГ политизированные филологи активно создают националистическую идеологию, работающую на разрыв некогда единого пространства. Наиболее яркий пример - идеологическая доминанта «филологов» Львовщины, поначалу оттеснивших «большинство» промышленных регионов левобережной Украины от «большой политики» [1, с. 221].

Философ предупреждал: «У евразийского пространства есть своя геополитическая логика, которую невозможно игнорировать <...> Вне системы единого организованного пространства Евразии ни одно из государств СНГ не в состоянии отстоять свою целостность» [1, с. 216; 227]. По его мнению, «добиться этнической чистоты в этнически смешанном – по самой своей природе мире – значит, устроить неслышанный геноцид, где каждая новая «чистка» обнаружит свою недостаточность и потребует новой, еще более "основательной"» [1, с. 228]. Что, к сожалению, и подтвердили трагические события на Украине.

Сегодня в условиях стратегической нестабильности XXI века специальная военная операция (СВО) России на Украине является

составной частью геополитической борьбы за мировое господство, которая в настоящее время ведётся в Европе за контроль над Украиной, а в Азии – над Тайванем. В Европе ключевым плацдармом этой борьбы является Западная Украина как генератор пассионарного украинства, представляющего западную технологию вестернизации и поглощения всей страны.

Благоприятным для американского и английского геополитического доминирования в регионе является дорожно-транспортная сеть территории, которая отличается наивысшей степенью связности, развитости и превосходит сеть в США. Она выходит на центральную часть России, индустриальные и морские районы Восточной и Южной Украины, имеет ответвления на Кавказ и через Приднестровье в Молдавию. Западная Украина – это территория транзита российского газа и нефти в Европу, точка входа в европейскую систему магистральных трубопроводов (Ужгород). Здесь же размещается крупнейший газовый хаб в Европе, Ровенская АЭС, которая позволяет обеспечить контроль над энергетикой не только Украины, но и Польши, Венгрии, Румынии, Чехии и Словакии. Без Западной Украины нереализуем и польский геополитический проект Междуморья как Речи Посполитой-2. Все эти факторы играют важную роль в решении задач, стоящих перед СВО. Поэтому действия России в отношении Западной Украины определяют позицию основных игроков в отношении всей Украины. Среди них самым жёстким и принципиальным для России будет геополитическое противостояние с Великобританией. В этом противостоянии Западная Украина станет ее ключевым плацдармом. От скорой победы России в СВО, максимум в течение года, зависит судьба замороженных конфликтов в Приднестровье, Закавказье, Калининградском регионе, на Курилах. В противном случае, по мнению Института РУССТРАТ, Запад перейдёт в контраступление по всем этим направлениям [2].

В результате СВО на Украине Россия оказалась перед лицом новых геополитических вызовов. Прежде всего, они выявили ряд слабых сторон российской экономики, которая в настоящее время в условиях экономических санкций не может удовлетворить резко возросший спрос на продукцию ОПК, так как опасно зависит от импорта многих товаров. Поэтому сегодня наряду с мобилизацией людских ресурсов назрела и экономическая мобилизация, для осуществления которой необходима радикальная перестройка всей системы управления экономикой страны. Такая перестройка предполагает введение жёсткого централизованного управления

стратегически значимыми предприятиями, которые должны быть в государственной собственности с максимальной степенью загрузки. У нас же по данным TRADING ECONOMICS степень загрузки производственных мощностей в российской промышленности за сентябрь 2022 года составляет лишь 61%. На предприятиях наблюдается острый дефицит оборотных средств. Для их пополнения оборонщикам приходится брать банковские кредиты по достаточно высоким процентным ставкам, которые у коммерческих банков измеряются двузначными цифрами, что существенно выше, по данным Росстата, рентабельности большинства производств. Неблагоприятные условия финансово-производственной деятельности предприятий ОПК толкают их к банкротству. Не случайно в октябре 2022 года депутат Госдумы, лидер фракции «Справедливая Россия – За правду» С. Миронов обратился в правительство и военную прокуратуру РФ с предложением срочно остановить банкротства 15 предприятий военно-промышленного комплекса. Среди них – ПАО «Мотовилихинские заводы», у которых полный цикл создания ракетных систем залпового огня. Здесь, безусловно, срочно нужно принять закон о запрете банкротств предприятий ОПК [3].

Помимо этого, пора ввести запрет на трансграничное движение капитала. Тем более, что по итогам 2022 года ожидается рекордный за 30 лет отток капитала из России. Назрела деофшоризация российской экономики, так как многие стратегически значимые предприятия зарегистрированы в офшорах, контролируемых США и Великобританией. Необходима национализация иностранных предприятий, работающих в стране. Нужно немедленно прекратить поставки энергоресурсов и других стратегических товаров в недружественные страны. В этой связи трудно возразить экспертам, считающим, что «СВО есть война с коллективным Западом и она не может окончиться для нашей страны победой при сохранении той социально-экономической модели, которая Западом же нам и навязана» [4].

Пробуксовка СВО заставила заговорить о потребности гражданской мобилизации, о необходимости борьбы за «очищение» страны от монополии на культурном и медийном фронте той части общества, которую принято именовать «либералами» и «пятой колонной». В настоящее время весь этот «креативный класс» России оказался прозападным, со «всем цивилизованным миром против русских». Деструктивная деятельность этого класса представляет сегодня серьёзный геополитический вызов всему обществу. В этих

условиях необходима целенаправленная политика государства, направленная на слом «культурных мафий», захвативших все кадровые позиции. Формирование внятной государственной стратегии по геополитической идентификации не только креативного класса, но и общества в целом положительно решит вопрос о гражданской мобилизации [5].

Также новый серьезный геополитический вызов представляет развернутая беспрецедентная информационно-психологическая война Запада против России. Бывший глава военной разведки США Дэвид Шедд в своей работе «Ведение психологической войны против России» приводит целую инструкцию по развертыванию такой войны. Он обращает особое внимание на использование, в первую очередь, российских социальных сетей для внедрения в российское общество западных идеологов и нарративов. Одной из главных составляющих информационной войны Д. Шедд называет воздействие на российские этнические меньшинства для разжигания социальной розни в регионах [6].

Украинские подрывные центры в Киеве, Днепропетровске, Одессе, Львове и других городах, руководствуясь такими инструкциями, еще задолго до начала СВО направляли свою деятельность на формирование конфликтного потенциала в общественном сознании в крупных российских городах и поселках. Эти центры активно культивировали телефонное мошенничество, криминальный контент в социальных сетях, порождали панические слухи. С началом СВО все эти акции были переведены на новый уровень. В связи с объявлением Президентом Российской Федерации 21 сентября 2022 года частичной мобилизации в Российской Федерации Центр информационно-психологических операций (ЦИПСО) ГУР Министерства обороны Украины, который действует под руководством ЦРУ, сконцентрировал свои усилия на усиленную раскачку протестных акций в целом ряде субъектов Российской Федерации. При этом особое внимание было уделено республикам Северного Кавказа, и в первую очередь, Республике Дагестан. Не случайно, уже 22 сентября 2022 года, на следующий день после начала мобилизации к «народам Кавказа» обратился В. Зеленский с призывом «не участвовать в позорной войне». Сегодня в республиках резко активизировались попытки украинских центров обострить социальное недовольство, пользуясь разнообразными слухами, отсутствием у местного населения четкого понимания целей и задач СВО, сбоями в работе местных властей и военкоматов, противоречивостью поступающей информации. Эти центры при

разработке информационно-психологических операций умело опираются на болезненное восприятие ситуации, связанной с частичной мобилизацией, со стороны различных социальных слоев: женщин, молодежи, активистов этносепаратистских и профессиональных объединений [7].

В конце сентября текущего года в соцсетях была распространена информация о якобы массовых протестах против частичной мобилизации в Дагестане. Так, в Telegram почти одновременно появились десятки каналов с призывом к дагестанцам выходить на несанкционированные митинги. Примечательно, что беспорядки в Махачкале начались 25 сентября 2022 года в разгар празднования 165-летия города. Такие акции в республике были не единичными. В сентябре с. г. в селе Бабаюрт в Республике Дагестан жители собрались у местного военкомата, чтобы выступить против призыва. При этом они перекрыли федеральную трассу. Также были попытки перекрыть автодорогу между Махачкалой и Хасавюртом, идущую далее через Чечню и Ставрополье в сторону Украины. В малом кумыкском селе Эндирей призвали 110 мужчин одновременно, что стало поводом для серьезных волнений среди односельчан. В этом же месяце в некоторых родительских чатах Дагестана неизвестные лица позвали матерей на митинг против мобилизации несовершеннолетних студентов колледжей. В Махачкале у Театра кукол также состоялась несанкционированная акция против СВО и мобилизации. Подобные примеры можно было бы продолжить. Отличительной особенностью таких относительно немногочисленных, но шумных акций являются активные действия обученных провокаторов, обязательно фиксирующих на видео «нарушения полицией прав мирных граждан». Их агитационные усилия во многом сходны с приемами «беломайдана» 2020 года, а информационное сопровождение – с методами канала NEXTA. Кроме того, характерным в протестных акциях, особенно в Дагестане, стало использование религиозных лозунгов провокаторами, прошедшими подготовку под руководством американских и украинских спецслужб. При этом провокаторы делали ставку на поддержку той части местных граждан, которые были заражены радикальными идеями 1990-х годов. Так, Eurasia Daily приводит примеры обращений через социальные сети к жителям селения Гимры Унцукульского района, «малой родины» имама Шамиля, в которых отмечалось, что ваших отцов и братьев как в годы жизни овеянного легендами имама, так и сейчас используют «как пушечное мясо на очередной затеянной Россией

бойне». Имя Шамиля используется и в специальном ролике, подготовленном Офисом президента Украины [7].

По данным уроженца Хасавюрта, депутата Государственной Думы Б. Хамзаева, с началом частичной мобилизации на Северном Кавказе активизировалось более 70 тысяч бот-аккаунтов с проукраинской тематикой. Он заявил: «Telegram и WhatsApp-группы стали основным источником информации, а после начала частичной мобилизации их активно используют для распространения сепаратистских настроений на Кавказе. При недоработках национальный фактор всегда превращается в точку, по которой бьют» [8]. Не случайно, резко увеличились призывы каналов «Имамат Кавказ», «Горец», «Утро Дагестана», «Подвал Дагестана» к жителям готовить оружие, покрышки, диверсии на железнодорожных путях и другие подрывные акции. Особое внимание уделяется демонизации сотрудников правоохранительных органов. В сетях их называют «шакалами», а протестующих — «тиграми». Одним из главных организаторов беспорядков стал Telegram-канал «Утро Дагестана», имеющий максимум полтора десятка постов в день. А 25 сентября текущего года канал уже получил несколько сот сообщений, на которые подписались несколько десятков тысяч человек. Больше всего посещений было из России, Германии, Украины и Бельгии. Администраторы наиболее активных добавляли в закрытые чаты с подробными инструкциями, как себя вести на митинге и уйти от ответственности. Среди подрывных структур выделяется и чеченская сепаратистская группировка «IADAT» с зелёно-бело-зелёным «флагом свободного Дагестана». Призывы к насилию со стороны подрывных центров идут вперемежку с молитвами и религиозными песнопениями. Такие провокационные воззвания исходят также и от проживающих в России выходцев из Дагестана и других республиках Северного Кавказа.

Руководству МВД Дагестана удалось в целом выявить экстремистские ячейки, их лидеров и не допустить разрастания протестов. По местному телевидению были опубликованы кадры задержания руководителей протестных акций, среди которых оказались и граждане Украины. У многих организаторов таких акций в ходе обысков были найдены коктейли Молотова, ножи-бабочки и т.д. Несмотря на усилия сотрудников МВД, телеграм-канал «Восход Ислама» анонсировал некую «общероссийскую акцию мусульман против войны и геноцида мусульман». Этот канал призвал верующих мусульман в крупнейших российских городах устроить протесты

против частичной мобилизации и транслировал очередное обращение киевской власти к жителям российского Кавказа с призывом к массовым беспорядкам [7].

По свидетельству специалистов по кибербезопасности, сегодня активность радикальных и экстремистских каналов усиливается по всей России — их администраторы работают по целевым аудиториям в регионах Причерноморья, Урала, Забайкалья и других областях и республик страны. Любое непонимание ситуации или недовольство действиями местных властей тут же создаёт благодатную почву для разжигания протестных настроений и провокации беспорядков. Следует отметить, что протестные акции пока не получили значительного резонанса. Но эти акции могут возобновиться в более агрессивных формах, если СВО примет затяжной характер [9].

Поэтому сегодня крайне важно выстроить четкую и слаженную систему государственного управления во всех сферах жизнедеятельности российского государства и главное — обеспечить единство усилий фронта и тыла, а также изолировать прозападных агентов влияния в экономической, финансовой системе, в сфере образования, науки, культуры. Должна быть разрушена монополия западных, прежде всего, американских соцсетей и интернет-платформ в России. Только такая парадигма купирования новых геополитических вызовов может обеспечить успешное завершение СВО России [10].

Список литературы

1. Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М.: ИФРАН, 1994. 262 с.
2. Западная Украина как ключевой плацдарм геополитики. — URL: [https://dzen.ru/a/Ys0dw1SsrWnpofBy?&\(дата обращения:20.10.2022\)](https://dzen.ru/a/Ys0dw1SsrWnpofBy?&(дата обращения:20.10.2022)).
3. Катасонов В. Необходимо срочно реанимировать производственные мощности России! — URL: [https://www.fondsk.ru/news/2022/10/19/neobhodimo-srochno-reanimirovat-proizvodstvennye-moschnosti-rossii-57480.html\(дата обращения:19.10.2022\)](https://www.fondsk.ru/news/2022/10/19/neobhodimo-srochno-reanimirovat-proizvodstvennye-moschnosti-rossii-57480.html(дата обращения:19.10.2022)).
4. Катасонов В. Императив военно-экономической мобилизации. — URL: [https://www.fondsk.ru/news/2022/10/18/imperativ-voenno-ekonomicheskoy-mobilizacii-57464.html\(дата обращения:18.10.2022\)](https://www.fondsk.ru/news/2022/10/18/imperativ-voenno-ekonomicheskoy-mobilizacii-57464.html(дата обращения:18.10.2022)).

5. Рейнекин Р. Что не так с «очищением» России от пятой колонны в культуре. – URL: <https://www.politnavigator.net/chto-ne-tak-s-ochishheniem-rossii-ot-pyatoy-kolonny-v-kulture.html> (дата обращения: 30.10.2022).
6. Князев С. О ведении психологической войны против России. – URL: <https://www.fondsk.ru/news/2022/10/12/o-vedenii-psihologicheskoy-voiny-protiv-rossii-57417.html> (дата обращения: 12.10.2022).
7. Нефёдов Д. К попыткам открыть фронт борьбы против России на Северном Кавказе. – URL: <https://www.fondsk.ru/news/2022/10/03/k-popytkam-otkryt-front-borby-protiv-rossii-na-severnom-kavkaze-57337.html> (дата обращения: 03.10.2022).
8. URL: <https://t.me/s/sultanhamzaev> (дата обращения: 06.10.2022).
9. Катков В. Протесты против мобилизации в Республике Дагестан. – URL: <https://ria.ru/20221005/dagestan-1821422494.html> (дата обращения: 08.10.2022).
10. Василевский И. Многомерная война с Западом, мировой кризис и ответные удары России. – URL: <https://zen.yandex.ru/media/russtrat/mnogomernaia-voina-s-zapadom-mirovoi-krizis-i-otvetnye-udary-rossii-63035becb3ae6842e0eee63b?&> (дата обращения: 22.08.2022).

РОССИЯ И СОВРЕМЕННАЯ МИР-СИСТЕМА: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Пашковский П. И.

*Доктор политических наук,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
доцент кафедры политических наук и международных
отношений
E-mail: petr.pash@yandex.ru*

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема позиционирования России в западнцентричной мир-системе. Показано, что константами для России являются положение полупериферии в рамках капиталистической мир-экономики, характеристики сухопутной и трансконтинентальной державы, а*

также империи, которой свойственны интеграционные императивы, определяющие территориальное расширение с учётом чередования периодов интеграции и дезинтеграции, которые в различных соотношениях взаимодействуют с процессами модернизации. Охарактеризованы внешне- и внутривнутриполитические результаты циклов российской модернизации в контексте соотношения с влиянием мир-системы. Представлены соответствующие рекомендации и сценарии развития ситуации в ракурсе корреляции волн циклов Кондратьева с периодами реформ/контрреформ в России, а также циклов эволюции мировой политической и экономической системы с особенностями российской политической системы и внешней политики.

Ключевые слова: *Россия, Запад, мир-система, капиталистическая мир-экономика, мировой порядок, позиционирование, циклы модернизации.*

RUSSIA AND THE MODERN WORLD-SYSTEM: RETROSPECTIVE AND PROSPECTS FOR INTERACTION

Pashkovsky P. I.

*PhD, Doctor in Political Science,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Associate Professor of the Department
of Political Science and International Relations
petr.pash@yandex.ru*

***Abstract.** The article considers the problem of Russia's positioning in the Western-centric world-system. The views of domestic and foreign researchers have been analyzed. It is shown that the constants for Russia are the position of the semi-periphery within the framework of the capitalist world-economy, the features of a land and transcontinental power, as well as an empire, which is characterized by integration imperatives that determine territorial expansion, taking into account the alternation of periods of integration and disintegration, which interact in various proportions with the processes of modernization. The external and internal political results of the cycles of Russian modernization in the context of correlation with the influence of the capitalist world-economy have been characterized. Relevant recommendations and scenarios for the development of the situation in terms of the correlation of the waves of the Kondratiev cycles with the periods of reforms/counter-reforms in Russia, as well as the cycles of evolution of the world political and*

economic system with the peculiarities of the Russian political system and foreign policy have been presented.

Key words: *Russia, West, world-system, capitalist world-economy, world order, positioning, modernization cycles.*

Происходящее на современном этапе усиление конфронтации России с коллективным Западом [1] подвело своеобразную черту под тридцатилетним периодом трансформации системы международных отношений, возникшей после холодной войны. Формирование нового полицентричного мирового порядка, контуры которого вырисовываются всё отчётливее [2, 3, 4, 5], совпало с кризисом современной мир-системы, изначально характеризовавшейся западноцентричностью [6]. В связи с острой необходимостью решения ключевых проблем национальной безопасности России в условиях значительного увеличения внешнего давления актуализируются дискуссии о степени её зависимости от капиталистической мир-экономики [7, 8, 9], ядром которой являются страны Запада, столетиями выстраивавшие эту систему за счёт государств полупериферии и периферии для удовлетворения собственных потребностей и обогащения. Отмечая значительную степень изученности отдельных аспектов позиционирования России в мир-системе, недостаточно исследованными остаются вопросы, связанные с анализом опыта, обозначением основных тенденций, констант и прогнозов дальнейшего взаимодействия, что является целью данной статьи.

В качестве констант позиционирования России на международной арене в разные исторические периоды выступали черты сухопутной, трансконтинентальной державы и империи с наличием интеграционных императивов, детерминирующих освоение окружающего пространства и соответствующее расширение государственной территории. Периоды усиления и ослабления интеграционной политики в различных соотношениях коррелировались с циклами модернизации в контексте взаимодействия государства с мир-системой. Всякий раз, когда Российское государство являлось частью западноцентричной капиталистической мир-экономики, оно занимало в ней вторичное относительно стран ядра положение полупериферии, что обуславливало определённую степень зависимости от них [10]. При этом, как показывает международно-политический опыт, государства, позиционирующиеся как периферии или полупериферии (даже обладающие характеристиками империи) мир-

системы, не могут длительное время на равных конкурировать с государствами ядра, изначально находящимися в более выгодном экономическом положении и, как правило, имеющими перманентные преимущества в плане накопления капитала и высоких технологий. В российском случае выходом из сложившейся ситуации была, с одной стороны, модернизация, с другой, - курс на автаркию.

Ретроспективный анализ примеров модернизации России демонстрирует, что наиболее положительными (расширение государственной территории, экономическое развитие, внутривластная централизация) представляются результаты первого (около 1698–1811 гг.) и третьего (около 1929–1941 гг.) её циклов, которые относят к консервативной модели. Данные циклы отличались по внутренним составляющим и характеристикам внешней среды, в которой осуществлялись [11]. Первый, самый продолжительный цикл, имел место в период, когда Россия занимала положение полупериферии в капиталистической мир-экономике, и протекал в форме «догоняющей» модернизации («вестернизации»). Внешние условия в это время характеризовались повышательными и понижательными волнами циклов Кондратьева, всеми фазами циклов эволюции мировой политической и экономической системы, а также постоянными геополитическими угрозами и конфликтами. В свою очередь, короткий третий цикл носил черты индустриализации в обстоятельствах автаркической системы в период понижательной фазы циклов Кондратьева, а также фазы великих потрясений циклов эволюции мировой политической и экономической системы, когда геополитические угрозы со стороны Запада планомерно нарастали [11; 12; 13].

На этом фоне отрицательными выглядят результаты второго (около 1859–1911 гг.) и четвёртого (около середины 1980-х–1990-х гг.) циклов модернизации, демонстрирующих либеральную модель и обернувшихся социально-экономическими катаклизмами, внутривластной децентрализацией и дезинтеграцией государства. Второй цикл хронологически совпал с понижательной и повышательной волной циклов Кондратьева и фазами революции мирового рынка, структурного кризиса и технологической революции в рамках циклов эволюции мировой политической и экономической системы, а также с относительной международной стабильностью и назреванием внешней угрозы глобального масштаба. Четвёртый модернизационный цикл осуществлялся в период повышательной волны циклов Кондратьева, фазы технологической революции циклов эволюции мировой

политической и экономической системы, что происходило в условиях ослабления внешних угроз [11; 12; 13]. Характерно, что во время второго цикла Россия позиционировалась как полупериферия, а в годы четвёртого – быстро втягивалась в это положение в обстоятельствах форсированного разрушения прежней системы.

Таким образом, модернизация в России приводила к наиболее позитивным последствиям, когда государство находилось в наименьшей зависимости от западнцентричной капиталистической мир-экономики и стремилось к автаркии и преобразованиям на основе мобилизации внутренних ресурсов (консервативная модель модернизации), что способствовало достижению подлинного суверенитета, повышению уровня экономического развития, внутривнутриполитической централизации и успешной интеграционной политике. Имеющиеся недостатки данной модели были связаны с отсутствием стратегии последовательного и продуманного «открытия» автаркической системы (частично и на определённое время) в целях её обновления в соответствии с мировыми тенденциями. В свою очередь, примеры негативных последствий российской модернизации были обусловлены полупериферийным положением государства в мир-системе и соответствующим наличием значительной зависимости от неё, характеризующаясь реформированием по «западному образцу» (либеральная модель модернизации), приводя к социально-экономическим сложностям, внутривнутриполитической децентрализации и, с учётом влияния совокупности внутренних и внешних факторов, готовя почву для государственной дезинтеграции.

Что касается перспектив взаимодействия России с капиталистической мир-экономикой, то в этом плане выделяется два основных сценария: первый основывается на анализе соотношения циклов Кондратьева с периодами реформ/контрреформ в России [14], второй – исходит из логики полных циклов эволюции мировой политической и экономической системы [12; 13]. Представляется, что именно второй вариант выглядит наиболее обоснованным. Это позволяет предположить возможность возникновения такой ситуации, когда в рамках текущей фазы революции мирового рынка (под влиянием указанных международно-политических и экономических сдвигов, внешних и внутренних вызовов и угроз) в России установится коллективное руководство с авторитарными элементами, которое будет заинтересовано в легитимации власти и формировании социальной базы для проведения своего курса, который, в силу кризиса либеральных ценностей, ослабления Запада

и угрозы социальных потрясений, будет носить в большей степени социально ориентированный характер в контексте национальной мобилизации и стремлений к автаркии.

Список литературы

1. Жильцов С. С. Политика Запада в отношении Украины: итоги и вызовы для России // Проблемы постсоветского пространства. 2022. Т. 9. № 2. С. 138–150.
2. Гаджиев К. Слово в защиту верховенства Вестфальских принципов // Международная жизнь. 2018. № 11. С. 156–172.
3. Ефременко Д., Понамарева А. Трамп: начало. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Trump-nachalo-18575> (дата обращения: 29.03.2022).
4. Пашковский П. И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991–2011 гг.). Киев: Интерсервис, 2012. 189 с.
5. Kotkin S. Russia's Perpetual Geopolitics: Putin Returns to the Historical Pattern // Foreign Affairs. May/June 2016. Vol. 95. № 3. P. 2–9.
6. Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2010 // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 30–42.
7. Завалько Г. Мировой капитализм глазами И. Валлерстайна. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_825.htm (дата обращения: 29.03.2022).
8. Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М.: Алгоритм, Эксмо, 2009. 576 с.
9. Ливен Д. Россия как империя и периферия // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 6. С. 36–46.
10. Пашковский П. И. Внешнеполитическая традиция России: основные характеристики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. 2016. № 15 (236). Вып. 39. С. 188–192.
11. Пашковский П. И. Циклы модернизации и проблемы национальной безопасности России // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2016. № 1 (13). С. 14–20.
12. Пантин В. И. Период 2017–2025 гг.: перелом в мировом развитии // История и современность. 2017. № 1. С. 3–37.
13. Пантин В. И., Лапкин В. В. Переходная эпоха 2020-х–2040-х гг.: циклы, сингулярность и альтернативы неожиданного будущего // История и современность. 2020. № 1. С. 66–93.

14. Пантин В. И. Мировые циклы и перспективы России в первой половине XXI века: основные вызовы и возможные ответы. Дубна: Феникс+, 2009. 432 с.

УКРАИНСКИЙ УЧЕБНИК КАК ИНСТРУМЕНТ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Перевозчикова К. С.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Институт «Таврическая академия», студент
E-mail: criswatson@mail.ru*

***Аннотация.** В статье анализируется процесс внедрения фейков в материалы для украинских обучающихся десятых классов, где происходит непосредственное изучение тем, связанных с Великой Отечественной войной 1941-1945 гг., рассматриваются механизмы формирования у украинской молодежи негативного образа СССР, коммунизма и в целом всего, что связано с историческим периодом совместного развития России и Украины. В список анализируемых вопросов также входит влияние речевых манипуляций, несоответствие материалов учебников, акцентирование внимания юных читателей на таких организациях, как ОУН и УПА, пропаганда радикального украинского национализма и преувеличение роли американского «ленд-лиза», что наталкивает на определенные выводы.*

***Ключевые слова:** Великая Отечественная Война, учебники, история, фальсификации, речевые манипуляции, российско-украинские отношения, молодежь.*

THE UKRAINIAN TEXTBOOK AS A TOOL OF FALSIFICATION OF THE HISTORY OF SECOND WORLD WAR

Perevozchikova K. S.

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Institute «Taurida Academy», Student
E-mail: criswatson@mail.ru*

***Abstract.** The article analyzes the process of introducing fakes into materials for Ukrainian students of the tenth grades, where there is a direct*

study of topics related to the Great Patriotic War of 1941-1945, discusses the formation of a negative image of the USSR, communism and in general everything related to the historical period of joint development of Russia and Ukraine. The list of issues discussed also includes the influence of speech manipulation, inconsistencies of textbook materials between each other, focusing the attention of young readers on organizations such as the OUN and UPA, radical Ukrainian nationalism agitation and exaggeration of the role of the American Lend-Lease, which leads to certain conclusions.

***Keywords:** The Great Patriotic War, textbooks, history, falsifications, speech manipulation, Russian-Ukrainian relations, youth.*

Всем известно, что слово является великим оружием, с помощью которого, в прямом смысле вершится история. Современные украинские авторы предпочитают вершить историю, используя свое право на свободу слова в интересах идеологических установок нынешней государственной власти. При этом «память об историческом событии становится политическим ресурсом, который активно используется внешними геополитическими игроками» [7, с. 106].

Исходя из сказанного выше в данной статье мы проанализируем процесс внедрения фейков в материалы для украинских школьников десятых классов, где происходит непосредственное изучение тем, связанных с Великой Отечественной войной 1941-1945 гг.

Из-за отсутствия во многих образовательных программах дисциплин, направленных на формирование у учеников элементарной политической культуры, эту роль на себя перенимает такой предмет, как история. Но в зависимости от интересов государства, образовательная сфера может подстраивать свою программу в соответствии с определенными рамками.

На Украине сегодня нет единого утвержденного учебника по всей стране – разные области учатся по разным учебникам, соответственно, получают разные сведения о происходящем. Для исследования заявленной темы нами были взяты учебники десятого класса [1-6], т.к. именно в этом классе украинские школьники подробно проходят историю ВОВ.

Изучение текстов этих учебников показало, что с помощью речевых манипуляций и мифов история Великой Отечественной войны (1941-1945) подвергается фальсификации, а в некоторых моментах и вовсе предаётся забвению. Украинские учебники заметно контрастируют с российским учебником. В частности,

украинские авторы постоянно политкорректно умалчивают о поступках тех или иных политических деятелей, тем самым обрисовывая ситуацию такой, какой она на самом деле не была.

Проанализировав содержимое украинских учебников и сопоставив изложенный украинскими авторами материал с российским учебником, можно сказать, что отношение к России кардинально изменилось не в лучшую сторону. Первым бросается в глаза то, что украинские учебники переполнены антироссийской пропагандой, и написаны исключительно с целью формирования у школьников идей украинского национализма, что подтверждает роль такой дисциплины, как история, в создании у будущих граждан определенной политической культуры. Столько упоминаний ООН и УПА не могут не повлиять на еще не до конца сложившееся самосознание среднестатистического десятиклассника.

Большевики, коллективизация и суть объединения стран в Советский Союз, основываясь на излагаемом украинскими авторами материале, будут вызывать отнюдь не приятные ассоциации, следовательно, любое действие России, как инициатора данного объединения, на международной арене с большей вероятностью будет рассматриваться украинцами, как проявление агрессии.

Непосредственно в самих учебниках собраны всевозможные мифы о сталинских репрессиях и ужасах тоталитарного режима. К слову, коммунизм приравнивается к фашизму (что запрещено в РФ на законодательном уровне). Присутствуют наводящие вопросы в практических заданиях после параграфов, которые с помощью манипуляций буквально заставляют ассоциировать коммунизм с фашизмом. Темы, связанные с большевиками и созданием СССР преподносятся, как что-то чуждое, российское, насильственно насажденное. При этом касательно советско-германских договоренностей, точки зрения украинских авторов расходятся не только с российским учебником, но и между собой. Каждый автор описывает предпосылки, цели и в целом пакт Риббентропа-Молотова по-своему. Но общая черта, присущая всем украинским авторам – это наличие большого количества карикатур со сравнением Гитлера и Сталина, которыми сопровождается повествование.

В украинских учебниках внимание потенциального читателя акцентируется на том, что Украина все время своего существования борется за независимость и главным угнетателем Украины на протяжении всего изучаемого периода истории зачастую является именно Россия. При этом ООН и УПА, будучи коллаборационистами, выступают, наоборот, в роли героев,

действующих исключительно с целью освобождения Украины от вечно «гнета» со стороны советского правительства. Это не может не повлиять на формирование определенных принципов и стереотипов у будущих граждан данного государства. Война называется в целом не Великой Отечественной, а «советско-немецкой». Все действия советского руководства и стратегия Сталина описываются не в лучшем свете. В частности, делается акцент на том, что тактика выжженной земли, эвакуация и подрыв мостов на территории Украины, принесли больше вреда, чем пользы. Материал, связанный с эвакуацией, обрастает бесчисленным количеством мифов, что якобы имущество уничтожали, а население вовсе не эвакуировали. Этими отрывками в очередной раз подчеркиваются ужасы советского режима. Украинские авторы не считают нужным объяснить то, что истинный замысел этих мероприятий заключался в том, чтобы оставить захватчиков на пустых землях без особых средств коммуникации. День Победы 9 мая упоминается только Полянским, такая дата у остальных авторов вообще не фигурирует – они пишут лишь о 8-м мая и то, не как о празднике, а как о дне скорби по погибшим, в контексте подписания фашистской Германией капитуляции.

Многие украинские авторы преувеличивают роль помощи со стороны США и ленд-лиза, который, бесспорно, имел место, но не в таких гиперболизированных масштабах. Впрочем, это лишь дает очередной повод предположить, что Украина в будущем будет положительно расположена к сотрудничеству с Америкой. Также хотелось бы отметить, что довольно часто точки зрения, излагаемые украинскими авторами, противоречат друг другу. Что в будущем может вызвать разногласия уже внутри страны потому, что разные области учились по разным учебникам и, соответственно, получали разную информацию и разную трактовку событий Великой Отечественной войны (1941-1945).

В заключение отметим, что украинский учебник можно рассматривать как инструмент фальсификации истории Великой Отечественной Войны. В качестве ответной меры можно указать на то, что противостояние подобным попыткам фальсификации истории «должно основываться на аргументированной правде» [7, с. 106].

Список литературы

1. «Історія: Україна і світ. 10 клас. Гісем – Нова програма». – URL: <https://uahistory.co/pidruchniki/history-ukraine-and-world-10-class-2018-gisem/>
2. «Підручник з Історії України (рівень стандарту). 10 клас. Власов – Нова програма». – URL: <https://uahistory.co/pidruchniki/ukraine-history-10-class-2018-vlasov-standard-level/>
3. «Підручник з Історії України (рівень стандарту). 10 клас. Струкевич – Нова програма». – URL: <https://uahistory.co/pidruchniki/ukraine-history-10-class-2018-strykevich-standard-level/>
4. «Підручник з Історії України. 10 клас. Пометун – Нова програма». – URL: <https://uahistory.co/pidruchniki/ukraine-history-10-class-2018-pometun-standard-level/>
5. Всесвітня історія (рівень стандарту): підруч. для 10 кл. закл. загальн. середн. освіти / Павло Полянський. – К.: Грамота, 2018. – 256 с.: іл.
6. Всесвітня історія (рівень стандарту): підручник для 10 класу закладі взагальної середньої освіти. / І. Я. Щупак. – К.: УОБЦ «Оріон», 2018. – 208 с.: іл.
7. Сеньюшкина Т.А. Когнитивное оружие как элемент фальсификации истории Великой Отечественной Войны // Россия в XXI веке: Великая Отечественная война и историческая память. XXIX Моисеевские чтения – международная научно-практическая конференция. Сборник докладов и материалов /под общ. ред. акад. РАН М.Ч. Залиханова, проф. МНЭПУ С.А. Степанова, сост. Г.Р. Исакова. – М.: Финансовый университет при правительстве РФ, РАН, 2021. - С.106.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В КОСОВСКОМ СЦЕНАРИИ: ОТ ПОСТОЯННОГО КОНФЛИКТА К ВЕЧНО НАПРЯЖЕННОМУ МИРУ

Подуреева-Милоевич В.Ю.

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, кафедра государственного управления и

менеджмента, аспирант

E-mail: viktorija-milojevic@yandex.ru

Аннотация. *Конфликт в Косово включает в себя непримиримое столкновение сербского и албанского народов, каждый из которых объявляет Косово жизненно важной частью своей родины. В целом в конфликтах на Балканах наблюдаются длительные противоречия религиозного и этнического характера. Предполагается, что причины Косовского конфликта заключаются не только в различиях между народами, включая религию, но и манипулирование этими элементами. Кроме того, различия в происхождении сербов и албанцев, непохожие элементы культуры этих народов являются значимыми переменными. Данные различия подразумевают различие мнений, противоположные потребности, желания или требования, которые часто являются причинами возникновения конфликтов.*

Ключевые слова: *религиозные и этнические конфликты, государственность, неравенство, гражданское общество, Косово, Сербия.*

RELIGIOUS FACTOR IN THE KOSOVO SCENARIO: FROM CONSTANT CONFLICT TO ETERNALLY TENSE WORLD

Podurueva-Milojević V.Yu.

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, a postgraduate of the Department of Public Administration and Management

E-mail: viktorija-milojevic@yandex.ru

Abstract. *The conflict in Kosovo involves an irreconcilable clash between the Serbian and Albanian peoples, each of whom declares Kosovo to be a vital part of their homeland. In general, the conflicts in the Balkans have long-lasting contradictions of a religious and ethnic nature. It is assumed that the causes of the Kosovo conflict are not only differences between peoples, including religion, but also the manipulation of these elements. In addition, differences in the origin of Serbs and Albanians, dissimilar elements of the culture of these peoples are significant variables. These differences imply differences of opinion, opposing needs, desires or requirements, which are often the causes of conflicts.*

Keywords: *religious and ethnic conflicts, statehood, inequality, civil society, Kosovo, Serbia.*

Проблемы на Балканах имеют длительную историю, демонстрируя пересечение и взаимодополнение религиозных и этнических факторов. Существуют версии, ясно показывающие, что в Косовском конфликте есть нечто большее, чем национальный фактор. Важным основанием Косовского конфликта является проблема религии, как важнейшая характеристика национальной идентичности.

Предполагается, что причины Косовского конфликта заключаются в различиях между сербским и албанским народами, включая и религию, также не маловажную роль играет манипулирование этими элементами. Необходимо принять во внимание существование различия между мусульманскими албанцами и православными сербами. Учитывая, что религия является источником конфликта, представляется вероятным, что религиозное расхождение между этими двумя народами может и выступать объясняющей переменной этого результата.

Кроме того, различия между двумя народами, такие как различия в происхождении сербов и албанцев, непохожие элементы сербской и албанской культур, являются другими значимыми переменными. Различия часто подразумевают расхождения во мнениях, противоположные потребности, побуждения, желания или требования, которые часто являются причинами возникновения конфликтов.

Несомненно, конфликт в Косово имеет исторические предпосылки. Сербь, а также косовские албанцы основывают легитимность своих притязаний на территорию Косово на исторических фактах, имея свои собственные противоположные версии относительно многих аспектов, относящихся к прошлому.

В Косово, бывшей сербской провинции, где сейчас живут в основном этнические албанцы, ислам является доминирующей религией. Бомбардировки НАТО под руководством США вынудили сербские силы уйти из Косово в 1999 году, а в 2008 году государство провозгласило независимость при поддержке США и многих стран ЕС, таким образом, сделав албанцев в Косово и соседней Албании верными союзниками США.

Сербь определяют Косово как «колыбель сербской нации». Значительная часть их аргументов по вопросу принадлежности им Косово касается прошлого. Они считают Косово «родиной сербской государственности и сутью духовной и культурной жизни сербов со

времен Средневековья» [1, с. 19]. Именно там с XII по XV века росло и расцвело сербское средневековое государство.

Утверждения албанцев об иллирийском происхождении отклоняются сербьми, но тем не менее, сербь признают, что иллирийские следы были обнаружены в Косово, но исключают их как недостаточно обоснованные. Сербь утверждают, что этот район был в основном пустынным, когда они заселили эту территорию примерно в X веке.

Еще один важный исторический период, касающийся Косово, где наблюдается столкновение интересов – вторжение османов на Балканы, начиная со второй половины XIV века и заканчивая началом XX века. Ключевым событием для сербов в этот период стала битва на Косовом поле в 1389 г., в которой сербь боролись против оккупации своих земель. Несмотря на то, что это положило конец средневековому сербскому государству, данное событие, достигшее значительного масштаба в сербской культуре, рассматривается сербьми как свидетельство важности Косово в национальной идентификации сербов.

Сербь утверждают, что, когда османь поселились в Косово, они были вынуждены переехать. Когда сербь освободили территории, там поселились албанцы, массово завезенные турками-османьми с Кавказа. Сербско-албанские отношения с самого начала характеризуются как враждебные с обеих сторон, таким образом, подавая небольшую надежду для компромисса.

С 1999-го года Косово находится под протекторатом ООН, но официально по-прежнему принадлежит Сербьи. В 2007-м году после переговоров в ООН, было рекомендовано предоставить Косово независимость и передать полный суверенитет Косово в течение данного периода. Заручившись поддержкой России, Сербьия не поддержала это решение. На данный момент не было достигнуто окончательного решения конфликта – сербь пытаются затормозить весь процесс, в то время как косовские албанцы требуют независимости. Между тем, страх перед новым хаосом максимален, а разочарование и отчаяние сопровождаются высоким уровнем бедности и преступности в регионе.

Мнения относительно роли религиозного фактора в косовском вопросе весьма различны. Одна из точек зрения заключается в том, что религия не является основной составляющей конфликта. Утверждается, что различные религиозные общины в Косово сыграли решающую роль в формировании и сохранении национальной и культурной самобытности всех его этнических

групп. Религия играла второстепенную роль в формировании современного национального сознания, особенно в случае албанцев [2, с. 349].

Косовские албанцы согласны с тем, что для них конфликт не имеет религиозной составляющей, по крайней мере, в негативном смысле. Некоторые косовские албанцы также признают сербское мнение о том, что православие является важным компонентом сербской идентичности [3, с. 54]. Кроме того, отмечается, что сербская и албанская религиозные общины были наиболее готовы к налаживанию диалога.

Также важным фактором Косовского конфликта является поддержка России, исторического союзника Сербии. Россия последовательно поддерживает Сербию в вопросе Косово и выступает против независимости косовских албанцев. «Балканы являются единственным регионом, где внешняя политика России опирается на этнорелигиозный фактор, а Сербия, по традиции, рассматривается в качестве центральной страны западных Балкан» [4, с. 14]. Важно отметить сходство взглядов двух стран на мировые проблемы и на то, как улучшить нынешнюю ситуацию, а также их приверженность порядку, основанному на международном праве, направленному на укрепление демократии, продвижение принципов верховенства закона и социально значимых целей [5, с. 65].

Существует опасение, что независимость Косово может повлиять на зоны конфликтов в России. Признание независимости Косово может укрепить надежды на независимость для таких непризнанных республик, как Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье, создав, таким образом, прецедент. Кроме того, другие члены СБ ООН, такие как Греция и Кипр, также заявили о своем несогласии с односторонним провозглашением суверенитета Косово. Аналогия опасений очевидна, поскольку Косово может создать прецедент для других сепаратистских регионов, к примеру, таких, как Северный Кипр.

Подводя итог сказанному, отметим, что религиозный фактор в современном мире коррелирует с внутренними противоречиями, порожденными неравенством в сфере обеспечения политических, экономических и культурных прав представителей различных социальных групп и этнорелигиозных меньшинств. Права могут быть и равные, но возможности их обеспечения далеко не равные. Это и является причиной недовольства, перерастающего в отчаяние, ненависть, а затем и насилие по отношению к тем, кто имеет такие возможности и в полной мере пользуется ими, и к государству,

которое мирится с такой ситуацией. И косовский конфликт не является в этом смысле исключением.

Список литературы

1. Zirojević O. Kosovo u istorijskom pamćenju (mit, legende, činjenice) // Republika. 1995. Vol. 6. No. 3. P. 9-24.
2. Туранский А.М. Этнический фактор в контексте эскалации Косовского конфликта // E-Scio. 2020. № 10 (49). С. 346-352.
3. Posen B.R. The War for Kosovo: Serbia's Political-Military Strategy // International Security. 2000. Vol. 24. No. 4. P. 39–84.
4. Бокерия С. А., Пеич И. Россия и Сербия: пути взаимодействия // РСМ. 2018. № 3. С. 92-102.
5. Подуруева-Милоевич В.Ю., Данакари Р.А. Формирование гражданского общества и политики государства в современной России // Вестник ПАГС. 2022. № 4. С. 63-72.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И ИДЕОЛОГИИ В ДРАМЕ ДУШАНА КОВАЧЕВИЧА «БАЛКАНСКИЙ ШПИОН»

Драгана Р. Райович

Институт сербской культуры Приштина-Лепосавич,

стажер-исследователь

E-mail: draganarajovic71@gmail.com

***Аннотация.** В данной статье мы занимаемся анализом соотношения личности и идеологии в драме Душана Ковачевича «Балканский шпион». Илия Чворович, персонаж драмы, бывший сотрудник коминформбюро, тайный сторонник сталинизма, охваченный подозрениями, преследует своего жильца. Эта пьеса Ковачевича является метафорой современного общества. Илия — воплощение идеологического рецидива, который сохраняется, несмотря на изменения в обществе. Все действующие лица драмы являются жертвами персонифицированной силы, о которой не сказано ни одного явного слова, но присутствующей в качестве главного героя. Эта сила — сталинизм, и ее мощь основана на особом роде манипуляции.*

***Ключевые слова:** Драма, идеология, сталинизм, коминформ, свобода, манипуляция, тоталитаризм.*

THE RELATIONSHIP OF PERSONALITY AND IDEOLOGY IN DUSAN KOVACEVICH'S DRAMA "THE BALKAN SPY"

Dragana R. Rayovich

*Institute of Serbian Culture Pristina-Leposavic,
trainee researcher*

E-mail: draganarajovic71@gmail.com

Abstract. *In this article we are analyzing the relationship between personality and ideology in Dusan Kovacevich's drama "The Balkan Spy". Or I am Chvorovich, a character in the drama, a former employee of the Kominformburo, a secret supporter of Stalinism, seized with suspicion, pursues his tenant. This play by Kovacevich is a metaphor for modern society. Elijah is the embodiment of an ideological relapse that persists despite changes in society. All the actors in the drama are victims of an impersonated force, about which not a single explicit word is said, but which is present as the main character. This force is Stalinism, and its power is based on a special kind of manipulation.*

Keywords: *Drama, ideology, Stalinism, cominform, freedom, manipulation, totalitarianism.*

Природе понадобился миллион лет, чтобы создать человека из обезьяны, а коммунизму — всего полвека, чтобы вернуть человека в число животных.

Душан Ковачевич.

В истории сербского театра, начиная с драматического произведения из 1734 года, Траэдокомедии Мануила (Михаила) Козачинского (1699–1755) вплоть до Бранислава Нушича (1864–1938), особым уважением пользуются авторы пьес с мифологическими мотивами, а также с мотивами из национальной истории. Сербский театр девятнадцатого века не был открыт для юмористического подхода в описании собственного народа. Даже комедия «Патриоты» важнейшего сербского комедиографа Йована Стерии Поповича (1806–1856) был показан только в 1904 году в Национальном театре, после смерти автора. Причина заключалась в социально неприемлемом образе, в котором был представлен сербский народ. Двадцатый век внес изменения в эту область. Живя во время многочисленных обманов, человек двадцатого века стал готовым посмеяться над всем. В тот период, когда сербский театр

становится более открытым к юмористическому выражению, «как раз вовремя» появился драматург Душан Ковачевич [3, с. 205].

Рассматривая комедии Ковачевича в европейском контексте, можно заметить его знание *театра абсурда* в построении предложений и игре слов. Хотя аутентичность драматических произведений Ковачевича бесспорна, в его творчестве мы обнаруживаем ассоциации с Альфредом Жарри, а также самоиронию, подобную той, что присутствует в творчестве Славомира Мрожека. Несмотря на то, что Ковачевич является современным драматургом, как и Бранислав Нушич, он использует все элементы драматического произведения, которым учил нас Аристотель, создатель теории драмы.

Среди множества тем, которыми занимался Душан Ковачевич, его особенно интересовали взаимоотношения между индивидом и государством, индивидуальным и тоталитарным сознанием. Идеология *сталинизма*, как особое явление, также является предметом интереса нашего писателя. В «Балканском шпионе», реалистической комедии о характерах и природе людей, писатель показывает процесс душевного кризиса, в который впадает Илия Чворович, бывший сотрудник коминформбюро, тайный сторонник сталинизма, который начинает следить за своим жильцом, портным из Парижа, Петаром Марковым Яковлевичем, которого он в силу ряда странных обстоятельств начинает считать иностранным агентом. Помимо страха, который является основным двигателем безумных действий Чворовича, его также мотивирует необходимость выйти за рамки привычного образа жизни, чтобы почувствовать себя важным в своей новой социальной роли. Чворович в моменты сужения сознания становится жертвой мании преследования, воспринимая окружающий мир как опасность, угрожающую ему и его семье, а также обществу, главным героем которого является именно он. Сомнение, как роковой спутник Илии Чворовича, «все противоположно тому, чем кажется» [1, с. 59], пробуждает в нем скрытого шпиона, оставшегося в ловушке своего кокона сталинского прошлого. Анализ психологического портрета Илии Чворовича приводит нас к выводу, что в данном случае речь идет о симптомах шизофрении, художественно оформленных. Герой Ковачевича страдает психическим расстройством, возникшим в результате состояния, которое можно интерпретировать по-разному, в зависимости от выбора психологического защитного механизма в условиях репрессий тоталитарным режимом. Один из этих механизмов определяется Джорджем Оруэллом как *двомыслие*, то

есть как способность иметь и принимать два противоположных мнения.

Знать и не знать, осознавать полную правдивость, говоря тщательно сконструированную ложь, одновременно придерживаться двух мнений, которые противоречат друг другу, зная, что они противоречат друг другу, и веря в них обоих, использовать логику против логики, отвергать мораль, претендуя на нее, верить, что демократия быланевозможно и что Партия была стражем демократии, забыть все, что было необходимо забыть, затем снова вспомнить об этом в тот момент, когда это было необходимо, а затем быстро забыть об этом снова, и, прежде всего, применить тот же процесс к самому процессу — это былопредельная тонкость: сознательно вызвать бессознательное состояние, а затем, еще раз, стать бессознательным от акта гипноза, который вы только что совершили. Даже для того, чтобы понять слово «двоемыслие», требовалось использовать двоемыслие [6, с. 41].

Толкование иррациональной логики, к которому прибегает герой Ковачевича, можно найти и в произведении Чеслава Милоша «Порабощенный разум». Это явление автор называет термином *кетман*. Что на самом деле *кетман*? Чеслав Милош утверждает, что нашел описание этой бizarной политической ситуации в книге Гобино: «Религии и философии Центральной Азии». Гобино говорит, что люди на мусульманском Востоке считают, что те, кто знает правду, не должны подвергать опасности себя и свое имущество. *Кетман* приказывает тем, кто практикует его, хранить в тайне свои истинные убеждения. *Кетман* на самом деле является сознательным действием, а не бессознательной формой адаптации. Решающим мотивом занятий кетманом является страх самого худшего вида, отчуждающий человека. Такая форма и интенсивность страха возникает в условиях репрессивного, тоталитарного общественного строя, при котором каждый конфликт с правящей политикой ведет к экзистенциальной угрозе. Человек, практикующий *кетман*, дистанцируется от своей роли в обществе. Он принимает только одно из двух взаимоисключающих мнений и в его поведении нет самообмана [5, с. 66].

Третий и наиболее радикальный ответ на социальные репрессии — это попытка не притворяться, а искренне принять приверженность сталинизму. Здесь речь идет о психологическом механизме *превращения объекта ненависти в объект восхищения*. Согласие с правилами игры сталинского режима было не только следствием страха перед нищетой и смертью. «Вне обычного страха,

вне желания укрыть человека от несчастья и физического уничтожения возникает стремление к внутренней гармонии и счастью» [5, с. 16]. Как это ни парадоксально, мнение Чеслава Милоша, учитывая его опыт жизни в условиях тоталитарного режима, не следует подвергать сомнению. Идеологи сталинизма навязывали свою доктрину вместо веры в Бога, рассчитывая на пустоту, оставленную в народе изгнанной религиозностью. Формула простая: Сталин приравнивается к Богу. Очевидный пример обожествление личности Сталина мы находим в романе Милоша «Захват власти», в главе «Сон Петра» герою романа приснился «чудесный» сон. Во сне ему явился образ Сталина. Он воспринимает этот образ в своем сне как незримое присутствие силы и добра:

«Прежде всего, это была мечта о полной защите. Над всем парило невидимое *присутствие*, полное силы и добра. Петр почувствовал такую любовь, что расплакался. Это была любовь к Немцу, которая наполнила пространство. Он, Сталин, поставил его на колени и обнял. Потом он поднял маленького Петра, превратился в великана, и они оба, паря, поднялись в воздух. Петр понял, что это был Бог — отец со светящимся треугольником, вечный покой, безграничное счастье» [4, с. 154].

Художественно оформленная психологическая логика согласия со сталинским порядком особенно тем, что Петру снится сон узника сибирского лагеря.

Дело Илии Чворовича еще более сложное. Чворович — двойная жертва как сталинского, так и антисталинского режимов. Сила сталинских манипуляций отражается в приверженности Чворовича сталинизму даже после опыта на Голи-Отоке. Со временем Илия понимает, что его обманули, но причину своих страданий находит в людях, «подставленных со стороны и прошедших подготовку в мировых шпионско-террористических центрах». Сталинизм — незабвенный юношеский идеал Чворовича: «...да, я любила его, как любят Бога, или, скажем, детей, мать... Сталин был для меня всем» [1, с. 85]. Идеологическая слепота Илии Чворовича основана на его убеждении, что он борется за «мировую справедливость». В этом контексте усомниться в авторитете Сталина означало бы расшатать основы идейно-политической конструкции, на которой зиждется его самоуважение.

Брат-близнец Илии, Джура, является более темной версией брата Илии. Прimitивный и ограниченный, Джура беспрекословно верен своему брату, готов арестовать и ударить. Как и Илия, Джура безоговорочно верит, что они оба ведут «благородную» борьбу.

Основную роль героини Даницы писатель свел к роли жены в характерном для Балканов варианте. Даница - тень Илии, верующая в справедливость «борьбы» своего мужа. Посредством ее наивного характера писатель рассказывает нам правду о социальном контексте и проблемах общества, в котором находятся герои. «Фасоль стоит пятнадцать тысяч. Скоро они будут продавать его в зерне. А это была крестьянская страна. Капуста - пять тысяч. В моем краю когда не ухаживаешь за полем, прорастают фасоль и капуста. Ни мяса, ни масла, ни белых лампочек, только красные, для публичных домов. Молока нет. Где коровы? Они вымерли? Или бастуют?» [1, с. 42]. В отличие от его жены, которая является «соучастником» в затее Ильи, дочь Соня отказывается участвовать в «расследовании» своего отца.

В ключевых образах комедии со сцены слышен стереотипный голос диктора радио, говорящего заезженной и известной фразеологией. Содержание радио текстов представляет собой картину актуального момента и в этом контексте имеет ярко выраженный сатирический оттенок.

Интерпретируя соотношение индивидуального и тоталитарного сознания в «Балканском шпионе», мы приходим к выводу, что Душан Ковачевич на самом деле занимался проблемой человеческой свободы. В ситуациях, когда поступки отклоняются от всех логических норм (принятие тоталитарной логики, несмотря на пережитый террор и отнятую свободу) очевидно, это психологический феномен, известный как *бремя личного и свободного принятия решений*. Человек хочет принадлежать к стаду и в группе обожать вождя. Это явление великолепно объяснено в «Великом инквизиторе» (глава романа «Братья Карамазовы») Ф. М. Достоевского. Призыв Христа к свободе, по словам Достоевского, превосходит человеческую природу и сокрушает ее. Илия Чворович — один из многих, кто отверг этот призыв. Свобода всегда была возвышенным даром, свидетельствующим о сходстве человека с Богом. Герой Ковачевича не был готов принять этот подарок.

Список литературы

1. Душан Ковачевич. Балкански шпијун. Завод за уџбенике. Београд, 2013.
2. Fjodor M. Dostojevski. Beograd: RAD, 1988.
3. Petar Marjanović. Jugoslovenski dramski pisci XX veka. Knjiga prva. Novi Sad: Akademija umetnosti u Novom Sadu, 1985.
4. Česlav Miloš. Osvajanje vlasti. Beograd: Narodna knjiga, 1983.
5. Česlav Miloš. Zarobljeni um. Beograd: BIGZ, 1987.

6. Цорц Орвел. 1984. Београд: Verzal press, 2000.

РЕЗЕРВЫ МЯГКОЙ СИЛЫ РОССИИ И ДЕЛО М. А. БУЛГАКОВА

Ралович И. М.

*Институт сербской культуры Приштина – Лепосавич
ассоциированный сотрудник
E-mail: ralovic@gmail.com*

Аннотация. В то время как мировая общественность сосредоточена на определении размеров российской государственной силы в современных отношениях, в этой статье внимание обращается на мягкую силу, которую, по определению создателей термина, мы в основном используем для всех тех ситуаций, когда мы не говорим о военной силе как о ключевом аспекте жесткой силы. С этой целью статья обращается к теоретическим объяснениям о трех столпах мягкой силы, со ссылкой на первый (культура), а в качестве примера взят роман «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова. Цель статьи – показать, что проникновение русской культуры на Запад – это форма мягкой силы, достигнутая пассивно, что эта форма силы была произведена и вошла в сферу глобальной массовой культуры без усилий государства по ее продвижению и установлению.

Ключевые слова: Михаил А. Булгаков, Мастер и Маргарита, мягкая сила, Джозеф Най, русская мягкая сила, высокая культура.

RUSSIA'S SOFT POWER RESERVES, THE CASE OF M. A. BULGAKOV

Ralović I. M.

*Institute of Serbian Culture Priština – Leposavić
E-mail: ralovic@gmail.com*

Abstract. While the world public is focused on determining the dimensions of Russian state power in contemporary relations, this paper draws attention to soft power, which, as defined by the creators of the term, we mainly use for all those situations when there is no mention of military power as a key aspect of hard power. For this purpose, the paper uses the theoretical explanations of Joseph S. Nye, about the three pillars

of soft power, with reference to the first one (culture), and the novel Master and Margarita by M. A. Bulgakov is here taken as a case study. The aim of the paper is to show that the penetration of Russian culture towards the West is a form of soft power that was achieved passively, that this form of power was produced and entered the realm of global popular culture without the efforts of the state to promote and establish it.

Keywords: *Mikhail A. Bulgakov, Master and Margarita, soft power, Joseph S. Nye, Russian soft power, high culture.*

Согласно Джозефу Наю [1], мягкая сила страны опирается на три основных ресурса: ее культуру, политические ценности и внешнюю политику. Какими бы ни были два других направления ее мягкой силы, культура всегда будет первой ассоциацией при упоминании России. Поэтому неудивительно несколько бизарная попытка «приостановить» Чайковского «за солидарность с Украиной» в ходе последних событий на украинском фронте. Хотя Загребская филармония даже изменила первоначальное уведомление, остается неизгладимый вывод о том, что именно культура стала объектом возмездия.

В то время как некоторые статьи наших современников обобщают инструменты российской мягкой силы, и сосредотачиваются на «об обнаруживании» российской мягкой силы в начале 21 века [см. 3, 4], в этой статье мы показываем, что привлекательность, которую русская литература достигла в мире, представляет собой прочно установившуюся мягкую силу. В качестве примера возьмем роман-завещание Булгакова «Мастер и Маргарита», но в качестве примера можно взять и любое другое большое и значительное литературное произведение, созданное на русском языке и имеющее статус классика мировой литературы. Этот пример во многом парадоксален (а и с другими примерами от Пушкина до Пелевина было бы то же самое): он не задуман как форма мягкой силы, он не был поддержан усилиями государства по его установлению и продвижению, не принес материальной пользы, но он сохранился как пример культурной гегемонии России в западном мире.

Первая цензурированная версия романа «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова (Михаил Афанасьевич Булгаков, 1891–1940), была издана в Москве в 1966 году, а через два года в Италии был напечатан и цельный вариант. Дневники писателя и его супруги Елены опубликованные после первых изданий романа, освещают отдельные стороны романа, добавляя к вымыслу фактографию,

которая нужна не роману, а читателям, чтобы погрузиться в мир произведения, писателя, эпохи. Несмотря на то, что роман бывал запрещен в стране происхождения, с самого начала появления в переводах он легко завоевывал приверженцев, он породил многочисленные трансмедиальные продолжения и расширения, переливы, отклонения и разветвления, преобразования, приспособления, умножения, мигрирования и распространения; роман захватывает сердца и умы простого мира и интеллектуальной элиты, иллюстрируя применение мягкой силы через соблазнение. В продолжении данной статьи, внимание будет сосредоточено на различных интерпретациях романа, с помощью которых мы постараемся показать, что это форма российской мягкой силы.

Одним из первых музыкантов, черпавших вдохновение для своих произведений в «Мастере и Маргарите», был Мик Джаггер, который в 1968 году написал песню «Sympathy for the devil» по роману, вышедшему годом ранее в английском переводе. Хотя были и заявления о том, что эта песня группы Роллинг Стоунз была вдохновлена поэзией Бодлера, явно выявляются следы булгаковского влияния. Она начинается строками «Позвольте представиться, я человек роскоши и со вкусом», что является сильной параллелью встречи Воланда с Иваном и Берлиозом на Патриарших прудах, а и вся атмосфера и построение песни идеально вписываются в книгу. Выпущенная как A1 на альбоме «Beggars Banquet» из 1968 года, песня вошла в многочисленные списки лучших хитов всех времен. Певец Мик Джаггер подтвердил в документальном фильме «Crossfire Hurricane» (2012, реж. Бретт Морген), что вдохновением для нее послужил роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Жан-Люк Годар записал на камеру процесс создания и записи песни в студии. Речь идет о записях, использованных режиссером в музыкальном документальном фильме, который носит название этой песни и был выпущен в 1968 году, но известен также под названием «One Plus One». В академических источниках мы также читаем, что песня основывается на романе Булгакова. Джаггер не единственный популярный музыкант, вдохновленный этим романом: у Pearl Jam есть песня «Pilate», у The Tea Party есть песня «The Master and Margarita», у Franz Ferdinand есть «Love and Destroy».

Первые экранизации этого романа принадлежат славянскому миру (по крайней мере, если принять во внимание происхождение режиссера, хотя у обоих произведений были иностранные продюсеры). По правде говоря, в 1970 году финского режиссера Сеппо Валлина (Seppo Nuutila Wallin) попросили снять эпизод

телесериала «Театтеритуокио» (Teatterituokio). Этот сериал показывали по финскому телевидению с 1962 по 1982 год в более чем 102 сериях «Пилат» Валина (Pilatus) в рамках этого телесериала, вышедший в эфир 28 марта 1970 года, основан на библейских главах «Мастера и Маргариты», что делает его первой известной нам экранизацией наиболее важного произведения Булгакова. За год до югославского режиссера Александра Петровича (1972) была сделана экранизация польским режиссером Анджеем Вайдой - речь идет о фильме «Пилат и другие» (Pilatus und andere / Piłat i inni, 1971), снятом на немецком языке в Нюрнберге и его окрестности, на руинах Третьего рейха. Этот фильм, рассматриваемый как критический комментарий к началу семидесятых годов, имеет некоторые общие черты с фильмом Петровича. С трудностями в реализации и постановке фильма по этому роману столкнулись и другие режиссеры, взявшиеся за эту работу, и эта судьба – первая их общая черта, но роман продолжает привлекать художников и интерпретаторов.

Десятисерийный сериал Владимира Боротко из 2005 года — наиболее точное воплощение романа. Есть и другие всемирно известные и оцененные экранизации, адаптации и использование сюжетных линий из романа, например, фильм «Фуэте» (1986) режиссера и сценариста Бориса Ермолаева и режиссера-хореографа Владимира Васильева, по сценарию включает постановку балета «Мастер и Маргарита» в театре; сюжет фильма «После революции - Андраш Сиртеш» (*Forradalom után, András Szirtes, 1990*) происходит в Нью-Йорке, где главный герой пишет роман с точки зрения кота. Использовались советские кинохроники и тексты Булгакова. Фильм Шарлотты Валигоры (Charlotte Waligora, *Le Maître et Marguerite*) представляет собой нарративное и медийное расширение созданного Булгаковым мира сказки. Ее фильм начинается там, где заканчивается роман. Маргарита просыпается в современном мире, в Париже в 2017 году, в квартире Воланда, где он поселился в 1930-х годах вместе с Бегемотом, после того как начал свой путь русской иммиграции.

В интервью из 1979 года Петрович упоминает, что «театральная версия «Мастера и Маргариты» идет именно сейчас в Нью-Йорке, и в какой-то момент в сумасшедшем доме Мастер говорит: я из Белграда, с Балканов. В книге этого нет, и, вероятно, люди, адаптировавшие постановку, были вдохновлены моим фильмом, а может быть, и его судьбой» [9, с. 20]. Петрович, вероятно, имел в виду серию из 24 спектаклей в Нью-Йоркском общественном театре

с 15 ноября по 3 декабря 1978 года в постановке румыно-американского режиссера Андрея Щербана (Andrei Șerban). Однако это было не первое сценическое прочтение романа - источники указывают, что первые постановки состоялись в Польше, в Кракове в 1971 году. Все театральные адаптации «Мастера и Маргариты» были сделаны польскими артистами до 1977 года, и, что интересно, в первых версиях «Мастер и Маргарита» не использовалось в качестве названия. С течением времени количество различных постановок росло. Существует бесчисленное множество сценических адаптаций: театральные постановки, мюзиклы, оперы, балеты и другие виды сценического искусства, использовавшие разные сюжетные линии (бал у Сатаны, события в квартире № 50, иерусалимская или московская линия событий) или вдохновленные миром самого известного произведения Булгакова.

Задолго до открытия Музея Булгакова в Москве уже совершались своего рода паломничества поклонников писателя и его творчества. Стена лестничной клетки, ведущей в квартиру № 50 в Садовой улице № 10, в доме, где когда-то жил Булгаков и где происходят некоторые из основных сцен романа, было покрыто граффити, рисунками и цитатами из «Мастера и Маргариты».

С 2004 года по этому адресу, на первом этаже здания, находится Музей-театр «Булгаковский дом», открытый по частной инициативе, а с 2007 года в квартире № 50 на четвертом этаже по тому же адресу открыт второй музей, посвященный писателю и оформленный как государственный мемориальный музей - Музей Михаила Афанасьевича Булгакова.

Оба музея организуют специально разработанные прогулки по музею, по литературным картам булгаковской Москвы, по следам героев романа «Мастер и Маргарита» и т.п. В каждом помещении государственного музея есть телефоны, по которым можно связаться с некоторыми персонажами романа «Мастер и Маргарита», а в музейной кассе можно приобрести билеты на обзорный трамвай, тематические и театральные экскурсии. Используя современные технологии, выставлен архив фотографий, документов, публикаций, а также предметов эпохи, связанных с писателем, его жизнью и творчеством. В музее представлена уникальная электронная экспозиция, посвященная жизни и творчеству М. А. Булгакова. Она состоит из десятков плоских компьютерных мониторов, которые висят на стенах, как картины — в рамках. Чередуются слайды с фотографиями Булгакова, копии рукописей, писем, документов, показываются отрывки из фильмов и спектаклей по его

произведениям. Сотни документов постоянно обновляются и дополняются. Постоянные посетители Булгаковского дома знают, что в музее-театре можно увидеть огромного черного кота, который не только живет в этом музее, но и является полноправным сотрудником музея и любимцем всех его посетителей. Посетители Новодевичьего кладбища также встречают черного кота у могилы Булгакова.

Роман графически интерпретирован как комикс, от самиздатовских версий, частичных экранизаций до полных изданий комиксов и переводов. (Michael Blank, Askold Akishine & Misha Zaslavsky, Bettina Julia Egger, Allison R. Barbour); созданы графики и графические новеллы, вдохновленные этим романом (Andrzej Klimowski & Danusia Schejbal), существует множество свободных графических интерпретаций и несколько анимационных версий, фотоиллюстраций романа и т.п. Весной 2009 года в Москве прошла фотовыставка французского модного фотографа Жана-Даниэля Лорье (Jean-Daniel Lorieux) «Le Maître et Marguerite, Création Photographique». Годом раньше эта выставка имела большой успех в Париже. Серия фотографий вызвала большой интерес, потому что роль Маргариты исполнила Изабель Аджани. За год до этого, голландский фэшн-фотограф Герман ван Гестель (Herman van Gestel) сделал серию фэшн-фото с русскими моделями в русской обстановке, также вдохновленный «Мастером и Маргаритой». Этот тип адаптации был сделан многими художниками по всему миру. Социальные сети (Pinterest, Instagram и Facebook (Meta), Youtube) способствуют распространению контента художников и искусства, а объединяя цифровые пространства с хэштегом Мастер и Маргарита на многих языках мира, они способствуют распространению, а также дальнейшему построению мира истории Мастера и Маргариты.

В отличие от инвестиций в спорт, запуска первого спутника в космос, а затем и полета первого человека в космос, являющимися отличительными формами российской мягкой силы, привлекательность русской культуры, особенно ее высокой культуры, породила мягкую силу (а по мнению теоретиков, мягкая сила зиждется на позитивной привлекательности), которая создавалась без активных усилий со стороны государства, без уговоров, инвестиций, продвижения, пропаганды.

Российская мягкая сила, достигнутая за счет высокой культуры, не принесла стране доходов Голливуда, Болливуда или таких феноменов, как «Битлз» или «Кока-кола», или, словами Джозефа Ная, не было социалистического Элвиса [12, с. 74], но она заложена

как великий и значительный ресурс неисчерпаемых запасов, как ценность вне и выше политической власти, как сила, питающая и защищающая ее, умножающая и разделяющая, которая в каждом новом поколении студентов, художников, ученых обновляется, возрождается и неудержимо растет.

Список литературы

1. Nye Joseph S. *Budućnost moći*. Beograd, Arhipelag, 2012.
2. Zagrebačka filharmonija izbacila iz programa neka dela Čajkovskog zbog solidarnosti s Ukrajinom <https://www.danas.rs/svet/region/zagrebacka-filharmonija-izbacila-iz-programa-neka-dela-cajkovskog-zbog-solidarnosti-s-ukrajinom/>
3. Popescu Nicu. *Russia's Soft Power Ambitions*. CEPS Policy Brief No. 115. October 2006. [Policy Paper] URL: <http://aei.pitt.edu/11715/>
4. Ђурковић Миша. Русија и откривање меке моћи // *Национални интерес: часопис за национална и државна питања*. 2008. Год. 4. Бр. 1/3. С. 25–53.
5. Coelho Victor & Covach, John (Editors). *The Cambridge Companion to the Rolling Stones*. Cambridge, England: Cambridge University Press, 2019.
6. Master and Margarita. URL: <https://www.masterandmargarita.eu/en/index.html>
7. Pilatus und andere [Pilatus and Other] URL: <http://www.wajda.pl/en/filmy/film16.html>
8. Майер-Фраатц Андреа. Экранизации романа 'Мастер и Маргарита' польского режиссера А. Вайды и югославского режиссера А. Петровича как критические комментарии к современности начала 1970-х годов // *Михаил Булгаков и славянская культура*. Совпадение. М., 2017. С. 234–254. URL: https://inslav.ru/sites/default/files/editions/2017_bulgakov_i_slavjanskaja_kultura.pdf
9. Marić, Milomir. Vreme relaksacije // *Duga*. Beograd, 6. 1. 1979. С. 19–21.
10. Музей Михаила Афанасьевича Булгакова URL: <https://bulgakovmuseum.ru>
11. Музей-театр Булгаковский Дом. URL: <https://dombulgakova.ru>

12. Nye Joseph S. *Soft power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В ПРЕДВЕРИИ ГЛОБАЛЬНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ МЕЖДУ СТРАНАМИ НАТО И РОССИЕЙ

Романович Н. А.

доктор социологических наук,
РАНХиГС при Президенте РФ (Воронежский филиал),
профессор кафедры политологии и политического управления,
генеральный директор Института общественного мнения
«Квалитас»
E-mail: nelly@qualitas.ru

Аннотация. В статье представлены результаты социологических опросов жителей города Воронежа по поводу возможного перерастания российской специальной военной операции на Украине в полномасштабную войну между странами России и НАТО. Рассматривается вероятность применения ядерного оружия и выявляется отношение населения к такому повороту событий. Изучается готовность населения встать на защиту своего отечества в случае нападения на Россию внешнего врага, а также готовность граждан рисковать своей жизнью в случае возникновения внутренней угрозы распада России. Делается вывод о возросшей угрозе масштабного военного противостояния между Россией и НАТО, в котором велика вероятность применения ядерного оружия. Тем не менее, население не считает оправданным применение ядерного оружия странами в целом и Россией в частности, считает недопустимым, чтобы Россия нанесла ядерный удар первой.

Ключевые слова: общественное мнение, социологический опрос, масштабная война между Россией и НАТО, ядерное оружие.

PUBLIC OPINION ON THE EVE OF THE GLOBAL CONFLICT BETWEEN NATO COUNTRIES AND RUSSIA

Nelly Romanovich
Doctor of Sociology,

Professor of the Department of Political Science and Political Management of the RANEPA under the President of the Russian Federation (Voronezh branch),
Director General of the Institute of Public Opinion "Qualitas".
E-mail: nelly@qualitas.ru

Abstract. The article presents the results of sociological surveys of residents of the city of Voronezh regarding the possible development of the Russian special military operation in Ukraine into a full-scale war between the countries of Russia and NATO. The probability of using nuclear weapons is considered and the attitude of the population to such a turn of events is revealed. We study the readiness of the population to defend their homeland in the event of an attack on Russia by an external enemy, as well as the readiness of citizens to risk their lives in the event of an internal threat of the collapse of Russia. The conclusion is made about the increased threat of a large-scale military confrontation between Russia and NATO, in which there is a high probability of using nuclear weapons. Nevertheless, the population does not consider it justified the use of nuclear weapons by countries in general and Russia in particular, and considers it unacceptable for Russia to launch a nuclear strike first.

Keywords: public opinion, opinion poll, large-scale war between Russia and NATO, nuclear weapons.

Война между странами НАТО и Россией, которая ведется на территории Украины, приобретает все более напряженный характер. Аналитики называют войну экзистенциальной, т.е. имеющей отношение к самой сущности существования нынешнего миропорядка. Вообще, война всегда есть предельная экзистенциальная ситуация, когда ответ на вопрос: «Кто враги и кто друзья?», - высвечивается предельно ясно. Подвергается сомнению устоявшийся тезис об угрозе миру, исходящей со стороны так называемых избыточно «жестких» государств с устойчивой центральной властью. Политологи уверены, что «в контексте глобальной турбулентности наибольшую опасность представляют не «жесткие», а именно «хрупкие» – несостоятельные – государства» [1, с.7], каким всегда была Украина и какими постепенно становятся некоторые страны западной Европы.

Сегодня в общественном дискурсе актуальны вопросы: «Третья мировая война уже началась или ещё нет? Ядерное оружие будет применяться или все же нет?». Социологические опросы показывают, что сегодня вероятность масштабной войны между

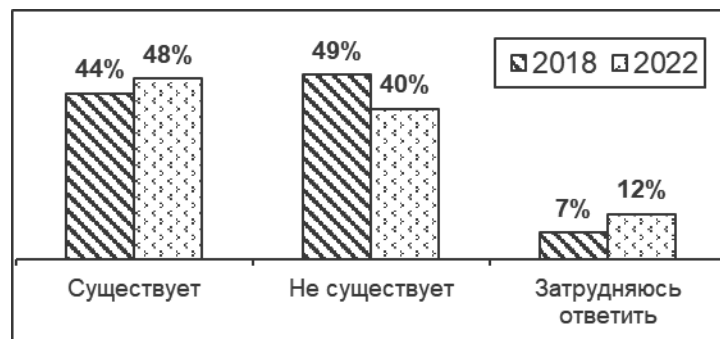
странами НАТО и Россией выше, чем во времена «холодной войны» прошлого века. Опросы на эту тему проводились Институтом общественного мнения «Квалитас» в городе Воронеже неоднократно (в апреле 2018 года и в июне 2022 года) методом телефонного опроса по репрезентативной для населения старше 18 лет выборке (610 человек).

В июне 2022 года ответы на вопрос: *«Как Вы думаете, существует или не существует сейчас реальная угроза масштабной войны между Россией и странами НАТО?»*, – раскололи мнение горожан. Перевешивают голоса, которые признают существование реальной угрозы масштабной войны между Россией и странами НАТО (48%). Отрицание такой угрозы явно уступает в своих позициях – 40% [2]. Собственно, опосредованная бывшей братской республикой война уже идет, и холодной её никак не назовешь: грохочут выстрелы и гибнут люди...

Предчувствие прямого столкновения со странами НАТО в большей степени характерно для старшего поколения, а молодые люди чаще отрицают возможность нависшей угрозы (45%), чем разделяют опасения (34%). Особенно остро предчувствуют надвигающуюся мировую войну воронежские бизнесмены (65%). Сравним мнение населения в апреле и в июне 2022 года (график 1).

График 1

Как Вы думаете, существует или не существует сейчас реальная угроза масштабной войны между Россией и странами НАТО?

За четыре года картина изменилась на диаметрально противоположную. Если в 2018 году преобладал оптимистический

прогноз, то в 2022 году пессимистические ожидания нависшей военной угрозы держат верх [3].

Холодная война со странами НАТО в конце прошлого века тоже имела шансы перейти в горячую фазу. Но сегодня вероятность масштабной войны между Россией и странами НАТО значительно выше. Сторонников этого мнения в два с половиной раза больше (48%), чем людей, придерживающихся противоположной точки зрения (19%). В то же время 20% горожан считают, что вероятность мировой войны (уже третьей по счету) фактически не меняется. Однако по мере увеличения возраста респондентов их убежденность в том, что шансов у войны сегодня больше, чем при Брежнев, возрастает с 33% среди молодежи до 67% среди людей пожилого возраста. Зато каждый третий молодой человек (33%) сегодня считает, что шансов у войны практически нет.

Как отвечали воронежцы на этот вопрос в 2018 году? Тогда на вопрос: *«Как Вам кажется, вероятность масштабной войны между Россией и странами НАТО сейчас выше или ниже, чем была в 70-е годы прошлого века, во времена правления Леонида Брежнева?»*, – были получены следующие ответы: «выше» – 40%, «ниже» – 24%, «такая же» – 23%, а прочие респонденты затруднились ответить. За четыре последних года на 8% возросло число горожан, уверенных в том, что сегодня вероятность третьей мировой войны выше, чем в эпоху застоя. Не только простые обыватели, но и эксперты сходятся во мнении, что вероятность ядерной войны сейчас выше, чем в любой другой период со времен Карибского кризиса в 1962 году.

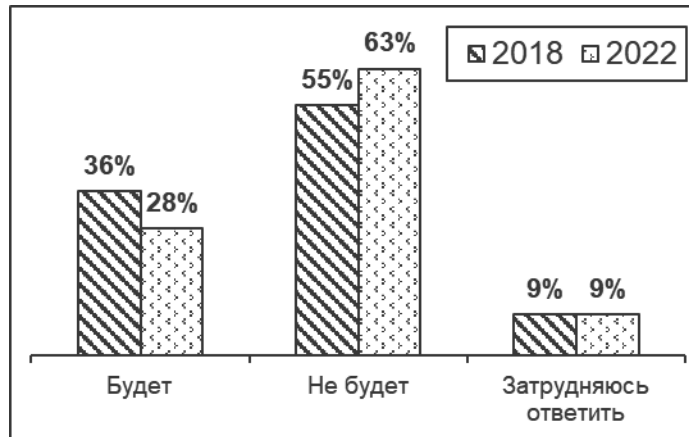
Возоблаждает ли разум у человечества, чтобы отказаться от применения ядерного оружия в случае масштабной войны между Россией и НАТО? Большинство воронежцев (63%) надеются, что ядерное оружие применяться не будет. Ведь в случае его применения может возникнуть угроза исчезновения жизни на Земле – не будет ни победителей, ни побежденных. Наиболее оптимистичны молодые люди – 74% из них отрицают перспективу применения ядерного оружия, видимо, не желая допускать мысль, что их жизнь может прерваться в самом начале.

Однако 28% горожан не столь оптимистичны – они опасаются возможности применения ядерного оружия. Мужчины (35%) чаще женщин (22%) допускают такую вероятность.

Сравнить ответы населения на этот вопрос в 2018 и 2022 гг. дает возможность график 2.

График 2

Как Вы считаете, в случае масштабной войны между Россией и странами НАТО будет или не будет применяться ядерное оружие?

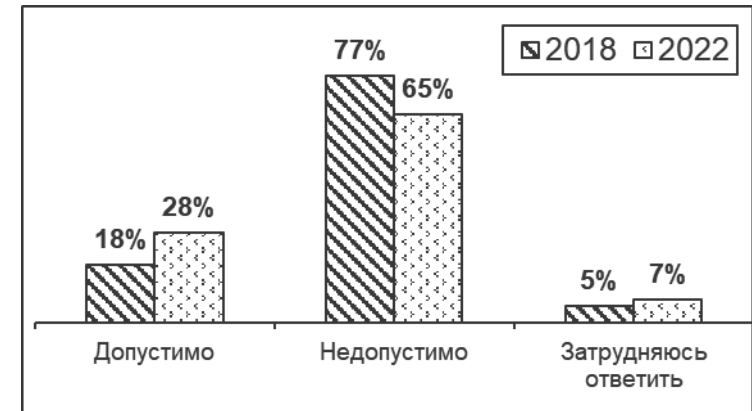
Возможность применения ядерного оружия сегодня отрицается чаще (**63%**), чем четыре года назад (**55%**). Несмотря на эскалацию международного напряжения в 2022 году общественное мнение реже допускает вероятность ядерного конфликта (**28%**), чем в 2018 году (**36%**). Очевидно, чем ближе угроза ядерного апокалипсиса, тем больше население надеется, что мир сможет её избежать.

Острые дискуссии возникают на тему возможности первой применить ядерное оружие какой-либо из сторон конфликта. Большинство населения (**65%**) заявляет о недопустимости для России первой применить ядерное оружие в случае масштабной войны. Позиция населения вполне совпадает с доктриной Российской Федерации, которая допускает применение ядерного оружия только в оборонительных целях. Кстати, в отличие от России военная доктрина США оставляет за собой право использования ядерного оружия в исключительных случаях для защиты жизненно важных интересов США (то есть отнюдь не в оборонительных). При этом право определять «жизненно важные интересы США» Америка оставляет за собой, что значительно расширяет возможности его применения.

На сегодняшний день только **28%** воронежцев допускают возможность применения Россией ядерного оружия первой. Мужчины почти в два раза чаще (**38%**), чем женщины (**20%**), занимают такую позицию. Как изменилось мнение горожан за четыре года показано на графике 3.

График 3

По Вашему мнению, допустимо или недопустимо, чтобы в случае масштабной войны со странами НАТО Россия первой применила ядерное оружие?

По отношению к 2018 году сегодня количество сторонников нанесения Россией упреждающего ядерного удара повысилось на **10%**, что является тревожным симптомом. Радует, что по-прежнему большинство населения считают, что применение ядерного оружия недопустимо.

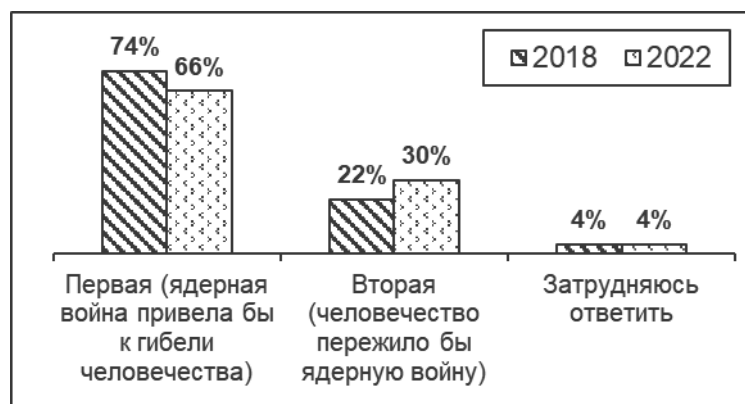
Угроза глобальной ядерной катастрофы выглядит все реальнее. Остается надеяться, что коллективный Запад помнит принцип Договора о нераспространении ядерного оружия, озвученный когда-то Рональдом Рейганом: «Ядерную войну нельзя начинать и невозможно выиграть». Фантасты не раз описывали последствия применения ядерного оружия как апокалиптическую катастрофу. В случае ядерной войны не выживет никто – в этом уверены большинство воронежцев (**66%**). Женская половина населения убеждена в том значительно чаще (**73%**), чем мужская (**59%**).

Однако **30%** опрошенных считают такую точку зрения преувеличением и надеются, что человечество все же сможет пережить ядерную войну. Совсем нет желания узнавать на деле, кто из

них прав, а кто ошибается. Хотелось бы и дальше воспринимать ядерную войну лишь как фантастический сюжет. На графике 4 представлены ответы воронежцев на этот вопрос в 2018 и 2022 гг.

График 4

Одни считают, что ядерная война между Россией и странами НАТО привела бы, скорее всего, к глобальной катастрофе, к гибели человечества. Другие считают это преувеличением и полагают, что человечество пережило бы ядерную войну. Какая точка зрения Вам ближе – первая или вторая?

Большинство воронежцев по-прежнему уверены, что безумие ядерной войны грозит гибелью всему человечеству, хотя это число уменьшилось с 74% до 66% за четыре последних года.

Готовность пожертвовать жизнью ради защиты Родины – это качество, увы, не врожденное. Оно воспитывается вкупе с другими традиционными ценностями, одной из которых является патриотизм. В настоящее время патриотически воспитаны 68% воронежцев. Они ответили положительно на вопрос: «Скажите, готовы ли Вы рисковать своей жизнью, если Россия подвергнется нападению внешнего врага?». Мужчины преобладают над женщинами по степени готовности рисковать своей жизнью (80/59), что, впрочем, ожидаемо, поскольку именно на мужчин возлагаются обязанности защитника. Чем старше респонденты, тем чаще они готовы идти

«под пули» для защиты Родины (с 57% среди молодежи до 76% среди пожилых горожан).

В то же время 28% жителей Воронежа не готовы рисковать своей жизнью даже во имя Родины. Чем моложе респонденты, тем чаще звучит отказ. Среди воронежской молодежи этот показатель возрастает до 34%.

Потенциальная готовность к самопожертвованию за Родину в случае нападения агрессора выросла за период 2000 - 2015 г. с 66% до 76%, но в следующую пятилетку снова опустилась до 64%. Начало специальной военной операции в 2022 году вызвало среди воронежцев некоторый подъем решимости рисковать своей жизнью (до 68%), но этот показатель сильно уступает тому числу, которое наблюдалось в 2015 году - после присоединения Крыма (76%).

Иные ответы были получены на вопрос: «Готовы ли Вы рисковать своей жизнью, если возникнет внутренняя угроза распада России?». Готовность рисковать своей жизнью в случае внутренней угрозы распада страны ниже (49%), чем при нападении внешнего агрессора (68%). Гражданская война всегда вызывает в обществе раздраз и терзает людей сомнениями. Некоторые эксперты называют войны России и Украины гражданской, поскольку враждебные ныне народы веками жили в рамках единого государства. Это обстоятельство добавляет боли и трагизма в происходящие события. По мере поднятия возрастной планки готовность противостоять распаду державы ценой собственной жизни возрастает от 35% среди молодежи до 62% среди пожилых людей. Вот только в силу преклонного возраста последних эта готовность не может быть реализована. Мужчины чаще женщин выражали решимость в случае необходимости броситься на амбразуру (55/43).

В то же время 37% горожан не собираются рисковать жизнью, охраняя Отечество от распада. Среди молодежи число отказов ценою жизни противостоять внутренней угрозе распада страны увеличивается до 51%.

Впервые воронежцы отвечали на этот вопрос в самом начале века. В 2000 году число горожан, готовых рисковать своей жизнью ради предотвращения распада России (36%) уравнивалось числом тех, кто отказывался это делать (36%).

Напомним, что 2000 год – это время конфликтов на Кавказе, которые реально создавали угрозу распада России, но мнение населения по поводу этого было очень неоднозначным, поэтому так неоднозначны и ответы респондентов на этот вопрос 22 года назад. К

2015 году количество граждан, готовых, не щадя своего живота, отстаивать единство страны, увеличилось с **36%** до **58%**. Не удивительно, ведь после 2014 года идея сохранения целостности обновленной страны была как никогда актуальна. Но по мере удаления от года воссоединения с Крымом, потенциальный героизм пошёл на убыль, снизившись к 2022 году до **49%**. Иными словами, гражданская война, даже чреватая угрозой распада страны, не способна вызвать такого же чувства бескомпромиссного патриотизма, который способна вызывать отечественная война, связанная с нападением на Россию внешнего агрессора.

В реальности в феврале 2022 года началась межцивилизационная война между Россией и коллективным Западом, который поставил своей целью добиться уничтожения России. Намерения Запада и интенсивные поставки оружия Украине вопреки интересам собственных стран превращают эту войну в отечественную, но сегодня она закамуфлирована под гражданскую. Поэтому присутствует растерянность среди российского населения в понимании происходящего и имеют место трудности в объективной оценке межцивилизационного противостояния. Между тем, экспертный анализ исторического опыта способен помочь в формировании системы координат для оценки текущих событий и обоснования прогноза дальнейшего развития. Как никогда, актуально авторитетное экспертное слово для объяснения и упорядочивания происходящего и структурирования вектора для социокультурной активности и ответственности гражданского общества.

Выводы.

В условиях стратегической нестабильности востребованы результативные центры национального управления, призванные устанавливать и эффективно поддерживать нормы коллективного действия с учетом полученных результатов исследования, характеризующих состояние общественного мнения соотечественников (согласно опыту многолетней работы, общественное мнение городов-миллионников, подобных Воронежу, идентично по актуальным политическим вопросам мнению россиян в целом).

1. Население осознает реальность существующей угрозы непосредственного военного конфликта между Россией и странами НАТО. Вероятность масштабной войны нашей страны с коллективным Западом сегодня выше, чем во времена «холодной

войны» правления Брежнева или Карибского кризиса, инициированного Хрущевым.

2. Большинство населения не верит в то, что между Россией и странами НАТО будет применяться ядерное оружие. Кроме того, большинство населения не считает правильным, чтобы Россия первой применила ядерное оружие, хотя число сторонников этого мнения постепенно сокращается.

3. Большинство населения склоняется к мнению, что масштабная ядерная война приведет к гибели все человечество.

4. Если более 60% горожан готовы рисковать своей жизнью в случае нападения на Россию внешнего врага, то желающих участвовать в гражданской войне в случае возникновения внутренней угрозы распада России не наберется и половины опрошенных.

Текущий конфликт невозможно разрешить на национальном уровне, а на глобальном уровне востребован авторитетный источник формирования международного права, институционального регулирования политической миссии в связи с ослаблением функциональной роли ООН. По мнению политологов, «существенную роль призваны сыграть активно формирующиеся наряду с традиционными международными организациями новые структуры при доминирующем влиянии восходящих держав» [1, с.7]. При этом влияние международных институтов не должно быть сопряжено со снижением роли национальных государств.

Список литературы

1. Торкунов А.В. Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 7-22.
2. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу под ред. Н.А.Романович. Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2022-06. Электронный ресурс. URL: <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2022/June> (дата обращения 18.09.2022).
3. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу под ред. Н.А.Романович. Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2018-05. Электронный ресурс. URL: <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2018/April> (дата обращения 19.09.2022).

КОГНИТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЯ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ НА УКРАИНЕ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Свешникова И.П.

Крымская региональная общественная организация «Центр
духовной культуры «Лебедь», председатель;
Народный университет духовной культуры и здорового образа
жизни, ректор
E-mail: yalta-sventana@yandex.ru

Аннотация. Данная работа обобщает практический опыт участия автора в деятельности различных религиозных, научных и общественных организаций Украины, исследует трансформацию их идеологии за прошедшие годы. Автор пытается обнаружить предпосылки, закономерности и движущие силы трансформации, показать значение фактора духовной жизни в формировании конфликта и гибридной войны, перешедшей сегодня в горячую фазу. Те аспекты данной проблемы, которые многие годы недооценивались, сегодня становятся широко обсуждаемыми и их роль, со всей очевидностью, становится одной из ведущих. Делается попытка показать возможность оптимистического исхода конфликта в посткатастрофной сборке на основе православного российского идеала «Святая Триединная Русь».

Ключевые слова: духовная жизнь, когнитивные технологии, трансформация, синергетика социальных систем, бифуркация, концепт «Святая Триединная Русь».

COGNITIVE TECHNOLOGIES FOR REFORMATTING SPIRITUAL LIFE IN UKRAINE IN THE POST-SOVIET PERIOD

Svechnikova I.P.

The Crimean Regional Public Organization «Center for Spiritual Culture «Lebed», chairman. People's University of Spiritual Culture and Healthy Life, Rector

Abstract. This work summarizes the practical experience of the author's participation in the activities of various religious, scientific and public organizations of Ukraine, explores the transformation of their ideology over the past years. The author is trying to discover the prerequisites, patterns and driving forces of transformation, to show the

meaning of the factor of spiritual life in the formation of a conflict and a hybrid war that has switched today to a hot phase. Those aspects of this problem, which have been underestimated for many years, today become widely discussed and their role, with all the obviousness, becomes one of the presenters. An attempt is being made to show the possibility of an optimistic outcome of the conflict in post-charter assembly based on the Orthodox Russian ideal «Holy Triune Russ».

Keywords: Spiritual life, cognitive technologies, transformation, synergetics of social systems, bifurcation, concept «Holy Triune Russ».

Сегодня, в дни специальной военной операции на Украине, Российское общество ищет ответы на вопрос о причинах переформатирования социально-культурного и политического пространства украинского общества. Вопрос о том, как братский народ, с которым вместе прожиты столетия, стал глубоко враждебным, принял на себя роль своеобразного «копья» мирового глобализма против России. Эта проблема волнует военных, политиков, ученых, священнослужителей различных конфессий, деятелей культуры и представителей других социальных групп. Особенно остро вопрос звучит для членов семей, оказавшихся «по разные стороны линии фронта».

Данная работа посвящена анализу духовных предпосылок и современных когнитивных технологий, использование которых привело к трансцендентальному (метафизическому) и ментальному превосходству нашего противника на Украине. Автор исследует процессы духовной трансформации в самых разных сферах жизни на Украине и показывает, что в каждом конкретном случае ведущим звеном является «стяжание благодати Духа Святого».

Записи бесед Н. А. Мотовилова с великим старцем Серафимом Саровским свидетельствуют о том, что целью христианской жизни он считал «стяжание духа святого Божьего». Всякое другое доброе духовное дело (пост, молитва, милостыня...) есть средство. Дух святой — это дух истины, дух животворящий. И, в противоположность этому, веря лжи, люди накапливают дух лжи, дух умертвляющий. Отцом всякой лжи в христианской религии является Антихрист — архилжец. Именно наполнение атмосферы Украины духом лжи, утрата способности различения истины и лжи среди многих индивидуальных мнений, создание единой национальной матрицы лжи и привели к сегодняшнему состоянию коллективного сознания.

Великий русский мыслитель и поэт Федор Иванович Тютчев в стихотворении «Наш век» так описал процесс духовной деградации человека, приводящий к глубокой внутренней конфликтности, агрессивности и подверженности манипуляции:

*«Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует».*

Технология накопления духа лжи прекрасно разработана и образно описана в популярной детской книге английской писательницы Фрэнсис Хардинг «Дерево лжи». Эта книга получила несколько престижных премий и широко рекомендуется к прочтению детям. Каждому листику дерева нужно нашептать свою маленькую ложь. Чем больше людей в нее поверят, тем большие плоды принесет дерево [1].

По мнению автора, процесс современной трансформации коллективного сознания народа Украины имеет свои глубокие национальные предпосылки. С одной стороны, это процесс Крещения Руси, величайшая святость и духовное подвижничество. На Украине находятся три православных Лавры. Такого количества нетленных останков святых как в Киевской и Черниговской областях, нет нигде больше в мире. Этот духовный потенциал дает хоть и слабую, но надежду на духовное возрождение. С другой стороны, существует некая «толерантность» к бесовским силам, описанная Н. В. Гоголем в своих произведениях. В частности, в образе кузнеца Вакулы (чертик в мешке, когда нужно – оседлает, когда нужно – спрячет).

Для исследования когнитивных процессов трансформации духовной жизни на Украине в данной работе используются синергетические принципы самоорганизации сложных социальных систем, описанных академиком Никитой Николаевичем Моисеевым [2, с. 43-57]. Раскрывая общие свойства механизмов эволюции, ученый предполагает, что социальные общественные системы переходят из одного устойчивого состояния в другое через процесс бифуркации с возможностью катастроф и посткатастрофной сборки.

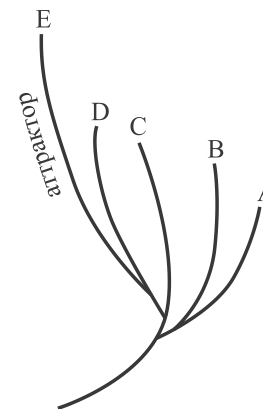

Рис.1

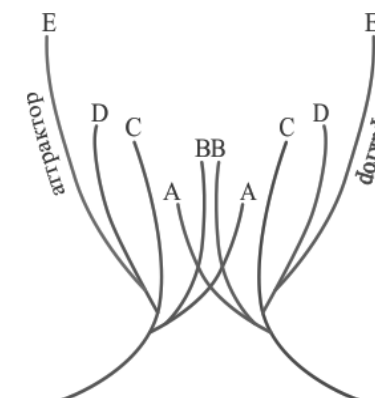

Рис. 2

Рисунок 1 изображает процесс бифуркации системы с выходом на новый аттрактор.

Рисунок 2 – взаимодействие двух противоборствующих систем, каждая из которых проходит свой процесс бифуркации и выходит в свое индивидуальное новое состояние. Подобное взаимодействие происходит сегодня во всех сферах отношений России с коллективным Западом, частью которого пытается стать Украина.

Философские основы проекта трансформации сознания народа Украины описываются понятиями «Ноомахии» Александра Гельевича Дугина в анализе логоса североамериканской цивилизации. В ядре этого логоса доминирует принцип «it's work», а не субъект и объект. «Всякие понятия, в том числе научные, не суть копии какой-либо независимой реальности, а выступают лишь как создаваемые познающим и, главное, действующим человеком *инструменты и планы действия*. Понятие, идею, надо трактовать *операционально, инструментально*: всякая идея, как таковая означает операцию, которая может быть осуществлена... Соответственно истина рассматривается как "успешность работы" по проверке надежности, эффективности этого интеллектуального инструментария» [3, с. 107].

Такой прагматичный подход дал возможность реализации проекта для большого количества малых социальных групп (при всех их конфессиональных, национальных, культурных, экономических и других различиях). Был найден своеобразный «ключик» для каждой группы, позволивший успешно вести ее в нужном направлении.

В начале девяностых годов в России и на Украине возник большой интерес к традиционным религиям, к различным духовным учениям и школам. После атеистической идеологии люди начали искать смысл жизни, гармонию в отношениях к природе и обществу, познавать целостную картину мира, осваивать богатейшее духовное наследие. Каждый выбирал доступный для себя путь духовного развития. Этим искренним интересом и воспользовались политтехнологи глобализма. Результаты их деятельности на Украине, которые обнаружили в ходе специальной военной операции, описывает помощник секретаря Совета безопасности России Алексей Павлов в статье «Что варят в «ведьмином котле». На Украине набрали силу неоязыческие культы».

«С 1990-х гг. на Украине множилось число адептов религиозных сект. Мощным толчком для этого стал госпереворот в Киеве 2014 г. Посаженные Вашингтоном во властные кресла исполнители реализовывали задачи, сыпавшиеся из-за океана. Одна из них — реформировать умы украинских граждан, заставить их отказаться от многовековых традиций, запретить настоящие ценности, которые несут православная вера, ислам и иудаизм. Используя сетевые манипуляции и психотехнологии, новые власти превратили Украину из государства в тоталитарную гиперсекту» — отмечает автор [4]. В данной статье отмечается «внеморальный радикализм» (по Д.Донцову) неоязыческого движения, а также канадские и австралийские корни многочисленных сект.

В области религиозной жизни с начала девяностых годов на Украине стали внедряться политизированные новации, призванные увести сознание верующих в нужном направлении. К ним можно отнести:

- дробление традиционного православия, захват храмов, вплоть до современных попыток полностью запретить УПЦ;
- строительство множества униатских храмов на западной Украине, издание колоссального количества антиправославной литературы;
- возникновение множества околохристианских сект;
- появление радикальных ответвлений традиционного ислама и иудаизма;
- появление большого количества обществ, пропагандирующих восточные учения.

Вместе с тем, проводилась тотальная когнитивная война в идеологической сфере среди самых разных слоев нерелигиозного населения. По данным военного эксперта Александра Артамонова,

по стандартам НАТО идеологическое оружие относится к оружию первой категории, а ядерное ко второй. Отметим лишь некоторые направления системной трансформации массового сознания населения Украины:

- фальсификация истории (от древних «укров» до Голодомора);
- извращение общей с Россией истории в русофобском ключе, в том числе истории Великой Отечественной Войны);
- дерусификация (запрет языка, культуры, ценностей...);
- десоветизация (снос памятников, переименование городов, улиц...);
- смена пантеона героев (И. Мазепа, С. Бандера, Р. Шухевич...);
- пропаганда материального изобилия при вхождении в Европу;
- популяризация философии украинского национализма (М. Грушевский, Н. Костомаров, Д. Донцов...);
- извращение популярных духовных общественных движений (рериховского, теософского, движения «Семья третьего тысячелетия», «Анастасия – Анаста» и других);
- распространение кабалистики и многих оккультных учений;
- распространение неоготики в школах, вузах;
- воспитание подростков и детей, в том числе и дошкольного возраста, в духе национализма и русофобии.

В этом процессе принимали участие «выдающиеся деятели» мирового глобализма в духовной сфере, такие как Патриарх Константинопольский Варфоломей, Бернар Анри-Леви, Рудольф Шнайдер, Вилли Аугустат и многие другие.

Прекрасным примером направленной трансформации может служить развитие биоэтики как науки, которая должна была связать медицину, экологию, биологию с валеологией, синологией, социальной работой, практикой этической экспертизы, педагогикой, даже с христианской этикой. Биоэтика стала популярной среди ученых Украины. Что в итоге – недоступная платная медицина, секретные биологические лаборатории, торговля органами, однополые браки, смена пола, суррогатное материнство, оправдание эвтаназии... И это под предлогом необходимости унификации законодательства с законами западных стран.

Уникальные новые маршруты разработаны в сфере туризма. В интернете их популяризируют туристические сайты. Это посещение резиденции Гимmlера на Вольни, ставки Гитлера «Волчье логово» под Винницей. Большой популярностью пользуются маршруты на Лысую гору в Киеве.

В итоге воздействия множества факторов возникло представление о пассионарности современного украинского этноса, проявляющееся сегодня в ходе специальной военной операции. По определению Льва Николаевича Гумилева, «Пассионарность — это непреодолимое внутреннее стремление (чаще неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели. Цель эта представляется пассионарной особи ценнее даже собственной жизни, а тем более жизни соплеменников и современников» [5, с. 33]. Таким образом Украина стала инструментом Запада в разрушении России.

Существует ли выход из этой катастрофической, можно даже сказать эсхатологической ситуации? Существует в сфере высоких духовных понятий. Преподобный Лаврентий Черниговский так описал представление о Святой Руси: — «Как нельзя разделить Святую Троицу, Отца, и Сына, и Святого Духа — это Един Господь Бог, так нельзя разделить Россию, Украину, Белоруссию, — это вместе Святая Русь».

«Триединая Русь! Ты земное подобие Троицы.

И прискорбна душа за напоенный ложью народ.

*Возрождайся, ликуй перезвоном воссозданной
звонницы,*

Триединая Русь, Православный Оплот».

Иеромонах Роман.

Сегодня от России требуется духовная мобилизация, подвижнический духовный труд, результатом которого может стать посткатастрофная сборка «Святой Руси».

Список литературы

1. Хардинг Ф. Электронная книга Дерево лжи [Электронный ресурс] // LibreBook. – URL: https://librebook.me/the_lie_tree (дата обращения 16.11.2022).
2. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990. 351 с.
3. Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Цивилизация границ. Цивилизации Нового Света. Прагматика грез и разложение горизонтов. М.: Академический проект, 2017. 558 с.
4. Павлов А. Что варят в «ведьмином котле». На Украине набрали силу неязыческие культы // RussiaPost. – URL: <https://www.russiapost.su/archives/310123> (дата обращения 19.11.2022).

5. Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990. 284 с.

КОНЦЕПЦИИ НООСФЕРЫ В.И.ВЕРНАДСКОГО И П.ТЕЙЯРА ДЕ ШАРДЕНА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Сенюшкин Е.А.

Кандидат политических наук,

*Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского,
доцент кафедры политических наук и международных отношений*

E-mail: seniushkin.evgen@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются основные положения концепции ноосферы, которая практически одновременно была сформулирована русским и советским учёным В.И.Вернадским и французом Пьером Тейяром де Шарденом. Обосновывается положение о том, что «ноосферу» сегодня следует рассматривать как самоорганизующуюся, саморазвивающуюся социоприродную систему, которая может бесконечно совершенствоваться во времени и пространстве, а может и прекратить своё существование в результате непродуманных управленческих решений, которые имеют последствия мирового масштаба.

Ключевые слова: В.И.Вернадский, Пьер Тейяр де Шарден, концепция ноосферы, кризис мирового управления.

THE CONCEPT OF THE NOOSPHERE BY V.I. VERNADSKY AND P. TEILHARD DE CHARDIN AS A THEORETICAL BASIS FOR OVERCOMING THE SYSTEMIC CRISIS OF WORLD POLITICS

Senyushkin E.A.

Candidate of Political Sciences,

*V.I.Vernadsky Crimean Federal University,
Associate Professor of the Department of Political Sciences and
International Relations*

E-mail: seniushkin.evgen@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the main provisions of the noosphere concept, which was formulated almost simultaneously by the Russian and

Soviet scientist V.I. Vernadsky and the Frenchman Pierre Teilhard de Chardin. The article substantiates the position that the "noosphere" today should be considered as a self-organizing, self-developing socio-natural system that can be infinitely improved in time and space, and may cease to exist as a result of ill-conceived management decisions that have consequences on a global scale.

Keywords: *V.I. Vernadsky, Pierre Teilhard de Chardin, the concept of the noosphere, the crisis of world governance.*

В условиях кризиса мирового управления, который фиксируется сегодня как на уровне теоретической рефлексии, так и при помощи аналитической проекции, концепция ноосферы приобретает новое звучание. В решающей степени это связано с тем, что концепция ноосферы основывается на идее о неизбежности вхождения планеты Земля в новую эпоху – ноосферу, что может быть осуществлено при условии разумного управления основными процессами биосферы.

Одна из особенностей концепции ноосферы заключается в том, что она практически одновременно была сформулирована русским и советским учёным В.И.Вернадским и французом Пьером Тейяром де Шарденом. Известно, что Вернадский и Тейяр де Шарден были знакомы и общались друг с другом. Неслучайно, в связи с этим, что феноменология общества у Тейяра де Шардена начинается с фиксации его как основной части ноосферы.

Интересным представляется, на наш взгляд, также и то, что П.Тейяр де Шарден рассматривал проблему энергетического взаимодействия в физическом мире в свете христианского мировоззрения. При этом он противопоставлял две энергии – тангенциальную и радиальную, понимая последнюю «как воплощение любви и соотносил данную интерпретацию с католическим и православным вероучением» [3, с.100].

В.И.Вернадский, по понятным причинам, такого измерения концепции ноосферы в советское время себе позволить не мог, кроме того, его дневники свидетельствуют скорее о позитивистском, чем о религиозном мировоззрении учёного. Тем не менее, исследователи отмечают влияние на В. И. Вернадского отца П. Флоренского, который предложил термин «пневмосфера», являющийся аналогом термина «ноосфера» [2, с. 87].

Также нельзя исключить, что «рецепция идеи ноосферы и пневмосферы В. И. Вернадским свидетельствует об открытости ученого для принятия идей, имеющих в явном или косвенном виде

прорелигиозную (прохристианскую в данном случае) направленность» [2, с. 87]. Однако это предположение требует более фундаментальной аргументации, основанной на архивных данных и текстах, написанных В.И.Вернадским в разные периоды его жизни.

Религиозная проекция концепции ноосферы открывает путь для преодоления её узкобиологической интерпретации. В этой связи Е.С.Шушаков отмечает, что «Бог в тейярдизме воспринимается как эпифеномен от развития ноосферы, иначе говоря, индивидуальные сознания для него являются такими же его составляющими, как клетки организма человека для его организма. А следовательно, встает вопрос об апокатастасисе и об индивидуальном взаимодействии Бога с отдельной человеческой личностью, а не с человеком как биологическим видом» [3, с. 112].

Наряду с этим, можно согласиться с Е.С.Шушаковым, что основное различие в концепциях ноосферы В. И. Вернадского и П. Тейяра де Шардена «исходит из различной трактовки понятия «биосфера» двумя мыслителями и их расхождения в представлениях о конечной стадии исторического процесса» [2, с. 87].

Также следует упомянуть, что по объективным историческим причинам при жизни В. И. Вернадский был востребован советским государством в основном как геохимик. Более того, «некоторые его научные выводы современниками были не приняты» [1, с. 4]. Его теоретические работы по биосфере были востребованы практикой только при осуществлении природоохранных мероприятий в 70-е годы прошлого века, когда было осознано, что В.И.Вернадским создано новое синтезирующее научное направление. С вступлением мира в глобальный экологический кризис в начале 80-х, начинается увлечение идеями ноосферы, поддержанное российскими экологами А.Л.Яншиным, Н.Н.Моисеевым, В.П.Казначеевым, А.Д.Урсулом и другими учеными. В результате в научный оборот было введено понятие ноосферогенеза.

В настоящее время концепция ноосферы представляет собой учение о становлении, развитии и трансформации этого явления. В контексте ноосферного подхода работают такие исследователи как Э.В.Гирусов, Э.С.Демиденко, В.А.Кутырев и др. В работах этих авторов на основе учения В.И.Вернадского исследованы проблемы сущности современного состояния «ноосферы», перспектив ее развития, сформулированы законы ее функционирования, разработана собственная система понятий.

Большинство из названных исследователей рассматривают «ноосферу» как самоорганизующуюся, саморазвивающуюся

систему, которая может бесконечно совершенствоваться во времени и пространстве, представляя собой эволюцию состояний от протоноосферы до реальной ноосферы, включающей такие состояния, как: инфоноосфера, эконоосфера, космоноосфера, астроноосфера.

К.В.Симаков и Ф.Т.Яншина обратили внимание на то, что разработка В.И.Вернадским проблемы внутреннего времени Земли на 40 лет опередила широко известные работы И.Пригожина и И.Стенгерс. И уже в последние десятилетия академическое сообщество стало осознавать, что труды В.И.Вернадского в совокупности ознаменовали собой начало поворота к новому мировоззрению. Этот поворот был назван «вернадскианской революцией», сутью которой стало заложение основ теоретического и методологического фундамента новой мировоззренческой парадигмы.

Крайне востребованными сегодня являются и положения Тейяра де Шардена, в соответствии с которыми изучаемый сам по себе в узком плане антропологами и юристами, человек – нечто весьма малое и даже уermaющее. Мыслитель считал, что слишком выделяющаяся индивидуальность человека маскирует собой целостность, и наш рассудок, рассматривая человека, склонен дробить природу и забывать о ее глубоких связях и безграничных горизонтах – «впадать в дурной антропоцентризм».

Подобный подход представляется нам особенно важным, так как любая попытка решения наиболее острых проблем, связанных с управлением мировыми процессами, неизбежно будет погружать нас в экономическое, социальное, культурное пространство, требуя всестороннего и комплексного анализа.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что, следуя идеям В.И.Вернадского и П.Тейяра де Шардена, концепцию ноосферы следует рассматривать через призму системных особенностей отношений человека, природы и общества. Так как любая деятельность человека может быть рассмотрена в контексте ноосферного подхода, есть все основания рассматривать систему «природа – общество – человек» как целостную, открытую, волновую и динамическую систему. В этой системе государство занимает место, определяемое природными и социальными координатами. Областью «пересечения этих координат, точкой отсчета» являются правила устойчивого жизнеобеспечения, принимающие форму законов сохранения развития страны в целом.

Так как понимание идей В.И.Вернадского «приходит по мере развития общества» [1, с. 4], это означает, что «ноосферу» сегодня следует рассматривать как самоорганизующуюся, саморазвивающуюся социоприродную систему, которая может бесконечно совершенствоваться во времени и пространстве, а может и прекратить своё существование в результате непродуманных управленческих решений, которые имеют последствия для всего мира. В связи с этим, говоря о кризисе управления в мировом масштабе, следует иметь в виду многосоставную деятельность в системе «природа – общество – человек», направленную на сохранение и развитие этой системы.

Список литературы

1. Межгосударственная конференция «Научное наследие В.И.Вернадского в контексте глобальных проблем цивилизации», 23-25 мая 2001 г. М.: Издательский дом «Ноосфера», 2001. – 468 с.
2. Шушаков Е.С. Генезис термина «Ноосфера» и его использование П.Тейяром де Шарденом и В.И.Вернадским // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2020. Вып. 87. С. 87–105.
3. Шушаков Е.С. Концепция творения мира и эсхатологические представления в творчестве П. Тейяра де Шардена // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2018. № 3. С. 100-112.

СОБСТВЕННОСТЬ КАК СМЫСЛОВОЙ ЭЛЕМЕНТ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Сенюшкина М.А.

*Кандидат экономических наук, доцент, Заслуженный
работник образования Автономной Республики Крым,
Почётный член Крымской Академии наук
E-mail: marsen2@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема взаимосвязи двух социальных феноменов - собственности и коллективной памяти на примере российского общества. Общественная собственность, которая казалась железобетонным экономическим фундаментом советского государства, после его краха стремительно преобразилась в частную собственность. С другой стороны, можно утверждать, что именно смена собственности привела к разрушению СССР, оставив основной массе постсоветского населения лишь воспоминания о том, что когда-то все недра, заводы и фабрики, и в целом, вся экономика огромного и влиятельного государства принадлежала народу. Однако трансформация общественной собственности после распада СССР так и не стала не только предметом общественных дискуссий, но и оказалась на обочине академического дискурса всех постсоветских стран, и Россия не является здесь исключением.

Ключевые слова: *собственность, коллективная память, частная собственность, общественная собственность, спекулятивный капитал, соборность.*

PROPERTY AS A SEMANTIC ELEMENT OF THE COLLECTIVE MEMORY OF RUSSIAN SOCIETY

Senyushkina M.A.

*Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Honored Worker of Education of the Autonomous Republic of
Crimea, Honorary Member of the Crimean Academy of Sciences
E-mail: marsen2@yandex.ru*

Abstract. *The article deals with the problem of the relationship between two social phenomena - property and collective memory on the*

example of Russian society. Public property, which seemed to be the reinforced concrete economic foundation of the Soviet state, was rapidly transformed into private property after its collapse. On the other hand, it can be argued that it was the change of ownership that led to the destruction of the USSR, leaving the bulk of the post-Soviet population with only memories that once all the bowels, factories and factories, and in general, the entire economy of a huge and influential state belonged to the people. However, the transformation of public property after the collapse of the USSR has not become not only the subject of public debate but it also found itself on the sidelines of the academic discourse of all post-Soviet countries, and Russia is no exception here.

Keywords: *property, collective memory, private property, public property, speculative capital, conciliarity.*

Проблематика коллективной памяти является в настоящее время одной из наиболее актуальных и востребованных в различных науках: социологии, антропологии, культурологии, философии, истории. В рамках этих наук «формулируется категориальный аппарат исследований памяти, социального времени, феноменов забвения, мобилизации социальной памяти, определяются ее функции, обсуждаются вопросы о том, как работает память, как становится ресурсом социального взаимодействия и культурного выбора» [1]. Одновременно с этим, проблема собственности также является «одной из самых дискуссионных и принципиально важных в современной экономике России» [6]. Собственность как категория также является предметом рассмотрения различных наук, вследствие чего можно говорить об экономическом, социологическом, правовом, философском толковании собственности [7].

Но если феномен коллективной памяти прочно занял свою нишу в современных российских гуманитарных исследованиях, то проблеме собственности не так повезло – исследований на эту тему не так много, а тем более, если речь заходит о рассмотрении взаимосвязи коллективной памяти и собственности.

Исходя из сказанного выше, далее мы рассмотрим проблему собственности в контексте её взаимосвязи с коллективной памятью российского общества.

Как отмечает К.Исупов, проблема собственности никогда не стояла в центре внимания русской философской мысли, а «вопрос о вещественной собственности обсуждался на перекрёстке трёх измерений: «Божье», «свое» и «чужое» [5]. При этом «собственность в аспекте исторической памяти и культурной преемственности

никогда русской мыслью не отрицалась (при всей её склонности к нигилизму)» [5].

Различные аспекты проблемы собственности обсуждались представителями русского Просвещения второй половины XVIII – начала XIX в. Я. П. Козельским, С. Е. Десницким, И. А. Третьяковым, А. Я. Поленовым, Н. И. Новиковым, Д. И. Фонвизиним, И. П. Пниним, А. П. Куницыным. Не чуждыми вопросы собственности были и для русских социологов XIX – начала XX в. П. Л. Лаврова, Н. П. Огарева, Б. Н. Чичерина и других. Особое место в этом ряду занимают труды видных представителей религиозной философской и социологической мысли XX в. Н. Ф. Федорова, В. С. Соловьева, П. И. Новгородцева, В. Ф. Эрн, Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, С. Н. Булгакова, П. Б. Струве, С. Л. Франка, Ф. А. Степуна, участников евразийского движения Н. Н. Алексеева, П. Н. Савицкого [см. 9].

Как отмечает В.П.Кошарный, в свете идеи соборности, утвердившейся в русской социально-философской и социологической мысли со времени ранних славянофилов, система государственного регулирования и взаимодействие людей и социальных групп в рамках отношений гражданского общества рассматривались как две взаимосвязанные стороны соборной жизни общества. В осмыслении проблемы собственности в русской философии вытекало, таким образом, два вывода: 1) о необходимости частной собственности как условия свободы личности – она должна служить не только самому собственнику, но и обществу в целом; 2) государственное регулирование общественной жизни распространяется и на сферу экономическую, но лишь в той мере, в какой это необходимо для обеспечения личной свободы людей, ее ограничения там, где она приводит к нарушению прав других членов общества [9].

Согласно представлениям С. Л. Франка и его единомышленников, – основная методологическая платформа для понимания собственности — это принцип соборности. Отдельным людям собственность, в соответствии с данной концепцией, принадлежит не как прирожденное и абсолютно-неотъемлемое право, а как право (основанное на обязанности) владения и управления долей общего достояния, проникнутое идеей служения и имеющее функциональное значение. Но и государство имеет право и обязанность участвовать в экономической жизни, укреплять систему взаимодействия частных собственников в интересах общества в целом. Как отмечает В.П.Кошарный, фактически здесь речь идет об

одном из первых (если не первом) вариантов теории конвергенции, равно отстоящей от либерально-индивидуалистических и социалистических взглядов и предлагавшей третий путь социально-экономического развития. *Причем в интерпретации С. Л. Франка это путь не беспринципного компромисса и эклектизма, а особый, третий, путь, проникнутый внутренним единством, где начала соборности и начала государственного служения не вытесняют друг друга, а органически соучаствуют во всех проявлениях экономической жизни* [9] (курсив М.А.Сенюшкиной).

После революции 1917 года собственность в России претерпела кардинальную трансформацию – на смену частной собственности пришла общенародная собственность, которая и являлась основой советской экономики вплоть до развала могущественного государства, влияние которого было обусловлено системой биполярного мира.

С приходом к власти М.Горбачёва и начатой им перестройкой произошёл возврат к частной форме собственности. Реформы, начатые в СССР в конце 80-х годов XX века, представляют, по мнению автора, мощное оппортунистическое течение, зародившееся внутри коммунистической партии. По этой причине реформаторам удалось достичь «парадоксальных успехов в разрушении производственного потенциала народнохозяйственного комплекса и ускоренного изменения банковской системы, приведшей к гиперинфляции и разрушению денежной системы» [12]. При этом изменению формы собственности и юридической легитимации частной собственности способствовали конституционно-правовые изменения, в результате которых сформировались новые структуры власти и была кардинально преобразована вся общественная система.

Первыми частнособственническими элементами, возникшими на развалах социалистической экономики, стали акционерные общества, товарищества, кооперативы, коммерческие банки, которые были созданы для обслуживания экономического оборота частного сектора с целью легитимного преобразования социалистической экономической системы, основанной на общенародной собственности на средства производства и продукты труда.

При этом следует отметить, что реформы проводились под руководством представителей верхних эшелонов партийной власти, которые пустили по наклонной весь народно-хозяйственный комплекс, разрушили политическое устройство советского государства и отдали на откуп националистическим элитам бывшие

республики, входившие в состав СССР. Современный кризис на Украине демонстрирует ошибки высшего политического руководства СССР, допущенные на этом этапе.

В качестве альтернативы выбранному курсу можно рассматривать ситуацию в Китайской Народной Республике. Сохранение общенародной собственности с осторожным расширением сферы частной собственности убедительно показало свои преимущества. Примечательно, что лишь только в 2007 году специальным законом в Китае был одобрен закон о защите частной собственности [8].

Как отмечает М.Ю.Коростиков, признав частную собственность и предпринимателей, государство «сделало всё возможное, чтобы создать в стране экономический климат, способствующий развитию этого вида деятельности. Это, впрочем, отнюдь не отменило того факта, что КПК намерено сохранять полный контроль над государством и обществом, в том числе и через значительный сектор государственной собственности, в основном включающей в себя энергетику, оборону, транспорт и базовые ресурсы» [8].

Как мы уже отмечали выше, в советский период приоритетной ценностью являлся общественный тип собственности, в связи с чем общенародная собственность защищалась государством в приоритетном порядке. Действующая Конституция РФ не рассматривает какую-либо форму собственности в качестве основной и, как следствие, признает и равным образом защищает различные формы собственности. Многообразие форм собственности характеризует основы экономической системы как рыночной. Перечисляя формы собственности (частная, государственная, муниципальная и иные), которые признаются и защищаются равным образом, Конституция РФ на первое место ставит собственность частную [3, с. 25].

Современный глобализирующийся мир развивается в условиях раздвоения экономического пространства в системе общественных отношений, обусловленных распадом социалистической системы и формированием рыночных отношений в продвижении общественного продукта в условиях всеобщего рынка. При этом приоритетом является частная собственность на средства производства как в отдельных странах, так и в системе международной интеграции современного формирования производительных сил.

При этом следует отметить, что наблюдается развитие противоречий, обусловленных формированием военно-промышленного комплекса, который используется для урегулирования конфликтов между различными странами, протекающими в различных регионах мира – в Сирии, Венесуэле и др., что обусловлено влиянием кризиса капиталистической системы.

Капитализм в современных условиях находится в состоянии естественного упадка, так как в мире активизируется тенденция в сфере рационализации общественного производства. Основная причина кризиса капитализма в современных условиях определяется развитием противоречий между трудом и капиталом, ибо нарушается механизм жизнеобеспечения населения капиталистических стран современного мира [11].

Отдельная тема – это спекулятивный капитал, который и порождает современные экономические кризисы. Так, причиной мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. стало не перепроизводство товаров, как в классических экономических циклах, а «перепроизводство» финансовых инструментов, призванных обеспечивать как нормальный производственный процесс, так и в целом экономический рост: «Выпущенная масса этих инструментов имела под собой основу – спекулятивный капитал, не обеспеченный реальными товарами. Его формирование в экономике каждой страны, а также приток в экономику многих стран извне вызвал значительное напряжение в ходе цикла и разрыв в цепи фаз производства, что повлекло кризисные явления в финансовом секторе, которые стали переходить от страны к стране по эффекту домино» [4, с. 3].

Как отмечает А.Н.Зеленюк, «объективная причина возникновения спекулятивного капитала и его рост вытекает из принципа неопределенности, который означает, что практически все решения в рыночной среде принимаются в условиях неопределенности будущего развития хозяйственной жизни» [4, с. 3].

При этом объем спекулятивных операций на рынках вторичных ценных бумаг составляет около 300 триллионов долларов (по оценке Федеральной резервной системы). На данном рынке ставят на все или почти на все, что предлагают менеджеры богатых хеджевых фондов. «Фьючерсы, форварды, опционы, свопы превратились в манию» [10].

В целом можно утверждать, что общество, основанное на частной собственности, менее устойчиво не только в экономическом,

но и в морально-этическом плане. Как убедительно показал М.Вебер [2], капитализм вторгается в сферу нравственности и навязывает человеку определённый набор этических качеств, к примеру, таких как расчётливость и эгоизм. В этом смысле можно сказать, что современные российские поколения, коллективная память которых содержит воспоминания о разных типах общественных систем (социализм и капитализм), отличаются друг от друга не только в своём экономическом поведении, но и в иерархии жизненных смыслов и ценностей

Подводя итог сказанному, отметим, что общенародная собственность, которая казалась железобетонным экономическим фундаментом советского государства, после его краха стремительно преобразилась в частную собственность. С другой стороны, можно утверждать, что именно смена собственности привела к разрушению СССР, оставив основной массе постсоветского населения лишь воспоминания о том, что когда-то все недра, заводы и фабрики, и в целом, вся экономика огромного и влиятельного государства принадлежала народу.

Примечательно, что трансформация общенародной собственности после распада СССР так и не стала не только предметом общественных дискуссий, но и оказалась на обочине академического мейнстрима всех постсоветских стран, и Россия не является здесь исключением.

Список литературы

1. Баранова В.А., Жукова М.О. Коллективная память о России XX века и ценности разных поколенческих групп // Российский психологический журнал. 2018. Т.15. № 3. С.193.
2. Вебер М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. 4-е изд. / Сост. Ю.Н. Давыдов. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 656 с.
3. Жаботинский М.В. К вопросу о формах собственности в гражданском законодательстве Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 4 (22). С.25.
4. Зеленюк А.Н. Спекулятивный капитал в мировой экономике // Российский внешнеэкономический вестник. 2009. № 9. С. 3.
5. Исупов К., Савкин И. Русская философия собственности (XVII-XX вв.) – СПб.: СП «Ганза», 1993. С.5-6.
6. Ковынев Э.А. Проблема собственности в экономике России. URL: <https://pandia.ru/text/77/230/31733.php>

7. Королева А.В., Сабина А.С., Лебедева С.О. Проблема собственности в русской философской традиции. URL: <https://scienceforum.ru/2014/article/2014007354> (дата обращения: 15.02.2022).
8. Коростиков М.Ю. Власть и собственность в Китае // Сравнительная политика. 2015. № 2 (19). С. 50-65.
9. Кошарный В.П. Проблема собственности в русской религиозной философско-социологической мысли начала XX века // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. Социология. 2019. № 1 (49). С. 116-124.
10. Маслов О. Спекулятивный капитал, деривативы, хедж-фонды и Первая глобальная Великая депрессия XXI века. URL: <http://www.polit.nnov.ru/2007/11/26/greathedged/> 26.11.2007
11. Сеньюшкина М.А. Пространство и время в условиях современного кризиса капитализма // Политическое пространство и социальное время: Глобальные вызовы и цивилизационные ответы. Сборник научных трудов XXXVII Международного Харакского форума 5–7 ноября 2020 г., г. Симферополь. В 2-х т. Т. 2 / Под общ. ред. Т.А. Сеньюшкиной; [науч.ред.: Е.А.Сеньюшкин, П.И.Пашковский] – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. С.239-243.
12. Сеньюшкина М.А. Социально-экономические последствия реформирования собственности в Украине и Крыму (Очерки теории и практики). Симферополь: Таврический экологический институт, 2003. С. 4.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ВООРУЖЁННЫХ КОНФЛИКТАХ

Сеньюшкина Т.А.

Доктор политических наук,

Заслуженный работник образования Республики Крым,

*Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского,
профессор кафедры политических наук и международных отношений
E-mail: senyushkinata@cfuv.ru*

Аннотация. В статье рассматривается роль религиозного фактора в вооружённых конфликтах. На основе обзора литературы автор приходит к выводу, что религиозный фактор в вооружённых конфликтах следует анализировать в комплексе множества других

факторов, которые влияют на развитие военного противостояния. При этом определяющую роль играют экономические и геополитические факторы. Утверждается, что религиозный фактор не является доминирующим в вооружённом противостоянии, однако в силу его иррационального характера он может обострять объективно существующие противоречия, которые разрешаются военным путём. В качестве перспектив для дальнейших исследований заявленной темы указывается на целесообразность расширения методологического арсенала при анализе вооружённых конфликтов. В частности, речь может идти об использовании методологических возможностей сетевого подхода, изложенного в версии известного теоретика М.Манна.

Ключевые слова: вооружённый конфликт, религиозный фактор, военное противостояние, вооружённые конфликты в странах Азии и Африки, украинский кризис, сетевой подход, М.Манн.

RELIGIOUS FACTOR IN MILITARY CONFLICTS

Senyushkina T.A.

Doctor of Political Sciences,

Honored Worker of Education of the Republic of Crimea,

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Professor of the
Department of Political Sciences and International Relations*

E-mail: senyushkinata@cfuv.ru

Abstract. *The article examines the role of the religious factor in armed conflicts. Based on the analysis of the literature on this topic, the author comes to the conclusion that the religious factor in armed conflicts should be analyzed in the complex of many other factors that affect the development of military confrontation. At the same time, economic and geopolitical factors play a decisive role. It is argued that the religious factor is not dominant in the armed confrontation, however, due to its irrational nature, it can aggravate objectively existing contradictions that are resolved by military means. As prospects for further research of the stated topic, the expediency of expanding the methodological arsenal in the analysis of armed conflicts is indicated. In particular, we can talk about using the methodological capabilities of the network approach, set out in the version of the famous theorist M. Mann.*

Keywords: *armed conflict, religious factor, military confrontation, armed conflicts in Asia and Africa, Ukrainian crisis, network approach, M. Mann.*

Конкуренция мировых держав, связанная с борьбой за доступ к ресурсам в глобальном масштабе, провоцирует рост вооружённых конфликтов в разных точках земного шара. Согласно данным СИПРИ, с 1990-го по 2006-й год на планете произошло 57 крупных вооружённых конфликтов (КВК), в том числе в Африке — 19, в Америке — шесть, в Азии — 15, в Европе — семь. Только в 2005 году СИПРИ зарегистрировал 17 КВК в 16 географических зонах мира [цит. по: 3, с. 9].

Особую актуальность исследование вооружённых конфликтов приобретает в современных условиях. Начиная с 24 февраля 2022-го года новостные ленты информационных ресурсов большинства стран мира на первых полосах освещают ситуацию в зоне боевых действий на территории Украины, а также международный резонанс, связанный с этой темой.

Как и любой конфликт, вооружённое противостояние развивается под воздействием множества факторов. В этом смысле российско-украинский конфликт не является исключением, так как в нём переплетаются геополитические, геоэкономические, социально-психологические, демографические, религиозные и др. факторы. При этом религиозный фактор в любом конфликте, а тем более, в вооружённом, следует рассматривать в комплексе факторов, которые действуют на всех стадиях противостояния – от латентной до стадии постконфликтного урегулирования.

Обзор литературы на эту тему показывает, что исследования, посвящённые анализу роли религиозного фактора в вооружённых конфликтах, преимущественно фокусируют внимание на конкретных конфликтах. К примеру, Д.Б. Мальшева на примере военно-политических событий в развивающихся странах Азии и Африки выявила роль религиозного фактора в вооружённых конфликтах, которые произошли в этом регионе в 70-80 годы» [2].

В исследованиях Кузнецова А.А. показана роль религиозного фактора в развитии военно-политического конфликта в Йемене [1]. Кроме религиозного фактора, автор исследовал также племенную и клановую структуру Йемена и показал влияние племен на внутривнутриполитическую ситуацию в стране, а также проанализировал позиции внешних акторов йеменского конфликта, в частности, ИРИ и Саудовской Аравии, и их влияние на военно-политическое противостояние в этой стране. По мнению автора, «основной причиной нынешнего политического кризиса и гражданской войны в Йемене является не конфессиональный, а кланово-племенной

фактор» [1, с. 17]. А.А.Кузнецов убежден также в том, что «причинами вооруженного выступления хоуситов стали тяжелая социально-экономическая ситуация в провинции Саада и старый конфликт хоуситской элиты с шейхами племени Хашед. При этом «вмешательство внешних акторов (ИРИ и Саудовская Аравия) создает предпосылки для перерастания гражданского конфликта в религиозный» [1, с. 17].

Особый интерес представляет, на наш взгляд, один из выводов, который делается в данном исследовании. В частности, автор утверждает, что «йеменский конфликт невозможно урегулировать, не развязав прежде нескольких узлов. Первым из них является геополитическое соперничество между Ираном и Саудовской Аравией. Для прекращения йеменского кризиса нужно минимизировать вмешательство ИРИ во внутренние дела этой страны. Вторым узлом являются справедливые требования хоуситов и южан-суннитов по разделу власти и собственности. Для их выполнения необходима федерализация Йемена с созданием автономий в хоуситских районах и на юге страны» [1, с. 24].

На основе анализа рассмотренных выше исследований можно утверждать, что религиозный фактор в вооружённых конфликтах следует анализировать в комплексе множества других факторов, которые влияют на развитие военного противостояния. При этом определяющую роль, на наш взгляд, играют экономические и геополитические факторы. Религиозный фактор не является доминирующим в вооружённом конфликте, однако в силу его иррационального характера он может обострять объективно существующие противоречия, которые разрешаются военным путём.

В качестве перспектив для дальнейших исследований заявленной темы укажем на целесообразность расширения методологического арсенала при анализе вооружённых конфликтов. В частности, речь может идти об использовании методологических возможностей сетевого подхода, изложенного в версии известного теоретика М.Манна, в трудах которого «сетевой процесс рассматривается как взаимодействие различных акторов, нацеленных на достижение собственных интересов при помощи обмена ресурсами» [4, с. 33]. В качестве одного из ведущих акторов вооружённых конфликтов можно рассматривать военно-промышленный комплекс, который непосредственно заинтересован в расширении пространства военных действий в разных регионах мира. При этом также следует учитывать, что в условиях турбулентности современных мировых политических процессов,

вооружённые конфликты «приобретают новые сущностные черты, обусловленные новыми формами противостояний государств и их объединений, а также цифровизацией всех процессов, в том числе, и геополитических» [4, с. 33]. В связи с этим необходимо акцентировать внимание исследователей на новых типах конфликтов - информационно-психологических, когнитивных, гибридных и др.

Список литературы

1. Кузнецов А.А. Конфессиональные и племенные предпосылки военно-политического конфликта в Йемене // Исламоведение. 2019. Т. 10, № 1. С. 17–26.
2. Малышева Д.Б. Религиозный фактор в вооружённых конфликтах современности: Развивающиеся страны Азии и Африки в 70-80 гг. / Д. Б. Малышева; АН СССР, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. - М. : Наука, 1991.191 с.
3. Махонин В.А. Вооружённые конфликты: понятия, классификация, причины возникновения // Военная мысль. 2010. № 8. С.3-14.
4. Сеньюшкина Т.А., Сеньюшкин Е.А. Управление международными конфликтами как сетевой процесс // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. Т.10. № 4(37). С.33-37.

THE CONCEPT OF SOFT POWER IN THE DOMESTIC POLICY OF MODERN KAZAKHSTAN (ELECTIONS OF THE RURAL AKIM)

Silam A.Zh

L.N. Gumilev Eurasian National University,

Master's degree student

E-mail: asem.silam@mail.ru

Kalenova T.S.

PhD in History

L.N. Gumilev Eurasian National University,

Associate Professor of the department of Political Science

E-mail: kalenovats@mail.ru

Abstract. The term "soft power", which is a short time became a topical political discourse at the global level, has become an important

direction in the foreign and domestic policy of many countries. In general, there are various mechanisms for citizen participation in government. For example, everyone has the right to choose as an individual through elections to local maslikhats, members of parliament, and the president. If this citizen is directly involved in the management of the state, his indirect participation in the management of the state through the same deputies or the President as his elected representative is considered. This article considers the elections of rural akims in the country this year. Through the elections of akims, we have seen an increase in the quality of local self-government, as well as the expansion of our political culture among the population of districts and villages. It should also be noted that this year's mayoral elections were held through direct elections.

In fact, in recent years, the election of local akims has been raised several times by experts and ordinary people, and has recently become an official process. The task of introducing direct elections of rural akims by following per under the President's Address of September 1, 2020 "Kazakhstan in the new situation: a period of action" gave an impetus to the development of political life in the country. After all, the people's election of their mayor will undoubtedly increase the efficiency of his activities.

Keywords: Soft power, election of rural akim, Kazakhstan, self-government, party, candidates

КОНЦЕПЦИЯ МЯГКОЙ СИЛЫ ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНА (ВЫБОРЫ СЕЛЬСКОГО АКИМА)

Силам А.Ж.

*Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева,
студент*

E-mail: asem.silam@mail.ru

Каленова Т.С.

*кандидат исторических наук
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,
доцент кафедры политологии*

E-mail: kalenovats@mail.ru

Аннотация. Термин «мягкая сила», который за короткое время стал актуальным политическим дискурсом на глобальном уровне, является важным направлением внешней и внутренней политики

многих стран. В целом существуют различные механизмы участия граждан в управлении государством. Например, каждый гражданин как личность имеет право путём голосования выбирать в местные маслихаты депутатов, а также депутатов парламента и президента. Если этот гражданин принимает непосредственное участие в управлении государством, считается его опосредованное участие в управлении государством через тех же депутатов или Президента в качестве его избранного представителя. В данной статье рассматриваются выборы сельских акимов в стране, состоявшиеся в этом году. Через выборы акимов мы наблюдаем повышение качества местного самоуправления, а также расширение политической культуры населения районов и сел. Следует также отметить, что выборы акима в этом году прошли путём прямого голосования. Тема выборов местных акимов неоднократно поднималась экспертами и населением, а в последнее время это стало официальным процессом. Задача введения прямых выборов сельских акимов в соответствии с Посланием Президента от 1 сентября 2020 года «Казakhstan в новой ситуации: период действия» придала импульс развитию политической жизни в стране. Ведь избрание народом своего акима, несомненно, повысит эффективность его деятельности.

Ключевые слова: Мягкая сила, выборы акимов, местное самоуправление, партия, кандидаты.

The theory of "soft" force is a term that is actively followed by the world's major actors and is widely used in political science. A series of centuries-long military conflicts in the second half of the twentieth century, cultural, economic, political, ideological, etc. continued the policy of nonviolent means to achieve the goal.

This theory was first proposed by Joseph Nye, a professor at Harvard University in the United States. In a 1990 article in Foreign Policy entitled "Bound to lead: The changing nature of American power," he argued that the balance of power in the world was shifting, that the importance of armed warfare would disappear, and that "soft power" will be on the agenda.

In his book Soft Power: The Means to Success in World Politics, Joseph Nye put forward the following statement. It's not just the ability to persuade or reconcile "soft power" with different arguments. It is also an attractive ability, and attractiveness leads to success. In short, soft force is gravity. In terms of resources, "soft power" means assets that attract gravity. [1, p. 4].

The term "soft power", which is a short time became a topical political discourse at the world level, has become an important direction in the foreign and domestic policy of many countries. Today, in line with the rapid development of globalization, the influence of "soft power" policy is growing.

Also applies to Kazakhstan. Cultural and political values form the basis of soft power. They attract others and give other people «whatever you want»

Political values: democratic elections, multi-party structure; human rights – freedom; charity [2, p. 31].

Soft power is associated not only with the foreign policy of the state but also with the process of domestic policy. The soft power between the people and the government in the domestic policy of the state is the election.

The concept of "election" is multifunctional and multifaceted in political science. It is difficult to convey its essence in a single definition that provides all aspects. In the broadest political sense, the political process of the transition of power of the ruling elite, group, party, governed by the rules of the electoral-political game and the rule of law. As an institution of democracy, it is a form of a political party, elite civic struggle for power. This is done by influencing the actions and perceptions of voters and getting their votes. In political relations, elections are seen as a source of state power, a

way for the people to vote by secret ballot, through which the people express and protect their interests [3, p.161].

This year, for the first time in our country, direct elections of akims of rural, settlements, and cities at the district level were held. This was a manifestation of the political soft power in the country. That is, citizens understand that this election is a real opportunity to express their civic position.

In general, the development of local self-government is a separate, wide-ranging, and topical issue. In all advanced countries, there is a system of municipalities and they are the most independent of the central government. Its structure and system are simple, open, and understandable to citizens. In other words, the system of local self-government in these countries is one of the most important institutions of democracy.

Kazakhstan has been striving to reform the system of local government and self-government since independence. Local self-government is the closest administration to the people.

Most developed countries strive to improve the models of local government and self-government. This level of government is the closest to

the population and solves the problem of meeting the basic needs of the population. With the rational formation of local government and self-government, not only the optimal use of local resources but also a significant increase in public confidence in the government.

Administrative supervision of local self-government is not a purposeless mechanism of coercion against bodies of local self-government. Administrative supervision of local self-government is linked to public interest. On the level of local self-government administrative supervision of local self-government helps to ensure transparency, openness, civic spirit, pluralism, democracy, and absence of corruption at bodies of local self-government and even active operation of non-governmental organizations. These features are in line with the paradigm of the new public governance. Therefore, it can be maintained that administrative supervision of local self-government is a public good provided not on competition basis and one of the public administration forms fulfilling the objectives of public governance in order to benefit the public interest: ensuring legitimacy at local self-government [4, p. 24].

Akim - representative of the President and the Government of the Republic of Kazakhstan, head of the local executive body (in case of its creation) and providing of holding the state policy in relevant territory, coordinated functioning of all territorial subdivisions of central government bodies of the Republic of Kazakhstan, lead executive bodies, financed from relevant budget, invested with authority of local government and functions of self – government in accordance with the legislation of the Republic of Kazakhstan, responsible for the condition of socio-economic development in relevant territory.

Akim of region, district, city, district in the city, rural district, rural settlement and village, not included as a composition of rural district, in addition to functions of government shall carry out the functions of local self – government bodies.

For the first time in Kazakhstan, on May 29, 1999, an experimental indirect election of akims at the rural level was held in the Chamalgan rural district of Karasai district of the Almaty region. On October 20, 2001, as another experiment, elections were held in 28 rural settlements in each of the 14 oblasts of the republic, counting from 2 settlements. Further, until 2013, the election of akims of districts, cities of regional and district significance, as well as villages, settlements, rural districts were held several times as an experiment, which allowed to test the electoral mechanisms.

In 2013 and 2017, 1,416 of the country's 2,500 akims were indirectly elected. That is, akims were elected directly by maslikhat deputies, not by

the population. Moreover, in the past, candidates for akimat were nominated by higher akims, ie district akims. Such an election would be a little different from an appointment if it did not have an election name. Taking all this into account, political analysts called the mayoral election a "decoration of democracy" [5].

Undoubtedly, these areas in the development of local government and self-government are a matter of time, as local authorities are closer to the people and are the first level of local government organization, ensuring a stable and democratic nature of the entire system of government institutions.

Elections are an important institution for the democratization of society, a manifestation of the will of the people, one of its main forms of governance.

To date, the election of akims of cities of district significance, villages, settlements, rural districts in the Republic of Kazakhstan is conducted indirectly by deputies of district (city of regional significance) maslikhats. Candidates were nominated after approval by the akim of the district (city of regional significance) at a meeting of the local community.

In this regard, the President of the Republic of Kazakhstan Kassym-Zhomart Tokayev in his program article "Independence is the most precious thing" said that political reform in the field of rural akims is necessary for the people and local executive bodies to jointly address pressing issues. Kassym-Zhomart Tokayev signed amendments to the Constitutional Law "On Elections in Kazakhstan", which provides for the introduction of elections of akims and voting against all candidates [6, 3].

According to the law, direct elections of akims of cities of district significance, villages, settlements, rural districts will be introduced.

Changes:

- nomination of akims of cities of district significance, villages, settlements, rural districts: the procedure for self-nomination (by collecting signatures in support of at least one percent of voters living in the city or rural district); among its members in political parties; if at the end of the nomination period less than two candidates are nominated, the akim of the district (city of regional significance) nominates the candidate.

- Requirements for candidates: a citizen of Kazakhstan; age - not less than 25 years; qualification requirements for this position; general restrictions for all civil servants, such as criminal record, disability;

- the candidate pays an election fee in the amount of one of the minimum wages established by law;

- The election will be announced 40 days in advance, and the election itself will take place 10 days before the end of the term of office of the current akim. The term of the election campaign is 30 days;

-Financing of direct elections of village akims is carried out through the local budget.

"All these changes are big turning points. For example, for the first time this year, about 800 village akims will be determined through direct elections of village akims. The powers of previously indirectly elected village akims will be terminated. Accordingly, now akims are elected directly. This is also a great event in the political development of the country, a new stage. This is because our people will have an additional opportunity to directly elect their governors, thereby exercising their political rights on a large scale," Erlan Karin said.

Undoubtedly, this step will increase the political culture of citizens and the principles of political pluralism in the country. It is known that one of the main triggers of the rapid development of the Western world is the principles of local self-government. For the first time, the people have been able to directly elect their akims en masse. It is a very progressive step!

According to the Central Election Commission, there are currently 2,346 akims in Kazakhstan. By the end of this year, about 775 akims were elected. The direct election of the remaining akims in this category will take place in 2022-2025 due to the different terms of their terms. At the same time, about 17.6 billion tenge was allocated from the national budget for the election of akims, including 4.8 billion tenge this year [7].

In the East Kazakhstan region, the majority of the population - 90.9% voted. In second place is the Zhambyl region - 90.7%. The average voter turnout was 80 percent, with more than 90 percent in both regions. *The official republican newspaper "Kazakhstanskaya Pravda" published the results of the election of rural akims by regions* [8, p. 23].

Thus, in terms of the activity of political parties, in the elections, the ruling party Nur-Otan has once again become more active.

In conclusion, the term "soft power", which in a short time became a topical political discourse at the world level, has become an important direction in the foreign and domestic policy of many countries. Today, in line with the rapid development of globalization in the world, the influence of the policy of "soft power" is growing.

In a democracy system of government, urban and rural local bodies derive their powers, functions and responsibilities from the state government legislations. This concept of a local self-government, or rather, local government, paves the way for a proper delineation of functions and powers of the latter, for the smooth flow of funds from state governments

and also ensure community involvement in activities. It will thus help strengthen local bodies at the lowest level, rejuvenating a system that has lain dormant for two centuries

This also applies to Kazakhstan. The term soft power plays an important role in domestic politics. Because now it seems to be a very fragile bridge between the people and the government. Today, the population reacts very quickly to what is happening in any country. Whether it was a negative reaction or a positive reaction was directly related to the delivery of the message, gave a great impetus to the formation and development of democratic institutions.

The election of rural akims, which took place for the first time in the political system of the country, was a success.

Reference

1. Saken Esirkep. Kazakhstan's "soft power" policy: current situation and potential 2020. P.1- 4
2. Soft Power: The Means to Success // World Politics. 2017. P.31
– URL: <https://www.wikiwand.com/kk/Жұмсақ күй>
3. Zhanpeisova K.D. Political and legal regulation of the election process. Astana, 2014. P.161-168.
4. Bakaveckas A. Savivaldybių administracinis priežiūra: raida, teisinis reglamentavimas ir problemos // Administrative Supervision of Local Self-Government: Evolution, Legal Regulation and Problems // Jurisprudencija. 2004. № 57 (49). P.24-33.
5. On the Draft Law of the Republic of Kazakhstan // On Amendments and Addenda to Certain Legislative Acts of the Republic of Kazakhstan on Elections. URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P180000022>
6. Address of the Head of State Kassym-Zhomart Tokayev to the People of Kazakhstan. 2021. P. 3-5.
7. Election of governors in the regions 2021. URL: <https://baq.kz/news/othernews/saylau-2021onirlerdegi-akimder-saylauy/>
8. The results of the elections of village akims were announced by regions. 2021. P-23. URL: <https://www.kazpravda.kz>

УПРАВЛЕНИЕ ЭТНОКОНФЛИКТНЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ КРЫМА КАК ФАКТОР РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Синкевич И.С.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
студентка;
Студенческое научное общество «Школа молодого политолога»,
председатель
E-mail: inna.sinkevich.02@mail.ru

Аннотация. В данной работе рассматриваются вопросы функционирования и управления этноконфликтным потенциалом в Крыму, а также влияние статуса этноконфликтной обстановки на уровень безопасности в регионе.

Ключевые слова: этноконфликтный потенциал, Крым, Россия, Украина, русские, крымские татары, междис.

MANAGING THE ETHNIC CONFLICT POTENTIAL OF CRIMEA AS A FACTOR OF REGIONAL SECURITY

Sinkevich I.S.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, student, Student
Scientific Society "School of Young Political Scientist", Chairman
E-mail: inna.sinkevich.02@mail.ru

Abstract. This paper examines the issues of functioning and management of ethnic conflict potential in the Crimea, as well as the impact of the status of the ethnic conflict situation on the level of security in the region.

Keywords: ethnoconflict potential, Crimea, Russia, Ukraine, Russians, Crimean Tatars, Mejlis.

Одной из основных особенностей Республики Крым является полиэтничность состава ее населения. На данной территории всегда сосуществовали этносы, принадлежащие к разным культурно-цивилизационным моделям развития. Разнородность культур, традиций, религий и мировоззрений на такой небольшой территории не могла не оказать влияния на межличностные отношения. Однако проживающие на полуострове этносы чаще всего находили способы взаимопонимания и межкультурного взаимодействия. При этом на

некоторых этапах истории здесь проявлялись и конфликтные процессы.

В связи с тем, что вопрос этноконфликтного потенциала в регионе является сложносоставным и актуальным, он всегда находится в центре внимания исследователей. Данная проблематика рассматривается в работах таких авторов как: Киселева Н.В., Мальгин А.В., Петров В.П., Форманчук А.А., Сеньюшкина Т.А., Баранов А.В., Гросфельд Е.В., Ефимов С.А., Харабуга В.В. и др.

Как показывает обзор литературы на эту тему, конфликтный потенциал межэтнических взаимодействий, как правило, чаще всего проявляется в языковой и религиозной сферах, а также в различной интерпретации одних и тех же исторических событий. При отсутствии эффективной превентивной деятельности государства этноконфликтный потенциал может трансформироваться в острое межэтническое противостояние, в силу чего необходима своевременная разработка и применение механизмов управления этническими конфликтами.

По мнению Т.А.Сеньюшкиной, управление этническим конфликтом — это «ряд способов, механизмов и технологий целенаправленного воздействия на развитие конфликтной ситуации, которые направлены на минимизацию причин, породивших конфликт, и/или на коррекцию поведения участников конфликта для достижения целей, сосредоточенных на предотвращении или урегулировании конфликта» [4, с. 247]. Данный автор отмечает также, что «управлять конфликтом можно и с противоположными целями – для разжигания межэтнической ненависти и эскалации напряжённости, что подтверждается конкретными примерами из новейшей этнополитической истории» [4, с. 247].

При этом организация эффективного и результативного этноконфликтологического менеджмента предполагает «выявление и исследование ключевых структурно-функциональных элементов системы управления этническими конфликтами» [3, с. 314]. В качестве таких элементов могут выступать: система информационно-аналитического обеспечения принятия управленческих решений, создание системы государственного и общественного контроля за разжиганием ненависти и вражды в информационном пространстве, использование системы образования и воспитания для формирования межэтнического и межконфессионального доверия.

При рассмотрении этноконфликтного потенциала Крыма следует проанализировать процессы, связанные с осуществлением этнополитики в регионе при Украине и при России [6]. После распада

СССР национальная политика украинского правительства в регионе привела к разжиганию вражды между двумя крупнейшими этническими группами Крыма – русскими и крымскими татарами. Первые выступали за сохранение и свободу использования русского языка на территории республики, а также за сближение с Россией, вторые же, претендовали на звание коренного народа Крыма. Очередным фактором, представляющим опасность для региональной безопасности, стала принятая на курултае крымских татар в 1991г. «Декларация о национальном суверенитете крымскотатарского народа», которая объявила Крым «национальной территорией крымскотатарского народа, на которой только он обладает правом на самоопределение». Таким образом, курултай и меджлис декларировали свою основную цель – создание национальной государственности [1].

Украинский вектор этнополитики в регионе регулярно сталкивал русскую часть населения и меджлис (запрещённая в РФ экстремистская организация), который использовал этноконфликтный потенциал региона в своих интересах. Это оказало влияние на формирование сторон Крымской весны. Будучи под попечительством украинской стороны, меджлис (запрещённая в РФ экстремистская организация), стал сторонником госпереворота на Украине. Но большая часть крымского населения все же высказалась за воссоединение с Россией, подтвердив свой выбор в ходе референдума.

Однако даже после волеизъявления народа, меджлис (запрещённая в РФ экстремистская организация), не оставил попытку дестабилизации ситуации в регионе. 1.02.2017 года в Киеве организация «Майдан иностранных дел» и Институт стратегических черноморских исследований провели закрытую презентацию своего проекта Конституции Крымско-татарской автономной республики Украины [2].

В рамках данной конституции, несмотря на общепринятые нормы построения демократического общества в новой республике, последовательно осуществляется принцип преимущества этнического представительства коренного народа в органах власти создаваемой республики. Даже название государственного образования – Крымско-татарская автономная республика Украины, и наименование его представительного органа – «Курултай», свидетельствуют о том, что на территории многонационального Крыма в качестве титульной нации самоопределяется крымско-татарский народ. Кроме того, в проекте четко выражен квотный принцип формирования представительного органа и других органов власти [2].

Украинский кризис и референдум 2014г. обратили внимание международного сообщества на региональную этнополитическую систему. Стремление Украины и поддерживающих её государств вернуть полуостров обратно привело к усилению внешнего давления на этнополитическую структуру полуострова с целью её дестабилизации. Это создало угрозу для национальной безопасности России.

Одним из важных аспектов исследуемой нами проблемы региональной безопасности является традиционно сильное влияние исламского фактора на этнополитическую систему Крыма, т.к. ислам всегда имел довольно противоречивое воздействие на структуру межнациональных отношений на полуострове. А нынешнее воздействие международных радикальных и экстремистских организаций на эти процессы существенно усугубляет этноконфессиональную ситуацию в регионе. Повышенное внимание международного сообщества дополнительно подогревает интерес некоторых организаций радикального толка к ситуации в Крыму. И как результат – России пришлось активизировать борьбу с проукраински настроенным «Меджлисом» (запрещённая в РФ экстремистская организация), чтобы противодействовать попыткам украинского руководства разжигать ситуацию на полуострове изнутри через противопоставление крымско-татарского населения русскому [5].

Также серьёзную опасность для этнополитической структуры полуострова представляет внешнее иностранное воздействие. До начала СВО Украина всячески пыталась воздействовать на этнополитическую ситуацию, предпринимая попытки разжечь конфликты на территории полуострова, используя для этого в том числе и диверсионные группы. Не менее сильным являлось и информационно-пропагандистское воздействие на крымско-татарское и украинское население полуострова. Активная пропаганда и дезинформация повышают риски в отношении этнополитической сферы, снижая любые усилия российской стороны по сглаживанию этнополитической напряжённости. Ведь в период интеграции Крыма в российское политико-правовое пространство был принят ряд нормативных актов, обеспечивающих предупреждение новых этнополитических конфликтов и уравнивающих статус этносов, проживающих в Крыму [5].

В противовес заявлениям об ущемлении крымско-татарского населения, стоит отметить, что интеграция крымских татар в общероссийский социум оказалась одним из приоритетов власти

Российской Федерации практически с самого начала вхождения Крыма в состав России. Ещё во время разработки проекта Конституции Республики Крым в конституционную комиссию по выработке положений Основного закона Республики Крым в составе Российской Федерации был включен Лентун Безазиев – депутат нескольких советов высшего представительного органа автономии, в 2010-2014 гг. председатель Совета представителей крымских татар при Президенте Украины. При его содействии была разработана Конституция Крыма, принятая 11 апреля 2014 года, в преамбуле которой было закреплено понятие «многонациональный народ Республики Крым», а в статье 10 крымско-татарский язык наряду с русским и украинским был провозглашён «государственным языком» Республики Крым [5].

Подводя итоги, стоит отметить, что обеспечение стабильности и этнополитической системы Крыма, снижения этнорелигиозной напряжённости и недопущения возникновения конфликтов на территории полуострова связано, прежде всего, с комплексным подходом к созданию эффективной региональной социально-экономической и нормативно-правовой систем. Устойчивость экономической ситуации на полуострове, её планомерное улучшение и развитие, а также обеспечение защиты прав и законных интересов всех этно-религиозных групп населения гарантирует внутреннюю стабильность на территории Крыма.

Список литературы

1. Киселева Н.В. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения / Киселёва Н.В., Мальгин А.В., Петров В.П., Форманчук А.А. - Симферополь: Салта, 2015. - 352 с.
2. Конституция Крымско-татарской Автономной Республики Украины. URL: <https://www.mfaua.org/ru/publications/konstytutsiya-krymskotatarskoi-avtonomnoi-respublyky-ukrayny>
3. Сенюшкина Т.А. Взаимодействие органов государственной власти и общественных организаций как элемент системы раннего предупреждения этнических конфликтов // Этничность, религия и политика / Под ред. Т.А.Сенюшкиной и А.В.Баранова. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2015. С. 314-321.
4. Сенюшкина Т.А. Управление этническим конфликтом как теоретическая проблема // Политическое пространство и

социальное время: Глобальные вызовы и цивилизационные ответы. Сборник научных трудов XXXVII Международного Харакского форума 5–7 ноября 2020 г., г. Симферополь. В 2-х т. Т. 2 / Под общ. ред. Т.А. Сенюшкиной; [науч. ред.: Е.А. Сенюшкин, П.И. Пашковский] – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2021. – С. 243-247.

5. Сметанников С.С. Развитие региональной этнополитической системы Республики Крым в современных условиях. «Серия История. Политология». 2017. № 8. – с. 187-191.
6. Этнополитика и этнополитические конфликты в современном мире URL: <https://studfile.net/preview/9519460/page:27/>

НАЦИСТСКО-ФАШИСТСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В КРАЛЕВО ПОСЛЕ НЕУДАВШЕГОСЯ НАРОДНОГО ВОССТАНИЯ 1941 ГОДА

Йован Д. Симиянович

доктор исторических наук

*Институт сербской культуры Приштина- Лепосавич,
научный сотрудник*

E-mail: jovan_simijanovic@yahoo.com

Марина Д. Миятович

доктор юридических наук

*Институт сербской культуры Приштина- Лепосавич,
научный сотрудник*

E-mail: marina.mijatovic@gmail.com

***Аннотация.** В год, когда отмечается восемьдесят первая годовщина, на нас лежит печальная обязанность познакомить научную общественность Российской Федерации с подробностями страшного преступления - мести немецко-фашистских оккупантов, совершенного против мирных жителей, гражданских лиц в одном из важнейших городов тогда оккупированной Сербии в октябре 1941 года. В предыдущей нашей статье, которая была представлена и опубликована в сборнике XXXVIII Харакский форум, речь шла о народном восстании в районе Кралево осенью 1941 года. В данной*

статье представлены сведения о гнусных преступлениях и ответных мерах, совершенных немецкими нацистами во время и после народного восстания. Согласно современным сведениям, в самом городе было расстреляно 2250 мирных жителей, личности которых известны. Число жертв, безусловно, больше, так как в то же время карательные экспедиции в близлежащих деревнях убивали и мирных жителей, а последние сведения о количестве жертв по тому поводу свидетельствуют о нескольких сотнях.

В Сербии в связи с серьезностью и успехом народного восстания в то время применялся приказ о возмездии, согласно которому за одного убитого немца должно было быть убито 100 сербов, а за одного раненого немца - 50 сербов. Меры мести и казни мирных жителей последовательно проводились, так что мужское население г. Кралево было истреблено, а немало женщин, в том числе детей, расстреляно. Это преступление оставило травмирующий след, который до сих пор живет в воспоминаниях. Преступление напугало выживших, но и мотивировало людей уничтожить и изгнать оккупантов при первой возможности. Такой шанс Кралево получил осенью 1944 года, когда отряды партизан вместе с частями Красной Армии изгнали ненавистного оккупанта.

***Ключевые слова:** Вторая мировая война, Югославия, 1941 год. Кралево, военное преступление, нацистско-фашистские преступления, стрельба, жертвы среди гражданского населения.*

NAZI-FASCIST CRIMES IN KRALJEVO AFTER THE FAILED POPULAR UPRISING IN 1941

Jovan D. Simijanovich

Doctor of Historical Sciences

Institute of Serbian Culture Pristina- Leposavic, Researcher

E-mail: jovan_simijanovic@yahoo.com

Marina D. Mijatovich

Doctor of Law

*Institute of Serbian Culture Pristina- Leposavic,
Researcher*

E-mail: marina.mijatovic@gmail.com

***Abstract.** In the year when the eighty-first anniversary is being celebrated, we have the sad duty to introduce the scientific public of the Russian Federation to the details of the terrible crime - the revenge of the*

German Nazi occupiers, which was committed against the peaceful inhabitants, civilians in one of the most important cities in the then occupied Serbia in October 1941. In our previous paper, which was presented and published in the collection XXXVIII Harakski forum, there was talk about the popular uprising in the area of Kraljevo in the fall of 1941. In this paper, we present information about the heinous crimes and retaliatory measures committed by the German Nazis during and after the popular uprising. According to current information, a total of 2,250 civilians were shot in the city itself, and their identities are known. The number is certainly higher since at the same time punitive expeditions in nearby villages also killed peaceful inhabitants, and the latest information about the number of victims on that occasion speaks of several hundreds. In Serbia, due to the seriousness and success of the popular uprising, an order of retaliation was applied at the time, according to which 100 Serbs had to be killed for one killed German and 50 Serbs for one wounded German. Retaliatory measures and executions of civilians were consistently carried out so that the male population in Kraljevo was decimated, and not a small number of women, including older children, were shot. That crime left a traumatic mark that lives on in memories to this day. The crime terrified the survivors, but it motivated the people to destroy and expel the occupiers at the first opportunity. Kraljevo received that opportunity in the fall of 1944, when partisan units together with units of the Red Army expelled the hated occupier.

Key words: *Second World War, Yugoslavia, 1941. Kraljevo, war crime, Nazi-fascist crimes, executions, civilian victims.*

Самым большим преступлением в истории Кралево и одним из крупнейших в истории Сербии был массовый расстрел заложников немецкой армией с 15 по 20 октября 1941 года. Эти большие страдания были следствием возмездия немцев за окружение и нападение на город в начале октября 1941 года, партизанами-повстанцами, собравшимися вокруг коммунистической идеологии, и четниками-повстанцами, собравшимися вокруг традиционной монархической идеологии. Первые действия повстанцев в более широком районе Кралево вызвали распространение первых слухов о готовящемся нападении на сам город. В городе царил атмосфера страха и паники. После установления 4 октября полной блокады все магазины в городе были закрыты. Не было продовольственного снабжения, а блокада лишила многих возможности покинуть город и спастись от жестокой судьбы [2, с. 3]. Немцы начали аресты 4 октября, когда было посажено 600 рабочих Авиа завода, затем 10

октября было арестовано 800 рабочих Железнодорожного цеха, а 14 октября 360 железнодорожников было заключено в паровозном зале. К 15 октября в итоге было собрано и заключено 1760 заложников [3, с. 112]. Первая группа заводских рабочих и служащих добровольно отправилась к немцам, и была обманута обещанием откликнуться на призыв ради заверения документов и выплаты доходов, которые отсутствовали еще с месяца июня. Затем последовали облавы и обыски домов [4, с. 40-42]. По распоряжению вышестоящего командования, Генерал Франц Беме издал приказ от 10 октября 1941 года, в котором прямо угрожал, что в случае каких-либо потерь среди немецких солдат или фольксдойче территориально компетентные командиры вплоть до полковых командиров имеют право отдать приказ о возмездии - за каждого убитого немецкого солдата или фольксдойча расстреливать 100 пленных или заложников и 50 пленных на каждого раненого [5, с. 501]. Приказ дошел до командира 749-го полка, майора Ота Деша, который отдал немедленный приказ расстрелять заложников, а непосредственными исполнителями, со своими подразделениями, были командир гарнизона в Крагуеваце майор Кеннинг, и командир Кралево лейтенант Альфонс Мациович [4, с. 44-45]. После издания приказа местного командования 15 октября началось возмездие.

В условиях, когда силы повстанцев теряли дыхание от разногласий и непонимания, логично было ожидать, что немцы будут использовать большое количество мирных жителей в городе как средство шантажа и возмездия. Время «работало» на немцев, которые приступили к совершению преступлений. Было несколько попыток предотвратить как возмездие, так и просьбы о пощаде. Православный епископ Жичский Николай Велимирович также пытался предотвратить возмездие и умиловить немецкого командующего. Из монастыря Любостиня он отправился в Кралево, в комендатуру в Кралево, чтобы просить местного командира лейтенанта Альфонса Мациовича прекратить стрельбу. Николай пытался задобрить Мациовича, в том числе пытался вызвать славянское сочувствие, ссылаясь на славянское происхождение фамилии лейтенанта. Мациович, выдававший себя за немца-пруссака, решительно и холодно отказался от просьбы прекратить стрельбу [8, с. 102-104]; [9, с. 166-168].

Сохранились также письменные показания Радослава Веснича от 1967 года, в которых Веснич утверждает, что по предложению горожан и городской администрации немецкий комендант города согласился направить на переговоры с повстанцами о прекращении

нападения, делегацию в составе его, Радослава Веснича, профессора, крепостного, Милеты Радвановича и еще одного неназванного рабочего и чиновника. По его словам, делегация вступила в контакт с объединенными повстанцами, которые переправили их в Равна-Гору в Верховный штаб четников - Югославской армии на Родине - ЮВуО. Далее Веснич свидетельствует, что в Равна-Горе у командира Дражи Михайловича им ничего не сообщалось и, что тем временем нападения продолжались [10, Письмо Радослава Веснича, адресованное Историческому архиву в Чачаке, 12 декабря 1967 г.]; [4, с. 43-44]. Мы должны относиться к этому свидетельству с предельной осторожностью, принимая во внимание серьезность намерений делегации переговорщиков, которые в разгар жесточайших возмездий едут на Равна-Гору, где не достигают конкретных результатов. Даты, период поездки в Равна-Гору и т.д. не указываются. Если имелось искреннее намерение предотвратить и прекратить стрельбу, то логично было бы ожидать, что срочным будет высшим приоритетом и смыслом миссии делегации. Ответственные оперативные командиры объединенных повстанцев при блокаде Кралево, безусловно, приняли бы решение после консультации (системами связи, работающей радиосвязью) со своим высшим руководством, в том числе с Дражом Михайловичем, и сообщили бы об этом делегации. Мы предполагаем, что делегация еще в окрестностях Кралево получила отрицательный ответ по поводу снятия блокады, а последующий отъезд в Равна-Гору был обусловлен страхом возвращения в город, тем более что они принесли бы неблагоприятные вести немецкому командованию города. Их приезд был бы полезен Верховному штабу на Равна-Горе из-за возможности более подробно ознакомиться с ситуацией в городе, а само письмо Радослава Веснича следует рассматривать в контексте времени его создания и возможного намерения еще больше укрепить веру в ответственность Драголюба Михайловича.

После двух неудачных атак на Кралево, следует ли трактовать приказ Верховного штаба Народно-освободительного движения Югославии совместному оперативному штабу и Кралевачкому национально-освободительному движению о прекращении нападения на Кралево как предательство или как разумную и гуманную необходимость предотвратить и уменьшить еще больший масштаб возмездия, как тогда оценивалось, единственным возможным путем? С другой стороны: следует ли трактовать настойчивость офицеров-четников при объединенном штабе, не согласных с прекращением атак и выступающих за продолжение

самостоятельных и ожесточенных атак на город как безответственный и неразумный героизм и или как импульсивное желание растоптать жестокого врага в пределах досягаемости и таким образом спасти и освободить остальных выживших граждан. В любом случае реализовался один из худших сценариев, как прямое следствие неорганизованности, несогласованности действий, разногласия, недоверия и тактики, в разной степени присутствующих с обеих повстанческих сторон.

Продолжаются болезненные дилеммы относительно точного числа жертв в результате немецких возмездий. По немецким сводкам, до 16 октября 1941 г. было расстреляно 1736 мужчин и 19 женщин (для женщин указывается, что они были коммунистками) [5, с. 540, 667]. Другим весьма актуальным документом является «Список лиц с территории района Жича, погибших во время коммунистических беспорядков», составленный по приказу Окружного штаб Кралевачкого района от 28 мая 1942 года, на основании списков муниципальных администраций района Жича. Всего в список было включено 1971 имя, из них 1713 расстреляно в Лагере (месте содержания и расстрела мирных жителей в городе) [3, с. 127]. В середине декабря на страницах «Нового Времени» была опубликована оценка, согласно которой общее число погибших «в результате непрекращающихся боевых действий» составило около 4000 человек [2, с. 3]. Позже, во время войны, об этом событии не писали. Единственные следы этого события можно найти в справках и документах, собранных родственниками расстрелянных для урегулирования семейных и имущественно-правовых нужд. После освобождения в ходе работы Комиссии по установлению военных преступлений оккупантов и их пособников в Сербии были обнаружены новые факты [3, с. 127]. В ходе работы Комиссии и допроса Фериды Азабагича, обвиняемого в пособничестве и подстрекательстве к преступлению, упомянутым лицом было сделано заявление о том, что он лично видел книгу, в которой немцы зафиксировали количество расстрелянных, составлявшее 3.700 человек. Следующим интересным источником является заявление подполковника в отставке Драгутина Мишича из Кралево и его жены Златы, которые однажды переписали выписку из личной записной книжки немецкого лейтенанта Карла Вагнера, жившего в их доме. Воспользовавшись случаем, когда Вагнера не было в своей комнате, Злата, знавшая немецкий язык, скопировала запись из дневника Вагнера, в которой была цифра 5606 казненных. К их показаниям

прилагается стенограмма дневника немецкого офицера [3, с. 130-132]; [4, с. 81]; [11, ф, 333/28-29].

На основании сохранившихся первоисточников и свидетельств современников, до сегодняшнего дня, по именам и фамилиям идентифицировано 2.255 жертв мирных жителей, среди которых были также дети, женщины и старики. В лагере-месте расстрела было убито не менее 106 детей в возрасте до 18 лет [4, с. 50] и 29 женщин. В городе почти не было семьи, из которой хотя бы один член не погиб в результате преступной мести [4, с. 57].

Спустя 81 год после преступления в науке все еще открываются некоторые познания и сведения. Точное число безвинно пострадавших до сих пор остается неопределенным и неокончательным. Последние исследования историков также раскрывают забытых жертв немецких облав и преследований мирных жителей в деревнях вокруг Кралево, которые происходили одновременно со стрельбой в самом городе. По установленным к настоящему времени данным, зафиксировано 264 жертвы среди мирного населения в результате облав немецкой армии в деревнях Жичского района, которые погибли с 11 августа по 13 декабря 1941 года. Самой молодой жертвой был новорожденный, в возрасте одного дня, а двумя самым старшим жертвам, Велике Михайлович и Вемии Трифунович, было по 95 лет [12]. Вспоминать преступления и узнавать правду — долг перед жертвами. Ознакомление с этим и подобными преступлениями самой широкой общественности должно иметь роль повышения осведомленности, с целью того чтобы жертва снова не стала жертвой, а палач снова не стал палачом.

Список литературы

1. Јончић Коча. *Краљевачки октобар*. Краљево, 1971.
2. *Ново време*. 1941. 10 децембра. Бр. 189.
3. Драшковић Драшковић. Немачка војска поново прелази преко нас Срба. *Краљевачки октобар 1941 године // Наша прошлост*. 2009. Бр. 10.
4. Крејаковић Силвија. *Идентитети жртава стрељаних у Краљевоу октобра 1941*. Београд, 2013.
5. *Зборник докумената и података о народноослободилачком рату народа Југославије*, I. Београд, 1949.
6. Историјски архив Краљево. Фонд: Збирка о радничком покрету и Народноослободилачкој борби.
7. Јончић Коча. *Краљево октобра 1941 : казивања преживелих*, Краљево, 1966.

8. Драшковић Драган. Стање у Краљевоу октобра 1941. – покушаји да се спречи прекине стрељање талаци, Округли сто. *Краљево октобра 1941*. Краљево, 2003.

9. Радосављевић Јован Архимандрит. *Живот и страдања Жиче и Студенице под окупатором (1938-1945)*. Манастир Хиландар, 1993.

10. Међу општински архив Чачак.

11. Архив Југославије. Фонд 110. Државна комисија за утврђивање злочина окупатора и њихових помагача.

12. URL: <https://nmkv.rs/dogadjaj/racije-kaznene-ekspedicije-vermahta-u-selima-zickog-sreza-1941-godine/>

ЕВРОСКЕПТИЦИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ ЮССЯ ПИХО

Тамби С. А.
МГИМО МИД России,
соискатель

E-mail: Sergey.Tambi@gmail.com

Аннотация. Политическая карикатура, будучи явлением политической и массовой коммуникации, выступала как своего рода обратная связь эстонского общества на переговорный процесс Эстонии с Европейским союзом о вступлении этой прибалтийской страны в данную международную организацию. Статья посвящена рассмотрению того, каким образом политические карикатуры евроскептического характера авторства Юсся Пихо, представленные в эстонской прессе, отражают определенную часть общественного мнения в Эстонии по евроскептической повестке дня. Автором выявлены наиболее актуальные в 1998-2000 гг. темы в творчестве Ю. Пихо в рамках евроскептического дискурса. Показано, как его карикатуры, адресованные представителям эстонской культуры и несущие в себе отпечаток эстонского коллективного сознания, формируют и поддерживают евроскептический образ мышления. Карикатуры известного карикатуриста, критикующего в своих работах планы по вступлению Эстонии в ЕС, отражают евроинтеграционные устремления Эстонии в намеренно-количном виде.

Ключевые слова: евроскептицизм, евроинтеграция, Эстония, политическая карикатура, политика, сатира, искусство, журналистика.

EUROSCEPTICISM IN JUSS PIHO'S POLITICAL CARTOON

Tambi S. A.

MGIMO University,

Candidate for a degree

E-mail: Sergey.Tambi@gmail.com

Abstract. Political cartoon, being a phenomenon of political and mass communication, acted as a kind of feedback from Estonian society to the negotiation process between Estonia and the European Union on the entry of this Baltic country into this international organization. The article is devoted to the consideration of how Eurosceptic political cartoons by Juss Piho, presented in the Estonian press, reflect a certain part of public opinion in Estonia on the Eurosceptic agenda. The author identified the most relevant topics in the J. Piho's works in 1998-2000 within the Eurosceptic discourse. The paper shows how his cartoons, addressed to the representatives of Estonian culture and bearing the imprint of the Estonian collective consciousness, form and support a Eurosceptic way of thinking. The cartoons of a well-known cartoonist, who criticizes in his works the plans for Estonia's accession to the EU, express Estonia's European integration aspirations in a deliberately comical way.

Key words: Euroscepticism, European integration, Estonia, political cartoon, politics, satire, art, journalism.

Карикатура представляет собой графическое изображение остроты мысли, часто сопровождаемое аллюзивными отсылками. Она может быть самостоятельной, но может и выступать в качестве приложения (иллюстрации) к буквенному тексту статьи/заметки в печатном издании. Вербальный и иконический тексты придают карикатуре целостность и связность, взаимодействуя друг с другом, они создают коммуникативный эффект [1, с. 216]. При восприятии креолизованного текста с использованием карикатур происходит двойное декодирование заложенной в нем информации: извлечение концепта из изображения влечет его «наложение» на концепт вербального текста, а взаимодействие этих двух концептов создает общий концепт креолизованного текста [2, с. 12]. Карикатуры этого жанра помогают проанализировать нарастающее неудовлетворение граждан властью [3, с. 59].

В эстонском обществе евроскептицизм имеет глубокие и устоявшиеся корни. Глубоко проник он и в эстонскую культуру и

искусство. Материалом для настоящей статьи послужили 3 карикатуры Ю. Пихо, опубликованные в 1998-2000 гг. в эстонской газете *Sõnumileht*. В целях понимания этих карикатур и распознавания прецедентных феноменов (прецедентных имен, текстов, высказываний, ситуаций и ценностно-значимых артефактов) реципиент должен обладать фоновыми знаниями не только об истории Эстонии, но и о тогдашних внешнеполитических целях страны (одним из таких являлся план по вхождению страны в ЕС). А 1998 год ознаменовал начало официальных переговоров о присоединении этой прибалтийской страны к ЕС. Согласно данным соцопросов вступление Эстонии в ЕС в сентябре 1998 г. поддерживало лишь около 27%.

Эстонские евроскептические карикатуры Ююся Пихо.

Источник: *Sõnumileht*. 1998. № 110. 25.04.1998. Lk. 13;
Sõnumileht. 1999. № 131. 09.06.1999. Lk. 2; *Sõnumileht*. 2000. № 130.
06.06.2000. Lk. 2.

1. В первой карикатуре Ю. Пихо использует прямую аллюзию, заключающуюся в соположении реальной политической ситуации и исторической отсылки в далекое прошлое. Фабулу этой карикатуры составляет известный сюжет из эстонской истории – *Восстание Юрьевой ночи* (1343 г.), когда бунт эстов в ночь на Юрьев день явился пробуждением их национально-освободительного движения за освобождение страны от датско-германского ига. Причиной восстания стало возрастающее религиозное, этническое, экономическое и языковое давление со стороны немецкой феодальной верхушки. Карикатура – иллюстрация к заметке о подписании в 1998 г. т.н. «Призыва Юрьевой ночи» [4, с. 13]. Тогда же было образовано *Движение Юрьевой ночи*, представители которого артикулировали план по созданию новой евроскептической партии. Изображенный на карикатуре немецкий феодал, сидящий в полном боевом облачении рыцаря с закрытым забралом на лошади в попоне, направляется к эстонцу по имени Юри. Лица рыцаря не

видно, а его рычащая в приступе гнева лошадь явно чего-то опасается: у нее полностью наострены уши, разверзнуты ноздри и виден звериный оскал. Глаза же эстонца-евроскептика, облаченного в простую крестьянскую одежду (и у которого из орудий с собой всего лишь палка), налиты кровью. В каждом глазе у него по 2 зрачка. Именно таким испепеляющим взглядом он взирает на пришедшего на его родную землю чужестранца. Его рука с палкой крепко сжата, а губы исказились в злом и молчаливом крике решимости, но в то же время страха и беспомощности. Перенос в настоящее время происходит благодаря изображенным на щите немецкого рыцаря звездам, символизирующим ЕС, а также панельным домам с антеннами. Так же, как *Восстание Юрьевой ночи* и последовавшая вслед за ним почти 2-летняя *Крестьянская война в Эстонии* продемонстрировали коллективную волю эстонцев противостоять крестоносцам, так и данная карикатура показывает неприятие уже в наши дни частью эстонцев Евросоюза. В подписи говорится о «655-летию со дня Восстания эстонских евроскептиков».

2. Вторая карикатура является приложением к статье известного эстонского евроскептика У. Сильберга, в которой тот отмечал, что «присоединение Эстонии к ЕС и сам процесс этого присоединения находятся в прямом противоречии с Конституцией Эстонии» [5, с. 2]. На карикатуре Ю. Пихо изобразил находящийся в скрюченном положении (как значок параграфа Конституции) двух человек. Принадлежность их к эстонским чиновникам выдает облачение в костюмы с галстуками. Один из них стоит на коленях и «крутит» возвышающегося у него же на коленях другого чиновника. Последний боковым зрением смотрит на Конституцию (ее маркер – значок одного из ее параграфов). Комизма этой карикатуре добавляет вербальный компонент – высказывание крутящегося человека с ухмылкой: «Покрути ещё немного! Тогда сможем по-честному вступить в Европу» (этот глагол можно еще перевести как «поковеркай» или «искажи»).

3. Наконец, третья карикатура иллюстрирует новостную заметку, в которой рассказывается о визите в 2000 г. в Таллин федерального канцлера Германии Г. Шрёдера. Отмечается важность для ФРГ прибалтийского направления, говорится и о политической поддержке Германией вступления Эстонии в ЕС [6, с. 2]. На карикатуре представлен эстонский хуторянин, вдруг заметивший проезжающий по его стране кортеж, в котором находится канцлер ФРГ. Вонзив вилы в землю, эстонец, одежда которого вся покрыта

заплатами, засучил рукава и, широко расставив ноги, встал на пути следования роскошного автомобиля класса «люкс», на котором гордо развевается по ветру государственный флаг ФРГ. Глаза хуторянина выпучены от возмущения, грозно и взбешённо он, глядя прямо в лобовое стекло машины, восклицает: «*Послушай, хозяин, ты помнишь Юрку из Юрьевой ночи!?*». В данной карикатуре, демонизирующей высокопоставленных представителей государств Запада (представителей «старой гвардии ЕС»), выделяется жертва (эстонец) и злодей (немец). Карикатурист показывает глубокую историческую и культурную память простого представителя эстонского народа. Он оправдывает «защиту» эстонцами родной земли от чужеземного влияния.

Таким образом, рост евроскептических настроений в Эстонии в период подготовки этой страны к вступлению в ЕС нашел широкий отклик в эстонской политической карикатуре. Создавая евроскептический мини-нарратив, Ю. Пихо апеллировал к традиционным для евроскептиков представлениям, вызывая у коллективного эстонского реципиента необходимый эмоциональный отклик. Работы Ю. Пихо, вобравшие в себя отпечаток эстонского коллективного сознания, формировали и поддерживали в обществе евроскептический образ мышления. За аллегоричностью работ карикатурист смог воплотить глубокое символическое содержание, точно и мастерски передать дух эстонского евроскептицизма, отобразить глубину, почвенность и укоренённость евроскептического дискурса как в эстонском крестьянском самосознании, так и в эстонском социуме в целом.

Список литературы

1. Лебедева А.Ю., Иванова (Сивцева) А.В. Комический эффект в политической карикатуре // *Инновационные технологии в науке и образовании*. 2015. № 2 (2). С. 216.
2. Баранцева О.А., Пцкиладзе А.В. Политическая карикатура как источник социокультурной информации // *Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков*. № 17. 2021. С. 12.
3. Бограева Н.В. История развития политической карикатуры // *Стратегические коммуникации в современном мире. Сборник материалов по результатам научно-практических конференций Пятой и Шестой Международных научно-практических конференций, Четвертой и Пятой*

- Всероссийских научно-практических конференций. Саратов, 2018. С. 59.
4. Valner S. Jüriöö tulede kauge kuma // Sõnumileht. 1998. № 110. 25.04.1998. Lk. 13.
 5. Silberg U. Põhiseaduse vastaselt Euroliitu // Sõnumileht. 1999. № 131. 09.06.1999. Lk. 2.
 6. Uue põlvkonna kantsler // Sõnumileht. 2000. № 130. 06.06.2000. Lk. 2.

**ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
СТРАН БРИКС В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ
ВЫЗОВОВ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ**

Тарасевич А.С.

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
Институт «Таврическая Академия»,
студент*

E-mail: sasha_tarasevich_02@bk.ru

Аннотация. Трансформация политико-экономических отношений в Черноморском регионе оказывает существенное влияние на развитие не только экономики ряда государств, но и Мировой экономики в целом. В данной статье рассматривается модель экономического блока - БРИКС, целью которого является поддержание экономических отношений между странами-участницами, несмотря на геополитические вызовы в Черноморском регионе. Ценность парадигмы БРИКС заключается не в расширении возможностей или амбиций стран БРИКС, а в качественном изменении модели экономического развития Глобального Юга. Сотрудничество со странами БРИКС представляет для России особый интерес, так как страны БРИКС — это растущие экономики, которые могут выступать в качестве расширяющихся рынков сбыта. Однако существуют и ограничения, препятствующие успешному сотрудничеству стран БРИКС, которые заключаются в расхождении интересов, что связано с разными позициями стран на мировом рынке, устоявшимися связями с третьими странами, а также альтернативными интеграционными процессами, в которые вовлечены страны БРИКС.

Ключевые слова: Новые геополитические вызовы, Черноморский регион, экономическое сотрудничество, БРИКС, БРИКС+, трансформация международно-экономических отношений.

**PROSPECTS FOR ECONOMIC COOPERATION OF THE BRICS
COUNTRIES IN THE CONTEXT OF NEW GEOPOLITICAL
CHALLENGES IN THE BLACK SEA REGION**

Tarasevich A.S.

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
student*

E-mail: sasha_tarasevich_02@bk.ru

Abstract. The transformation of political and economic relations in the Black Sea region has a significant impact on the development of not only the economy of a number of states, but also the global economy as a whole. In particular, the article examines the model of a new economic bloc - BRICS, whose goal is to maintain economic relations despite the geopolitical challenges in the Black Sea region. The value of the BRICS paradigm lies not in expanding the opportunities or ambitions of the BRICS countries, but in a qualitative change in the model of economic development of the Global South.

Cooperation with the BRICS countries is of particular interest to Russia, since the BRICS countries are growing economies that can act as expanding sales markets. However, there are also limitations that hinder the successful cooperation of the BRICS countries, which consist in the divergence of interests, which is associated with different positions of countries on the world market, established ties with third countries, as well as alternative integration processes in which the BRICS countries are involved.

Keywords: New geopolitical challenges, Black Sea region, economic cooperation, BRICS, BRICS+, transformation of international economic relations.

В геополитических концепциях прошлого и современности Черноморский регион занимал и продолжает занимать не центральную, однако достаточно устойчивую позицию. Дж. Х. Маккиндер включал территорию между Балтийским и Черным морями в «ворота», входящие в «пояс широких оборонительных сооружений» хартленда (это северная и внутренняя часть Евро-Азии).

Она простирается на юг от арктического побережья до срединных пустынь, и широкий переешек между Балтийским и Черным морями образует его западные пределы) [4].

Черноморский регион – это сфера конвергенции стратегических, экономических и политических интересов не только глобальных геополитических акторов, но и прибрежных государств, так как стабильность в этом регионе определяет международную безопасность широких зон, прежде всего, евразийской, европейской и ближневосточной. Вопрос геополитической значимости Черноморского региона особо актуализировался в условиях мировой политической турбулентности, которая наблюдается с начала XXI века.

Регион Черного моря является стратегическим мостом, соединяющим Европу с бассейном Каспийского моря, Центральной Азией и Ближним Востоком, а далее, с Юго-Восточной Азией и Китаем. Он характерен своими тесными связями и огромным потенциалом, а также многообразием и соперничеством.

Как писал А.С. Панарин: «Сегодня на роль посредников между Западом и Востоком, в обход отставшей России претендует Турция, ряд стран Ближнего Востока и др. Однако несмотря на очевидность этой проблемы, многое и сегодня говорит в пользу России. Стратегию единого пространства в масштабах «второго Рима» (наряду с первым, представленным сегодня США) кроме России осуществить некому» [6].

Начиная с весны 2014 года мы можем наблюдать, что дипломатические отношения Российской Федерации и большинства стран Черноморского региона значительно ухудшились. Введение нового пакета антироссийских санкций после начала СВО на Украине, замораживание активов Центрального Банка, уход западного бизнеса из России, отключение от международной банковской системы SWIFT ударили по макроэкономической стабильности Российской Федерации. Многие российские отрасли оказались без определенных комплекующих, технологий, капитала – это в свою очередь, привело к резкому падению импорта. Финансовые, торговые, транспортные ограничительные меры – лишь один из инструментов достижения недружественными странами своих политических целей.

Как отмечает Т.А.Сенюшкина «сегодня Россия оказалась в поле влияния новых мощных импульсов, которые в явном виде пришли с Запада в виде беспрецедентного экономического давления и острого геополитического противостояния. Как следствие ожидается резкий

поворот России на Восток <...> У Востока есть явная энергетика прорыва, которой нет сегодня у Запада. Вопрос только в том, какова энергетика России (естественно, не в углеводородном смысле), и какая судьба ей уготована в этой схватке» [7, с. 274-275].

Добавим к этому очевидное обстоятельство: эпоха однополярного мира закончилась, и мы вступаем сегодня в эпоху тектонических изменений в геополитике, мировой экономике и во всей системе международных отношений в целом. На встрече с представителями российских деловых кругов президент РФ В.В. Путин сказал следующие слова: «Россия остается частью мировой экономики и в этой связи настолько, насколько она остается этой частью, мы не собираемся наносить ущерб системе, в которой мы сами чувствуем себя частью. Мы не собираемся наносить ущерб системе мирового хозяйства, в которой мы сами находимся» [3]. Таким образом, можно констатировать кардинальные изменения в мировой системе международно-экономических отношений.

В условиях новых геополитических вызовов Россия и её союзные государства приходят к новой конфигурации экономического сотрудничества. Создаются новые институты, региональные интеграционные объединения и системы финансовой поддержки. В данном ключе мы рассмотрим трансрегиональное объединение пяти развивающихся стран: Федеративная Республика Бразилия, Российская Федерация, Республика Индия, Китайская Народная Республика и Южно-Африканская Республика – БРИКС. Все страны-участницы БРИКС отличаются высоким экономическим уровнем и имеют большое региональное влияние. Номинальный ВВП стран-участниц в сумме составляет \$16,039 трлн., в это примерно 20% от мирового валового продукта [2].

Объединение БРИКС является совершенно новым, непохожим на стандартные формы интеграции, форматом партнерства, с элементами зоны свободной торговли, валютного союза, но самое важное это то, что за каждым членом объединения сохраняется свобода в вопросах политики и международных отношений. По мнению ряда исследователей, основной целью БРИКС является создание условий для результативного партнерства, а также экономического и технологического развития стран-участниц, что, в свою очередь, влечет за собой устойчивый экономический рост и укрепляет финансовую и социальную стабильность стран. На сегодняшний день вопросы интеграционного взаимодействия стран-участниц приобретает особую значимость. Создание БРИКС является реализацией объективных тенденций глобального развития

и рассматривается не только как новая модель международных отношений, но и как новый экономический блок.

С момента создания БРИКС было проведено 14 саммитов, на которых были выработаны механизмы и форматы взаимодействия, открыты направления равноправного и взаимовыгодного сотрудничества в политической, экономической и других сферах. Необходимо упомянуть, что 23-24 июня 2022 г. в формате видеоконференции прошел 14-ый саммит БРИКС. Главы государств БРИКС приняли Пекинскую декларацию, помимо которой саммит запомнился встречей в формате «БРИКС+». После проведения саммита заявки о вступлении в БРИКС подали Аргентина и Иран. В связи с этим в соцсетях стали придумывать новую аббревиатуру для объединения, наибольшую популярность получил вариант «БАРСИКИ». В настоящее время БРИКС – это объединение суверенных и равноправных государств, которые являются активными акторами интеграционных процессов, развивая тесные торговые, политические отношения.

Если рассматривать БРИКС как новый экономический блок на мировом рынке, следует отметить, что данная организация должна предложить другим странам мировой экономики новые модели развития государств, это может быть создание новой институциональной системы для модернизации стран мировой экономики, предложение альтернативы западной экономической системы, а также создание региональных блоков и платформ для их координации и развития. Это может быть реализовано в рамках широкого формата БРИКС+, который предоставляет странам БРИКС всевозможные варианты взаимодействия с остальными странами мировой экономики. Идея БРИКС+ и БРИКС++ была озвучена министром иностранных дел Китая Ван И в начале 2017 г. и в значительной степени сформировала внешнеполитический дискурс китайского представительства в объединении БРИКС. Можно предположить, что, как для Китая, так и для России БРИКС - это инструмент дальнейшего экономического влияния в мире.

Китай проявляет подчеркнутый интерес к Крыму, точнее к различным отраслям экономики региона. До 2014 г. КНР являлась одним из основных торговых партнеров Крыма. Так, по итогам 2011 года наибольший удельный вес в общем объеме импорта Крыма имел Китай (на его долю пришлось почти 40% от всего объема импорта автономии). Одной из наиболее перспективных сфер сотрудничества является энергетика: КНР заявляла о том, что она намерена инвестировать в сооружение парогазовой электростанции в

Крыму на базе Шелкинской АЭС, строительство которой было приостановлено в 1989 году. Также Китай и Крым планировали сотрудничать и в сельском хозяйстве. В конце 2011 года в Пекине был подписан меморандум о сотрудничестве между правительством Автономной Республики Крым и Экспортно-импортным банком Китая, и Китайской национальной корпорацией машинной индустрии и генеральных подрядов.

О важности Черноморского региона неоднократно заявляли представители КНР. Например, по словам Мо Вэньхэ, вице-президента одной из крупнейших китайских и международных корпораций «China Harbor Engineering», черноморские регионы имеют большую важность. По его мнению, «их географическое положение предоставляет колоссальные возможности для постройки портов и расширения в регионе китайского бизнеса» [1]. В связи с новыми геополитическими вызовами в Черноморском регионе вопрос о дальнейшем сотрудничестве КНР с Республикой Крым остается открытым. Очевидно, что в будущем Пекин будет расширять и углублять связи со странами региона. Важность данного региона определяется как наличием здесь мощного экономического потенциала, так и геополитическими императивами.

В 2021-м году в Крыму был проведен круглый стол на тему: «Китай и Крым: Новый вектор экспортного партнерства». В ходе заседания круглого стола был презентован экономический и инвестиционный потенциал Республики Крым. В свою очередь представители крымских предприятий презентовали свою продукцию китайским бизнесменам, а также выразили желание экспортировать в Поднебесную. По состоянию на 2021-й год Китай занимал третье место по объему экспорта из Крыма. Экспорт в Китай составил 4,1 млн долларов – это 12% общего экспорта Республики Крым. В ходе заседания круглого стола китайские бизнесмены выразили уверенность, что крымские предприятия найдут свое место на китайском рынке.

В контексте дискуссий на тему расширения БРИКС особо следует отметить обсуждение нового формата БРИКС+. И если китайский формат БРИКС+ — это своего рода максимальный охват глобального Юга вширь, то для российского формата БРИКС+ более важной становится глубина и гармонизация интеграции приоритетных региональных проектов стран БРИКС. Как утверждает Григорий Толорая, исполнительный директор Российского Национального комитета по исследованию БРИКС: «Речь может идти о формировании межцивилизационного союза государств под

эгидой БРИКС за счет более плотного подключения к работе объединения крупных и влиятельных стран «с быстрорастущей экономикой и известной внутренней стабильностью», но «число этих стран не может быть слишком большим» [5]. Важным инструментом масштабирования трансформации мировой экономики может стать формат «интеграции интеграций» в рамках сотрудничества между региональными интеграционными блоками стран глобального Юга. Однако для глобального перезапуска развития мировой экономики необходим более расширенный формат взаимодействия БРИКС+, который позволит вовлечь в данный процесс другие страны развивающегося мира. Переформатирование мировой экономики в первую очередь отразится на модели экономической глобализации, данный процесс будет заметен на примере транснациональных корпораций.

Председательство Китая в БРИКС в 2022 г. придаёт дополнительный импульс процессам построения платформ для взаимодействия между региональными группировками развивающихся стран. В рамках данной точки зрения, можно предположить, что генезис интеграционного процесса БРИКС до статуса международной организации, а точнее, превращение трансрегиональной организации в совершенно новый экономический блок в мировой политике, возможно, однако это вопрос времени.

Если говорить о дальнейших перспективах экономического сотрудничества стран БРИКС, следует обратить внимание на стратегию экономического партнерства БРИКС до 2025 года. Согласно данному документу, страны-участницы БРИКС выражают стремление стимулировать уверенный экономический рост, противостоять макроэкономическим шокам и финансовой нестабильности, поддерживать многостороннюю торговую систему, основанную на правилах и принципах Всемирной торговой организации, а также противостоять формирующейся глобальной неопределенности, вызванной рядом факторов, включая новые геополитические вызовы в Черноморском регионе.

Поднимая вопрос о сотрудничестве, БРИКС признает, что одним из главных принципов сотрудничества является стремление к взаимосвязанности, которое является предпосылкой повышения конкурентоспособности объединения и достижения позитивного результата социально-экономического развития. «Укрепление физической взаимосвязанности, институционального взаимодействия и гуманитарных обменов представляет собой общую задачу для всех стран БРИКС. В целях ее достижения необходимо

двигаться вперед с учетом комплексного, интегрированного и системного подхода, развивая все сферы общества» [8]. Стратегия БРИКС охватывает многие вопросы глобального взаимодействия: в первую очередь, реформирование международной валютно-финансовой системы, содействие справедливости и эффективности ее функционирования.

Образование БРИКС усиливает тенденцию формирования многополярной системы международных отношений и роста экономической кооперации государств мира. Развитие объединения содействует рождению новой экономической системы, основанной на равном доступе стран к источникам финансирования и рынкам сбыта, сочетании государственного планирования и рыночной экономики. Ценность парадигмы БРИКС заключается не в расширении возможностей или амбиций стран БРИКС, а в качественном изменении модели экономического развития Глобального Юга.

Концепция БРИКС призвана объяснить возникновение и развитие новых мировых рынков, которые представляются перспективными для будущих инвесторов и всё более прочно утверждаются в международных отношениях в качестве системообразующей основы. Такие направления, как развитие инфраструктуры, транспортно-логистических систем, инноваций, систем электронного обмена данными, расширение механизмов государственно-частного партнёрства, являются важными сферами сотрудничества стран – партнеров объединения.

Подводя итог, мы можем отметить, что данной организации необходимо учитывать изменения политического характера в Черноморском регионе, которые непосредственно уже сегодня сказываются на экономической ситуации стран-участниц БРИКС, в особенности Российской Федерации. При этом основой для развития региона Черного моря должны стать региональные и межгосударственные проекты, позволяющие выстроить современную модель экономики, которая способна выстоять перед глобальными вызовами. Страны-участницы БРИКС совместно с другими международными организациями и гражданским обществом должны участвовать в конструктивном диалоге, а деятельность этого объединения должна быть нацелена на достижение конкретных результатов. Именно неполитизированное и многопрофильное сотрудничество стран региона является важным условием для устойчивого развития как региона в целом, так и каждого государства.

Список литературы

1. Бабаян Д. Китайская Народная Республика в Азово-Северопричерноморском субрегионе: Современное состояние и планы на будущее. Центральная Азия и Кавказ. Том 15. 2012. №4. – С. 50-59.
2. Гринспен А. Эпоха потрясений. Проблемы и перспективы мировой финансовой системы. М.: Альпина Бизнес Букс, 2009. – 517 с.
3. Дынкин А.А., Барановский В.Г. Россия и мир: 2022. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз/Рук. проекта – А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. – М.: ИМЭМО РАН, 2021. – 136 с.
4. Ислямова Э.Э. Геополитическое значение черноморского региона: теоретико-концептуальное измерение. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Том 3(69). 2017. №4 – С. 124-133.
5. Ковалева Е.И., Токарь Е.В. Исследование трансрегионального объединения БРИКС как нового типа интеграции в условиях глобальной экономики. - Б. НИУ БелГУ, 2019. – 130 с.
6. Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между антлатизмом и евразийством). М., 1994. – 264 с.
7. Сенюшкина Т.А. Стратегическое положение России на оси «Восток- Запад» // Политическое пространство и социальное время: власть символов и память поколений. Сборник научных трудов XXXVIII Международного Харакского форума 2-5 ноября 2021 г., г. Ялта / Под общ. ред. Т.А. Сенюшкиной; [науч.ред.: Е.А.Сенюшкин, Л.Н.Гарас]. - Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. – С. 272-276.
8. Стратегия развития БРИКС и приоритеты для России [Текст] : докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / М. Л. Баталина, Т. В. Бордачев, М. С. Бочкова и др. ; под науч. ред. Т. А. Мешковой ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 194 с.

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ НА ПОДКОНТРОЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ В СИРИИ

Третьяк С.С.

Крымский федеральный университет им. Вернадского,
аспирант, ИА «News Front», корреспондент
E-mail: Sergey280497@mail.ru

Аннотация. Анкара в рамках своей борьбы за роль регионального лидера продолжает инициировать активную политическую, экономическую и культурную экспансию. Особой сферой интересов для турецкой власти является арабский мир. В отношении него Турция использует всевозможный набор инструментов влияния. Для одних партнёров делается акцент на общности идеологии, для других – на привлечении к развитию торгово-экономических и военно-технических связей. Однако ко всем без исключения широко применяется инструментарий мягкой силы. Соседняя Сирия стала ярким примером реализации такой политики, в котором переплелись все обозначенные методы воздействия. Тем не менее исламский фактор в политике Анкары на территории сопредельного государства, вероятно, поставлен во главу угла. Причина главным образом заключается в миллионах сирийских беженцев, нашедших укрытие в Турции с начала сирийского кризиса. Их реинтеграция на контролируемые турецкой армией и лояльной Анкаре оппозицией территории Сирии требует особого идеологического (исламского) подхода, который является значимой частью внешнеполитического курса Турции, нацеленного на достижение далеко идущих ориентиров.

Ключевые слова: Турция, Сирия, ислам, операция, Диянет, территория, религия.

FACTOR OF ISLAM IN TURKEY'S POLICY IN CONTROLLED TERRITORIES IN SYRIA

Tretiak S.S.

Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy,
PhD student; IA "News Front", correspondent
E-mail: Sergey280497@mail.ru

Abstract. *Ankara within the framework of the struggle for the role of a regional leader continues to initiate active political, economic and cultural expansion. An especial area of interest for the Turkish authorities is the Arab world. Related to it the Turks apply all sorts of tools of influence. For some kind of partners emphasis is placed on the commonality of ideology, for others - on attracting trade, economic and military-technical ties to the development. However, the tools of "soft power" are widely used for each of them without exception.*

Syria, neighboring to the Turks, has become a good example of the implementation of such a policy, where all the indicated methods of influence are used. Nevertheless, the Islamic factor in Ankara's policy on the territory of the neighboring state is probably put at the forefront. The reason lies mainly in the millions of Syrian refugees who have found a shelter in Turkey since the beginning of the Syrian crisis. Their reintegration into Syrian territories controlled by the Turkish army and opposition loyal to Ankara requires a special ideological (Islamic) approach, which is a significant part of Turkey's foreign policy aimed at achieving far-reaching goals.

Keywords: *Turkey, Syria, Islam, operation, Diyanet, territory, religion*

Вследствие проведенных Вооруженными силами Турции военных операций в северных районах Сирийской арабской республики (САР) на стороне сил вооруженной оппозиции (главным образом в лице Сирийской национальной армии (СНА), Анкаре удалось добиться частичного создания «буферной зоны» вдоль турецко-сирийской границы. Турецкий интерес к данному проекту возник в условиях постепенного осознания затягивающегося характера сирийского кризиса, в рамках которого возникла угроза со стороны военной и политической активности курдских группировок вдоль южных границ с Сирией и в соседнем Ираке, а также очевидной бесперспективности ставки на быстрое свержение власти Башара Асада в Дамаске.

Районы проведения операций «Щит Евфрата» (август 2016 – март 2017 гг.), и «Оливковая ветвь» (январь-март 2018 г.) на северо-востоке мухафазы Алеппо составили обширную «буферную зону» — Северный Алеппо. Несмотря на единый в плане контроля и управления подход, зону операции «Щит Евфрата» курирует губернатор турецкой провинции Газиантеп, тогда как «Оливковой ветви», район проведения которой более тесно связан с Турцией, — глава провинции Хатай [1]. Совокупно в Северном Алеппо

проживают порядка 1,4 млн сирийских граждан, в число которых входят и временно перемещенные лица (ВПЛ) [2].

Операция «Источник мира» (октябрь 2019 г.), проведенная турецкими войсками и их союзниками из США в северной части сирийских провинций Ракка и Хасака, сформировала вторую «зону безопасности, изолированную от прочих турецких «протекторатов». Сообщение между ними возможно только через территорию Турции. Согласно данным на конец 2021 г., население этого района составило около 144 тыс. чел [3].

Анкара не скрывает планов по возможному переселению на контролируемые США при поддержке турецкой армии территории значительной части сирийских беженцев, которые сегодня находятся в Турции. На первом этапе турецкие планы по возвращению сирийцев в «протектораты» предусматривают перемещение до одного миллиона граждан Сирии, о чем в мае 2022 года объявил Р.Т. Эрдоган. Он отметил, что с 2016 г. порядка 500 тыс. сирийцев уже вернулись на территории турецкой «зоны безопасности» [4].

Помимо этого, турецкое руководство проводит активную политику переселения туда арабов-суннитов и туркоманов из других сирийских регионов, целью которой является снижение угрозы со стороны курдских военно-политических группировок, активно призывающих к созданию политического проекта независимого Курдистана. По этой причине численность курдского в подконтрольных Турции зонах пропорционально сокращается [1].

Анкара уделяет особое внимание идеологической составляющей политики на подконтрольных ей территориях. Ключевая роль в этом процессе отведена умеренному исламу суннитского толка. Это объясняется главным образом стремлением Анкары сформировать у живущих и перемещенных туда сирийцев лояльный турецкий образ, противопоставляя умеренно-религиозный фактор радикальной идеологии салафизма, которые исповедуют исламские фундаменталистские группировки, а также радикальному секуляризму запрещенной турецкими властями Рабочей партии Курдистана (РПК) и аффилированных к ней военно-политических организаций на подконтрольных Турции северных районах Сирии [1]. Для реализации этих целей Турция активно занимается возведением мечетей и подготовкой имамов на обозначенных территориях, а также строительством большого количества заведений среднего и высшего образования, которые включают религиозные направления подготовки. Примечательным звеном в

этом процессе является введение обязательного изучения в школах турецкого языка.

Работа по созданию сети мечетей и подготовке богословов для ее обслуживания, а также по финансированию их деятельности впоследствии, поручена Министерству по делам религии Турции (Diyânet İşleri Başkanlığı) – Диянету, а также аффилированному с ним одноименному фонду. Примечательно, но Диянету накануне операции «Щит Еврата» вменяют организацию в мечетях Турции призывов к молитве и чтению главы «Завоевание» в Коране, транслируя ее по громкоговорителям. Поддержанная турецкими СМИ кампания должна была внушить людям, что операция на северо-востоке Сирии была предопределена Богом [7]. «Турецкий фонд по делам религии» (Türkiye Diyanet Vakfı, TDV), фонд с огромными активами и годовым бюджетом более миллиарда турецких лир, был преобразован в инструмент для распространения политической исламистской идеологии за рубежом. Правительство Эрдогана использовало организацию для строительства мечетей и религиозных школ за границей и предоставления стипендий тысячам иностранных студентов, и все это было направлено на продвижение религиозной (турецкой) идеологии...», – отмечает турецкий журналист и исследователь Абдулла Бозкурт [5]. По задумке Анкары, мечети и проповеди в «буферных зонах» в совокупности с распространением турецкого образования должны стать консолидирующим звеном, который крепче свяжет подконтрольные сирийские регионы с Турцией, убеждая местных сирийцев в общем с турками исламском и, самое главное, османском духовном наследии.

На момент начала операции «Щит Евфрата» в 2016 году, Религиозно-правовой совет при поддержке Сирийского исламского совета (коалиционный орган сирийской оппозиции) и Временного правительства Сирии (альтернативное правительство Сирии со штаб-квартирой в турецком Газиантепе) представлялся Анкаре как наиболее подходящий агент для работы с религиозно-просветительской жизнью на подконтрольных территориях [6]. Однако, придя вскоре к необходимости построения более широкой модели управления на севере Сирии, Анкара в конечном счете поручила местным советам (аль-меджлис аль-махалли) каждого крупного города создать управления пожертвований, фетв и религиозных дел (идарат аль-авкаф ва-ль-ифта' ва-л-шуун ад-динийа). В их ведение отдавалось управление пожертвованиями, назначение персонала мечетей и муфтиев, организация уроков Корана и контроль за пятничными проповедями в своих районах [7].

Девятнадцать таких управлений, созданные в трех зонах турецких операций, позже были объединены в формально независимую единую администрацию (идара), тогда как в действительности они подчинялись непосредственно Министерству по делам религии Турции. Связанный с ним фонд «Диянет» стал главным источником финансирования для восстановления и обслуживания мечетей, а также подготовки богословов [7]. Имамы местных мечетей, муэдзины, преподаватели курсов ислама и т.д., прошедшие обучение в исламских подготовительных заведениях Турции, а также выпускники богословского факультета в Азазе получают заработную плату от Диянета. Турецкая модель подбора кандидатов на духовные посты с помощью конкурсных экзаменов сильно контрастирует с моделью, основанной на личных связях, преобладавшей на этих территориях до 2011 г. [8].

Диянет руками местной администрации, а также напрямую при помощи имамов, развернул широкую религиозно-просветительскую деятельность в «протекторатах». Министерство по делам религии Турции продвигает изучение Корана среди местной молодежи, распространяя в том числе бесплатную книжную продукцию с переводом на арабский и курдский языки. Духовный диалог с жителями поддерживается по линии «кураторов», также назначаемых турецким религиозным ведомством [8].

Несмотря на внешний этатизм местной администрации под покровительством Диянета, отделение по делам религии при Временном правительстве Сирии, являющемся де-факто прокси политической власти Анкары в «буферных зонах», не остается безучастным к духовной жизни местного населения, навязывая первому элементы административной конкуренции. В соперничестве между местными управлениями лежат значимые доктринальные аспекты. В случае духовного аппарата местной администрации доминируют подготовленные Турцией, традиционалистские, нередко склонные к суфизму ученые, которые без сомнения пользуются своими полномочиями, предоставленными Диянетом, чтобы подавить влияние салафитов. Фрагменты идей салафии (веры предков) остаются сильными в результате трехлетнего правления запрещенной в России террористической организации Исламское государство* (ИГ) над районом Эль-Баб, продолжающегося присутствия в регионе салафитских повстанческих группировок, таких как запрещенные в России группировки Ахрар аш-Шам* и Джейш аль-Ислам*, (*Запрещенные на территории России организации) а также деятельности стран Персидского залива,

финансирующих неправительственные организации, такие как, к примеру, Гадж – Ассоциация преподавания Корана [7].

Одновременная работа Сирийского исламского совета и администрации по делам религий, курируемой Диянетом, демонстрирует неоднородность в подходе к управлению духовной жизнью на подконтрольных территориях. Тогда как администрации и турецкие власти выступают за централизованный, нисходящий подход к управлению религией и образованием «на местах», власти в лице сирийской оппозиции, солидарные с позицией Сирийского исламского совета, подчеркивают необходимость либерализации религиозно-гражданских отношений.

Подобного рода административная раздробленность объясняет сложную структуру исламского образовательного сектора на подконтрольных Турции северных районах Сирии. На уровне средней и старшей школы процесс включает три отдельные категории. Все эти меры, будучи классическим образцом «мягкой силы», обращены главным образом на детей и молодежь, направлены на формирование и закрепление положительного отношения к Турции, возвращение лояльного ей населения на северных сирийских территориях.

Во-первых, наличие в нем шариатских подготовительных программ, представляющих собой курсы религиозного обучения в рамках общеобразовательных средних школ. Примечательно, что связаны они, главным образом финансово, могут быть либо с местными администрациями, подконтрольных Диянету, либо с религиозным советом при Временном правительстве. Наряду с шариатскими курсами существуют также школы Имам Хатыб – государственные бесплатные религиозные школы, эквивалентные подобным в Турции, непосредственно подчиненные турецкому Министерству образования [9].

На контролируемых Анкарой территориях северной Сирии осуществляют профессиональную образовательную деятельность также частные исламские институты, связанные с турецкими властями, или узкоспециализированные исламские средние школы. В качестве примера можно привести Институт Мекки Сирийской лиги улемов, аффилированный с деятельностью запрещенных в России Братьев-мусульман, или Институт Абдаллы ибн Худхафа ас-Сахми, которым управляет ассоциация Ахбаб, филиал запрещенной в России Джамаат ад-Да'ва ват-Таблиг (Джамаат Таблиг). В турецкой «буферной зоне» ведет активную духовно-подготовительную работу факультет шариата Свободного университета Алеппо, связанного с

Временным правительством Сирии; филиалы турецкого Газиантепского университета, такие как факультет исламских наук в Азае или Институт шариата в Джараблусе; и другие [7].

Характерной чертой идеологической работы турецкого Диянета в контролируемых районах Сирии является антикурдская риторика. «Образование основано на суннитско-турецком синтезе с большой дозой антикурдских учений. Курды изображаются атеистами, а РПК, YPG и другие курдские боевики — неверными...», — сообщает журналист Амед Диджле, побывавший не месте событий [10]. В целом же двойственность позиции религиозного ведомства по курдскому вопросу проявилась в январе 2018 года, когда Турция начала военную операцию в городе Африн на севере Сирии. Тогда Али Эрбаш, глава Диянета, выступил с заявлением в поддержку операции, в котором он переплел темы мусульманской уммы и мученичества в одну нить. Это было явным признаком того, что в эпоху ПСР Диянет окончательно перешли к использованию дискурса «единства мусульман» как политического инструмента даже в таких заявлениях, как в поддержку трансграничной операции турецкой армии [11].

В контексте формирования позитивного турецкого образа среди местных жителей важно отметить, что деятельность Диянет на севере Сирии тесно связано с гуманитарными программами развития подконтрольного региона самого широкого профиля: от адресной рассылки гуманитарной помощи до строительства жилых кварталов. «В северной сирийской провинции Идлиб страна построила почти 100 000 брикетных домов, а президент Реджеп Тайип Эрдоган поставил новую цель — построить 250 000 домов. Турция принимает около четырех миллионов беженцев, предоставляя защиту большому количеству беженцев, чем любая другая страна в мире. Число сирийцев, находящихся под временной защитой в Турции, составляет 3,75 миллиона человек...», — сообщает в конце июля 2022 года официальный сайт религиозного ведомства [12]. Среди объектов культуры реставрируются преимущественно объекты османского наследия.

Принимаемые Турцией в «буферной зоне» на севере Сирии меры являются классическим образцом «мягкой силы». Их цель заключается в формировании позитивного образа Турции и возвращение лояльного к ней местного населения. Особое место в данном процессе занимает работа с детьми и молодежью.

Форвардом турецкой идеологической работы в подконтрольных Турции зонах является управление по делам

религии – Диянет, которое осуществляет свою деятельность через сформированные местные администрации. В борьбе за умы проживающих там сирийцев участвует также местное религиозное управление, аффилированное к Сирийскому исламскому совету и Временному правительству Сирии. В рамках параллельной работы религиозных органов реализуются два доктринально разных подхода к духовной работе с населением.

Политика Диянет нацелена на использование религиозного фактора для противодействия радикальной салафитской идеологии, реализуемой ранее ИГ* и ХТШ* (*Запрещенные на территории России организации) на данной территории, так и радикальному секуляризму популярной среди курдов на севере Сирии РПК. Мечети и проповеди в «буферных зонах» должны стать теми узлами, которые крепче привяжут эти сирийские регионы к Турции, прививая местным сирийцам лояльность к ней посредством общего исламского и османского духовного наследия.

Список литературы

1. Семенов К. Турецкие «протектораты в Сирии: управление и интеграция. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/turetskie-protektoraty-v-sirii-upravlenie-i-integratsiya/> (дата обращения: 31.10.2022)
2. Idlib May Become the Next Gaza Strip. – URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/idlib-may-become-next-gaza-strip> (дата обращения: 31.10.2022)
3. Operation peace spring and potential turkish intervention scenarios. – URL: https://immap.org/wp-content/uploads/2022/01/RCM-Thematic-Report-6-Operation-Peace-Spring-and-Potential-Turkish-Intervention-Scenarios_2-2.pdf (дата обращения: 31.10.2022)
4. Жаль, что вам пора. Турция возвращает домой миллион сирийцев. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14560407> (дата обращения: 31.10.2022)
5. Erdoğan steps up campaign to export Islamist ideology with the help of TDV foundation cash. – URL: <https://nordicmonitor.com/2022/03/erdogan-steps-up-campaign-to-export-islamist-ideology-via-tdv-foundations-cash/> (дата обращения: 01.11.2022)
6. Euphrates Shield: Local Governments Supported by Turkey (араб.), Al Modon Online. – URL: <https://web.archive.org/web/20210326123811/https://www.almo>

- don.com/arabworld/2018/7/1/كحكومات-المحلية-المجالس-الفرات-درع-مناطقية (дата обращения: 01.11.2022)
7. Religious Governance in Syria Amid Territorial Fragmentation. – URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-03259910/document> (дата обращения: 01.11.2022)
 8. Suriye Fırat Kalkanı ve Zeytin Dalı Bölgeleri Faaliyet Raporu (2017-2018). – URL: <https://dinhizmetleri.diyaret.gov.tr/Documents/FKB-ZDB%20Faaliyet%20Raporu.pdf> (дата обращения: 01.11.2022)
 9. Turkish Foreign Policy Toward Syria After 2011: A New Regional Order and the Role of Political Islam. – URL: <https://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/37945085/ZAAROU-R-DOCUMENT-2018.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 02.11.2022)
 10. Diyanet flexes its muscles to back Erdogan’s soft power in Syria. – URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2018/09/turkey-syria-religious-body-becomes-pillar-influence-tool.html#ixzz7jDw1JmTx> (дата обращения: 02.11.2022)
 11. Diyanet’s Role in Building the “Yeni (New) Milli” in the AKP Era. – URL: <https://journals.openedition.org/ejts/5953> (дата обращения: 02.11.2022)
 12. Türkiye has always been the most charitable country. – URL: <https://tdv.org/en-EN/turkiye-has-always-been-the-most-charitable-country/> (дата обращения: 02.11.2022)

ПОХВАЛА ФРАСИМАХУ: ИДЕОКРАТИЧЕСКИЙ И ИСТОРИОСОФСКИЙ АСПЕКТЫ РЕШЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО КРИЗИСА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПРАВСТВЕННОГО РЕГРЕССА

Трухан А.В.

кандидат философских наук

Ростовский филиал ФБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

E-mail: axioma.maxima@mail.ru

Аннотация. «Похвала Фрасимаху» – так называется лекция одного из крупнейших социологов XX века Ральфа Дарендорфа, прочитанная в 1966 году в Орегонском университете. Мы используем

понятийный аппарат и выводы, полученные автором в этой работе, для рассмотрения проблемы соотношения власти и права в условиях современного социально-нравственного регресса. В работе сопоставляются позиции Р. Дарендорфа, П. Рикёра и В.С. Соловьёва в предложенной Дарендорфом схеме противостояния двух направлений европейской политической мысли: «партии Фрасимаха» и «партии Сократа». Основанием для сопоставления трех философских позиций является тезис Фрасимаха «справедливость – это то, что пригодно сильнейшему», которому Сократ противопоставляет свой тезис: «всякая власть, поскольку она власть, имеет в виду благо не кого иного, как тех, кто ей подвластен и ею опекаем». В статье проводится обоснование положения, что отказ от позиции Сократа и переход к позиции Фрасимаха на Западе и в России имеет противоположную направленность, которая определяется альтернативностью общественных идеалов русского и европейского идеократического сознания. На Западе право силы используется для продуцирования и контроля за социально-нравственным регрессом, в России – для того, чтобы противостоять этому регрессу. Данное обоснование производится в идеократическом и историософском видении проблемы В.С. Соловьёвым.

Ключевые слова: Р. Дарендорф, П. Рикёр, В.С. Соловьёв, теория общественного договора, суверенитет власти, суверенитет права, историософия, идеократия, общественный идеал.

PRAISE FOR THRASYMACHUS: IDEOCRATIC AND HISTORIOSOPHICAL ASPECTS OF SOLVING THE MODERN POLITICAL AND LEGAL CRISIS IN CONDITIONS OF SOCIAL AND MORAL REGRESSION

Trukhan A.V.

Rostov branch of the Russian State University of Justice,
Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-
Economic Disciplines

E-mail: axioma.maxima@mail.ru

Abstract. “Praise to Thrasymachus” is the title of a lecture by one of the greatest sociologists of the 20th century, Ralph Dahrendorf, given in 1966 at the University of Oregon. We use the conceptual apparatus and conclusions obtained by the author in this work to consider the problem of the relationship between power and law in the conditions of modern social

and moral regression. The paper compares the positions of R. Dahrendorf, P. Ricoeur and V.S. Solovyov in the scheme proposed by Dahrendorf of confrontation between two areas of European political thought: the “Party of Thrasymachus” and the “Party of Socrates”. The basis for comparing the three philosophical positions is the thesis of Thrasymachus “justice is what is suitable for the strongest”, to which Socrates opposes his thesis: “any power, since it is power, has in mind the benefit of none other than those who are subject to it and it we take care of.” The article substantiates the position that the rejection of the position of Socrates and the transition to the position of Thrasymachus in the West and in Russia has the opposite direction, which is determined by the alternative social ideals of Russian and European ideocratic consciousness. In the West, the right of force is used to produce and control social and moral regression, in Russia - in order to resist this regression. This justification is made in the ideocratic and historiographical vision of the problem by V.S. Solovyov.

Key words: R. Dahrendorf, P. Ricoeur, V.S. Solovyov, social contract theory, sovereignty of power, sovereignty of law, historiography, ideocracy, social ideal

Тема конференции «Право силы VS сила права» помещает в фокус рассмотрения современных социально-политических процессов проблему противостояния политики и права. Если мы говорим о праве, то говорим о справедливости. Если говорим о силе, то говорим о насилии. Соединение права и силы позволяет нам говорить о справедливом насилии. Справедливость – удел правосудия. Сила – прерогатива политической власти. Противостояние политической власти и правосудия – признак социально-политического кризиса, в основании которого лежит отсутствие общественного согласия по вопросу о справедливом насилии.

1. Специфика подхода к решению современного политико-правового кризиса П. Рикёра и В.С. Соловьёва: философия права или историософия.

Справедливость есть категория нравственного сознания индивида и морального сознания общества. В истории формирования европейской мысли определение меры справедливости в политическом насилии является прерогативой философии права и принадлежит юрисдикции правосудия. В понимании крупнейшего французского мыслителя, специализировавшегося на теме справедливости, Поля Рикёра классическое философское наследие

Платона, Аристотеля, Гоббса, Макиавелли, Адама Смита, Лейбница, Канта и, прежде всего, Гегеля («Основы философии права»), заложили опору для профессионального философского осмысления права по формуле «мораль-право-политика» [3, с. 9-10].

Право определяется связующим звеном между моралью и политикой. Именно так определяет место права и русский философ Владимир Соловьев: «*право* (то, что требуется юридическим законом) *есть низший предел или некоторый минимум нравственности, равно для всех обязывающий*» [4, с. 33]. Исполнение правовой меры минимальной нравственности обеспечивается насилием со стороны политической власти. Сама же мера этого нравственного минимума определяется той степенью морального регресса общества, при опускании ниже которой ставится под угрозу существование нравственного основания самого общества. Верхний уровень правовой меры ограничивается опасностью подавления нравственной свободы выбора, необходимого для нравственного совершенствования личности (не из страха наказания, а по совести).

Особенность формирования европейского правосознания в XX веке, по мысли Рикёра, состоит в том, что из классической формулы «мораль-право-политика» выпадало право и устанавливалась прямая связь между моралью и политикой, причем, не в рамках «топоса Гегелевской философии права», а в рамках философии истории. Эту трансформацию европейского правосознания Рикёр называет «маскировкой юридической проблематики в общественных этико-политических терминах» и объясняет «шоком, вызванным разгулом насилия на протяжении страшного XX века». Он утверждает, что перенос собственно юридической проблематики из области философии права в область философии истории нанес ущерб обеим дисциплинам: и правовым, и политическим. Политика нашла «свою кульминацию в вопросе о *легитимности* порядка, при помощи которого государство препятствует насилию, пусть даже ценой другого насилия, из которого вышла сама политическая власть». Перенос правовой проблематики в область философии истории способствовал тому, что «драматургия войн захватила всю энергию нашей мысли», актуализируя ее на принципиально непостижимой проблеме политического зла и подчиняя ее по существу требованиям политической философии [3, с. 10-11].

Основной замысел фундаментальной работы П. Рикёра состоит в том, чтобы «демаскировать» юридическую проблематику и вернуть ее из области политической философии в область философии права. При этом автор формулирует принципиально важный для нас тезис:

«Чтобы придать драматический оборот тому противопоставлению, которое я делаю между политической философией, где вопрос о праве затемнен неотступной мыслью о неотвратимом присутствии зла в истории, и такой философией, где право было признано в своей ненасильственной специфичности, я предлагаю постулировать, что животрепещущей темой политической философии является война, а аналогичной темой философии права – мир» [3, с. 11-12]. Принципиальными моментами, на которые следует обратить внимание в этом тезисе, являются: *во-первых*, «присутствие мирового зла в истории» определяется как «принципиально непостижимое затемнение», от которого следует освободиться; *во-вторых*, социальный феномен права постулируется в своей *ненасильственной* специфике.

В этих моментах позиция европейской правовой мысли, представленная П. Рикёром, принципиально отличается от русской правовой мысли В.С. Соловьева. Для последнего важнейшим специфическим отличием правовой нормы от нравственной является ее принудительный характер, а главным оправданием правового насилия – наличие *мирового зла* (злой воли), противостояние которому ненасильственными средствами обречено на неминуемое поражение *мирового добра* (доброй воли). Специфика права состоит в том, чтобы злую волю идентифицировать в реальном деянии как преступную, и тем самым насильственными средствами ограничивать свободу мирового зла в общественной жизни. На этом понимании права строится известная соловьевская формулировка. «Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царствие Божие, а только в том, чтобы он *до времени* не превратился в ад» [4, с. 42].

Выделенное автором курсивом обстоятельство «*до времени*» показывает, что данная формулировка сделана в эсхатологическом понимании логики истории, и что главное различие европейского и русского правосознания состоит как раз в определении места философии истории в структуре дисциплинарного деления общественных наук. Если в русской философии историсофия (как эсхатологическая разновидность философии истории) выступает основанием всей триады дисциплин «мораль-право-политика», то в европейской философии она (философия истории) относится к дисциплинарной сфере только политической философии, в которую выносятся из области права и присущее ее природе насилие. Ненасильственная специфика права у «последнего классика европейской философии» доказывается виртуозным софизмом с помощью определения *суда как особого места*, где совершается

ненасильственное правосудие, – места, «где слово одерживает верх над насилием» [3, с. 12].

Слово, определяющее санкцию правового насилия, по Рикёру, не является насилием, а победой над ним. Смысл этого софизма, собственно, и заключается в маскировке правового насилия со стороны злой политической воли. В то время как смысл русского правосознания Соловьева, основывающегося на историософском понимании права, состоит в том, чтобы демаскировать присутствие злой воли в современном политико-правовом процессе и социально-нравственном регрессе общества.

2. Противостояние Фрасимаха и Сократа в европейской дискуссии о природе политической власти.

Либеральная правовая система, с позиции которой делает свои заключения П. Рикёр, строится на *теории общественного договора*. В связи с этим нас заинтересовала возможность найти место позиции «классика французской философии» в системе противостояния двух моделей теории общественного договора, которую выстроил другой «классик» XX века – немецкий социолог Ральф Дарендорф в работе «Похвала Фрасимаху. К новой ориентации политических теорий и политического анализа» (1966 г.). Общим основанием для связи рассуждений Рикёра с выводами Дарендорфа является та политическая катастрофа XX века, которая связана с «разгулом насилия» в нацистской Германии и его последствиями.

В качестве историко-философского материала для постановки проблемы, определения понятий и формулировки главного тезиса Р. Дарендорф избирает первый диалог о справедливости из «Государства» Платона, в котором мастер диалектики Сократ не сумел одолеть своего противника Фрасимаха из Халкидона. Автор придает этому поединку особое значение, указывая на то, что в нем «впервые в истории социальной и политической мысли были сформулированы две несопоставимые позиции, которые с тех пор проявили себя в качестве наиболее застарелого источника конфликта между исследователями человеческого общества». В этом поединке сам исследователь занимает сторону Фрасимаха. Он считает, что оппонент Сократ «привел со своей стороны лучшие аргументы», которые «требуют скорее интерполяции, чем интерпретации» с целью «объяснения некоторых основных проблем политического анализа и для наброска образа хорошего общества в наше время (курсив наш – А.Т.) [1, с. 401].

Тезис Фрасимаха выражен ясно и отчетливо: «Справедливость — это то, что пригодно сильнейшему». Доказательство тезиса таково: 1) в одних государствах строй тиранический, в других – демократический, в третьих – аристократический; 2) в каждом государстве силу имеет тот, кто у власти; 3) всякая власть устанавливает законы в свою пользу; 4) установив законы, объявляет их справедливыми. Из этих посылок через несколько промежуточных выводов следует, что справедливость есть то, что полезно сильнейшему.

Сначала Сократ ловит Фрасимаха на противоречии. Затем, когда Фрасимах начинает подтверждать свои аргументы фактами и допускает в своей запальчивости ошибки поспешного обобщения, Сократ пользуется этими оплошностями и методично своими дихотомиями разбивает одно суждение за другим, не возвращаясь к изложенному выше доказательству Фрасимаха. Необходимо привести эти общие суждения, чтобы понять, сколь многочисленные факты за ними стоят, несмотря на ложность самих утверждений: 1) «справедливый человек везде проигрывает сравнительно с несправедливым»; 2) «всякому для себя лично полезнее быть несправедливым, чем справедливым»; 3) «жалок тот, кто на себе испытал несправедливость и все же не решился пойти против справедливости»; 4) частичное нарушение справедливости при обнаружении наказывается и покрывается позором, а полная несправедливость вызывает страх и называется преуспеванием; 5) «полная несправедливость сильнее справедливости, в ней больше силы, свободы и властности»; 6) «справедливость пригодна сильнейшему, несправедливость же целесообразна и пригодна сама по себе» [2, с. 100-101].

Ошибка Фрасимаха состоит в том, что приведенные им общие суждения ложны как для идеального государства, так и для всех реальных государств, даже для наихудшей его формы – тирании. Однако, факты, на которых он обосновывает своей тезис, количественно нарастают по мере движения от идеальной формы государства к наихудшей: от царства или аристократии через тимократию, олигархию, демократию к тирании. Сократ же разрушает аргументы Фрасимаха, исходя из представлений об идеальном государстве. Главный тезис Сократа: «всякая власть, поскольку она власть, имеет в виду благо не кого иного, как тех, кто ей подвластен и ею опекаем – в общественном и частном порядке». Ральф Дарендорф называет этот тезис *очевидно лживым*, не приводя своих аргументов, потому что аргументы налицо – тезис

опровергается фактами реальных государств, на которые указывает Фрасимах. Кроме того, Сократ использует софистическую подмену тезиса, чтобы одержать победу в споре, а не исследовать истину, в чем сам же и признается по окончании дискуссии: «Так-то и вышло, что сейчас я ничего не вынес из этой дискуссии» [2, с. 115]. Несмотря на то, что Фрасимах был сломлен аргументами Сократа, он уходит непобежденным, бросая Сократу: «Угощайся этим рассуждением сам, да смелее. Я тебе не стану перечить, чтобы не нажить врагов среди присутствующих» [2, с. 112]. Эти слова Фрасимах произносит после применения Сократом аргумента к силе, возражение против которого угрожало самому Фрасимаху со стороны присутствующих в обвинении непочтительного отношения к богам. Фрасимах уступил в споре, но не признал своего поражения.

Завершив разбор текста Платона, немецкий исследователь прослеживает продолжение дискуссии Фрасимаха с Сократом между их последователями в последующие эпохи. В новоевропейскую эпоху этот «спор о справедливости» продолжается в «дискуссии об общественном договоре». Партию Фрасимаха возглавил английский философ Томас Гоббс, сформулировав положение об общественном договоре как соглашении «о создании инстанции, задача которой состоит в том, чтобы сплачивать воедино». На стороне Сократа спустя сто лет выступил француз Жан-Жак Руссо. Он предложил другую модель общественного договора – как договора об ассоциации, «то есть о свободном соглашении организовать некое совместное предприятие, что не требовало ни от одного из участников уступки в правах.

Главным пунктом противоборства этих направлений является определение суверенитета власти и способов его реализации. С позиции Фрасимаха-Гоббса суверенитетом обладает особая инстанция, которой делегируются субъектами договора полномочия принимать законы и прибегать к насилию для осуществления их исполнения с целью обеспечения общественного единства. В этой системе отношений всегда существует сопротивление власти, которое требует от правящей инстанции адекватного законодательства и эффективного применения санкций. Искусное владение этими инструментами обеспечивает легитимность власти и поддерживает отношения господства-подчинения в обществе» [1, с. 409, 408]. С позиции Сократа-Руссо «суверенитет остается у всего политического коллектива, то есть у всех граждан того или иного общества» [1]. Властные инстанции представляют собой не более чем инструмент осуществления общей воли политического коллектива, которая

выражается посредством социальных механизмов установления консенсуса и реализуется с помощью механизмов, обеспечивающих баланс интересов. Осуществление власти зависит на каждом шагу от поддержки тех, кто явно ей подчинен. Поэтому из арсенала средств сохранения общественного единства устраняется инструмент насилия и заменяется целесообразным самоограничением.

Для первого направления власть есть институт правотворчества и аппарат насилия, обеспечивающий общественное единство, для второго — власть есть инструмент реализации общей воли политического коллектива граждан, исключаящий насилие из политического инструментария.

Уже из этих определений видно, сколь конкретна и проста модель общественного договора линии Фрасимаха и сколь абстрактна, и сложна в реализации вторая модель. На современном этапе этой дискуссии партия Фрасимаха-Гоббса получила название позиции понимания власти как средства принуждения (принудительный подход), партия Сократа-Руссо – позиции понимания власти как средства обмена или теории равновесия. При этом определился значительный дисбаланс в расстановке сил в пользу последнего, сократовского, направления. Немногочисленные сторонники Фрасимаха, по мысли Дарендорфа, — не могут создать свою программу и ограничиваются демонстрацией своей оппозиционности и собственных намерений в весьма общих формулировках. Высказывая свою «похвалу Фрасимаху», Дарендорф проводит аргументацию своего выбора в пользу принудительного подхода в социальных науках, который обладает безоговорочными преимуществами над подходом, основанным на теории равновесия [1, с. 426]. Укажем лишь на главные преимущества, выявленные автором.

Первое – основной аргумент теоретиков равновесия – апелляция к научности их теории по критериям Макса Вебера, исключаящим из дисциплинарной области социологии ценностные суждения. По этой причине из их теорий полностью исчез моральный аспект социальности. Тезис Фрасимаха, прежде всего, возвращает в научную дискуссию «представление о хорошем обществе», а «теоретики принуждения могут гораздо больше приближаться к богатству и красочности событий, с объяснением которых им приходится иметь дело. Сколько бы разительно ни отличались между собой познавательные цели историографии и социологии, между подходом Фрасимаха и изучением истории нет вражды, нет фундаментальной методологической несовместимости» [1, с. 407, 423].

Второе – теория равновесия «теоретически» беспомощна перед решением проблемы возникновения и успеха национал-социализма в Германии. Насильственный же подход Фрасимаха позволяет любую политическую ситуацию, в том числе и сложившуюся 29 января 1933 года, описать в терминах антагонизма господства и сопротивления и трактовать захват власти национал-социалистами и ее удержание как осуществление эффективного господства [1, с. 420-422].

Третье – теория равновесия рассматривает осуществление власти от имени и при поддержке народа как бесперебойно функционирующий механизм в ситуации определенности. Что произойдет в ситуации неопределенности? «Что случится, к примеру, если с мнимой общей волей не согласится какой-нибудь несчастный?» На этот вопрос следует ответить: «Если теория возведена в догму, то этот маргинал подвергнется преследованиям; если же его не будут преследовать, то это опровергнет теорию». Если теория удержится, то это практически означает насилие и тогда теория Руссо из «демократии» превращается в «тоталитарную демократию». Зеркальной противоположностью линии Сократа предстает дело Гоббса, или Фрасимаха. На первый взгляд не слишком привлекательное, оно являет свои преимущества, если мы согласимся с тем, «что институты не столько служат монументами консенсусу, сколько *бастиями против человеческой подлости*. Все принудительные теории в политике основаны на допущении того, что человек всегда будет жить в мире неопределенности (курсив наш – А.Т.)» [1, с. 424-425].

Такова оценка ситуации на 1966 год. На сегодняшний день она, несомненно, изменилась, однако выявленное сквозное противоборство двух направлений, произведенный анализ и выводы Р. Дарендорфа сохраняют свою актуальность для решения политико-правового кризиса современности в условиях социально-нравственного регресса общества.

3. Спор о справедливости между Фрасимахом и Сократом в современном контексте поиска решения политико-правового кризиса: идентификация позиций Дарендорфа, Рикёра и Соловьева в идеократической парадигме.

Прежде всего, необходимо отметить, что все три преимущества концепции власти принудительного подхода линии Фрасимаха, выявленные Р. Дарендорфом, во всем соответствуют позиции В.С. Соловьева и противоположны взглядам П. Рикёра. Из чего можно

сделать вывод, что позиция Рикёра принадлежит Сократовскому направлению, но нельзя сказать, что воззрения Соловьева соответствует направлению Фрасимаха, потому что в линии Фрасимаха отсутствует главный элемент, присутствующий в позиции Соловьева. Это историческое воззрение на соотношение политики и права. И, более того, – это идеократическое воззрение на саму проблему противостояния политики и права, которая ставится Дарендорфом как проблема наделения суверенитетом либо политики, либо права. Чтобы пояснить это положение, рассмотрим, прежде, противостояние между позициями Рикёра и Дарендорфа.

Особенность позиции Рикёра в решении вопроса о суверенитете власти состоит в том, что *сакральным местом реализации этого суверенитета является суд*, в котором совершается чудо ненасильственного правосудия, а главная ответственность за осуществление принципов общественной справедливости несет институт права. Принцип независимости суда в системе разделения властей интерпретируется как принцип утверждения судебной инстанции в качестве гаранта обеспечения справедливости демократического общества. Р. Дарендорф, приняв сторону линии Фрасимаха, полагает, что *сакральным местом суверенитета власти является институт самой власти, учреждающий законы и принуждающий к их исполнению*, соответственно и ответственность за справедливое общественное устройство лежит на политической власти. По сути, в этой позиции происходит отмена принципа разделения властей и утверждается принцип подчинения всех ветвей власти политической воле суверена – правящего класса, занявшего место господствующей инстанции.

Несомненно, что Соловьев придерживается той же позиции в отношении суверенитета политической власти, что и Дарендорф, при этом дополняя его принципом нравственной ответственности. Он утверждает принцип «принудительного правосудия как нравственную обязанность» государства [4, с. 99-114]. Поскольку нравственнообязанной может быть только воля, то вся полнота господства (политического, законодательного, судебного) должна принадлежать воле верховной власти, ограниченной исключительно лишь нравственным идеалом. В нравственном идеале выражается та общая воля «гражданского политического коллектива» Руссо, которая ограничивает произвол верховной власти.

Идеократический принцип ограничения верховной власти исключительно лишь властью общественного идеала содержательно превосходит определение «справедливости как того, что пригодно

сильнейшему» Фрасимаха. Тезис последнего является этически нейтральным, а тезис Соловьева – этически обязывающий. *Историософское содержание* соловьевского принципа состоит в том, что нравственной обязанностью политической власти является противостояние мировому злу. В политическом служении нравственному идеалу верховная власть учреждает законы и правовые нормы, защищая нравственный минимум юридической санкцией и реализуя принцип справедливости в устройении общественной жизни. Таким образом, в идеократическом и историософском понимании природы верховной власти тезис Фрасимаха будет истинным только тогда, когда «пригодное сильнейшему» будет ограничено общественным идеалом. Это, собственно, и пытался Сократ объяснить Фрасимаху.

Поддержка Р. Дарендорфом тезиса Фрасимаха, конечно, объясняет социальный феномен успеха национал-социализма в Германии. Если в общественном сознании есть место суверенной власти, то это место может быть захвачено сторонниками мировой злой воли. Распознать нравственное содержание верховной власти можно: *во-первых*, по декларируемым ею идеалам – «*во имя чего*» совершается насилие и приносятся жертвы; *во-вторых*, по ее делам – *соответствуют* ли дела декларируемым идеалам. Эти идеократические критерии могут быть применены в оценке причин современного политико-правового кризиса и социально-нравственного регресса.

Специфика современной ситуации, в которой оказалось западное сообщество и Россия, состоит в том, что принудительная сила правовой нормы используется политической властью не для защиты минимума нравственности, а, напротив, для защиты безнравственности и подавления сопротивления со стороны нравственных сил. Легализация аборт, проституции, однополых браков и торговли наркотиками, защита нормативности сексуальных меньшинств, свободы гендерной идентификации и раннего полового просвещения, вмешательство в процесс семейного воспитания ювенальной юстиции и др. – все это феномены правового насилия над нравственной природой человеческой личности со стороны мирового зла, которая не идентифицируется правовой нормой как преступная воля.

Современная ситуация может быть идентифицирована как захват суверенной власти мировым злом, подобно тому, как это произошло в нацистской Германии. В этих условиях право как орудие доброй воли в ограничении свободы зла обращается в свою противоположность –

инструмент злой воли для утверждения своего господства. Этот процесс идентифицируется Рикёром как противопоставление философско-правовой *темы мира* политико-правовой *теме войны*. Вот уж поистине – плохой мир, который хуже хорошей войны! В этом мире оказалась постсоветская Россия, приняв европейскую либеральную систему права, разделив с Европой все последствия нравственного регресса западной цивилизации! Оказалось, что политическое насилие со стороны мирового зла не только не ограничивается либеральной Конституцией, но напротив снимает препятствия на его пути. Свидетельством тому является захват власти нацистским режимом на Украине. Пока мы слушали разговоры о мире, там готовились к войне. Поэтому нет ничего парадоксального в том, что именно начало специальной военной операции на Украине указало нам выход из пленения общественного сознания и социально-политических институтов силами мирового зла. Война тайное сделала явным.

Противостоять в войне противнику, по указке которого были выстроены государственные институты и принята правовая нормативная база постсоветской России, возможно только, актуализируя тезис Фрасимаха, наполняя его этическим содержанием. Что и осуществляется Указами Президента России.

Список литературы

1. Дарендорф Р. Похвала Фрасимаху. К новой ориентации политических теорий и политического анализа // Дарендорф Р. Тропы из утопии / Пер. с нем. Б.М. Скуратова, В.Л. Близнекова. М.: Праксис, 2002. С. 400-427.
2. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3 /Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; Авт. вступ ст. и ст. в примеч. А.Ф. Лосев; Примеч. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. – 654 с.
3. Рикёр П. Справедливое / Пер. с фр. Б. Скуратова, П. Хицкого. Послесловие – Э. Шлюссера. М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2005. 305 с.
4. Соловьев В.С. Право и нравственность. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001. 192 с.

СЕТЕВЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ АКТОРОВ НА МИРОВУЮ ПОЛИТИКУ

Фароян Э. М.

ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»,

аспирант

E-mail: kisame1122@mail.ru

Аннотация. В настоящее время активную роль в мировой политике начинают играть не только взаимоотношения государств, но и сетевые взаимодействия. Сетевое взаимодействие – это разветвленная система связей, на основе которой происходят обмен, контакты, сотрудничество и даже конфликты. Такое взаимодействие, как правило, основано на определенных ценностях, а также интересах. Внешняя политика должна быть построена на компромиссе данных интересов и ценностей. Современная система международных отношений полицентрична, и поэтому на смену традиционной дипломатии приходит сетевая дипломатия. В связи с этим особую роль будет играть выявление основных категорий (видов) негосударственных акторов как особых участников международных отношений, что позволит определить направление развития данных отношений.

Ключевые слова: сетевое взаимодействие, сетевая дипломатия, ценности и интересы, мировая политика, международные отношения, транснациональные корпорации.

NETWORK INTERACTIONS AS A FACTOR OF INFLUENCE OF NON-STATE ACTORS ON WORLD POLITICS

Faroyan E. M.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,

PHD student

E-mail: kisame1122@mail.ru

Abstract. Currently, not only States, but also other factors are beginning to play an active role in the global economy. The clash that

occurs between different participants in politics can be called networking. Networking is an extensive system of connections, on the basis of which exchanges, contacts, cooperation and even conflicts take place. Such interaction, as a rule, with knitted is based on certain values, as well as interests. Foreign policy should be based on a compromise of interests and values. The modern system of international relations is polycentric, and therefore network diplomacy is replacing traditional diplomacy. In this regard, the identification of the main categories (types) of non-state actors as special participants in international relations will play a special role, which will determine the direction of development of these relations.

Keywords: Networking, network diplomacy, values and interests, world politics, international relations, transnational corporations.

В настоящее время мировой порядок начинает постепенно приобретать новую структуру. Активную роль в этом процессе продолжают играть государства, однако свое место и влияние на международной арене постепенно находят и негосударственные акторы, такие как неправительственные организации, транснациональные корпорации (ТНК), религиозные организации и отдельные индивиды [1, с. 80].

В этих условиях международное взаимодействие может выходить за рамки какой-либо одной сферы деятельности общества (политики, экономики, культуры, и т. д.) и не исключает сочетания нескольких сфер взаимодействия. Кроме того, такое взаимодействие становится всё более многосторонним и разноуровневым, а его участники становятся все более разнообразными. При этом все субъекты формируют множество связей друг с другом, и это усиливает их взаимозависимость.

Сетевым взаимодействием можно считать разветвленную систему связей, в рамках которой происходят контакты, обмен (информацией и другими ресурсами), сотрудничество и конфликты. В международных отношениях к сетевому взаимодействию относится, прежде всего, дипломатия как одна из форм международных контактов, которая в нынешнее время существенно видоизменяется.

В научной литературе проблемы теории и практики сетевого взаимодействия различных политических акторов становились предметом анализа и научной разработки Л.В. Сморгунова, Д.М. Фельдмана, Е.В. Саворской, Л.С. Воронкова, Т.А.Сенюшкиной, Е.А.Сенюшкина и др.

При изучении работ указанных авторов возникают закономерные вопросы о том, что составляет основу сетевых отношений и чем руководствуются в своих взаимодействиях негосударственные акторы. «Общий интерес», в данном случае, будет относительным и нестабильным, так как сама ситуация в мире достаточно изменчива, и это приводит к постоянной перегруппировке сил, смене целей, перестановке приоритетов и так далее. Кроме того, сетевое взаимодействие происходит не только в области сотрудничества, но и просматривается в конфликтных ситуациях.

Современное сетевое взаимодействие – это множество связей, которые устанавливаются посредством сопоставления ценностей и нахождения общих «точек соприкосновения», целей и интересов. Общие интересы и цели акторов основаны на общих ценностях и иногда могут быть поставлены выше некоторых собственных ценностей. Однако может наблюдаться и иная ситуация, когда происходят ценностные конфликты.

Сетевому взаимодействию свойственна не только некоторая нестабильность, но и определенная упорядоченность за счет правил и закономерностей. По мнению Д.М. Фельдмана, «попытки установления правил взаимодействия международно-политических отношений имеют столь же длительную историю, как существование самих международных отношений и мировой политики. Это обусловлено самой сутью проблемы, состоящей в уяснении природы правил, представляющих собой результат сочетания многообразных норм, обычаев, убеждений и заблуждений, которыми руководствуются... акторы мировой политики». Кроме того, выделяются «правила сети» (имеется в виду, что существует международная политическая сеть, в первом значении) и «правила международной системы», в рамках которых эти акторы взаимодействуют и которыми они в той или иной степени руководствуются [2, с. 14].

Как было отмечено выше, сетевая дипломатия является одной из форм позиционирования негосударственных акторов на международной арене. Сетевая дипломатия противопоставляется традиционной дипломатии, основанной на оформленных договорами союзах участников, она основана не на какой-либо иерархии участников, а на их взаимозависимости и направлена на формирование коллективного лидерства участников. Кроме того, основной мотив действий участников при данном виде дипломатии – это их конкретные совпадающие цели, а сам процесс находится под

воздействием различных мироощущений и ценностных систем (культурно-цивилизационного многообразия) [3, с. 73-74].

Сетевая дипломатия, как и любая другая дипломатия, стремится к урегулированию международных конфликтов и противоречий в межгосударственных отношениях, и может протекать в различных организационных формах, таких как *публичная дипломатия*, *конфиденциальная дипломатия* и *тайная дипломатия*.

Возможно, что в условиях сетевого взаимодействия роль дипломатии будет меняться и дальше. Несмотря на то, что государства во все времена нуждались в людях, способных вести переговоры и отстаивать интересы своей страны, сейчас в международных отношениях могут быть вовлечены многие представители гражданского общества каждой из стран, благодаря чему расширяется пространство и круг участников взаимодействия. Граждане большинства государств могут общаться и передавать информацию с помощью Интернета, и им не нужны посредники в лице дипломатов. Транснациональные корпорации, к примеру, осваивают новые рынки сбыта и адаптируют свою продукцию не только под нужды местного населения, но и с учетом культурных особенностей, в противном случае их стратегия и тактика станут провальными. Здесь помощь дипломатов также практически не требуется, поскольку этим заняты специальные подразделения компаний.

Таким образом, в целом на мировую систему, помимо национальных государств, также стали влиять негосударственные субъекты. Межгосударственные отношения стремительно перешли с уровня национального государства на международный уровень. Общественность стала одним из наиболее важных элементов политических действий на новой международной арене. В связи с этим возникла необходимость убеждать общественность, предоставлять более реальную и точную информацию. Воля, возникшая в контексте внешней политики, перестала быть только волей представителей государства и стала отражать волю негосударственных акторов.

Процесс глобализации усилил взаимозависимость на международной арене, особенно в экономических и политических вопросах. В результате быстрого развития коммуникаций и роста числа неправительственных организаций, границы между внутренней и внешней политикой стали стираться. Дипломатические отношения «от государства к государству» во время холодной войны стали формой общения «от общества к обществу». В современной

международной системе многие участники, такие как СМИ, общественность, неправительственные организации, международные организации стали оказывать прямое влияние на политические процессы [4].

Если современные международные отношения строятся все больше в рамках многосторонних сетевых структур, то проблемой для исследователей станет отслеживание всех возможных взаимодействий, которые в силу развития средств связи могут происходить мгновенно. Проблему также представляет и рост числа акторов на международной арене, взаимодействия которых должны будут отображаться комплексно, с учетом особенностей каждого актора. Это означает, что помимо основных свойств актора (к примеру, государства) будет необходимо рассматривать свойства едва ли не каждого взаимодействующего с ним другого актора (в то время как на месте «другого» могут быть сотни или тысячи самых разных организаций, учреждений, групп или индивидов). В связи с этим возникает ряд вопросов:

- каковы основные свойства и функции каждого актора;
- какова его роль (ценность) в сетевом взаимодействии;
- в какие взаимодействия в рамках сети вступает актор;
- круг «ближних» и «дальних» акторов по отношению к данному;
- каковы результаты сетевого взаимодействия?

Кроме того, нельзя не учитывать и чисто субъективный фактор: кто будет определять все перечисленные выше вопросы и определять, какие акторы заслуживают рассмотрения. Таким образом, должен произойти некий отбор акторов, участвующих в международном сетевом взаимодействии. Возможно, что определяющим критерием станет степень влияния на международной арене либо будут найдены иные критерии.

Многоакторная структура международной системы, в дополнение к традиционному методу дипломатии, требует от государств осуществлять деятельность, направленную на негосударственных субъектов и граждан других стран, и во взаимодействии с ними осуществлять централизованную дипломатию [4, с. 46]. Угроза и сила, используемые для достижения успеха и цели жесткой силы, являющиеся частью государственной дипломатии во внутренней или внешней политике, считались условием для определения стиля, надежности, ценностных ориентаций и легитимности языка общения, проявляющих себя в политических процессах. Перенос жесткой, экономической и мягкой

силы во внешнюю политику активным, но сбалансированным и взаимоподдерживающим образом, подчеркивает важность концепций «умной силы» и «публичной дипломатии».

Вероятнее всего, в круг изучения сетевых взаимодействий в системе международных отношений войдут наиболее влиятельные международные организации, транснациональные корпорации и иные объединения. Более того, их изучение будет включать в себя не только историю создания или общее описание направлений деятельности (как это делается сейчас), но и наиболее важные решения и мероприятия, которые имели или будут иметь значение в региональном или глобальном масштабе, и такая информация будет постоянно обновляться. В связи с этим особую роль будет играть изучение основных ценностей, на которые опираются в своей деятельности международные акторы, как некой константы, позволяющей определять не только направления их развития, но и направления их исследования, анализа и прогнозирования.

В качестве перспектив исследования данной темы можно указать на необходимость расширения методологического спектра изучения сетевых взаимодействий в системе международных отношений. Сегодня сетевой подход применяется в этом предметном поле, «однако немногочисленные исследования, выполненные в рамках этого методологического подхода, часто носят разрозненный и фрагментарный характер» [5, с. 34]. Кроме того, можно согласиться с Т.А.Сенюшкиной и Е.А.Сенюшкиным, которые считают, что современные исследования сетевых взаимодействий «нуждаются в методологическом совершенствовании как в теоретическом, так и в практическом смысле, однако наряду со всеми преимуществами сетевого подхода, существует необходимость критической теоретико-методологической рефлексии, направленной на осмысление особенностей применения этого метода к российским политическим реалиям» [5, с. 3].

Список литературы

1. Федуллова А.В. Неправительственные организации как фактор влияния на политический процесс // Симбирский научный вестник. 2018. № 1(31). С. 80–85.
2. Фельдман Д.М. О правилах мировой политики // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 13–22.
3. Казаков М.А. Феномен публичной дипломатии: подходы к изучению и новые возможности // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 2. С. 72–79.

4. Касумова А.Э. Место и роль парадигм мягкой силы и публичной дипломатии в современных международных отношениях // Место и роль парадигм. 2020. №3(32). Т. 9. С. 44-47.
5. Сенюшкина Т.А., Сенюшкин Е.А. Управление международными конфликтами как сетевой процесс // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. Т.10. №4(37). С.33-37.

DIFFERENT APPROACHES TO GLOBALIZATION

Haris Hadzic

University of Sarajevo,

Faculty of Criminalistics, Criminology and Security Studies

E-mail: harishadzic@fkn.unsa.ba

Abstract. *In the area of changes related to aspects of culture, globalization has characterized the deterritorialization of the regional mosaic, the deterritorialization of cosmopolitanism and diversity, the spread of stimulating consumption, the global distribution of ideas and information, universal tourism and the "end of tourism."*

Globalization has broken down physical barriers such as The Berlin Wall, and it dealt a death blow to the old policies of the closed national economic business. Globalization, producing rapid changes, is a time of uncertainty, especially because in these processes crime is also globalizing, that is, the only thing that everyone can be sure of is constant change. Globalization touches all aspects of identity, reshapes the nation/state that has been the central unit of analysis until now, reshapes the relations of sameness and difference, and creates different, more complex relations between Self/Other. It is often emphasized that globalization is associated with two contradictory trends; on one side is the trend of global convergence, that is, homogeneity, and the other is a trend towards diversity, heterogeneity through extensive and more complex encounters with culturally different ones. Globalization, however, emphasizes the differences that appear within the framework of global systems and thus eliminates the potential for "others" (different) that are located outside of those systems and that are impervious to them.

Key words: *globalisation, political globalization, dialectic global in local.*

РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Харис Хаджич

Университет Сараево,

Факультет криминалистики, криминологии и безопасности

E-mail: harishadzic@fkn.unsa.ba

Аннотация. *В области изменений, связанных с аспектами культуры, глобализация характеризуется детерриториализацией региональной мозаики, детерриториализацией космополитизма и разнообразия, распространением стимулирующего потребления, глобальным распространением идей и информации, универсальным туризмом и «концом туризма». Глобализация разрушила физические барьеры, такие как Берлинская стена, и нанесла смертельный удар по старой политике закрытого национального экономического бизнеса. Глобализация, приводящая к быстрым изменениям, — это время неопределенности, особенно потому, что в этих процессах преступность также глобализуется, то есть единственное, в чем каждый может быть уверен, — это постоянные изменения. Глобализация затрагивает все аспекты идентичности, изменяет нацию/государство, которые до сих пор были центральной единицей анализа, изменяет отношения сходства и различия и создает другие, более сложные отношения между Собой и другими. Часто подчеркивается, что глобализация связана с двумя противоречивыми тенденциями; с одной стороны, это тенденция глобальной конвергенции, то есть однородности, а с другой — тенденция к разнообразию, гетерогенности за счет обширных и более сложных столкновений с другими культурами. Глобализация, однако, подчеркивает различия, которые проявляются в рамках глобальных систем, и, таким образом, устраняет потенциал для «других» (отличных), которые находятся за пределами этих систем и которые невосприимчивы к ним.*

Ключевые слова: *глобализация, политическая глобализация, диалектика глобального в локальном.*

Apart from changes that are modulated at a unique pace, history is subject to sudden changes and ruptures. Those sudden breaks and changes were announced by Virginia Woolf, who said that one moment does not lead to another and that the door opens for a tiger to jump in [25]. Sovereign globalization, marked by the sudden prominence of global

relations, is just such an example of a historical watershed moment, like a pouncing tiger. Globalization has had a significant impact on every field from the domain of social sciences, especially those that emerged in the modern era of nation-building and those that "chose" international relations as their field of research. Although primarily the process of globalization is an economic transformation, it has not separated the world economies from the social and cultural context, which makes the research of the effects of globalization even more complex, but enables the recognition that global changes are evident in the transformations within the economic, technological, social, cultural, political, educational areas .

The authors (Jones 1998, Wilson 2003, Held and McGrew 2000) emphasize different characteristics of globalization - the economic characteristics of globalization are manifested in freedom in local exchange with an indeterminate flow of services and symbolic products, in the balance of production activities in locations determined by their physical and geographical advantages, in minimal direct foreign investments, in the flexible responsibility of global market organizations, in the decentralization of the "current" and "established" financial market, and in the free movement of workers.

Political globalization is characterized by the absence of state sovereignty and multiple centers of power at the global, local and intermediary levels, that is, international organizations have power over national organizations. Furthermore, there are changes in values, and the values related to the state are less expressed, while personal and global political values are strengthened.

The dialectic of the global and the local

A. Giddens [5] cites arguments that globalization is marked by a big leap in world economic and social relations, especially the economies of the developed West and the Pacific coastal area, where the role of world financial markets, which turn over three million dollars a day, is widespread; globalization is visible in the circulation of exchange of transactions, in the communication revolution and the spread of information technology, the transformation of time and space in our lives in which distant events, be they economic or not, affect us more directly and immediately than ever before those decisions that we as individuals we bring often become global in their implications. It is also a process that presents nations and states in sharp dilemmas of identity and threatens to cut social solidarity and replace it with institutional individuality. Today,

individuality and competition are dominant values, leaving little time and space for combative and free thoughts and actions.

When talking about globalization, the dialectic of global and local, particular and universal (and vice versa) can be agreed, but there are also considerable arguments that focus on different aspects of that phenomenon, be it cultural, technological, economic or political. Leslie Sklair's taxonomy of globalization [25, p.138-139] is useful in this regard, in which four main approaches to globalization are identified. In the first approach, the world is used as a central hermeneutic which claims that states can adhere to any core, semi-peripheral or peripheral status in the context of their role in the capitalist system; the second approach is called global globalization, which emphasizes that postmodernism and state culture are more important than the economic effect of globalization. In globalization, the main question is how the reshaping of the individual national identity takes place within the global culture, and the connection of the global to the local or the so-called is also important. "global-local-nexus". The possibility of global culture places the role of communication technologies at the center, which, in principle, allows people from different parts of the world to see the same image at the same time.

Global society builds a third approach that claims that globalization is a unique period in the development of the world. This approach is associated with "action at a distance", which characterizes the unique way in which globalization increases our sense of space and time, and modernity becomes inherently globalizing. The fourth approach from the mentioned taxonomy refers to "global capitalism" in which half of the hundred world economies are companies and not states.

Proponents of globalization consider it an integrative force and it is always seen as something positive. There are also anti-globalization demands, and anti-globalists and skeptics believe that globalization is co-colonization, Americanization, or capitalism. Regardless of the positive and negative evaluations of globalization, it must be recognized that the world is changing at an accelerated pace and that the change has affected all segments. Education and reform policies took different forms; first, there were increasing criticisms directed at the (lack of) quality of public education, that is, the glorification of private schools, which are taken as new paradigms of quality. Furthermore, given that the market and the parts that support it - business corporations - have taken a key role in everyday life, there has been the introduction of economic parameters (economic values) in all social institutions and generally accepted values such as productivity, efficiency, control quality, standards, local participation and choice pervade reforms and changes in almost all

countries that reach into their educational systems to improve them according to economic value criteria. In other words, the reforms tend towards decentralization, privatization, testing of students and teachers in order to determine quality, setting and achieving national standards that can compete with the quality standards of the world's leaders, and the reforms have been identified -with limited foundations- as a means of achieving educational values.

The globalization process produces constant change and uncertainty, on a personal and global level. Dominant countries believe that they are in charge of determining what is "right" and what is "wrong" and their predominance produces wars and violations of human rights, which are actualized by international laws, conventions on basic rights such as political and economic freedoms, agreements on rights minorities, children's rights, women's rights...

*Who can give an answer?
(instead of a conclusion)*

These questions are much more than tactical, they enter the field of strategy, often philosophy, and enterprising people, those who want to change something, are expected to define the basic starting point in this sense, to essentially define one of the most slippery terms - globalization. Is the problem with globalization simply that a good idea has gone into the "wrong hands" and can the situation be corrected if trust in international organizations is restored, with the possibility of them becoming democratic and accountable? Should global rules on environmental protection, stronger taxation when it comes to financial transactions, improvement of labor-related standards be tightened? Or, in essence, globalization is actually a crisis of democratic principles, specifically representative democracy in which power and decision-making are transferred further and further away from the places that will be affected by the effects of those decisions - while representative democracy means voting every few years for politicians who use the mandate for transferring national power to the IMF and WTO? Is it a movement trying to impose its own, more humane kind of globalization, or is it a movement against centralization and neoliberal ideology?

What can be noticed on the subject of globalization is that the generations of anti-corporation activists change and that this front, which was started by fifty-year-olds, is transferred to twenty-year-old activists and theoreticians, who encourage each other in useful mutual actions (sometimes by simply clicking on a hotlink). Namely, campaigns aimed at

individual corporations have found a powerful networking weapon in the Internet. Acting worldwide through Internet stations, they denounce the global dominance of multinational corporations and mobilize an international movement of civil resistance.

On June 18, 1999, these virtual connections turned real, when a coalition of groups (including People's Global Action) organized the second Global Street Party, just in time for the G-8 meeting in Cologne, Germany. The event, billed as a "global carnival against capital," took direct aim at corporate power. Around the world, protests were held in front of financial institutions, stock exchanges, supermarkets, banks and multinational offices. With simultaneous action in seventy different cities, a new global player was presented that day: he exposed all the promises and creativity of the movement - and the seething anti-corporate anger showed itself more strongly than ever.

Although they were organized locally, all these events were connected by a common theme. In Bangladesh, women textile workers held protests against exploitative working conditions; in San Francisco they protested in front of the Gap store for the same reason. In Montevideo, Uruguay, activists turned the main square of the city's financial center into a trade fair ("fair trade") and exposed all corporate violations - from child labor to the arms trade; in Madrid they blocked the entrance to the stock exchange building, and in Cologne, the place of the G-8 meeting, European activists held a counter-summit and demanded the write-off of debts to Third World countries. They were joined by 500 Native American farmers, who traveled through Western Europe in an "international caravan" and stopped at the headquarters of agribusiness corporations whose patented seeds and genetically engineered crops had left many Native American farmers in huge debt. And while Indian farmers protested peacefully in Cologne, protesting groups in other European cities were much more violent, so that London turned into a war zone - one group attacked the Futures Exchange, smashed all the windows, stopped the trading of the exchange and forced the evacuation of the building, and another group of activists attacked a McDonald's restaurant, a Mercedes Benz representative office... The windows and windows of banks and fast-food restaurants were broken, cars were damaged, the police, who were pelted with stones by the protesters, responded with tear gas... Political messages about spreading economic disparities and the brutality of the globalized free market are drowned out by the sound of broken glass.

Can entrepreneurs be visionaries, lead the world's anti-corporate movement and show that the world can be different?

For the past thirty years, a group of selected directors and world leaders met in the Swiss mountains and thought about the image of the new economy, developed the idea, the theoretical possibilities of the existence of another world.

Can the most creative or the most daring, say good bye to "the end of history" and create a new story: "a different world is possible", seriously think about alternatives, stop saying what they are against and start articulating what they are for, can they give a mission message, credo, focus, place where alternatives should be built... Is it participatory democracy and finance, cooperativeness, organic production. Even if such a plan is created - who should implement it? At first glance, it seems that the protests that are occurring have no focus, but that is because they are not demonstrations of a single movement at all, but a real convergence of many small ones, each with its own views directed at some specific problem of globalization, at a particular multinational corporation, at a certain industry ...

In many ways, schools and universities remain our most culturally tangible public spaces and places of strengthening collective responsibility. University campuses with their libraries and spaces for open and respectable dialogue - play a crucial, if now largely symbolic, role: they are the only remaining mast where young people can see authentic, real, public life. At this point in our civilizational development, the argument against transforming education into a branding exercise is almost the same as that for national parks and nature reserves: these quasi-sacred places remind us that a space of consensus is still possible.

Can entrepreneurs not be the ones who will fight against everything that is global, in the end it is really not possible because the connections are firmly established across national borders, but snatch globalization from the clutches of multinational corporations, organize against logos, use the ethical possibilities of networking via the Internet in looking for a civil alternative to the international rule of consumerism... Instead of one, a thousand movements should be made, intriguingly connected to each other, networked like pages on the Internet, thousands of autonomous connections...

In practice, the results of such individual, small convergences are either terrifyingly chaotic or inspiringly poetic—or both. Small groups of activists can focus their target from different directions, campaigns composed of many groups, mainly anti-globalists, students, dissatisfied labor unions that offer numerous models of development based on community, debt forgiveness, principles of self-government, sustainable energy, responsible use of resources.

This demand, even though it is still spoken only in whispers (for fear of "spells") can create a resistance - dispersed, sophisticated, concentrated, primary - global and capable of action ...

Literature

1. Blankertz H. *Theorien und Modelle der Didaktik*. München, 1969.
2. Böttcher W. *Kann eine ökonomische schule auch eine pädagogische sein? Schulentwicklung zwischen Neuer Steuerung, Organisation, Leistungsevaluation und Bildung*. Weinheim und München, 2002.
3. Bröckling U. *Das unternehmerische Selbst: Soziologie einer Subjektivierungs-form*. Frankfurt Suhrkamp, 2007.
4. Edding F. *Ökonomie des Bildungswesens – Lehren und Lernen als Haushalt und Investition*. Freiburg, 1963.
5. Giddens A. *Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives*. Cambridge: Profile Books, 1999.
6. Giesecke H. *Hitlers Pädagogen, theorie und Praxis nationalsozialistischer Erziehung*. Weinheim/ München, 1999.
7. Giesecke H. *Das Ende der Erziehung*. Stuttgart, 1985.
8. Giesecke H. *Wie lernt man Werte? Grundlagen der Sozialerziehung*, Weinheim/ München, 2005.
9. Held D. I McGrew. (ur.) *The Global Transformations Reader: An Introduction to the Globalization Debate*. Cambridge: Polity Press, 2000.
10. Hoffman D. Maack-Rheinländer, K. *Ökonomisierung der Bildung. Die Pädagogik unter den Zwängen des 'Marktes'*. Weinheim, 2001.
11. Jones P.W. Globalization and Internationalism: democratic prospect for world education // *Comparative education*. 1998. № 34(2). P. 143-155.
12. Miller A. *Das Drama des begabten Kindes und die Suche nach dem wahren Selbst*. Frankfurt, 1979.
13. Münch R. Der König ist tot, es lebe der König! Identitätswandel der Geistes-wissenschaften durch Expansion // *Forschung & Lehre*, 2008. H.4. S. 234-236.
14. Münkler H. Škola nespretnjakovića. U: Frankfurter Rundschau. 13.03.2008.
15. Reichenbach R. Einleitend: Die Psychologisierung des pädagogischen Denkens und Handelns // Reichenbach, R., Oser,

- F., (Hg.) *Die Psychologisierung der Pädagogik*. Weinheim/München, 2002.
16. Reichenbach R., Oser, F. *Die Psychologisierung der Pädagogik*. Weinheim/ München, 2002.
 17. Rekus J. Nationale Bildungsstandards – Grundlage von Schulqualität? // Rekus, J. (Hg.) *Bildungsstandards, Kerncurricula und die Aufgabe der Schule*. Münster, 2005.
 18. Roth H. Die Bedeutung der empirischen Forschung für die Pädagogik // Thiersch. Schön, B., 2002.
 19. Gemeinsamkeiten und Differenzen zwischen pädagogischem und therapeutischem Denken und Handeln // Reichenbach, R., Oser, F., (Hg.) *Die Psychologisierung der Pädagogik*, 1967. S.109-125.
 20. Schmidt H. Wie entkommen wir der Depressionsfalle? // *Die Zeit*. 15.01. 2009. Nr. 4. S.19. (2009)
 21. *Spiegel*. 2008. Nr. 47. S. 44.
 22. Terhart E. Qualität und Qualitätssicherung im Schulsystem // *Zeitschrift für Pädagogik*. H.6/2000. S. 809-829.
 23. Tütken H. (Hg.) *Erziehungswissenschaft, Erziehungsfeld und Lehrerbildung*, Hannover, 2000.
 24. Übel N. *Notwendigkeit oder Fehldiagnose* // Reichenbach, R., Oser, F., (Hg.) *Die Psychologisierung der Pädagogik*. Weinheim/München, 2002.
 25. Vrcelj S. *U potrazi za identitetom, Iz perspektive komparativne pedagogije*. Rijeka, Grafrade, 2005.
 26. Winterhoff M. *Warum unsere Kinder Tyrannen werden. Oder: Die Abschaffung der Kindheit*. Gütersloh, 2008.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ КРЫМА В ФОРМИРОВАНИИ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Хомич И. И.

*Крымский Федеральный университет имени В.И. Вернадского,
аспирант*

E-mail: igor_khomich@internet.ru

***Аннотация.** В статье автор раскрывает некоторые аспекты влияния Крымского референдума и последующего воссоединения полуострова с Российской Федерацией с точки зрения влияния этого процесса на подрыв американских интересов в Черноморском регионе и формирования многополярного мироустройства. Проанализированы цели США в регионе, а также показано, как именно воссоединение Крыма с Россией нарушило планы Вашингтона по продвижению американских интересов как на территории Евразии, так и в других регионах мира. Автор делает вывод, что геополитическая роль Крыма и события на полуострове оказали непосредственное влияние на формирование более справедливого мироустройства, а весна 2014 года в Крыму выступила катализатором «деамериканизации» мирового сообщества, дополнительно расшатав единоличную гегемонию США.*

***Ключевые слова:** геополитика, Крым, Россия, США, Многополярность, Черноморский регион, Евразия.*

THE GEOPOLITICAL ROLE OF CRIMEA IN SHAPING A MULTIPOLAR WORLD

Igor I. Khomich

*Vernadsky Crimean Federal University,
PHD student*

E-mail: igor_khomich@internet.ru

***Abstract.** The author reveals some aspects of the impact of the Crimean referendum and the subsequent reunification of the peninsula with the Russian Federation in terms of the impact of this process on the undermining of American interests in the Black Sea region and the formation of a multipolar world order. The goals of the USA in the region are analyzed, and it is shown how exactly the reunification of Crimea with Russia disrupted Washington's plans to promote American interests both on*

the territory of Eurasia and in other regions of the world. The author concludes that the geopolitical role of Crimea and the events on the peninsula had a direct impact on the formation of a fairer world order, and the events of 2014 in Crimea acted as catalysts for the "de-Americanization" of the world community, further undermining the sole hegemony of the United States.

Keywords: *geopolitics, Crimea, Russia, USA, multipolarity, Black Sea region, Eurasia.*

После окончания Второй мировой войны и до сегодняшнего дня одной из главных задач США было сначала установление однополярного миропорядка, а затем, после победы в «Холодной войне» и распада СССР, борьба против любых попыток пересмотра уже установившейся системы. Наиболее точно высказались об этом американские исследователи-республиканцы Р. Каган и У. Кристал в журнале «Foreign Affairs»: «Целью американской внешней политики является сохранение гегемонии так долго в будущем, насколько это возможно» [1, с. 116]. Сегодня, несмотря на колоссальные усилия Вашингтона, целый ряд признаков указывают на то, что единоличному доминированию США приходит конец. Например, об этом свидетельствуют следующие факты: 1) *неспособность американского государства одержать решительную победу в операциях в Афганистане и Ираке;* 2) *уступки России, Ирану и Турции на Ближнем Востоке;* 3) *неспособность помешать Китаю в наращивании могущества в Азиатско-Тихоокеанском регионе;* 4) *неспособность помешать Пекину в реализации инициативы «Один пояс, один путь»;* 5) *спешный выход американских войск из Афганистана и Ирака.*

Кроме того, если смотреть на ситуацию под более широким углом, то хорошо прослеживается тенденция на постепенное снижение уровня разрыва между социально-политическими, экономическими, военными, политическими и другими возможностями США и других развитых стран. Не секрет, что Вашингтон теряет монополию на использование передовых технологий, а американские компании больше не пользуются исключительными преимуществами на мировых рынках сбыта. Как отметил глава МАГАТЭ Рафаэль Гросси, выступая в Фонде Карнеги в США, американцы утратили лидерские позиции в сфере коммерческих ядерных технологий и больше не являются таким влиятельным экономическим игроком, в этом направлении, как Россия и Китай. Ослабление в технологическом плане закономерно ведет к

ослаблению экономического превосходства США, что тянет за собой снижение позиций американской валюты. Согласно заявлению МВФ, глобальный статус доллара США как главной резервной валюты уступил позиции китайскому юаню и другим мировым валютам. Постепенно утрачивая лидерство во всех перечисленных выше направлениях, США автоматически теряют лидерство и в информационном пространстве, лишаясь возможности монополизировать как производство, так и распространение информационных продуктов [2; 3]. Ослабление всех перечисленных выше составляющих американского глобального доминирования больше не позволяет Вашингтону проводить единоличную гегемонию, вынуждая уступать геополитические позиции во всех регионах мира. В этой череде ответов американской экспансии важное место заняли события 2014 года на Украине и восстановление исторической справедливости по факту воссоединения Республики Крым с Российской Федерацией.

Для того, чтобы раскрыть роль крымских событий в формировании более справедливого многополярного мироустройства, необходимо обратиться к доктринальным документам США, включая стратегию Вашингтона в отношении Черноморского региона. Согласно «Стратегии национальной безопасности США» от 2010 года, в которой изложены основы международной деятельности Вашингтона, реализация глобального доминирования США завязана на стремлении постоянного военного и политического присутствия на территории Европы, сохранении открытой для американского капитала международной экономики, обеспечении свободных поставок американских товаров и услуг на международные рынки сбыта, а также расширении круга лояльных США проамериканских режимов [4]. В этом смысле реализация заявленных целей актуализирует военно-политическое и экономическое значение Черноморского региона как одного из мест приложения американкой внешней политики. Согласно упомянутой стратегии, главные цели внешней политики США в Черноморском регионе заключаются в следующем: 1) *диверсификация путей транспортировки энергоносителей из стран Центральной Азии и Каспийского региона в Европу;* 2) *содействие расширению единого европейского пространства;* 3) *обеспечение выгодного позиционирования для приложения сил на Ближнем Востоке;* 4) *попытки сдерживаться и вытеснения из Черноморского региона России как стержневого государства русской цивилизации.*

Согласно американскому подходу, регион формирует десять государств, одним из которых является Украина. Из этих государств, для реализации перечисленных выше задач, были выбраны так называемые опорные точки [5]. Выбор на Украину в качестве геополитического центра пал неспроста: стратегическое значение этой территории обусловлено её ролью в трансформации государств постсоветского пространства (именно Украина по задумке американских стратегов должна была выступить в качестве ролевой модели так называемой «правильной» демократизации для новых независимых государств). Также это государство было интересно Вашингтону с точки зрения потенциальной возможности установления американского влияния над Крымским полуостровом. Контроль над Крымом позволил бы США нивелировать геостратегические преимущества России в регионе, а также закрепитесь в Черном море в качестве доминирующей силы, проецируя свою мощь на территорию Евразии и Ближнего Востока.

Один из важнейших российских торговых путей оказался бы под американским контролем, а о черноморском флоте, как о боевой единице, пришлось бы забыть навсегда. Кроме того, из-за скорости подлета американских ракетносителей, весь юго-запад России остался бы без защиты от потенциального ракетного удара со стороны НАТО. Важно подчеркнуть, что именно Севастополь является единственной военной базой на Черном море, обладающей возможностью размещения, оснащения и отправки новых судов и военной техники стратегического назначения. В этом смысле тот, кто контролирует Севастополь, тот становится единственной региональной силой, контролирующей все черноморское пространство. При этом закрепление украинского статуса Крыма усилило бы потенциал для дальнейшего расширения НАТО, а вместе с ним и дальнейшее продвижения альянса вглубь континента. Однако события на Майдане и поражение США в Крыму показали, что проект создания Большого Черноморского региона натолкнулся на противодействие.

Решение о вхождении Крыма в состав России возымело сразу несколько важных геополитических сдвигов.

Во-первых, сократило потенциал расширения НАТО на Восток, исключив возможность окружения Евразии. Фактически, если бы украинские власти добились неприсоединения полуострова к России, то со стороны Альянса (в случае вступления Украины в НАТО) могла бы быть применена пятая статья о взаимной обороне, и НАТО оказался бы прямом в конфликте с Россией.

Во-вторых, исключило возможность блокировать оборону России с моря и закрыть ей выход в мировые океаны.

В-третьих, не позволило реализовать арсенал противоракетных щитов противоракетной обороны США, осуществив тем самым планы по использованию региона как основного звена в маршруте энергоносителей из Азии и Каспия в Европу.

В-четвертых, нивелировало попытки США ограничить контроль России над Черным морем, поставив под угрозу транспортировку российской нефти, а значит и экономику России.

В-пятых, подорвало саму идею могущества США, ударив по репутации Вашингтона в качестве единственного лидера, диктующего правила международного поведения. В этом смысле крымские события придали дополнительный геополитический импульс Китаю, Индии, странам Латинской Америки и другим участникам международных отношений, выступающим против несправедливого мироустройства.

В-шестых, продемонстрировало возможности противодействия западной санкционной политике, а в некоторых аспектах проявило ее низкую эффективность в качестве инструмента принуждения.

Подводя итоги, отметим, что «Крым – это стратегически важная территория, которая позволяет России занять доминирующее положение на территории Северного Причерноморья, а также обеспечить национальную безопасность для всего государства в целом» [6, с. 298]. Кроме этого, геополитическая роль Крыма и событий на Крымском полуострове имеет непосредственное отношение к формированию более справедливого многополярного мира. В свое время именно Крым выступил катализатором «деамериканизации» мирового сообщества. Воссоединение Республики Крым с Российской Федерацией в корне изменило политическую обстановку и отношения крупных мировых держав, еще больше расшатав гегемонию США и став причиной самого серьезного столкновения России и Запада со времен холодной войны, что мы сегодня наблюдаем в рамках специальной военной операции России на Украине.

Список литературы

1. Уткин А.И. Американская империя. М. Эксмо, 2003. 387 с.
2. Гросси указал на потерю США лидерства в коммерческих ядерных технологиях [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20221029/grossi->

1827702695.html?ysclid=lafrxo3uok497071228 (дата обращения: 14.11.2022).

3. Rosen P. The US dollar's global standing as the top reserve currency has lost ground to China's yuan and others, says IMF [Electronic resource] // Insider. URL: <https://markets.businessinsider.com/news/currencies/dollar-yuan-china-reserve-currency-imf-economy-markets-centralbank-fed-2022-3> (accessed: 13.11.2022).
4. National Security Strategy of the United States of America, The White House, 2010 [Electronic resource]. URL: The White House [Official website]. URL: <http://www.whitehouse.gov/nsc/nss/2010> (accessed: 11.11.2022).
5. Bryza J. M. The policy of the United States toward the Black Sea region [Electronic resource] // Washington : The German Marshall Fund of the U.S., 2006. – P. 37 – 42. URL: <http://www.gmfus.org/doc/BSBook.pdf> (access: 12.11.2022).
6. Мохов А.В., Сеньюшкина Т.А., Муравьёва Н.Н. Воссоединение Крыма с Россией как геополитический процесс // Причерноморье в контексте обеспечения национальной безопасности России: к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.В. Баранов, В.В. Касьянов. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. – С.297-301.

«ИЛЛЮЗИЯ КОНТРОЛЯ»: ФЕНОМЕН КВАНТОВОЙ ДИПЛОМАТИИ В СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Чепурной В.А.

*Крымский федеральный университет В. И. Вернадского,
аспирант
E-mail: chipik8@gmail.com*

***Аннотация.** Работа раскрывает современное понимание феномена «квантовая дипломатия» с позиции текущей системы международных отношений и политической науки. Беря за основу квантовую теорию, которая является многогранной моделью, затрагивающей множество аспектов, на первый взгляд не имеющих ничего общего с традиционной дипломатией и политическими процессами, происходящими на мировой арене, даётся объяснение сложности современного информационного взаимодействия и*

общего развития применяемых при этом технологий, что позволяет смотреть на традиционную дипломатию уже под другим углом. «Квантовая дипломатия» является закономерной эволюцией в политическом мышлении, а также в немалой степени заимствует множество элементов из классической теории. Современная политическая реальность, также, как и в понимании квантовой теории, является лишь небольшой видимой сферой – бесчисленное множество процессов и явлений лежит за гранью восприятия, и их практически невозможно отследить, что значительно усложняет политическое прогнозирование. В статье рассматривается также и альтернативный подход к восприятию термина «квантовая дипломатия», но уже с точки зрения применяемых технологий.

***Ключевые слова:** цифровая дипломатия, информационно-коммуникационные-технологии, политика, международные отношения.*

THE ILLUSION OF CONTROL. THE PHENOMENON OF QUANTUM DIPLOMACY IN MODERN REALITY

Chepurnoy V.A.

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Postgraduate student
E-mail: chipik8@gmail.com*

***Abstract.** The work reveals the modern understanding of the phenomenon of "quantum diplomacy" from the perspective of the current system of international relations and political science. Taking as a basis the quantum theory, which is a multifaceted model affecting many aspects that at first glance have nothing to do with traditional diplomacy and political processes taking place on the world stage, an explanation of the complexity of modern information interaction and the general development of the technologies used in this case is given, which allows us to look at traditional diplomacy from a different angle. "Quantum diplomacy" is a natural evolution in political thinking, and also borrows many elements from classical theory to a considerable extent. Modern political reality, as well as in the understanding of quantum theory, is only a small visible sphere – countless processes and phenomena lie beyond perception, and they are almost impossible to track, which greatly complicates political forecasting. The article also reveals an alternative approach to the perception of the term "quantum diplomacy", but from the point of view of the technologies used.*

Keywords: *digital diplomacy, information and communication technologies, politics, international relations.*

Квантовая теория, позволившая радикально изменить понимание окружающей нас среды, в значительной степени расширила рамки восприятия нашего мироздания, а созданные с помощью полученных знаний технологические решения постепенно становятся неотъемлемой частью нашей жизни, достигая того уровня, который ранее не считался возможным для освоения, ломая ранее сформированные учения об «определённости» окружающего нас мира. Именно это открыло возможность рассуждать о том, что начальные свойства системы в целом, определяют её функционирование в дальнейшем [1].

Влияние вышеупомянутой теории в современном мире не ограничивается лишь её использованием в естественных и точных науках. Отдельные элементы, заложенные в квантовой модели, постепенно начинают проникать и в социальные науки, к примеру – в экономику или в исследования, связанные с теорией принятия решений. Однако особое место в применении квантовой модели заняла политическая наука в виду текущей сложившейся политической реальности.

Как отмечает Т.А.Сенюшкина, квантовую теорию можно использовать в качестве методологической основы политологических исследований [2]. В частности, данный автор считает, что многоуровневые политические феномены, например, такие как политическое пространство и социальное время можно описать при помощи «закономерностей, выявленных в рамках квантовой теории. При этом особый интерес представляет политологическое и философское преломление вопросов, изучаемых в квантовой теории, к примеру, таких как: искривление пространства, плотность энергии, сингулярность пространства и времени, пределы предсказуемости поведения самоорганизующихся систем» [2, с. 186].

В контексте применения квантовой теории к исследуемой в данной статье проблеме следует особо отметить формирование нового направления изучения политических систем и международных отношений – «квантовую дипломатию».

Формирование понятия «квантовая дипломатия» произошло довольно необычным образом. В процессе очередного диалога между физиком-теоретиком С. Дреллом, который занимался теоретическими исследованиями физики элементарных частиц и бывшего госсекретаря Дж. Шульца, были высказаны идеи,

затрагивающие проблемы распространения ядерного оружия и текущего политического баланса. Однако в процессе обсуждения как технических, так и политических аспектов произошло понимание того, сколько общего имеют, казалось бы, не связанные между собой сферы науки [3].

В дальнейшем, Д. Шульц развивает свою мысль идеей о том, что в современном мире, наполненном новыми информационными технологиями, идеи, лежащие в основе квантовой теории, являются крайне похожими на текущее состояние мировой политической арены. Он утверждает: «Аксиома квантовой теории заключается в том, когда вы наблюдаете и измеряете какую-то часть системы — вы неизбежно нарушаете работу всей системы. Таким образом, сам процесс наблюдения является причиной изменений. Это слишком часто случается, когда телекамера находится прямо в центре какого-то хаотического события, пытаясь объективно запечатлеть его суть» Именно это отсутствие определенности, объективной истины и воздействия акта наблюдения приводит его к формированию термина «квантовая дипломатия» [4].

Развитие Интернета дало дальнейший толчок к осмыслению феномена «квантовой дипломатии», но с иной стороны. Американский исследователь Джеймс дер Дериан рассматривает понятия с другой стороны – более «широкой». Он утверждает, что является заблуждением считать, что политические события в мире лишь кажутся отдельными и не связанными, вне зависимости от их значимости и масштаба. Текущая реальность доказывает лишь обратное, заявляя, что современная дипломатия является уже не только сферой взаимодействия между государствами, а той областью, где дипломатический процесс осуществляется между городами, муниципалитетами и даже улицами, включая также организации, иные органы власти, казалось бы, не связанные с дипломатией вообще.

Далее, развивая свою мысль, Д. Дериан считает изучение международных отношений и дипломатии в современном мире не соответствующим реальному положению дел, то есть тем мировоззрением, которое предшествовало «квантовому», то есть линейные представления последовательностей событий и четкие цепочки причин и следствий больше не актуальны. События пересекают пространство и время; они являются как локальными, так и глобальными и переплетают прошлое и настоящее [5; 6].

Некоторые исследователи рассматривают феномен «квантовой дипломатии» с иной стороны, но уже не в качестве системы текущих

международных отношений и политики в целом, а с точки зрения применения информационно-коммуникационных технологий.

Наибольший интерес представляет невиданный ранее потенциал квантовых вычислений, с помощью которых можно выполнять те или иные функции, требовавшие ранее более столетий. Данное революционное достижение может привести к атакам на системы связи, гражданской и военной инфраструктуры. Кроме этого, квантовые технологии в перспективе имеют возможность крайне быстро обрабатывать большие данные, что значительно изменит характер обеспечения государственной безопасности.

При рассмотрении вышеуказанного феномена как с технической, так и с общесистемной стороны можно выделить датского исследователя — Ребекку Адлер-Ниссен, которая утверждает, что современная «квантовая дипломатия» подразумевает под собой одновременность, то есть, вещи, происходящие в одно и то же время, а также возможность присутствовать в разных местах одновременно. С одной стороны — современные технологии обеспечивают большую открытость, публичную дипломатию и появление новых действующих лиц на дипломатической сцене. С другой же стороны – «скрытый» мир традиционной дипломатии все еще очень жив и очень нужен. Р. Адлер-Ниссен подчеркнула, что переговоры проходят на виду у общественности и в то же время за закрытой дверью секретных переговоров традиционной дипломатии. Это и есть одновременность «квантовой дипломатии». Дипломат должен занимать оба пространства, что, по сути, делает его «квантовым дипломатом» [7].

В рамках «квантовой дипломатии» в сфере политики и международных отношений имеется возможность выделить три основных направления, рассматриваемых при изучении феномена (табл. 1).

Квантовая дипломатия		
Системный подход	Смешанный подход	Технологический подход
Происходящие процессы имеют прямую взаимосвязь друг с другом, не смотря на их незаметность, незначительность,	Дипломатические процессы значительно изменились благодаря использованию ИКТ. Новые	Современные технологии создают качественно новый уровень взаимодействия между акторами, выводя на ранее

отдалённость. Международная арена является комплексной системой, представленной в классической квантовой теории. «Наблюдение» за системой также является участием в ней, прогнозирование затруднено, так как акторы могут действовать совсем по-другому, «нелинейно», несмотря на имеющиеся стартовые условия, ресурсы.	средства связи, шифрования, взаимодействия радикально изменили дипломатию и перевели её на качественно новый уровень, но традиционное дипломатическое взаимодействие не исчезло и ещё играет немаловажную роль.	невиданные уровни коммуникации и взаимодействия, что также создаёт и угрозу национальной безопасности, шифрованию. Подход подразумевает под собой качественное развитие уже существующей дипломатической практики, но с новыми возможностями и вызовами.
---	---	--

Источник: составлено автором по материалам [4;5;7].

Неудивительно, что представленные концепции, в некоторых аспектах находятся в конфликте друг с другом, что соответствует новой системе международных отношений или «мирового беспорядка» — как упоминают некоторые исследователи, а ключевые «квантовые» понятия, какими бы сложными они в своем научном значении не были, такие как «суперпозиция», «принцип неопределенности», по-видимому, являются подходящими словами, описывающими попытки понять новый политический мир, который все сложнее поддается объяснению.

Сегодня мы воспринимаем новые идеи и технологии, в большей степени, с учетом многочисленных преимуществ, а рассмотрение системы международных отношений со стороны «квантовой» модели и потенциальная возможность квантовых вычислений представляют собой ещё один внешнеполитический вызов, с которым политическим акторам необходимо будет столкнуться в ближайшие десятилетия, а также задаться множеством вопросов, затрагивающих возможность изменения международного права с

учётом имеющегося разнообразия политических формирований на мировой арене, исследовать возможность защиты правительственной, гражданской, бизнес-инфраструктуры от потенциальных атак. При этом всё, немаловажен функциональный, а также морально-этический аспект применения квантовых систем в современной политике, дипломатии, других сферах, связанных с взаимодействием в международной сфере (инструменты миграционного отслеживания, «deep-fake» технологии, перехват зашифрованной информации и т.д.). В конечном итоге следует решить, необходимо ли создание отдельного органа или международной организации для контроля и безопасного использования квантовых технологий? (Схожее с МАГАТЭ, ЦЕРН и т.д.).

Несмотря на то, что никто не может предсказать будущее, на основе имеющихся знаний необходимо начать учитывать потенциально открывающиеся возможности и угрозы, которые могут возникнуть уже в недалёком будущем. Поэтому при проведении анализа ситуации на мировой арене критически важно будет брать во внимание все вышеперечисленные вопросы. Всё интенсивнее пожиная плоды технического прогресса, игнорировать его подводные камни — значит подвергать потенциальному риску не что иное, как безопасность не только отдельных стран, но и международную систему, от стабильности которой зависят все её участники.

Список литературы

1. Квантовая теория. Вселенная из волн вероятностей [Электронный ресурс]: Хабр. Сообщество IT-Специалистов – Режим доступа: <https://habr.com/ru/post/523926/> (Дата обращения 12.10.2022)
2. Сенюшкина Т.А. Синергия политического пространства и социального времени с точки зрения квантовой теории // Политическое пространство и социальное время: Синергия смыслов и ценностей. Сборник научных трудов XXXIV Международного Харакского форума 17-20 мая 2018 г., г. Ялта / Под ред. Т.А.Сенюшкиной. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. С.181-188.
3. Preventing Armageddon: 2010 Drell Lecture examines the road to nuclear arms elimination [Электронный ресурс]: Stanford University – Stanford, California – Режим доступа: <https://news.stanford.edu/news/2010/january25/>

- [drell-shultz-symposium-012610.html](https://news.stanford.edu/news/2010/january25/drell-shultz-symposium-012610.html) (Дата обращения 12.10.2022)
4. Diplomacy wired [Электронный ресурс]: Hoover institution – Stanford University – Stanford, California – Режим доступа <https://www.hoover.org/research/diplomacy-wired> (Дата обращения 13.10.2022)
 5. Quantizing international relations’: The case for quantum approaches to international theory and security practice [Электронный ресурс]: SageJournals- Publication in Security Dialogue journal - Feb. 5 2020 – Режим доступа: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0967010620901905> (Дата обращения 13.10.2022)
 6. Quantum diplomacy – ideas from the other side of the looking glass? [Электронный ресурс]: Diplo foundation Режим доступа: <https://www.diplomacy.edu/blog/quantum-diplomacy-ideas-other-side-looking-glass/> (Дата обращения 13.10.2022)
 7. The Space-Time of War and Diplomacy [Электронный ресурс]: Project Peace&Security in a Quantum Age Режим доступа: <https://projectqsydney.com/q-symposia/about-q2/> (Дата обращения 22.10.2022)

ПРАВО И ПРАВДА В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ СЛАВЯНОФИЛОВ

Широкова М. А.

*доктор философских наук
Алтайский государственный университет,
профессор кафедры философии и политологии
E-mail: mshirokova1@rambler.ru*

***Аннотация.** Автор анализирует правовые взгляды основоположников русского славянофильства, выявляя место представлений о праве и о правде в славянофильской культурно-исторической концепции, рассматриваемой как целостный мировоззренческий комплекс. Славянофилы противопоставили традиционное русское понятие о праве, основанное, по их мнению, на народных нравственных убеждениях и происходящее из народных обычаев, западному юридическому мышлению. В работах славянофильских авторов подчеркивается формальный, внешний*

характер европейского права, а также его аристократизм, в отличие от «народности» права российского. Применяя диалектический метод в построении своей теории генезиса и эволюции права в России, славянофилы утверждали, что отечественное право изначально неотделимо от морали и обычая, является результатом их органического развития, и лишь на современном этапе, под влиянием западного «юридизма», оторвалось от своих истоков, оказавшись во многом искусственным конструктом. Но в дальнейшем российское право вновь, уже осознанно, должно соединиться с народной нравственностью, воплощая в данном синтезе идею правды. В статье уделено внимание также категориям «правда внешняя и «правда внутренняя», их политическому, правовому и этическому содержанию в концепции славянофилов. Подчеркивается влияние славянофильских понятий на современный дискурс общественных наук.

Ключевые слова: право, правда, обычай, нравственность, славянофильство, русская философия, русская культура.

LAW AND TRUTH IN THE CULTURAL AND HISTORICAL CONCEPT OF THE SLAVOPHILES

Shirokova M.A.

The Altay State University,

Professor

E-mail: mshirokova1@rambler.ru

Abstract. *The author analyzes the legal views of the founders of Russian Slavophilism, revealing the place of ideas about law and truth in the Slavophil cultural and historical concept, considered as an integral worldview complex. Slavophiles opposed the traditional Russian concept of law, based, in their opinion, on popular moral convictions and derived from folk customs, to Western legal thinking. The works of Slavophile authors emphasize the formal, external nature of European law, as well as its aristocracy, in contrast to the “nationality” of Russian law. Applying the dialectical method in constructing their theory of the genesis and evolution of law in Russia, the Slavophiles argued that domestic law was originally inseparable from morality and custom, was the result of their organic development, and only at the present stage, under the influence of Western “juridism”, broke away from its origins, being largely an artificial construct. But in the future, Russian law again,*

already consciously, must unite with folk morality, embodying the idea of truth in this synthesis. The article also pays attention to the categories of “external” and “internal” truth, their political, legal and ethical content in the concept of the Slavophiles. The influence of Slavophile concepts on the modern discourse of social sciences is emphasized.

Keywords: *law, truth, custom, morality, Slavophilism, Russian philosophy, Russian culture.*

Дискуссии нескольких последних десятилетий о различных моделях взаимоотношений между государством, обществом и личностью и о том, какой концепт правового государства более всего соответствует российскому национальному самосознанию, побуждают исследователей обращаться к представлению славянофилов о праве на Западе и в России [см.: 1, 2, 3]. Ведь именно различия в трактовке права и закона, о чем неоднократно упоминали славянофильские авторы, определили различия в культурно-историческом развитии России и Европы.

По мнению основоположников славянофильства, исконно русскому понятию о праве, а точнее – о правде, в наибольшей степени соответствует принцип соборности как основы общественной жизни, синтезирующий в себе принципы свободы и единства. Европейская же правовая система, которую славянофилы характеризовали как совокупность чисто внешних, формальных установлений, «за наружную буквою формы скрывающих внутреннюю справедливость», не может применяться к российской действительности.

Один из идеологов славянофильства, И.В. Киреевский, рассматривая в качестве примера законы рыцарской чести, сформировавшиеся в средневековой Европе, отметил, что даже они одни, взятые отдельно от всей европейской жизни, могли бы послужить «полным зеркалом» всего развития права, на основании которого «западный человек» строит все свои отношения с другими людьми. «Каждый благородный рыцарь внутри своего замка был отдельное государство, – писал Киреевский. – Поэтому и отношения между благородными лицами могли иметь только внешний, формальный характер. Такой же внешний, формальный характер должны были носить и отношения их к другим сословиям. Потому и развитие права гражданского в западных государствах получило тот же смысл внешней, спорно-буквальной формальности, какой лежал в самой основе общественных отношений» [4, с. 214]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в данном отрывке Киреевский

подчеркивал не только формализм европейского права, но и его аристократизм, его антинародность, противопоставленную народности права русского. Ведь на Западе право, как и государство, возникло «из постоянной борьбы двух народностей, насильственно в одну государственность втесненных» [4, с. 214]. Согласно теории И.В. Киреевского, частный и общественный быт Запада основывается на понятии индивидуальной, отдельной независимости, предполагающей индивидуальную изолированность. Отсюда святость внешних, формальных отношений, святость собственности и святость условных правил становятся важнее самой личности.

Общественное устройство России, писал Киреевский, коренным образом отличалось от Запада. Русское общество состояло из маленьких, так называемых миров (общин), человек принадлежал миру (и мир ему), поземельная собственность, являвшаяся источником личных прав на Западе, принадлежала не отдельному лицу, а общине. Община не могла сама «сочинять» для себя законы, поскольку, как и другие подобные ей общины, находилась под управлением «единообразного обычая». «Даже самое слово «право» было у нас неизвестно в западном его смысле, но означало только справедливость, правду, – продолжал славянофильский мыслитель. – Потому никакая власть никакому лицу, ни сословию не могла ни даровать, ни уступить никакого права, ибо правда и справедливость не могут ни продаваться, ни братья, но существуют сами по себе, независимо от условных отношений» [4, с. 122-123].

В полном соответствии с мыслью Киреевского, глава славянофильского кружка А.С. Хомяков утверждал, что нормальное, органическое развитие права – это его развитие из обычаев народной жизни, прежде всего общинной, проникнутой началом христианской нравственности. Так произошло у славян, где возникновение и развитие права получили свое начало из быта и обычаев. Обычай и формальный, внешний закон нередко находятся в состоянии борьбы. Последовательно применяя в своей концепции диалектический метод, Хомяков сделал вывод, что «цель всякого закона, его окончательное стремление есть обратиться в обычай, перейти в плоть и кровь народа и не нуждаться уже в письменных документах» [5, с. 213].

В конечном итоге, считал Хомяков, сама идея права не может соединиться с идеей общества, основанного единственно на личной пользе, огражденной договором. Личная польза, по мнению Хомякова, всегда имеет только значение силы, применяемой с

расчетом на выгоду. Употребление слова «право» в таком обществе «есть не что иное, как злоупотребление и перенесение на торговую компанию понятия, принадлежащего только нравственному обществу» [5, с. 93].

А на Руси, как полагали славянофилы, общинное устройство создавало очень простые, естественные и единодушные общественные отношения. Соответственно, и законы, выражающие эти отношения, не могли быть формальными, искусственными. Они имели два источника: «бытовое предание» и «внутреннее убеждение». Поэтому, как писал Киреевский, «они должны были в своем духе, в своем составе и в своих применениях носить характер более внутренней, чем внешней правды, предпочитая очевидность существенной справедливости буквальному смыслу формы, святость предания – логическому выводу, нравственность требования – внешней пользе» [4, с. 226].

Европейская правовая система рассматривалась славянофилами как порождение западного рационализма. Она основывается на логических умозаключениях, стремящихся лишь к формальной ясности и непротиворечивости. Таким образом, в европейском законодательстве форма преобладает над содержанием, а точнее, «форма и есть самый закон».

«Двигателем законов» на Западе является «мнение» законодателей, которое, как правило, бывает оторвано от насущных потребностей народа. Впрочем, славянофилы не признавали существования подлинной воли народа практически ни в одном из европейских государств, так как народ в них разбит на сословия, группы, на отдельных индивидов, каждый из которых имеет свое «мнение». Отсюда следует то обстоятельство, что каждый формально установленный закон на Западе оказывается чужд интересам части общества, а нередко – и всего общества. Славянофилы были убеждены, что принятие законов в Европе представляет собой такое же насилие над обществом, как и происходящие там революции и перевороты. В силу своего происхождения из завоевания, оформленного договором, европейские государства не знают иного способа развития, кроме насильственного.

В России, напротив, обычное право, вырастая из жизни, было чуждо отвлеченно-логическому развитию. Хотя закон и «сочинялся» отдельными законодателями, но процедура законотворчества здесь сводилась к простой записи на бумагу закона уже после того, как он сам по себе образовался в понятиях народа, вошел в его быт и нравы.

Дело в том, что, согласно славянофильской концепции, в России развитие общества управляется не «мнением», но «убеждением», которое объединяет всех людей и позволяет обществу развиваться гармонично, без насилия, по закону «естественного возрастания в одномысленном пребывании», а не по «закону переворотов» (термины Киреевского). Иными словами, все общество должно руководствоваться единой системой ценностей, – оно не может служить ареной столкновений индивидуальных, партийных и групповых социальных интересов.

Киреевский считал, что единство общего убеждения существовало на Руси в прошлом, и к нему следует вернуться. Хомяков указывал лишь на возможность его воплощения в будущем. Но все славянофилы сходились на том, что государство в целом и каждый гражданин в отдельности должны достичь той нравственной высоты, когда положительное право соединится с христианской моралью.

Славянофильские авторы утверждали, что в сознании русского человека мораль и право изначально были неотделимы друг от друга, объединенные общим понятием «правда». Идея правды в России всегда проистекала из правды христианства, а право всегда стремилось, независимо от реальных результатов, слиться с нравственностью. И лишь во время европеизации верхи русского общества заимствовали столь ненавидимый славянофилами «юридизм» мышления и на место живой истины обычая поставили сухую формальность абстрактно-логического закона. Европейская правовая система, воспринятая от Римской империи, способствует государственному строительству и политической мощи, но не способствует нравственному совершенствованию души каждого гражданина. Славянофилы же провозгласили своим идеалом государство, где будет достигнуто диалектическое единство политического процветания и духовной чистоты, или, по славянофильской терминологии, «правды внешней» и «правды внутренней».

Учение о «внешней» и «внутренней» правде занимает весьма значительное место в философии славянофилов и помогает понять некоторые аспекты взаимоотношений политической власти и народа, государства и общества, отражающиеся и в современном дискурсе.

Понятие «правда» использовалось славянофилами в его древнерусском значении – как единство истины и справедливости. Соответственно, внешняя правда – это истина, постигнутая человеческим разумом и привнесенная в отношения между людьми в

виде законов формально-логической справедливости. А внутренняя правда – это истина, которую человек может постичь лишь путем веры и которая воплощается в человеческом обществе в виде закона всеобщей любви к Богу и к ближнему. Носителем «внутренней правды» является христианская церковь, а через нее – воцерковленное общество, «земля». Носителями «внешней правды» являются государство и право (а также церковь, если она присваивает себе функции государства, как это произошло с католицизмом, или государство, присваивающее себе функции церкви, как это было в Римской империи) [6].

Славянофилы выступали против одностороннего развития общества по пути «внешней правды», так как государственное начало, «внешний закон», требует от человека лишь исполнения постановлений государства, не обращаясь к личной совести. Таким образом, человек избавляется от необходимости внутреннего нравственного голоса. Преобладание внешнего закона в обществе ослабляет нравственное достоинство человека, приучая его поступать без внутренней причины, то есть не по совести, и быть правым только перед законом [7]. А это, с точки зрения славянофилов, несовместимо с целью человеческого общества – осуществить нравственный закон на земле.

Оценка исторической ситуации, в которой жили и творили сами идеологи славянофильства, давала им основания полагать, что вполне возможно быстрое и радикальное нравственное возрождение российского общества, как только государство перестанет деспотически угнетать землю (народ) и позволит ей жить по внутренней правде. В качестве важных шагов на этом пути они рассматривали немедленное введение в России свободы слова и мысли, свободы совести, свободы печати, а также отмену крепостного права. Славянофилы выступали за свободу мысли и слова потому, что она способствует еще большему сплочению общества при наличии в нем единого «всеобщего убеждения», или веры. Но они были решительными противниками личных прав и привилегий, разделяющих общество на группы с враждебными интересами или на противостоящих друг другу индивидов. Проблема формирования общих ценностей российской политической и правовой культуры, вокруг которых мог бы сложиться консенсус, способствующий сохранению целостности общества и его развитию, остается чрезвычайно актуальной и в современных условиях.

Список литературы

1. Васильев А.А. Государственно-правовой идеал славянофилов. М: Институт русской цивилизации, 2010. 218с.
2. Андреев Н.Ю. О правовых взглядах славянофилов и их идейных последователей // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2014. №2. С. 61–66.
3. Гусарова М.А. Проблема духовных оснований русского правосознания в социально-философских учениях славянофилов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 11-2 (73). С. 88–90
4. Киреевский И.В. Избранные статьи. М.: Современник, 1984. 383 с.
5. Хомяков А.С. О старом и новом Статьи и очерки. М.: Современник, 1988. 462 с.
6. Хомяков А.С. По поводу статьи И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» // Благова Т.И. Родоначальники славянофильства. Алексей Хомяков и Иван Киреевский. М: Высшая школа, 1995. С. 196–243.
7. Аксаков К.С. об основных началах русской истории // Аксаков К.С. Государство и народ. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 298–303.

СОДЕРЖАНИЕ

Андриив И.И., Пузанова А.Д. ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В 2022 ГОДУ	3
Оля Арсениевич, Ненад Перич НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	10
Афонина А. А. ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕХАНИЗМОВ ДИПЛОМАТИИ В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ.....	35
Ахметова Ж.А., Каленова Т.С. ХАРАКТЕРИСТИКИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ОСОБЕННОСТИ ЕАЭС.....	44
Боривое В. Балгезаревич, Радослав В. Балгезаревич НЕОБХОДИМОСТЬ АКТИВНОГО УЧАСТИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В ПОИСКАХ НОВЫХ ПАРАДИГМ ВЫЖИВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ГЕГЕМОНИИ И ПЛАНЕТАРНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА	47
Баранецкий А.Н. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ А.С. ПАНАРИНА – КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОВОД ДЛЯ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ	53
Баранов А.В. НАПРАВЛЕНИЯ И МЕТОДЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЁННОГО КОНФЛИКТА (НА МАТЕРИАЛАХ ДОНЕЦКОЙ И ЛУГАНСКОЙ НАРОДНЫХ РЕСПУБЛИК)	60
Брюханцева Н. В. ИДЕОЛОГИЯ, ИДЕАЛЫ, ЦЕННОСТИ: PRO И CONTRA.....	66

Бугайчук Т.В., Коряковцева О.А. ПАТРИОТИЗМ В СТРУКТУРЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ: ОСНОВАНИЯ И СМЫСЛЫ.....	74
Гаффаров И.З. ТРАНСГРЕССИЯ В ФИЛОСОФСКО-ДИСКУРСНОМ ОТБРАЖЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ.....	84
Прити Д Дас РОЛЬ КУЛЬТУРЫ В РАЗВИТИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ИНДИВИДА	91
Донцев С. П. ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЪЕЗДОВ ЛИДЕРОВ МИРОВЫХ И ТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИЙ В КАЗАХСТАНЕ	97
Иванкина Л.И., Аникина Е.А. КЛЮЧЕВОЕ УСЛОВИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОГНИТИВНЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ МАНИПУЛИРОВАНИЯ СОЗНАНИЕМ ЧЕЛОВЕКА	102
Ильинская С. Г. ГРАНИЦЫ ТЕРПИМОГО: РОЛЬ СИЛЫ И ПРАВА	112
Казин А. Л. ДИНАМИКА ВЛАСТИ КАК ПРОБЛЕМА ЦИВИЛИЗАЦИИ	120
Карионов В. М., Гарас Л. Н. ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	126
Карпова Е. И. НАГОРНЫЙ КАРАБАХ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ КОНФЛИКТЕ НА КАВКАЗЕ.....	131
Кнухова Ж. Н. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ	137

Ханна Ковальска-Стус НИКОЛАЙ УЛЬЯНОВ: ИСТИНА И МИФЫ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	146
Кубанова Л. В. МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ЭТНОРЕГИОНЕ	162
Масаев М. В. ОН БЫЛ ПАТРИОТОМ ФРАНЦИИ И МЕЧТАЛ О ЕДИНОЙ ЕВРОПЕ ОТ АТЛАНТИКИ ДО УРАЛА. НОВЫЕ ШТРИХИ И ТОНА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ГЕНЕРАЛА ШАРЛЯ ДЕ ГОЛЛЯ (РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: АРЗАКАНЯН М. Ц. ВЕЛИКИЙ ДЕ ГОЛЛЬ. «ФРАНЦИЯ – ЭТО Я!»	171
Мелибаев А. С. РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ	178
Мельничук С. В. КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	183
Мирослав С. Милошевич СООБЩЕНИЯ ЗАПАДНЫХ СМИ О ВОЙНЕ В УКРАИНЕ – ПРАВДА ИЛИ ПРОПАГАНДА?	189
Мохов А. В., Сеньюшкина Т. А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ДЕГЛОБАЛИЗАЦИЯ» В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ..	199
Назаров Р. Р. ЭТНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА УЗБЕКИСТАНА: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ	205
Нам И. В. РОЛЬ И МЕСТО НЕКОММЕРЧЕСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В АДАПТАЦИИ/ИНТЕГРАЦИИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В СИБИРСКОМ ГОРОДЕ.....	211

Когут В. Г., Нурьшев Г. Н. СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ И НОВЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ РОССИИ	217
Пашковский П. И. РОССИЯ И СОВРЕМЕННАЯ МИР-СИСТЕМА: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	226
Перевозчикова К. С. УКРАИНСКИЙ УЧЕБНИК КАК ИНСТРУМЕНТ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	232
Подуруева-Милоевич В. Ю. РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В КОСОВСКОМ СЦЕНАРИИ: ОТ ПОСТОЯННОГО КОНФЛИКТА К ВЕЧНО НАПРЯЖЕННОМУ МИРУ	236
Драгана Р. Райович ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И ИДЕОЛОГИИ В ДРАМЕ ДУШАНА КОВАЧЕВИЧА «БАЛКАНСКИЙ ШПИОН»	241
Ралович И. М. РЕЗЕРВЫ МЯГКОЙ СИЛЫ РОССИИ И ДЕЛО М. А. БУЛГАКОВА	247
Романович Н. А. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В ПРЕДДВЕРИИ ГЛОБАЛЬНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ МЕЖДУ СТРАНАМИ НАТО И РОССИЕЙ .	254
Свешникова И. П. КОГНИТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЯ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ НА УКРАИНЕ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	264
Сенюшкин Е.А. КОНЦЕПЦИИ НООСФЕРЫ В.И.ВЕРНАДСКОГО И П.ТЕЙЯРА ДЕ ШАРДЕНА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ.....	271

Сенюшкина М. А. СОБСТВЕННОСТЬ КАК СМЫСЛОВОЙ ЭЛЕМЕНТ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА.....	276
Сенюшкина Т. А. РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ВООРУЖЁННЫХ КОНФЛИКТАХ ..	283
Силам А. Ж., Каленова Т. С. КОНЦЕПЦИЯ МЯГКОЙ СИЛЫ ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНА (ВЫБОРЫ СЕЛЬСКОГО АКИМА)	288
Синкевич И. С. УПРАВЛЕНИЕ ЭТНОКОНФЛИКТНЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ КРЫМА КАК ФАКТОР РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	295
Йован Д. Симиянович, Марина Д. Миятович НАЦИСТСКО-ФАШИСТСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В КРАЛЕВО ПОСЛЕ НЕУДАВШЕГОСЯ НАРОДНОГО ВОССТАНИЯ	300
Тамби С. А. ЕВРОСКЕПТИЦИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ ЮССЯ ПИХО	307
Тарасевич А. С. ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ	312
Третьяк С. С. ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ НА ПОДКОНТРОЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ В СИРИИ	321
Трухан А. В. ПОХВАЛА ФРАСИМАХУ: ИДЕОКРАТИЧЕСКИЙ И ИСТОРИОСОФСКИЙ АСПЕКТЫ РЕШЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО КРИЗИСА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-НРАВСТВЕННОГО РЕГРЕССА	329

Фароян Э. М.
СЕТЕВЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ
НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ АКТОРОВ НА МИРОВУЮ ПОЛИТИКУ 342

Харис Хаджич
РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ГЛОБАЛИЗАЦИИ..... 349

Хомич И. И.
ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ КРЫМА В ФОРМИРОВАНИИ
МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА 357

Чепурной В. А.
«ИЛЛЮЗИЯ КОНТРОЛЯ»: ФЕНОМЕН КВАНТОВОЙ
ДИПЛОМАТИИ В СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ 362

Широкова М. А.
ПРАВО И ПРАВДА В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ
КОНЦЕПЦИИ СЛАВЯНОФИЛОВ..... 369

Научное издание

**«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
И СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ:
ПРАВО СИЛЫ VS СИЛА ПРАВА»**

**Сборник научных трудов
XL Международного Харакского форума**

(Ялта, 5-7 ноября 2022 г.)

Под общей редакцией *Т.А. Сенюшкиной*

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 22,32. Тираж 500 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ»
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31 -а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ»
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31 -а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru